НОВАЯ МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТАТЬЯНА УСТИМЕНКО

# СКАЗКИ КРУГОВЕРТИ

## ПРАВО УЙТИ

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

Это сказка дороги. Временами грустная, временами веселая. Иногда дерзкая, иногда нежная. Сказка о дружбе и любви, о долге и чести, о вражде и ненависти… Еще одна дорожная история, из тех о которых слагают баллады и которые так хорошо рассказывать ночью у костра. Кто-то будет слушать взахлеб, а очевидцы скажут, что все было совсем не так. Но ведь на то она и сказка. И сплетутся в причудливый узор тень и свет, выдумка и правда, огонь костра и ночь, тишина и песня менестреля… Менестреля по имени Смерть.


- Татьяна Ивановна Устименко
  - 
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27

# Татьяна Ивановна Устименко
# Сказки Круговерти. Право уйти

© Т.И. Устименко
© ООО «Издательство АСТ»

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

# Пролог

В этом году озорница-осень пришла в город необычайно рано, мастерски расцветив клены, испокон веков обрамляющие главную площадь Далеграда. Яркие резные кроны многоцветьем горели на фоне пока еще ясного неба. Нежаркое октябрьское солнце ползло к земле. Несколько широких листьев, подхваченных расшалившимся ветром, залетели в давно высохший фонтан и принялись играть в догонялки, так бестолково кружа по дну, словно стремились привлечь взгляд одной весьма странной личности, впрочем, не обращающей на них ни малейшего внимания. Интерес листьев объяснялся просто, ибо на шершавом сером бортике сидела совсем молоденькая девушка, красно-рыжим цветом волос не уступавшая соседним деревьям. Короткая встрепанная шевелюра казалась громадным кленовым листом, увенчавшим ее голову. Тонкие пальцы перебирали струны старенькой девятиструнной гитары. Слушателей не было, но певицу это, кажется, совершенно не смущало. Менестрелька негромко, но оттого не менее отчетливо, завела очередную песню:

Своей гордыней ослеплен,
Разумных слов глупец не слышит.
Быть правым может только он —
И так живет, и этим дышит.
Отбросив факты в пустоту,
В неправой сделке губит совесть.
И как опавшую листву
Сжигает чьей-то жизни повесть.

В доме напротив фонтана хлопнула дверь. Медная вывеска в виде глаза глухо брякнула по темным доскам. Барон Тарница вышел, а точнее – выскочил на улицу, пребывая вне себя от гнева. Два месяца он ждал аудиенции у лучшей ясновидящей Далеграда лишь для того, чтобы она повторила изречение, уже многократно слышанное от ее собратьев по ремеслу: младенец мужеска пола, нареченный Эданом, – есть родной сын господина барона и его безвременно скончавшейся второй жены, баронессы Эвелины. Не нагулыш, не ошибка природы, не подменный подкидыш (как предпочитал думать сам господин барон), а родной, законный и единокровный сын!

Нет, Йожеф Тарница никак не желал с этим мириться. Его сын не может быть рыжеволос! Ну и что, что не перенесшая родов

супруга обладала медово-медными локонами! Ведь старший сын господина барона от первого брака, тоже, к несчастью, завершившегося смертью дражайшей половины, унаследовал черты отца. Кровь рода Тарница всегда оказывалась сильнее крови приходящей.

Над площадью плыл грустный мелодичный напев, непонятно к кому обращенный. Звонкий девичий голос отчетливо разносился в прозрачном осеннем воздухе.

Но рок, верша свою волшбу,
В лицо колодой карт швыряет.
Мы платим жизнью за судьбу —
Иль судьбой за жизнь, кто знает?
Пытаемся за Грань уйти,
Ведь что творим, не понимаем.
И вместо верного пути
Все бездорожье выбираем.

Барон невольно обернулся на звук. Молоденькая менестрелька, сидевшая на бортике фонтана, лениво перебирала струны. Слушателей вокруг не наблюдалось, и девушка играла, кажется, исключительно для себя. Тарница брезгливо поморщился и зашагал вниз по улице. Развелось бродячих певцов, словно собак нерезаных, и каждый норовит записаться в пророки…

Правда, госпожа Эола, прозванная Глядящей Сквозь Время, оказалась единственной, кто рассказал Йожефу о дальнейшей судьбе его сыновей, и услышанное барону не понравилось… Ломкий, звонкий голосок, летевший в спину, заставил его ускорить шаг. Присутствовало в этой песне что-то тревожное.

Клубок из впечатлений дня —
Пути, подвластные немногим.
Лишь в неизвестность уходя,
Мы сможем расплести дороги.
Куда же совести приказ
Нас приведет, мой друг, с тобою?
Ведь мы, рискнув в сто первый раз,
Опять поспорили с судьбою.[1]

На противоположном конце площади, прислонившись спиной к старому клену, стоял мужчина. Плотный темный плащ хорошо скрадывал фигуру, скрывая от любопытных взоров почти все

подробности его внешности. Видно было только, что он не толст и довольно высок.

И вот что удивительно, в этом городе сей господин очутился как раз по воле того самого случая, о котором только что пела прозорливая менестрелька. Путешествовал он инкогнито, на постоялых дворах назывался каким-нибудь моментально придуманным прозвищем, а настоящего имени его за давностью лет уже никто не помнил. Сам же он предпочитал называть себя Гадесом и, однажды поставив себе цель обрести силу некоего всеми забытого древнего божества, уже не сворачивал с этого пути, справедливо полагая, будто волен властвовать не только над временем, но и над посмертием. К счастью или несчастью, дальше заимствования оного имени дело у него до сих пор не шло. Заметив рыжую певицу, он гадливо передернул плечами, словно увидел нечто особенно противное. Затем перевел взгляд на идущего через площадь барона Тарницу… Вот тот, кто ему нужен. Гадес криво усмехнулся. Итак, пришло время ему начать свою игру…

Духовные опоры этого мира, такие как честь, совесть и добро, давно подгнили – это Гадес понял еще тогда, когда рухнула Граница и разразилась грандиозная кровавая смута, вошедшая в историю как Война Двух Миров. Хотя нет, все начиналось отнюдь не так…

Когда-то, на заре времен, миром правили те, кто после жил лишь в сказках: стихии, духи, эльфы и множество иных древних существ, пришедших в наш мир тысячи лет назад, куда раньше людей. Эти Древние расы питали магию, они являлись основной ее частью, они творили – и мир жил. Но после них появились люди. Люди – мятущиеся души, последыши, подвластные коварству и порокам, жаждущие все перекроить под себя…

Магии им показалось мало, и человеческий мир принял иные законы – создал себе нового бога, как зеркало отражавшего их самих. Люди отринули магию своего мира, а вместе с нею и тех, кто ее хранил. Новая религия, словно лесной пожар, охватывала все больше и больше земель. Люди безжалостно переиначивали мир под себя. Все, что не вписывалось в рамки новой веры, яростно стиралось. Магия, пронизавшая само существо мира, начисто вымарывалась, словно строки из запретных книг. Равновесие добра и зла пошатнулось. Чтобы спасти то, что еще оставалось от их бытия и души, Древние расы решились на рискованный шаг и разделили мир надвое – скрывшись от человеческих взоров. Так возникла незримая энергетическая Граница – непрозрачная стена, на долгие столетия скрывшая магию и её хранителей от людей. Но такое решение оказалось

палкой о двух концах. Магия, текущая в мире подобно крови, не горела, а едва теплилась, с каждым днем грозя угаснуть окончательно. Те, кого некогда величали богами, утратили интерес к окружающему, разжирели, обленились, и потребовалась недюжинная встряска, чтобы расшевелить их, заставить снова что-то делать. Так и случилось…

Шел 1985 год от рождества Христова. Граница, воздвигнутая некогда Древними, пала по недосмотру обленившихся богов – явив миру тех, кто так долго скрывался от людских глаз… И тогда грянула война, которой ещё не знало человечество. Война Двух Миров. Магия схлестнулась с пулями и напалмом, заклятия оказались не менее действенными, чем пулеметные очереди. Триста лет длилось безумное противостояние, но не было в нем ни победителей, ни побежденных. И вот летом 2285 года измотанные бессмысленной войной стороны заключили перемирие. Но миру уже не было суждено стать прежним. Магия, будто река, которую много лет сдерживали плотиной, хлынула в старое русло, смывая смертную пыль и вливая в опустевшие вены новую жизнь. Война перекроила привычную географию. Границы прежних государств стали несущественны, все – кроме тех, что ныне разделяли Территорию древних, Нейтральную зону и Человеческие земли.

Но, похоже, той кровопролитной встряски оказалось недостаточно, и история вновь пошла по кругу… В мир снова вернулось зло! Гадес, размышляющий о сущности бытия, негодующе сжал кулаки. Ту женщину, что научила его любить, безжалостной волной накрыла и утащила война. Война, которой можно было избежать, если бы первоначальные творцы мира, называемые Столпами Стихии, прислушались к его словам. И тогда, похоронив любимую, он взошел на Асов курган, место упокоения величайших героев прошлого – павших в Войне Двух Миров, и поклялся, что не допустит повторения этого ужаса… Не допустит любой ценой! А теперь он вынужден наблюдать, как с каждым годом приближается новая катастрофа, ибо все меньше оставалось в этом мире созидающей энергии, все меньше творилось того, что некогда называли *чудесами*. О да, Гадес – Хранитель Времени – чувствовал этот необратимый процесс всем своим естеством. Но если грядущее светопреставление невозможно предотвратить, то нужно хотя бы сделать его контролируемым. Заставить божественных лежебок расшевелиться и при этом дергать за ниточки их противника… Хранителю времени срочно понадобился послушный исполнитель сего действа, и, кажется, он его нашел, ведь сейчас искомый посредник как раз проходил мимо облюбованного Гадесом

клена…

– Господин Тарница, если не ошибаюсь? – негромко окликнул он барона, выходя из-за дерева.

– Ну? – набычился барон, совершенно не стремившийся к общению неизвестно с кем.

– Кажется, визит к провидице совсем вас не порадовал, – прозорливо усмехнулся Гадес. – Да и кому приятно услышать, что его любимое чадо сляжет, едва достигнув двадцати лет, и возможно, ужас-то какой, даже умрет.

– Кто вы такой? – начал звереть Тарница. – Откуда вам это известно?!

– Вы можете звать меня Гадес. А известно мне не только это. Еще, например, ведомо, что у вас имеется и младшенький сынок, коего вы никак не решитесь признать своим…

– И чего? – господин барон неприязненно рассматривал странного собеседника. На вид лет тридцать, хотя черт его знает, глаза-то колючие стариковские, или… наоборот, восторженно-юношеские? Тарница озадачено потряс головой и вновь уставился на вежливо улыбающегося Гадеса. Да нет, обычные глаза, цвета зимнего неба в погожий январский денек, и такие же холодные, даже, пожалуй, слишком, бр-р-р…

– А то, что я могу помочь вам избежать предсказанных неприятностей, – странный собеседник многообещающе улыбнулся. – А для предотвращения несчастья мне всего-то и нужен этот несчастный, не принятый вами ребенок…

Подобное предложение повергло Йожефа в некоторую растерянность, но ненадолго. Избавиться от бастарда (а в том, что этот младенец бастард, он не сомневался) – что может быть лучше?

– Забирайте, – буркнул он.

– О. – Гадес удовлетворенно потер руки. – Заключим сделку. Как только придет назначенное время и бастард достигнет принятого в ваших местах возраста совершеннолетия, я заберу мальчика, а взамен ваш старший сын останется жить.

– Отчего бы вам не забрать этого ублюдка немедленно? – сварливо осведомился барон.

– Увольте, друг мой, зачем мне грудной младенец? – в притворном ужасе замахал руками Гадес. – Теперь выбор только за вами.

Тарница недобро прищурился. Еще шестнадцать лет терпеть этого ребенка в своем доме… Ну, если только ради благополучия Кристофа!

– Ладно, – нехотя согласился он. – Заключим сделку.

– Надеюсь, вы пригласите меня в дом? Подписывать подобные

договоры на улице – дурной тон. К тому же мне понадобятся бумага, чернила и непосредственно предмет сделки. Или вы думали, что я потребую от вас крови? – насмешливо заломил бровь собеседник.

Кстати, именно об этом Тарница и подумал, но виду не подал…

– Кровавые подписи есть не более чем глупая выдумка авторов дешевых мистических романов, столь популярных среди смертных. К тому же я не против пропустить стаканчик вина за удачную сделку, – продолжая городить прочую нагловатую чушь, Гадес думал о своем. К шестнадцати годам из несчастного ребенка выйдет отличная заготовка с прекрасным сочетанием страха, злобы и ненависти. Насколько он успел рассмотреть барона, тот не поскупится на пинки и щипки нелюбимому чаду, и Гадес получит хороший материал для будущей марионетки. А направить всю скопившуюся злость в нужное русло станет делом техники, как и подбросить мальчишке идею дальнейших действий. Он ухмыльнулся своим мыслям. О да, это заставит богов расшевелиться! А когда все будет исполнено, куклу уберут в сундук…

– …может, стоит и нам вмешаться?

– Тебе бы только вмешиваться! Знаю я вас, молодых да ранних!

– Пусть все идет своим чередом!

Сия незамысловатая перепалка происходила неподалеку от того самого места, где ещё недавно Гадес разговаривал с бароном. Три женщины, стоя под старым разлапистым кленом, спорили о прошлом, настоящем и грядущем. Самая старшая, чьи волосы уже посеребрила седина, сердито глядела на самую младшую, чьи тугие золотистые косы подобно двум толстым змеям спускались на грудь.

– Пусть все идет своим чередом, – веско повторила средняя, примиряющее вставая между двумя рьяными спорщицами.

– Как мы можем вмешаться, если у этого младенца ещё и прошлого-то толком нет! – ворчливо отозвалась старшая.

– Если мы не вмешаемся, то у него и будущего не будет, – сварливо огрызнулась младшая, не спеша примиряться.

– Зато у него имеется настоящее, в котором он плачет, пачкает пеленки и хочет есть! – вновь оборвала её средняя. – А в его судьбу и без нас найдется кому вмешаться.

– Только не говори, что эта рыжая пигалица и здесь сунет свой курносый нос, – старшая женщина недовольно поморщилась. – Она и так уже довольно путала нашу кудель!

– Прясть надо тоньше, вот тогда и не сунется Слепая Гостья

наши огрехи расплетать, – раздраженно огрызнулась миротворица. – Пусть все идет своим чередом. Ведь сколько веревочке ни виться…

И все трое многозначительно усмехнулись, спрятав в уголках губ конец этой старинной фразы. Три сестры, три старшие норны[2], медленно истаяли в прозрачном осеннем воздухе.

– Нет, ничего нельзя изменить. Что спрядено, то спрядено, – недовольно поджав тонкие старческие губы, думала справедливая Урд, ибо она отвечала за прошлое всех и вся.

– Ничего, я ещё поборюсь за его будущее! – ожесточенно размышляла упрямая Скульд, ведь она ведала грядущим.

– Пусть все идет своим чередом, – решила добросердечная Верданди, тепло улыбаясь своим мыслям, потому что лишь она распоряжалась нашим настоящим.

# Часть первая
# О вреде и пользе заключения договоров

# Глава 1

Тусклый свет восходящего солнца вяло пробивался в комнату сквозь плотные портьеры, еще больше усиливая гнетущую атмосферу, царившую в спальне. Мастер демонолог, досточтимый мэтр Хельги Криэ, осторожно, чтобы не потревожить ран, подтянулся на постели, помогая себе свободной от повязок левой рукой. Правая рука, грудь и лоб скрывались под бинтами, пропитанными заживляющей мазью. В комнате тяжелой пеленой висел запах лекарств. Пожалуй, не стоило соглашаться на тот сомнительный заказ… Едва ли не впервые поправ свою привычку – не зная брода не соваться в подозрительные склепы, он чуть не поплатился жизнью. Выручили многолетняя практика и проверенный напарник, уже не единожды составлявший заклинателю компанию в подобных сомнительных предприятиях. Но, как говорится, хорошая мысля приходит опосля. И теперь в архив Высокого дома Скрипто, куда он предпочел бы наведаться лично, придется отправиться так и норовящей впутаться в неприятности Иленке и ни черта не понимающему в магических делах Энгарту. При всех своих достоинствах, ни в чем колдовском, кроме оружия для охоты на демонов, напарник Хельги не разбирался.

Возле кровати, ожидая последних указаний мэтра, стояли черноволосая девушка и кряжистый мужчина средних лет. Аккуратно подстриженная русая бородка обрамляла широкое симпатичное лицо.

– Пап, может, я лучше останусь? – участливо спросила девушка, присаживаясь на край кровати. – Мастер Энгарт и сам может съездить.

– Нет, – Криэ отрицательно покачал головой и тут же поморщился. – Скрипто знают тебя, а Энгарта увидят первый раз в своей жизни. К тому же ты хотя бы относительно представляешь, что следует искать в их бумажных залежах. Документы, касающиеся территории пустыря, нужны мне как можно быстрее, пока градоправитель не начал это чертово строительство! – по щеке демонолога заструился пот. – Считай, что это твоя преддипломная практика. Так ведь, Энг?

– Думаю, что после грядущей поездки ее обучение у меня можно будет считать законченным, – усмехнулся в усы мужчина. Гениального мечника за несколько лет тренировок из Иленки так и не вышло, но для необходимой самообороны хватит, а уж для того, чтобы упокоить излишне ретивую нежить, и подавно.

Хельги нахмурился, вспоминая, что послужило толчком к

планируемому путешествию за тридевять земель. Запланированное градоправителем строительство уже давно сидело у господина демонолога в печенках, вместе с расфуфыренным главой города и его неизменным посыльным, время от времени появлявшимся в доме Криэ…

– Вот… и хорошо. – Хельги облизнул пересохшие губы, пытаясь удержать ускользающее сознание. – У нас три недели в запасе, но лучше бы вам поторопиться. Надеюсь, за это время я полностью поправлюсь…

– Договорились. – Иленка успокаивающе погладила отца по руке. – Выздоравливай, мы скоро вернемся.

Хельги дождался, пока за гонцами закроется дверь, и обессиленно сполз на подушку. Клинок в ножнах у изголовья недовольно задрожал, показывая, какого он мнения обо всем этом.

– Да ладно тебе каркать, – пробормотал демонолог, чуть повернув голову в сторону оружия, – все будет в порядке.

Меч, конечно же, ему не поверил, издав звук уж больно напоминавший саркастическое фырканье.

– Ну и пес с тобой… – буркнул Хельги, окончательно проваливаясь в лихорадочное забытье…

* * *

*Две недели спустя…*

Изнывая от жары под раскаленными лучами злого июльского солнца, истекая реками пота и ежесекундно прикладываясь к фляге с водой, по дороге на славный город Далеград, который находится на территории Древних рас, чуть сутулясь под тяжестью ноши, загребая разношенными сандалиями мягкую горячую пыль, брела… Смерть.

Только вот вряд ли кто-то признал бы Слепую Гостью, ибо не было при ней ни черного полуистлевшего балахона, ни зазубренной косы; да и на выбеленный временем скелет с ядовито-зелеными огнями в глазницах она походила слабо. Куда больше она смахивала на миловидную девушку-подростка лет шестнадцати, худенькую и красно-рыжеволосую, с конопушками на курносом носу и огромными, чуть наивными синими глазами. Но не стоило обманываться этим милым обликом – по дороге шла самая настоящая Смерть. И то, что Ступающая Неслышно в реальности оказалась весьма далека от фольклорных о себе представлений, совершенно ее не заботило, а напротив, играло на руку. За плечами у нее, в черном матерчатом чехле на широких

лямках, болталась гитара, ставшая в такую жару непосильной ношей и жегшая спину не хуже адского пламени.

Люди звали ее по-разному: Слепая Гостья, Госпожа Смерть, Бледная Дева (однако вряд ли кто-то рискнул бы назвать ее бледной, столкнись они нос к носу). Сама же она предпочитала имя Арьята, пусть оно и досталось ей по ошибке. Но ни случайный крестный, ни сама крестница ничуть не возражали против сего маленького недоразумения, решив оставить все так, как есть.

Шагах в четырех перед нею, взбивая пыль рифлеными подошвами сапог, бодро вышагивал верный ее Поводырь – высокий, ладно сложенный мужчина лет двадцати семи – тридцати, в черной безрукавке и таких же штанах. За плечами у Поводыря болтался видавший виды тощий пятнистый рюкзак. Светлые, стального оттенка волосы были заплетены в косу, свисавшую вдоль рюкзака чуть не до копчика. Длинная челка, разделенная на две пряди и оплетенная красной тесьмой, эффектно обрамляла узкое загорелое лицо.

Завистливо поглядывая на него (вот ведь циркуль длинноногий – жарит как в преисподней, а ему хоть бы что!), Арьята возмечталась, чтобы данный субъект послужил не только ее Поводырем, но и Извозчиком, а точнее, Износчиком тоже, о чем не замедлила ему сообщить. В ответ на такое предложение Поводырь ехидно заметил, что тут его и похоронят, погребенного под смертной тяжестью. А посему Смертушке ничего не оставалось, кроме как топать ножками самостоятельно. И ножки вовсю поносили свою нерадивую хозяйку за такое непотребное с ними обращение, обещая после следующего привала отказать вообще.

Вскарабкавшись вслед за Поводырем на холм, Арьята знаком потребовала остановиться и, упершись руками в колени, тщетно пыталась восстановить сбившееся дыхание. Горячий воздух противно царапал пересохшую гортань. Девочка с надеждой приложилась к горлышку фляги и жадно выхлебнула оставшиеся полтора глотка тепловатой воды, вытрясая в рот последние капли.

– Дождя… – жалобно просипела она, – хочу дождя… Причем его должно излиться много, можно даже с громами, молниями и наводнением, иначе изойду на пот, и мир останется без Смерти…

– Разве это так плохо? – иронично усмехнулся Шириган Йонсу, ее верный Поводырь. Он обернулся к своей ведомой, и стало видно, что один глаз мужчины скрыт черной повязкой. Второй же как ни в чем не бывало хитро щурился на заливавшее землю солнце.

– Это с какой стороны посмотреть, – тоном, более подходящим для философского диспута, нежели для дорожной беседы, провокационно заметила девчонка. – Если с моей, то просто отвратительно, а остальные меня не интересуют. Да и тебя жалко… будешь ведь плакать по бедной маленькой Смертушке, безвременно покинувшей своего верного Поводыря. Как-никак почти девятьсот лет вместе… Так будешь плакать?! – она дернула его за оплетенную красной тесемкой прядь.

– Придется взрыднуть, – покладисто согласился Ширi, лишь бы шкодливая менестрелька перестала посягать на святое, – но тихо и недолго, потому что смысла нет оплакивать вечное существо, хоть я к тебе и привязан, daeni[3].

– У-у-у… злюка! – насупилась Арьята. – И вообще, я устала, пить хочу и меня сейчас солнечный удар хвати-ит, а тебе все равно-о-о… – захныкала она.

– Ma daeni, одно твое слово – и мы вернемся в Круговерть немедленно, не стирая подошв, не сбивая ног и не попирая пыльный тракт, бегущий средь поросших вереском могил… – Ширi указал рукой на покрытую лиловым кустарником Курганову пустошь, с которой они только что взобрались на холм.

– Нет, – запротестовала Арьята, – ну прилетим мы на крыльях ветра в Круговерть, и что? Ладно ты… снова в карты с Ловкачом резаться примешься или с питомцами Мелисы возиться. В конце концов, хоть с Тарой наругаешься всласть… А я что буду делать? Есть и спать? Скукотища… А я хочу приключений. Дайте мне приключения, немедленно! Так что уж лучше изнуряющий поход во славу скромных нас, чем глухая тоска и безделье… Да здравствуют дороги и путники! – пафосно провозгласила девочка, воздев руку к небесам.

– Аминь, – закончил за нее Ширi, начиная спускаться с холма и стремясь отогнать настырную мысль о том, как хорошо было бы очутиться сейчас под сводами родной Круговерти, где царили свежесть и прохлада. Обиталище Смерти, расположившееся аккурат на Грани между пространственными слоями, не зря звалось Круговертью: в зависимости от настроения владелицы поворачивалось оно к живому миру то вычурным замком из серого и бежевого камня, а то мрачными развалинами, на подходе к которым то и дело показывались из гравия выбеленные временем черепа…

Честно говоря, перспективы интересного времяпрепровождения в компании иных коллег, так радостно озвученные Арьятой своему верному Поводырю, самого Ширi отнюдь не развеселили. Что толку играть в карты с Ловкачом, если обставить матерого шулера, и к Смерти-то угодившего из-за

карт, невозможно. С Мелисой же и ее питомцами все обстояло намного сложнее… Как целительница, до последнего спасавшая чужие жизни во время очередного чумного мора, угодила в Поводыри Смерти, одному небу известно. Кажется, Арьята сама ей предложила, когда та лежала при смерти. И с тех пор Мелиса присматривала за душами погибших детей, которые, попадая в Круговерть, становились очень даже материальными. Но, как ни странно, именно в крыле замка, принадлежащем целительнице, Шири и проводил больше всего времени. Однако сейчас ему требовалась передышка от шумного Мелисиного питомника. А Тара… О да, не поругаться с ней означало – день прошел зря. И место ей, по мнению Шири, было не в Круговерти, а где-нибудь в преисподней. Сейчас Поводырь очень хорошо представлял пресловутую охотницу на предателей, живо гоняющей чертей меж котлов. Он тряхнул головой, избавляясь от воспоминаний, и обернулся проверить, идет ли менестрелька за ним. Медленно, но уверенно Арьята плелась сзади.

– Ши-ы-ри… я пить хочу… – тут же заканючила она, заметив, что на ее смертельную особу обратили внимание.

– И чего дальше? – равнодушно осведомился Поводырь.

– Воды бы…

– Daeni, на вершине холма ты допила мою флягу, а твоя опустела еще полчаса назад, – жестко отозвался мужчина.

Смерть, тяжко вздохнув, продолжила ковылять за ним следом, сетуя себе под нос на жестокосердие некоторых отдельно взятых сынов рода человеческого.

За холмом начинался лес. Подвялившиеся под жарким июльским солнцем кроны деревьев застыли в ожидании хотя бы легонького порывчика жаркого суховея, способного медленно, но верно пригнать полные испаренной влаги тучи, гулявшие невесть где и не желающие поделиться накопленным запасом воды. Лес был непривычно тих – вся обычная для такого времени живность либо попряталась в самый непролазный бурелом, лишь бы подальше от жары, либо впала в непривычную дневную спячку.

– Шири, у меня не только самая печальная, но и самая скучная работа в этом грешном мире, – посетовала Арьята в спину Поводырю, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о воде, – сонное царство, летаргическая империя… Где вал опасностей и приключений, о которых можно рассказать на дружеских посиделках у очага? Где бесстрашные герои, о которых можно сложить баллады?! Эх, жизнь моя, жестянка…

– Daeni, не буди лихо, пока оно тихо, – вкрадчиво посоветовал мужчина. Ибо приключений, до сего дня густым дождем выпадавших на голову неугомонной Смертушки, хватило

бы с лихвой не только на целый батальон героев, но и на их потомков до седьмого колена.

Подлесок с шелестом сомкнулся за спинами путников. Едва заметная тропка уходила дальше в лес, под сень деревьев. В воздухе чуть слышно разлился какой-то неясный приторный душок, резко выделяющийся среди обычных лесных запахов. Шири это не понравилось, но сейчас наполнить фляги значительно важнее, нежели принюхиваться непонятно к чему. А тут, если ему не изменяет память, вскоре должна показаться поляна с лесным родником.

Поводырь потянулся к ветвям орешника, чтобы раздвинуть их и выйти на открытое место, но рука застыла в миллиметре от цели, а пальцы сомкнулись на вялой листве…

– Ш-шайтан… – прошипел он, отступая на шаг назад.

Продолжая рассуждать о несправедливости бытия, Арьята врезалась ему в спину.

– Ай… – пискнула девочка.

– Daeni, ведь говорил же… не буди лихо…

Арьята с любопытством выглянула на поляну. Солнце заливало ее ярким светом, из-под корней старого дуба бил родник, а на траве лежало несколько окровавленных тел. Теперь становилось ясно, что это за приторный дух разлился по округе – в воздухе уже отчетливо пахло кровью.

– Ой, – сдавленно ойкнула Арьята.

– Ой, – согласился Шири, – однако вот к чему приводит вовремя неутоленная жажда…

– Нельзя быть таким циничным, – тихо и абсолютно серьезно откликнулась девочка.

Вместо ответа Поводырь просто шагнул на поляну и застыл, будто налетев на невидимую стену.

– Шайта-ан… – простонал он, понимая – среди мертвых тел есть еще живой, но уже умирающий, отчаянно цепляющийся за жизнь и не осознающий, что она уже завершилась. А это грозило появлением очередной неприкаянной души и, как следствие, всевозможными неприятностями на голову местного лешего и всех, кто рискнет сунуться в лес. Шири, мрачно сплюнув, швырнул в траву болтавшийся за плечами рюкзак и перевязь с мечом.

Арьята отступила на шаг, зная, что именно сейчас произойдет. Находиться рядом с Поводырем в момент перехода на Грань не рисковала даже она…

Шири резко выдохнул, избавляя легкие от воздуха, и почувствовал, как от груди по всему телу острыми иглами расползается холод и он перестает существовать среди живых; как

окутывает его мгла Грани и белесые пальцы сжимаются на рукояти косы. Единственный глаз мертвенной зеленью светился во впалой глазнице…

Умирающий лежал возле родника. Грудь его, перетянутая окровавленной неряшливой повязкой, едва заметно вздымалась.

– Ша-айта-ан! – заунывно выругался Поводырь, понимая, что в живых остался кто-то еще. Ведь перевязали же этого несчастного…

Шири присел возле умирающего на корточки. Мужчина с трудом разлепил глаза и попытался что-то сказать. Когда люди ступают на Грань, они видят то, что живым недоступно. Окровавленные пальцы с недюжинной как для живого, так и для смертельно раненного силой вцепились в черную полуистлевшую безрукавку.

– Защити… учени… помоги… е…

Поводырь ощутив, как чужие пальцы прожигают в груди дыру, попытался вырваться, но не тут-то было.

– Да! – взвыл он. – Сделаю, все сделаю! Отпусти…

Жгущие плоть пальцы разжались, оставляя на безрукавке кровавый след. Шири резко прянул назад и занес косу…

– Прочь от него, погань! – разодрал тишину Грани пронзительный вопль, и что-то грязное, всклокоченное, выскочив из-под корней дерева, словно черт из табакерки, кинулось на Поводыря и сбило с ног. От неожиданности тот даже не подумал сопротивляться.

– Ты… ты как меня видишь?! – ошеломленно выдавил он, за шкирку отдирая от себя паренька лет пятнадцати и понимая, что видеть его тот как раз и не должен.

– Прочь от него, поганый умрий! – завизжал парнишка, и, рванув из наплечных ножен меч, попытался рубануть Поводыря по плечу.

Шири, отшвырнув косу, едва успел перехватить клинок.

– Умрий? – удивленно вытаращился он на храброго юношу, догадываясь – его спутали с кровожадной нежитью.

– Не смей его трогать… – надрывался паренек.

Поводырь не нашелся, как нужно ответить, – продолжая недоуменно пялиться на горе-героя и напрочь позабыв, что для живого человека сейчас его прикосновение может быть смертельно. Мальчишка тем временем все больше бледнел. Поводырь, находящийся на Грани, стремительно выкачивал из живого силы, сам того не желая…

Тут Арьята, доселе стоявшая в стороне, решила, что пора вмешаться.

– Ши, да отпусти ты, наконец, этого несчастного! Ему еще

жить и жить, а ты мальчишке жизнь укорачиваешь!

Сообразив, что к чему, Поводырь покорно разжал пальцы на воротнике юноши, и тот бездыханным кулем рухнул на траву. Переступив через обморочное тело и подняв косу, спутник Смерти вновь приблизился к умирающему… Тускло блеснуло лезвие, перерезая нить, соединявшую душу и тело. Шири почувствовал, как коснулся щеки легкий порыв ветра, разошлась и сомкнулась мгла за спиной…

Поводырь глубоко вдохнул, заставляя смертный холод отступать и сжиматься до маленькой ледяной искорки в груди. По телу прокатилась теплая волна, разгоняя застывшую кровь. Шири даже порадовался, что сейчас на дворе стоит несусветная жара, мигом вернувшая телу чувствительность.

Солнце вновь окрасило мир в живые цвета. Он потряс головой, избавляясь от противного звона в ушах – неизбежного явления после возвращения с Грани.

– Daeni, ты все еще хочешь пить? Родник там. – Шири махнул рукой в сторону дерева. Мирный плеск воды казался чем-то потусторонним на залитой кровью поляне, напрочь отбивая желание к нему приближаться.

– Да нет, почему-то расхотелось уже, – зябко повела плечами Арьята. – Давай-ка уйдем отсюда поскорее… Э-э-э, и ребенка этого несчастного тоже забери! – добавила она, наблюдая, как спутник цепляет на пояс меч и закидывает за спину пятнистый рюкзак, брошенный им при выходе на поляну.

Поводырь скептически посмотрел на распластанного перед ним юношу. Ему не очень-то хотелось связываться с человеком, способным разглядеть его на Грани. Это какими же ментальными способностями нужно обладать, что вот так запросто вывалиться из живого мира на черту между реальностями и накостылять, ну, или почти накостылять Поводырю Смерти по шее?

– Шири, не будь букой, – с нажимом произнесла девочка.

– Ладно, ладно, daeni, но в случае чего я снимаю с себя всякую ответственность! – мстительно проворчал он.

– Ты и так не слишком ею обременен, – фыркнула Арьята.

Он недовольно засопел, но все же поднял бездыханное тело на руки.

– Ты иди, я догоню, – напутствовала его девочка, вскидывая руки и заставляя землю расступиться под телами.

– Земля дала, земля взяла! – отрывисто бросила она, наблюдая, как смыкается дерн над погибшими…

Раскаленное солнце, перевалив через зенит, медленно и лениво ползло к горизонту, сменяя жаркий плавящийся день на не менее жаркий и душный вечер. Но кровожадным лесным

комарам было, кажется, наплевать на духоту. Стоило дневному светилу откатиться к горизонту, как чувство голода выгнало маленьких кровопийц на охоту. Завидев бредущих к озеру усталых путников, оголодавшие комары накинулись на вожделенную добычу, за что немедля оказались вознаграждены громкими аплодисментами и ругательствами злого, измотанного Поводыря Смерти.

Когда они вышли на берег тихого лесного озерца, Арьята уже едва переставляла ноги. Спеша убраться с памятной поляны, они так и не набрали воды. А несколько часов блужданий по лесу совсем измотали менестрельку. Шири тоже порядком устал. Его ноша, так и не соизволившая прийти в себя, уже изрядно оттянула Поводырю руки, и мужчина с облегчением бесцеремонно свалил паренька на расстеленный плащ.

– Вода! – жадно просипела Арьята, тыча пальцем в сторону озера. – Кто куда, а я купаться! – с этими словами, быстро стащив рубашку и шорты, девчонка бодрым шагом направилась к озеру. Гитара небрежно валялась на траве.

– Daeni, ты так уверенна в безопасности сих темных вод? – скептически осведомился Шири, поднимая инструмент и прислоняя его к стволу дерева.

– Плевать! – беззаботно откликнулась Смерть. – Русалки скорее предпочтут тебя, а кракену я на один зуб, не станет он размениваться на такую костлявую мелочь. Кстати, тебе бы тоже не помешало освежиться…

– Что за грязные намеки?! – насупился он.

– Это намеки на грязь, милейший… – рассмеявшись, девочка с визгом окунулась в нагревшуюся за день воду.

Пробормотав что-то нелестное по поводу воспитания некоторых малолетних особ, Шири занялся костром. Через несколько минут вернулась Арьята, неся в свернутом листе кувшинки пригоршню воды, которую не замедлила вылить Поводырю за шиворот. От неожиданности тот шарахнулся в сторону и растянулся на траве.

– Daeni, что ты творишь?! – возмущенно закричал он.

– Ага, попался! А ну, марш купаться, нежить! – заливисто хохоча, отозвалась девочка.

– Это кто тут нежить?! – грозно поднялся Поводырь, надвигаясь на Арьяту. Та отскочила и смешно сморщила нос.

– Ну, точно, нежить! Вон и запашок уже характерный исходит!

– Зато комары есть побрезгуют! – откликнулся Шири, с грустью вспоминая далекие средневековые времена, когда мыться разрешалось только по большим праздникам. И гигиенические

процедуры не отвлекали людей от более важных проблем.

– Я предпочитаю чистого тебя и комаров, нежели грязного, но без них, – фыркнула Арьята, обходя его с подветренной стороны. – Так что марш в воду, грязнуля!

Недовольно ворча себе под нос, Поводырь принялся нехотя стаскивать безрукавку.

– Шайтан… – со стоном выругался он, заметив с левой стороны груди следы пальцев, слившиеся в замысловатый узор из запекшейся крови.

– Что случилось? – встревожилась девочка.

– Он меня запечатал! Этот паршивец запечатал меня знаком последнего желания! – Шири опустился на траву, горестно обхватив голову руками.

– Кто, кто тебя запечатал? – склонилась над ним Смерть.

– Этот негодник, все никак не решавшийся испустить дух сегодня на поляне! – воскликнул Поводырь. – Он требовал, чтобы я защитил его горе-ученика! Вцепился в меня, словно клещами…

– И ты согласился исполнить последнюю волю, – догадалась Арьята.

– Пришлось… – вздохнул Шири. – Но я и помыслить не мог, что он меня этой волей запечатает!

– Шири, естественно, ведь в тот момент вы оба стояли на Грани… О чем ты думал?! – простонала девчонка, понимая, что хвататься за голову уже поздно.

– Его пальцы жгли, словно раскаленные щипцы, – попытался оправдаться тот, – и думал я только о том, как бы мне вырваться, пока он во мне сквозную дырку не проплавил!

– Бедный… – девочка сочувственно провела рукой по его волосам. – Ну, ничего, что-нибудь придумаем, утро вечера мудренее. Печать последней воли – это плохо, но не смертельно. Иди, купайся…

Шири, поминая незлым тихим словом всех виновников происшедшего, полез в воду. Дно оказалось хорошее, твердое, крупитчатый ил тонкими струйками просачивался сквозь пальцы. Тихое озеро настраивало на умиротворяющий лад. Зайдя по пояс, он бесшумно нырнул, вынырнув уже на изрядном расстоянии от поросшего осокой берега. Мокрая, отяжелевшая коса так и норовила попасть под руку, мешая плыть. Изловчившись, Поводырь стянул ремешок и распустил волосы, тут же расплывшиеся за плечами белесым прядевом. Отращиваемые сначала исключительно во исполнение обета, со временем они превратились в личную гордость Поводыря и предмет зависти его верной ведомой. Обет сейчас, с высоты прожитых столетий, казался ему совершенно дурацким, и единственным плюсом его

исполнения так и осталась отпущенная за эти годы грива. Сначала ее было негоже обрезать, а после свершения задуманного стало жалко. Так постепенно она и доросла до теперешней длины…

В отличие от Арьяты, не высидевшей в воде и десяти минут, Шири плавал долго, умудрившись доплыть до противоположного берега и вернуться обратно. Когда он выбрался из воды, в лесу окончательно воцарилась душная ночь. На берегу потрескивал небольшой костерок, разведенный скорее для отгона комаров, нежели для тепла. Отжав мокрые тяжелые волосы, Поводырь блаженно вытянулся на траве, пристроив голову на коленях у Арьяты. Та мгновенно запустила пальцы в длинные мокрые пряди товарища. Эта грива уже давно стала предметом ее глубокой зависти – длинные, густые и мягкие волосы, так не похожие на ее собственную короткую, вечно всклокоченную рыжую шевелюру. Смерть вооружилась гребнем, принявшись разделять их на тоненькие прядки, с коварным намерением наплести из вожделенной гривы косичек. Поводырь, обычно пресекавший эти попытки на корню, успел разомлеть настолько, что не обратил на поползновения менестрельки никакого внимания.

– Daeni, ну вот скажи, на кой мне сдался этот вьюноша бледный со взором горящим, как будто у меня других проблем нет… – тоскливо произнес Шири, млея под тонкими пальцами Арьяты, перебиравшей его волосы.

– Не переживай, – спокойно откликнулась она, начиная, при полном попустительстве со стороны Поводыря, осуществлять свой хитрый парикмахерский замысел. – Доведем парнишку до ближайшего города, и на этом твоя миссия закончится…

– Угу… – довольно согласился он, едва не мурлыкая от удовольствия. – Завтра вечером будем в Далеграде.

– Мхм, – невнятно согласилась Арьята, полностью погрузившись в плетение косичек и начав негромко напевать себе под нос.

Тихий напевный голос убаюкивал, и Шири не заметил, как провалился в сон. Лицо Поводыря разгладилось. Казалось, теперь даже шрамы, пересекавшие щеку и поврежденный глаз, не так резко выделяются на смуглом лице. Девчонка, продолжая перебирать волосы спутника, мурлыкала себе под нос простенький мотивчик старой как мир «Колыбельной дорог»:

Зажигая сотни звезд,
Ночь свои крыла расправит —
Да задуматься заставит
Нас и в шутку, и всерьез

О минувшем и грядущем,
Созданном душой мятущей,
О мгновеньях, что оставим
В мире грез…

Чуть слышным аккомпанементом потрескивали ветки в костре, шуршала над головой листва старой замшелой ивы, плескались у другого берега водяницы…

Разойдемся, не заметим,
Мчатся в поисках ответа
День за днем, за летом лето,
И листву роняет осень на порог.
А луна бессонной ночью
Новый путь опять пророчит,
Да сверчок в траве стрекочет
Колыбельную дорог…

# Глава 2

В доме местного мага, на холме близ Белгродно, несмотря на поздний час все еще горел свет. Сам город уже давно спал, укрывшись душным одеялом теплой июльской ночи, и ему не было дела до беспокойного огонька за окраиной. Мало ли отчего хозяину не спится в столь поздний час. Кто же их, магов, разберет? Может, книжку какую запретную читает, может, заклинание составляет, а может, и вызовом демонов балуется – ходили о хозяине дома на холме и такие нелестные слухи. А то как же это – демонолог и без демонов? Сам же маг не обращал на досужие пересуды о своей персоне никакого внимания. Одним косым взглядом больше, одним меньше, мало ли он их в своей жизни видел.

Небольшой аккуратный особнячок, окруженный старым, изрядно запущенным садом, тонул в уплотнившихся сумерках и тенях старых раскидистых деревьев. Шебаршила в густой траве и давно не стриженом кустарнике мелкая нечисть, расплодившаяся в саду при полном попустительстве хозяев. Обитателям дома она не мешала, за что те милостиво позволили разномастным нечистикам обживать придомовые владения на свой вкус. Сам же дом походил на большую бесформенную кляксу, прорезанную ярким пятном освещенного окна на втором этаже. Вот в светлом проеме, задергивая тяжелые бордовые портьеры, мелькнул женский силуэт…

Шайритта расправила тяжелую бархатистую ткань и обернулась в комнату. На вид ей было не более тридцати, миндалевидные глаза цвета заиндевевшей стали выглядели слишком светлыми на смуглом лице. Длинные волосы, собранные в хвост на макушке, смоляной широкой лентой спадали вдоль спины. Черная, расшитая серебряным шнуром блузка и серо-стальная юбка, казалось, являли со своей обладательницей единое целое: ни одной лишней складки, ни малейшей неровности… Скользящие, плавные, а временами резкие, отточенные движения делали ее похожей на клинок – узкий, изящный, смертоносный.

Пронзительный взгляд женщины остановился на широкой кровати темного дерева, где полулежал-полусидел хозяин дома. Лет сорока с небольшим, в темных волосах уже начала пробиваться седина, грудь и лоб перехвачены повязками. Хельги Криэ осторожно поднес к глазам забинтованную руку и попробовал пошевелить пальцами – по ладони, от кончиков пальцев к запястью, разлилась терпкая боль, переходящая в зуд.

Да… это же надо так оплошать… Отворяя кровь для заклятия, в спешке полоснул себя ножом чуть глубже, чем следовало, и задел сухожилие. Рука будет заживать долго.

– Вы позволите отругать себя, мессир? – полунасмешливо спросила Шайритта, подсаживаясь к нему и принимаясь разматывать повязку на ладони, чтобы заново обработать порез.

– Шайритта, не начинай, – поморщился демонолог.

– Тогда, может, позволите напомнить, что у вас есть дочь, и если с вами что-то случится, она останется сиротой? – компаньонка придирчиво осмотрела шов на ладони пациента – не разошелся ли?

– Шайритта! – демонолог выдернул руку из ее пальцев. Тянущая боль вновь стеклась к порезу. – Господи, впервые на моей памяти кусок обработанного железа читает мне мораль! – раздраженно произнес господин Криэ.

– Я тоже когда-то была человеком из плоти и крови, мессир, если вы забыли, – с непонятной горечью в голосе откликнулась компаньонка. – И теперь не прочь стать им вновь, но, увы, жребий свой я изменить не в силах…

Демонолог покаянно закусил губу. Не сумев сдержаться, он затронул больную для них обоих тему.

– Прости, Шай, – виновато попросил он. – Я волнуюсь за Иленку не менее твоего. После смерти Иллерин только вы моя семья: моя дочь и мой клинок…

– Волнуетесь настолько, что решили поиграть в догонялки со смертью в старой усыпальнице эльфийского дворянина, запечатывая прорвавшегося из нижних миров демона? – неодобрительно отозвалась женщина.

– Это моя работа, Шай, – примирительно откликнулся Криэ, вновь протягивая ей пострадавшую конечность.

– Равно как и моя, – парировала она, продолжив обрабатывать рану.

В дверь комнаты осторожно поскреблись…

Хельги, взглянув на темную деревянную панель, вопросительно хмыкнул. На пороге зашуршало, застучало коготками, и в комнате появился лохматый шарик на коротеньких ножках, тут же превратившийся в маленького, заросшего бородой по самые глаза старичка в дерюжной одежке, подпоясанной цветастым плетеным поясом. Старичок переминался с лапки на лапку, не решаясь доложиться. Демонолог терпеливо ждал.

– Там это… – пробурчал домовой, – люди из города пришедши. Звать в покои?

– Из города? – Хельги с Шайриттой удивленно переглянулись.

– Я никому не назначал встреч, да еще так поздно, –

недовольно проворчал Криэ. – Нет, Нюша, пусть подождут. Я сейчас спущусь.

Шайритта тяжело вздохнула.

– Вы сошли с ума, мессир. Вам необходим полный покой, а вы…

– Шай, подай мне колет и помоги спуститься вниз, – прервал ее причитания демонолог.

Несколько минут спустя, опираясь на руку своей черноволосой компаньонки, Хельги предстал перед городской делегацией, состоявшей из помощника градоправителя и начальника городской стражи. Холодно поздоровавшись с посетителями, мэтр Криэ, не меняя тона, осведомился, какого ляда понадобилось благородным господам от него в столь неурочный час. Благо помощник градоправителя вовремя заметил, что в вороте рубашки достойного мэтра проглядывают бинты, а сам он едва держится на ногах. Посему длинной приветственной речи демонологу удалось избежать.

– Вы же знаете, мэтр, что в Чумном квартале, на месте Храмового пустырища решено возвести приют для нищих? – первым делом поинтересовался помощник градоправителя, досточтимый господин Мираниэль.

Хельги тихонько застонал. Чумной (или Лекарский) квартал за последние полгода стал его головной болью именно из-за Храмового пустырища. Некогда, еще до Войны Двух Миров, там действительно имелся какой-то храм. Во время войны здание разрушили, и за все последующие годы на его месте так ничего и не появилось. Пустырище так и осталось пустырищем. Горожане почитали место проклятым, ибо бытовала легенда о том, что во время стройки в фундамент храма вмуровали несколько младенцев, и теперь души невинно убиенных детей жаждут отмщения, поэтому старались держаться от пустыря подальше.

В этом Хельги был с ними полностью согласен – те несколько походов, которые он совершил на пустырь, оставили за собой весьма неприятный след. Никаких неупокоенных душ он там не обнаружил, но общий энергетический фон оставлял желать лучшего. А в последний раз, когда градоправитель задумал эту чертову стройку и попросил его вновь обследовать Храмовое пустырище на предмет негативных магических токов, он слег на два дня, и на голове мастера Криэ добавилось седых волос. Беда заключалась в том, что демонолог не смог сказать что именно не так с пустырем… Искомая причина, подобно наглому тореро, махала перед носом Хельги красной тряпкой и ускользала, стоило лишь ему попытаться ухватить ее за хвост. Но, чувствуя неладное, осторожный маг попросил градоправителя держаться от

Храмового пустырища подальше и начать стройку где-нибудь в другом месте. Однако господин Кьель-ши оказался упрям словно мул и не желал отказываться от идеи возвести на старом фундаменте новое здание. Поэтому сейчас, превозмогая боль и накатывавшую волнами слабость, Хельги вынужден был выслушивать неурочных визитеров вместо того, чтобы в полном покое продолжать залечивать недавние раны.

– Господин Криэ, – обратился к нему долговязый черноволосый эльф, пребывавший в должности главного помощника градоправителя, – мы приносим свои извинения за столь поздний визит…

– Ближе к делу, уважаемый, – хрипловато прервал его Хельги. – Что нужно городским властям от бедного демонолога?

– Мэтр, господин Кьель-ши хотел, чтобы послезавтра вы присутствовали при расчистке пустырища, – проговорил эльф, утыкаясь взглядом в пол.

– Ничего не могу обещать, – сухо откликнулся Криэ, – и не потому, что я не поддерживаю эту затею, Мираниэль…

– Мне так и передать господину градоправителю? – удрученно переспросил эльф.

– Так и передайте. А теперь позвольте откланяться, любезнейшие.

– Не знаю, для чего понадобилась эта бравада, мессир, – укоризненно попеняла Шайритта, помогая Криэ устроиться на кровати. – Не проще ли было привести их сюда? К тому же вы ведь все равно…

– Я пойду, Шай, – прервал ее Хельги.

– Зачем? – она недоуменно воззрилась на него.

– Послезавтра я, Хельги Криэ, урожденный Ди Эроен – из древнего рода северных ярлов, по просьбе градоправителя Белгродно прибуду на расчистку Храмового пустырища, как того требует честь и долг мастера-демонолога, – ровно, будто объясняя очевидную истину несмышленому ребенку, ответил Криэ.

– Мессир, как можно?! Вы же на ногах без посторонней помощи не держитесь! А Иленка?! Подумайте хотя бы о дочери! – всплеснула руками Шайритта.

– Шай, я должен там присутствовать, – отрезал демонолог. – Что-то с этим пустырищем не так. Наверняка понадобится помощь мага. В крайнем случае я хотя бы сведу к минимуму возможные негативные последствия…

Женщина тяжело вздохнула:

– Да, мессир, как пожелаете, мессир… Я всегда готова служить вам и защищать вас. Позовите, когда понадоблюсь… –

невнятно буркнула она, и контуры ее тела поплыли, теряя очертания…

– Ясно, обиделась… – Хельги едва успел подхватить узкий меч с черной, оплетенной серебряным шнуром рукоятью и со вздохом вложил клинок в ножны…

* * *

Листья, едва колышимые вялым ветерком, умиротворяюще шелестели, принимая лучи пока еще нежаркого солнца. Белый, постепенно раскалявшийся диск карабкался от горизонта к зениту. Чем выше взбиралось светило, тем злее и краснее становилось. Ветерок, борясь с липкой наступающей жарой, все больше проигрывал – пока не стих вовсе, предоставив воздуху разжариваться на свое усмотрение. Лучи, пробивавшиеся сквозь листву, играли в салочки, плутая в густой поросли гусиных лапок. Желтые цветы, похожие на маленькие кубышки, невесть зачем выбравшиеся из воды на землю, яркой россыпью лежали на изумрудной траве. Один из неугомонных солнечных зайчиков, пробившись сквозь листья, мазнул по лицу Поводыря. Ресницы на здоровом веке дрогнули. Шири зябко повел плечами и окончательно проснулся. Вчера он так и не удосужился завернуться в одеяло, уснув на коленях Арьяты. И теперь за свою лень предстояло расплачиваться.

Костер за ночь прогорел, и сейчас о нем напоминало лишь покрытое росой пепелище. Поводырь с удивлением обнаружил, что комары на него более не посягали, и осторожно сел, стараясь не разбудить спутницу, привалившуюся к стволу дерева. С хрустом потянулся, но тут же поморщился: шея после такой ночевки затекла, на каждое движение отзываясь зудящим покалыванием. Он потянулся, дабы помассировать онемевшие мышцы, и застыл в недоумении. Длинные роскошные волосы (его гордость, холимая и лелеемая пуще зеницы ока!) свисали десятками тонюсеньких косичек. Шири непроизвольно застонал.

– Daeni, это что, шутка такая? – вопросил он в пустоту, понятия не имея, что же теперь делать с этим шедевром парикмахерского искусства. – Не смешно!

– А? – сонно моргая, Арьята сладко зевнула в ответ. – Ой, прости… Я вчера, э-э, немного увлеклась… Оно расплетется. Точно-точно!

– Я надеюсь, – проворчал Шири, вытаскивая из рюкзака гребень и принимаясь за распутывание мелкого плетива.

– А-а-а-а-а! – вдруг разодрал на клочки утреннюю благодать

пронзительный вопль.

Поводырь со Смертью подскочили от неожиданности. Вопил пришедший в себя юноша. Вчера вечером он не подавал признаков жизни, тихонько сопя на плаще, и они за ночь успели благополучно про него забыть. Что за кошмарное видение посетило его за миг до этого, неизвестно. Однако парнишка, обливаясь холодным потом, дико озирался по сторонам, пытаясь понять, на каком он свете.

– В-вы к-кто? – заикаясь, выдавил он, заметив своих невольных спутников. – Я где?

Арьята и Шири переглянулись.

– Я – Смерть, а это мой верный Поводырь, – спокойно ответила девочка, здраво рассудив, что большего потрясения, чем их вчерашнее знакомство, у юноши произойти уже не может.

Парнишка скользнул взглядом по длинноволосому мужчине, задержался на Арьяте и со стоном рухнул в обморок.

– Daeni, ну зачем ты так? – укоризненно спросил Шири, похлопывая обморочного юношу по щекам. Ему совершенно не улыбалось еще день тащить навязанного спутника на себе.

– Полагаешь, стоило сказать, что ты – поганый умрий? – хихикнула она. – Брось, Ши, этот парень видел тебя «в деле». Нам нет смысла скрываться.

Вопреки опасениям Шири, паренек довольно быстро пришел в себя и теперь перепуганно таращился то на Поводыря, то на девочку. Арьята отпрянула, прикрывая глаза ладонью. Стоило Смерти зазеваться, как случайный попутчик тут же наглым образом перетряхнул ее мысли, наградив вспышкой головной боли и звоном в ушах. Теперь понятно, как он смог прорваться на Грань. Еще бы, с такими телепатическими способностями… Тут не то что на Грань, а и за нее провалиться – раз плюнуть. Юноша со стоном принялся тереть пальцами виски – обрушившийся на него поток чужого, а точнее, чуждого сознания тоже не доставил ему удовольствия, больно хлестнув по сверхчувствительному восприятию. Перед глазами пошли радужные круги, но сознание на сей раз теряться не пожелало, заставив своего обладателя самостоятельно подавлять последствия опрометчивого деяния.

– Ты… – простонал он, – ты Смерть… Ты и вправду Смерть… Твои мысли… это все правда… О небо, моя голова!

– А нечего лезть, куда не звали! – проворчала девчонка, потирая лоб рукой.

– Так он чего, телепат? – слегка ошеломленно спросил Поводырь, обернувшись к Арьяте.

Та утвердительно кивнула.

«…Ну вот, час от часу не легче, – мрачно подумал Шири. –

Тут сам иногда своих мыслей пугаешься…»

– Ты… – Юноша повернулся к нему. – Я тебя не «вижу»! Как чистый лист! Ее «вижу», тебя – нет… Можешь не закрываться, я не стану тебя «читать», честно, себе дороже!

– Да я и не закрываюсь вроде, – проворчал Шири, подозрительно глядя на паренька.

Тот настороженным волчонком смотрел на него из-под рвано подстриженной челки.

– Странно, – удивился он, поводив рукой перед лицом Поводыря, – щитов нет, а я тебя не «вижу».

– Ну и шайтан с ним… – облегченно пробормотал Шири.

– Но так не должно быть, я же абсолютный телепат[4]! Для меня слышать мысли других – так же нормально, как дышать!

– Тогда считай, что я исключение из правил, – криво усмехнулся Поводырь, донельзя довольный таким раскладом. Арьята же, чуть лучше разбиравшаяся в магических заморочках живущих, насторожилась. Но экстренный поход в закрома собственной тысячелетней памяти ничего не дал, и менестрель решила отложить выяснение подробностей до лучших времен.

– Как тебя зовут, парень? – спросил верный Поводырь Смерти, принимаясь раздирать гребнем только что расплетенную прядь. Гребень путался и не шел. Лицо Шири превратилось в мученическую гримасу, которая в сочетании с черной повязкой создала поистине зверскую рожу.

– Э… – юный телепат что-то лихорадочно обдумывал. – Иль… – как-то неуверенно произнес он. – Иль Криэ.

Арьята удивленно вскинула бровь. Фамилия оказалась знакомой. Здесь уж память ее не подвела, услужливо подсунув образ приятного темноволосого мужчины в скромной черной сутане и с неизменной трубкой в руке[5].

– Когда-то я знавала человека по имени Вилдар Криэ, – задумчиво призналась она, потирая подбородок. – Только это случилось давно, по человеческим меркам, конечно.

– Вилдар – мой дед, – со вздохом откликнулся Иль. – Его нет уже, – непонятно зачем добавил он.

– Ну, что же, Иль Криэ, приятно познакомиться, – улыбнулась девочка. – Меня можешь звать Арьятой, а его – она указала на Поводыря, – зовут Шириган Йонсу.

– Шири – что? – не понял юноша.

– Можно просто Шири, – буркнул Поводырь, – и тебе проще, и мне приятней.

Вдруг что-то вспомнив, Иль принялся лихорадочно ощупывать куртку. После нескольких секунд суетливых метаний парнишка облегченно вздохнул, извлекая из-за пазухи плоский

пакет из промасленной бумаги. Проверил, целы ли печати, и сунул обратно. Бросив быстрый взгляд в сторону Шири, вновь беспокойно заерзал. Заметив валявшиеся рядом в траве пустые ножны с перевязью, которые Поводырь стащил с него, пока Иль пребывал в беспамятстве, юноша обреченно застонал…

Арьята, напевая себе под нос какую-то невнятную песенку, рылась в рюкзаке Поводыря в поисках возможного завтрака. Шири продолжал усердно расплетать косички, одолев уже больше половины. Освободившиеся волосы торчали в разные стороны всклокоченными космами. В очередной раз обшарив траву вокруг себя, Иль удрученно воззрился на пустые ножны, лелея слабую надежду, что меч вот-вот появится там сам собой.

– Что-то не так? – осведомилась Арьята, извлекая из рюкзака некое подобие бутербродов.

– Меч… – удрученно откликнулся юноша, – его нет…

– Шири, ты не знаешь, где его меч? – девочка потормошила ушедшего в себя Поводыря.

– Спросила у больного здоровья, – рассеянно откликнулся тот, – возле родника, наверное, остался. Я не смотрел… – Собственные волосы волновали его сейчас куда больше, чем какой-то гипотетический меч.

Юноша неуверенно поднялся на ноги и, одернув куртку, закинул на спину пустые ножны, намереваясь уйти.

– Эй, ты куда? – Не поняла менестрель.

– За мечом, – уныло ответил он. – Оставлю – мне Энгарт голову оторвет… оторвал бы… – Парнишка часто заморгал и спешно начал тереть глаза рукавом.

– Ты, похоже, совсем умом тронулся, это же шайтан его знает куда возвращаться! – возмутился Шири.

– Там клинок наговорной, рунированный… черная сталь на крови… – чуть не плача, сказал Иль. – Такой только под заказ делают…

«…Ничего себе фокусы… – подумал Поводырь, – да если бы он меня вчера таким клинком приложил, да на Грани… Тут бы мне и аминь… Кто же ты такой, парень?»

– Ладно, – покладисто вздохнула Арьята, – давайте вернемся.

– А вам-то какой интерес со мной таскаться? Я и сам могу сходить… Или… я что, умер? – Иль заметно побледнел.

– Нет, а что, хочешь? – ехидно осклабился Шири.

– Энгарт погиб… Я не умер… а вы… вы тут и… Ничего не понимаю! – юноша опустился на траву и, обхватив голову руками, принялся неразборчиво бормотать себе под нос, время от времени всхлипывая.

Шири с Арьятой удивленно переглянулись и подсели к

ошеломленному Илю. Девочка успокаивающе погладила его по плечу.

– Иль, послушай, – вкрадчиво зашептала она, – я не знаю, что вчера произошло. Когда мы на вас наткнулись, на поляне лежало шесть трупов, а ты был без сознания. – Смерть здраво решила не упоминать, что без сознания телепат оказался именно благодаря им. – Мы решили, лучше будет забрать тебя с собой. Вот и вся история. Ты жив, с тобой все в порядке. Мы с Шири проводим тебя до ближайшего города…

– Мне нужно забрать меч, – глухо откликнулся паренек.

– Хорошо, хорошо, – Арьята продолжала успокаивающе гладить его по спине, – мы сходим с тобой. Все в порядке, успокойся.

Шири пробормотал себе под нос какую-то неодобрительную фразу, глядя на Иля из-под сведенных бровей, затем поднялся на ноги и подхватил валявшийся на траве рюкзак.

– Идем, – буркнул он. – И так столько времени потеряли.

Возвращаться оказалось не так уж и далеко, как представлялось вначале. Вчера, изнуренные солнцем и отягощенные ношей, они брели по лесу довольно долго. Сегодня же пройденное расстояние показалось путникам ничтожным, и спустя час они вышли на памятную поляну. Солнце, взобравшееся довольно высоко, выжигало покрытую засохшей кровью траву. Родник тихо поплескивал кристальной водой.

– Иди, ищи свой клинок. Мы тебя вчера возле родника нашли. Думаю, твой меч где-то там валяется, – недовольно буркнул Шири. – Заодно и воды наберем на-конец-то.

Пока Иль шарил в траве, Арьята с Поводырем спрыгнули под берег и принялись наполнять фляги. Но не прошло и минуты с их появления на поляне, как кусты затрещали вновь. Шири едва успел стащить юношу к роднику. В руке паренек сжимал только что найденный меч…

Все это они успели проделать весьма вовремя, ибо спустя мгновение на поляну вывалилась ватага изрядно замурзанных, заросших бородами мужиков, переговаривавшихся между собой вполголоса.

– Да тута это. Тута мы вчерась на энтих двоих и налетели. Лошадки у них хорошие были, – хрипел кривоногий коротышка с перевязанной культей вместо левой руки. – Пока колдун внимание отвлекал, второй хмырь пятерых положил и сам подох… Лыжаня уже на излете этого гадюку достал. Знатно достал, всю грудину распахал. А ло-шадки-то испужались и деру дали, – коротышка хмыкнул и, почесав грудь здоровой рукой, добавил, словно оправдываясь: – Я ж за ними и побег. Так и не

поймал, скотин эдаких! А колдун, верно, тела по ветру развеял…

Поводырь едва не присвистнул, заметив количество навешанного на людей оружия. Иль с тихим всхлипом уткнулся лицом в землю.

– Разбойники, – тихо простонал он, – я вон того с перевязанной культей узнал.

– Это они на вас вчера напали? – спросила Арьята.

– Тихо вы! – шикнул на них Поводырь, но было поздно. Заслышавшие возню разбойники устремились к ним. Арьята и глазом не успела моргнуть, как их окружили. Шири бесшумно потянул меч из ножен, заслоняя собой девчонку. Иль обеими руками вцепился в рукоять недавно найденного оружия, выставив клинок перед собой.

– Это ктой-то тут у нас такой смелый? – щербато скалясь, осведомился рослый детина, вооруженный мечом-бастардом. Чуть более добротная и не такая потрепанная одежда выдавала в нем если не главаря, то кого-то весьма к этому званию близкого.

– А кого вы хотели увидеть? – сухо откликнулся Поводырь.

– Хе, шутник, однако, – продолжил скалиться мужик. Ватага нестройно загоготала. – Опускай свою железку. Отдадите цацки, да и разойдемся с миром: вы под кусток, мы под мосток, дальше тракт сторожевать.

– Предлагаю по-другому: вы тихо исчезаете туда, откуда явились, а мы идем дальше своей дорогой, – спокойно парировал Шири, слегка покачивая мечом и заставляя кончик лезвия выписывать восьмерки в воздухе. Иль, на которого последние несколько минут никто не обращал внимания, отведя клинок в сторону, что-то неразборчиво бубнил себе под нос, перебирая в воздухе пальцами свободной руки.

– Ко-олдун! – взвился бандит с перевязанной культей. И прежде, чем кто-то успел ему помешать, бросился на юношу с обнаженным тесаком. Поводырь и сам не понял, как молнией вклинился между ними, прикрывая паренька. Разбойник, не рассчитав скорости, по инерции налетел прямо на клинок непрошеного защитника. Удивленно хлюпнув, горе-нападавший рефлекторно завершил удар, рубанув Шири тесаком наискось. Резко прянув назад, Поводырь рванул клинок обратно, опоздав лишь на долю секунды. Кривой тесак разбойника с оттяжкой полоснул его по торсу…

В следующее мгновенье Иль, наконец, завершил заклятье. С тонких пальцев паренька сорвался каскад молний. Воздух потемнел, завыло, заухало, засверкало… Ослепленные, оглушенные разбойники застыли столбом, не соображая, что происходит…

– Бежим! – крикнула Арьята, первой кидаясь к спасительным кустам.

Шири, схватив за руку упиравшегося Иля, рванул за ней, предоставив разбойникам самим разбираться в ситуации. Те, проморгавшись, бросились за ними.

Съехав-скатившись по прошлогоднему опаду в какой-то овраг, Шири, как был на четвереньках, кинулся к щели между корнями здоровенного вяза. Иль с Арьятой устремились следом. Забившись в тесную берлогу, все трое замерли, словно мыши под веником, стараясь лишний раз не дышать. Раздававшиеся над головой топот, крики и ругательства постепенно затихли, удаляясь вглубь леса.

Выждав еще некоторое время, Шири приказал выбираться наружу. Первой из-под корней вылезла Арьята, вытряхивая набившийся в волосы мусор. Иль беспокойно завозился и неловко заехал Поводырю локтем в грудь. Тот со стоном повалился на спину.

– Эй, ты чего? – не понял юноша.

– Да он ранен! – вскрикнула девочка, наклоняясь над товарищем. – Из-за тебя, между прочим! – сердито добавила она. – Ши… Шири…

– Все… в… порядке… daeni… – медленно выдохнул Поводырь.

– Ты уверен? – озабоченно спросил Иль, пытаясь нащупать у него пульс.

– Абсолютно! – морщась от боли, он выбрался из-под корней. – Давайте-ка убираться отсюда, желательно в противоположную разбойникам сторону…

Изрядно поплутав по лесу, через пару часов они умудрились выйти к озеру, возле которого ночевали. День уже перевалил за середину, налившись липкой раскаленной патокой июльской жары. Шири, привалившись к стволу дерева, сполз на землю, вытянув ноги. Дышал он тяжело и часто. Последние минут пятнадцать дались ему особенно трудно. Рана оказалась неглубокой, но поначалу изрядно кровила, а разлившийся в воздухе жар значительно тормозил заживление. Прислонив рядом с ним гитару, Арьята задумчиво осматривала берег. Где-то в зарослях рогоза плеснула рыба. Покусывая травинку, девочка прошлась к воде.

– Поговорю-ка я с лешим, – решила она. – А то что это за безобразие у него под носом творится! Уже на саму Смерть разбойники нападают! Непорядок! Ждите меня здесь.

– Эй, а если он умрет? – встревоженно спросил Иль, указывая на бледного Поводыря.

– Если умрет, похоронишь, – отмахнулась Арьята. – Да шучу я, шучу! – поспешила добавить она, видя, как вытягивается и теряет румянец лицо юноши. – Не случится с ним ничего, отдохнет и завтра снова будет как огурчик.

– Такой же зеленый и в пупырышках?

Ничего не ответив на брошенную Илем колкость, Смерть исчезла в зарослях ракитника. Паренек, проводив ее взглядом, спустился к воде. Он был уверен, что видел несколько кустиков подорожника. Нарвав листьев, Иль вернулся к дереву. Шири полусидел-полулежал, привалившись к шершавому стволу, здоровый глаз закрыт, голова безвольно свесилась набок, черты лица заострились, руки вытянуты вдоль тела.

– Эй, – юноша тронул его за плечо. – Эй!

Тут пареньку стало страшно. Поводырь, кажется, не дышал. Вместо того чтобы попытаться определить пульс, Иль начал нервно ощупывать грудь мужчины, рассчитывая услышать биение сердца. Впустую – оно не прослушивалось. Вдруг пальцы Поводыря клещами сомкнулись у него на запястье.

– Ты с какими намерениями по мне елозишь? – подозрительно осведомился Шири, чуть приоткрыв глаз.

– Ты… ты… – от пережитого ужаса к Илю не сразу вернулся дар речи, – я думал, все… у т-тебя сердце не бьется! – заикаясь, выпалил он, стремясь отстраниться от внезапно ожившего «мертвеца».

– Конечно, не бьется, – иронично хмыкнул тот, – а как ты хотел? Я же не совсем живой человек.

– Так не бывает! – уверенно заявил паренек. – Ты двигаешься, разговариваешь, мыслишь, ты – теплый!

– Бывает-бывает, – усмехнулся Шири. – Много лет назад daeni сама остановила его. Такой длинной острой штуковиной… Пришпилила, словно коллекционер бабочку, чтоб лишний раз не трепыхалось.

– Чего не трепыхалось? – поинтересовалась Арьята, вывалившись из кустов на берег.

– Мое сердце.

– А… Да. В общем, говорила я с лешим, обещал разобраться с этими… романтиками с большой дороги. Лежи-лежи! – остановила она попытавшегося встать Шири. – Никто нас в шею не гонит. Останемся тут до завтра.

– А я пойду, наверное… – неуверенно промямлил Иль.

– Угу, прямо в лапы к разбойникам, – буркнул Поводырь, – сиди уже! Колдун…

– Действительно, – поддержала товарища Арьята. – Почему тебе так неймется? Здесь только одна дорога – Курганов большак,

которая на Далеград идет. Завтра поутру вместе пойдем. Всяко спокойнее будет.

Иль задумчиво взъерошил волосы на макушке, что-то прикидывая и невнятно бормоча себе под нос. По всему выходило, что вместе действительно спокойнее.

– Ладно, – проворчал он. – Ладно, уговорили.

# Глава 3

Кто рано встает, тому бог подает. Не иначе как именно этой прописной истины и придерживался глава Белгродно, почтеннейший господин Кьель-ши, приказав начать расчистку храмового пустырища ни свет ни заря. А посему солнце еще не успело выкарабкаться на небосклон из-за покатых черепичных крыш, как в Лекарском переулке уже готовились приступить к работе.

Разношерстная строительная бригада, состоявшая из гномов, кобольдов и цвергов, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу на краю пустыря, сжимая в руках кирки и лопаты. Двое кобольдов тихо переругивались, пытаясь свернуть в трубку дерюжный мешок.

Солнце уже наполовину показалось из-за городских крыш, а сигнала к началу работ все не поступало. Ожидание затягивалось. Градоправитель, невысокий, довольно упитанный сильф с пунцовыми волосами, пригладить которые не смогла даже банка лучшей эльфийской помады, нетерпеливо прохаживался у будущей стройплощадки. Хмурый черноволосый заместитель его светлости взъерошенным вороном стоял в тени соседнего дома, скрестив руки на груди и чуть сутулясь.

– Мирaниэль, – Кьель-ши приблизился к нему, – а где мэтр Криэ? Он придет?

Эльф, которому этот вопрос за последние полчаса успели задать два десятка гномов, кобольдов и цвергов, нервно дернулся.

– Не знаю, ваша светлость, – раздраженно буркнул он, – мэтр ничего не обещал.

Градоправитель озабоченно потер руки и, щелкнув крышкой карманного хронометра, взглянул на циферблат.

– Если он не появится через пять минут, придется начинать без него. Мы и так задержались, а солнце уже достаточно высоко.

Доселе сосредоточенно изучавший носки своих ботинок, Мирaниэль принялся разглядывать улицу, близоруко щурясь против солнца. Сейчас эльф как никогда напоминал унылого растрепанного ворона.

– Кажется, вон он идет, – промямлил эльф, указывая на приближавшегося человека. Достопочтенный Кьель-ши оглянулся в указанном направлении – к ним действительно подходил мастер-демонолог.

«…Вот только толку-то от него сейчас, – невесело подумал почтенный Мирaниэль, скептически осматривая вновь прибывшего, – сам ведь едва на ногах стоит».

Впрочем, достойный эльф слегка грешил против истины: на ногах Хельги Криэ держался вполне твердо, однако бледен оказался без меры, что правда, то правда.

Демонолог молча кивнул эльфу и обратился к градоправителю, предупреждая длинную приветственную речь, уже готовую соваться с его уст.

– Жители соседних домов предупреждены? – деловито осведомился он.

– Нет, почтенный мэтр. Да и к чему? – Кьель-ши старался не смотреть в глаза Криэ.

Хельги страдальчески поморщился: оповещать людей теперь, в последний момент – уже бесполезно, может начаться никому не нужная паника.

– Ладно, – вздохнул маг, – можете сказать рабочим, чтобы приступали. Если что-то пойдет не так, я сообщу.

Градоправитель подал знак разношерстной строительной бригаде. Только что нетерпеливо переминавшиеся с ноги на ногу строители степенно двинулись по пустырю, размечая территорию и распределяя обязанности. Застучали кирки, зашуршал сгребаемый лопатами мелкий каменный мусор – расчистка началась.

Хельги, выбравшись на относительно чистую ровную площадку, присел на корточки и, вытащив засапожный нож, принялся чертить пентаграмму. Меч в наспинных ножнах едва ощутимо задрожал.

– Все в порядке, Шай, – успокаивающе произнес он, касаясь пальцами оголовья меча, – пока все в порядке.

Вокруг деловито сновали гномы и цверги; натужно пыхтя под тяжестью уносимого мусора, топотали кобольды, глухо тюкали кирки, скрежетали о камень лопаты. Хельги неподвижно застыл в центре рисунка, пытаясь уловить, что же так сильно не понравилось ему здесь в прошлый раз. Течение энергетических линий находилось в норме, возможных разрывов и прочих аномалий пока не наблюдалось. Предполагаемые точки коридоров в Нижний мир пребывали в полном покое. Что же тогда?

Какая-то едва уловимая магия время от времени начинала нервно пульсировать в разных концах пустырища. Но это слишком старые чары, оставшиеся небось еще со времени существования храма, в крайнем случае, со времен войны. А вот более яркие вспышки – это работают цверги. Одна вспышка, вторая, третья… Последняя совсем близко от остатков старой магии, следующая внахлест с нею… Демонолог почувствовал, как носом хлынула кровь. Мгновенно открыв глаза, Хельги окинул

взглядом пустырь – в двух местах начинали закручиваться в воздухе пока еще никем не замеченные воронки. Еще одна вспышка магии…

– Прекратите! Немедленно перестаньте чаровать! – крикнул демонолог, пытаясь унять идущую носом кровь. – Назад, все назад! Прочь отсюда!

Рабочие ошарашенно уставились на него. Хлопком сработало очередное расчищающее заклятье цвергов… и реальность выгнулась дугой, взорвавшись пульсирующими воронками. Строители, словно очнувшись, кинулись прочь с пустыря. Мир окрасился в багровые тона, укрывшись красным маревом. Хельги покачнулся.

«…Шторм реальностей, – запоздало догадался он, – такое случается, когда сталкиваются два несовместимых магических потока… Вот и столкнулись…»

Пентаграмма вокруг него засветилась, окружая мага защитным полем. Демонолог рванул с шеи амулет и активировал, разломив надвое. Нервная пульсация окружающего мира прекратилась. Взбешенная реальность застыла, готовая всколыхнуться в любой момент. Криэ тихо выругался сквозь зубы: уж он-то знал, что наложенная им охранная печать может разлететься с минуты на минуту. По счастью, все рабочие успели убраться с пустырища за секунду до того, как его основательно накрыло.

Словно подтверждая опасения демонолога, печать дрогнула, и реальность вновь пошла рябью. Хельги, незлым тихим словом помянув упрямого градоправителя, добавил к пентаграмме еще несколько рун. Меч ощутимо задергался в ножнах.

– Я знаю, что делаю, – огрызнулся Криэ, – здесь нужно все запечатать!

Печать дернулась еще раз, демонолог поспешно добавил очередную закорючку. Светящаяся копия пентакля взмыла в воздух и зависла, громадным пауком раскинувшись над пустырищем. Хельги довольно хмыкнул и активировал телепорт…

Секунду спустя он уже стоял посреди залитой солнцем улицы, а за его спиной подрагивало красно-черное марево, затянувшее пустырь. Градоправитель о чем-то спорил с предводителем строителей. Видно, тот требовал компенсации за пережитый стресс, а Кьель-ши активно протестовал. Демонолог, пошатываясь, приблизился к ним.

– Ну и как, довольны, ваша светлость? – зло бросил он. – Я ведь предупреждал вас, что это место лучше не трогать!

– А чего там такое случилось, мэтр? – его светлость пребывал

в состоянии легкого испуга, не совсем понимая, из-за чего весь сыр-бор.

– Шторм реальностей, – хрипло ответил Хельги. – Магия цвергов столкнулась с более древними чарами, пропитавшими это место насквозь. А в результате мы получили весь этот бардак! – демонолог исчерпывающе махнул рукой в сторону пустыря. – Я все там запечатал, и пока у меня не появится новой информации, больше ничего сделать не смогу… – пот градом катил по окровавленному лицу Криэ, зрачки расширились.

– Да-да, конечно… – градоправитель замахал руками, – благодарю, мэтр…

Но демонолог уже не слушал его, медленно поднимаясь вверх по улице. Свернув в ближайшую подворотню, Хельги обессилено привалился к стене и потянул клинок из ножен.

– Шай… помоги…

Шайритта едва успела поддержать потерявшего сознание мага. Нечего и думать, чтобы привести его в чувство немедленно. Клинок спешно нашарила на груди Хельги телепортационный амулет. Невнятно ругаясь и поминая рогатого, который не иначе как демонолога под руку толкал и мысли глупые на ухо нашептывал, Шайритта втащила Криэ в межпространственный портал…

* * *

Лес кончился внезапно. Вот еще минуту назад они шли под сенью раскидистых деревьев, раздвигая ветви подлеска – и раз… пригнув прутья очередной лещины, вывалились на дорогу, уходившую в залитое солнцем поле. Подрагивал выжженный солнцем ковыль, серебрилась притрушенная дорожной пылью полынь на обочинах. Такое яркое в начале лета, полевое разнотравье под палящими лучами раскаленного июльского солнца превратилось в сено. И лишь бодякам – полевому чертополоху, кажется, все было нипочем. Разлапистые, щетинившиеся колючками кусты цвели багрянцем, распространяя приторно-медвяный аромат и привлекая толстых мохнатых шмелей. Некоторые кусты уже отцвели и теперь распушились мохнатыми семенами, которые делали их похожими на взбесившиеся одуванчики.

Арьята тяжело вздохнула, вдыхая липкий, напоенный приторным ароматом воздух. Она уже не знала, что хуже: продираться сквозь кустарник, истекая потом, но в тени, или брести по открытой дороге, но под солнцем. Иль окинул взглядом

простиравшуюся перед ними необъятную равнину.

– До Белгродно еще так далеко… время… время… – досадливо пробормотал он себе под нос.

– Чего? – переспросил Шири. Полученный вчера глубокий порез за ночь полностью затянулся, и теперь о нем напоминала лишь грубо заштопанная дыра на безрукавке.

– Ничего… – Иль решительно шагнул на дорогу, – спасибо, что не бросили тогда на поляне. После гибели Энгарта я бы далеко не ушел… Но дальше я уж как-нибудь сам, – Несмотря на кажущееся спокойствие, юноша явно чувствовал себя не в своей тарелке и стремился как можно быстрее избавиться от случайных попутчиков. Однако Поводырь довольно бесцеремонно цапнул его за руку и вернул назад.

– Куда это ты собрался, парень? Мало тебе неприятностей?

– А?.. – Паренек недоуменно обернулся.

– Здесь на Далеград одна дорога, и вряд ли ты ходишь быстрее нас, – резонно заметила Арьята. – К тому же тракт небезопасен, лучше будет, если мы пойдем вместе.

– Э? Вообще-то я хотел через пустошь срезать и выйти к Белгродненскому тракту… – замялся Иль, озадаченный такой заботой со стороны малознакомых попутчиков.

Арьята и Шири переглянулись и одновременно покрутили пальцами у висков.

– Парень, если тебе нужно в Белгродно, то можем тебя провести, – неожиданно для себя предложил Шири. – Но через пустошь мы не пойдем, чревато лишними проблемами, – покачал головой Поводырь.

– Но через Далеград дольше! – попытался возразить юноша, которого стремление Шири помочь ему во всем уже начало порядком раздражать. Какого лешего он к нему так прицепился? Что-то подозревает? А если подозревает, то что именно?

– Дольше, зато безопасней, – назидательно воздела палец кверху Арьята, поддерживая товарища. – Более того, нам не повредит пополнить отощавшую мошну, а на пустоши, кроме праздно шатающейся нежити, иных слушателей, увы, нет. Следовательно, и платить бедному менестрелю некому. Посему мы идем в Далеград, а потом, раз уж так сложилось, в Белгродно.

Иль, насупив брови, сосредоточенно рассматривал носки своих изрядно запыленных дорожных ботинок. Он и сам понимал, что идти через пустошь в одиночку опасно, но с другой стороны, уж точно не опасней, чем вместе с этими… Этим… До сих пор страшно вспоминать, во что Шири превращается. И пусть Арьята утверждает, будто они нашли его без сознания, сам-то он прекрасно помнил, что потерял сознание после того, как пытался

оттолкнуть Поводыря прочь от умирающего Энгарта. Но больше всего его пугало отнюдь не это… Смерть, каким бы мистическим существом она ни являлась, все же оставалась более проста и понятна – в любой момент Иль мог прочесть ее мысли. А вот Шири по-прежнему был чистым листом. Как ни бился он над проблемой, но прочесть Поводыря так и не смог. До этого единственным человеком, который оказался для него таким же «чистым листом», оставался отец. Но в семьях телепатов всегда так: родители не могут читать детей, а дети родителей… А здесь…

– Ладно, – наконец буркнул он, прерывая свои размышления, – я с вами. Все равно после гибели мастера Энгарта мне некуда деваться.

– Значит, Энгарт был твоим учителем? – уточнила Арьята. Смерть все больше утверждалась в мысли, что с этим юношей что-то не так. Он явно старше, чем кажется. И если это так, то какой же из него, к черту, юноша? Потоптавшись немного вокруг этой мысли, менестрелька досадливо плюнула и прекратила терзаться размышлениями. Ладно, прикидываться валенком, то бишь юношей, еще никто не запрещал. Она и сама пару раз прибегала к подобным уловкам. Придет время, разберемся…

– Да… И хватит уже на месте топтаться! Солнце высоко! – резким срывающимся голосом почти выкрикнул Иль, шагая на дорогу.

Смерть и ее верный Поводырь переглянулись и последовали за ним.

– Кажется, я уже начинаю жалеть, что мы согласились провести его до Белгродно, – задумчиво пробормотал Шири, глядя на напряженную спину юноши, плечи которого чуть заметно вздрагивали.

– Да ладно тебе, – так же тихо откликнулась девочка, – хороший паренек. Толк из него выйдет.

– Угу, а бестолочь останется… – фыркнул Поводырь.

– К тому же две головы хорошо, а три…

– А три – это уже Змей Горыныч! Daeni, я злюсь не потому, что он мне не нравится, – Шири понизил голос до полушепота, – а наоборот!

– Как это? – не поняла намека Смерть.

– Потому, что он нравится мне как женщина! – прошипел Поводырь, заливаясь краской. Впервые поймав себя на оной мысли еще у озера, ему очень захотелось постучаться головой о дерево, дабы избавиться от некстати прорезавшейся странной симпатии. Да только вряд ли бы это священнодейство принесло успех…

– Может, он и есть женщина? – вопросительно вскинула бровь менестрелька. – Знаешь, я как-то над этим не задумывалась… Путешествовать в компании незнакомцев и кричать на каждом углу, что ты дама, чревато последствиями, понимаешь ли…

– Daeni, я что, по-твоему, не в состоянии одно от другого отличить? – возмущенно прошипел Поводырь. – Ты забыла, как я его на своем горбу полдня тащил?

– Ну, так тащил же, а не щупал, – пожала она плечами.

– О боги… ужас… позор мне на мои седины… – Шири запустил пальцы в растрепанные волосы и отчаянно подергал за пряди.

– Ну, солнышко, – Арьята успокаивающе погладила его по руке, – успокойся. Разнообразие время от времени требуется во всем.

Поводырь, не ожидавший от своей верной подруги такой подлости, вытаращился на нее, словно благородная девица на таракана в своей пудренице, и несколько секунд просто открывал и закрывал рот, не в силах выдать достойного, а тем паче – цензурного ответа.

– Да шучу я, шучу, – хихикала девчонка, довольная своей выходкой.

– Ну, знаешь ли, daeni!

– Тихо-тихо, сейчас пар из ушей пойдет…

Раздраженно сплюнув на дорогу, Шири отвернулся от Арьяты, продолжив путь в молчании.

Все слышавший Иль, взбивая фонтанчики пыли, шел впереди, изо всех сил стараясь, чтобы не было заметно, как вздрагивают его плечи. По лицу паренька катились крупные злые слезы…

Дом барона Йожефа Тарницы окутывала мрачная, почти зловещая тишина. Уже несколько дней среди домочадцев и прислуги кочевала весть о том, будто старший сын барона, Кристоф, слег и находится при смерти. Страшный удар для семьи, ведь парню едва исполнилось двадцать. Неизвестный недуг внезапно свалил доселе ни на что не жаловавшегося молодого человека и теперь неотвратимо вел его к могиле. А посему все обитатели роскошного полузамка-полуособняка в сердце Далеграда говорили только шепотом и ходили на цыпочках. А еще ближе к вечеру по дому пополз слух, что молодой господин совсем плох… И по всему видно – стать наследником в скором времени предстоит не кому иному, как заму-хрышке Эдану, младшему сыну благородного барона. Нелюбимому и презренному отпрыску рыжей Эвелины, второй жены господина Йожефа, почившей в мире сразу после рождения сына.

Поговаривали, что барон вообще не хотел признавать ребенка своим. Ибо уродился тот рыжеволосым, как мать, и с необычайно тонкой статью. Тогда как сам Йожеф Тарница был темноволос и кряжист, словно медведь, и поэтому изначально называл малыша бастардом. Но потом вдруг передумал и дал мальчику свое имя… И более ничего не присвоили младшему отпрыску, а вообще-то по закону полагалось выделить ему хотя бы коня и меч. Впрочем, данное имущество сейчас было юноше ни к чему, ибо жил он пока при отце, хоть и исполнился ему уже шестнадцатый год. Да и барон строго-настрого запретил сыну покидать пределы имения.

Слуги и домочадцы, стремясь угодить хозяину, обращали на Эдана внимания не больше, чем на таракана, ползущего по потолку, и норовили при случае пнуть его побольнее. Однако с каждым годом все реже и реже, потому как к шестнадцати годам внешне хрупкий, субтильный юноша мог вполне уверенно дать сдачи, а то и вызвать на дуэль. А вот кто, вопреки строгому запрету старшего Тарницы, обучил младшего сына владеть мечом, так и не выяснили.

Чем старше становился Эдан, тем меньше окружающие старались его затрагивать. Тяжелый, угрюмый и злой взгляд холодных синих глаз мог пригвоздить к месту кого угодно. Кстати, друзей у него никогда не водилось, а соседи юношу недолюбливали, обзывая малахольным. Поэтому закадычными приятелями младшего баронского отпрыска стали одиночество и книги…

Сколько юноша себя помнил, единственным местом, где ему удавалось скрыться от вездесущих насмешек, была библиотека. Там он просиживал часами: сначала прячась от окружающих, позже – уже целенаправленно штудируя пыльные фолианты по истории, алхимии и медицине. С двенадцати лет Эдан Тарница искал способы исчезнуть из окружающей его действительности. Все попытки бегства из дому терпели крах одна за другой. Барон, которому бы радоваться, что нелюбимое чадо наконец-то сгинуло с глаз долой, сам каждый раз возглавлял погоню, возвращая нерадивого обратно и закатывая тому знатную трепку.

В выборе средств исчезновения Эдан был осторожен и прихотлив, отвергая большинство из них из-за трудоемкости и болезненности. Яды не прельщали его по причине сложности добывания и приготовления. А смерть от клинка он отверг сразу же, от корки до корки прочитав иллюстрированный фолиант «Ранения хладной зброей нанесенные: легкие, тяжелые, смертельные».

К тому же от яда можно найти противоядие, а рану залечить, благо и алхимик, и целитель при бароне имелись. Эдан уже

отчаялся отыскать оригинальный способ перехода в иное состояние бытия, как вдруг однажды, роясь на верхних, никого не интересовавших полках, наткнулся на старый тяжелый том, переплетенный в телячью кожу с медными литыми застежками. Потемневшая от времени золотая вязь недвусмысленно гласила «Заклинательство: демонов призвание и усмирение». А в конце фолианта обнаружился весьма занятный раздел, состоявший всего из двух глав, но стоивший того, чтобы перевернуть библиотеку вверх дном. Поименован он оказался просто и незатейливо: «Смерть и договоры с нею».

Юноша возликовал: в главе первой давались четкие инструкции воззвания к Слепой Гостье, с последующей передачей госпоже своей мизерной души. Текст воззвания прилагался. А главное, обряд не требовал ни магических навыков, ни рунической грамоты, ни прочей специфической атрибутики, простым смертным недоступной. Имелась, правда, на полях пометка «только для др.» и «зри далее», да еще какая-то корявая цифирь, нанесенная расплывшимся от времени химическим карандашом, но Эдан предпочел ее проигнорировать.

Сложнее всего оказалось незаметно вынести книгу из библиотеки, но и эта проблема вскоре была решена. И теперь младший сын господина барона, милсдарь Эдан, с нетерпением любовника, алчущего возлюбленной, ждал наступления ночи, дабы избавить отчий дом от своего присутствия, а себя от враждебного окружающего мира…

* * *

Дорога серой пыльной лентой стелилась по земле, все дальше уходя от холмов на равнину. Выгоревший вереск невнятно шелестел за спиной, оставаясь охранять древние могилы. А впереди лежал высушенный солнцем болотный клин и пыльный тракт, змеей вившийся меж зарослей ковыля и полыни. Эта часть территории Древних никогда не была густо заселена, посему, когда скомканный лист волшебного мира расправился и вольготно разлегся в мире людей, склеившись с ним воедино, большинство городов оказалось человеческими. Но лояльность местного населения к волшебным пришельцам очень скоро это исправила, смешав разномастные народы в абсолютный винегрет. Жители провозгласили свои города Свободными и существовали как хотели, не особо заморачиваясь территориальной принадлежностью…

– Шири-и… – тоскливо простонало за спиной у Поводыря.

– М-м? – невнятно откликнулся он.

– Давай остановимся-а, – жалобно хныкнула Арьята, указывая на придорожную криницу, расположившуюся в тени четырех ив, за которыми, шурша выгоревшим тростником, простирался болотный клин. Здесь Курганов большак вливался в Пустошный тракт и поворачивал на Далеград. Некогда этот город, как и немногочисленные его соседи, носил совсем другое имя, куда более привычное и приятное слуху их коренных обитателей. Но павшая по воле древних Граница многое изменила, сомкнув два разрозненных мира, словно половинки строптивой устрицы, из которой попытались извлечь жемчужину.

– Зачем? По-моему, еще никто с ног не валится… – сухо бросил одноглазый воин.

– Я валюсь… – продолжила канючить девчонка, – коленки болят, поясница затекла… вот сейчас лягу тут и умру! – вынесла вердикт она.

– Умирай, – согласился Шири, – надоест, догонишь.

– Чурбан бесчувственный, вот ты кто! – Арьята ткнула его кулачком в плечо. – Даже к Смерти никакого сочувствия!

– Вот уж точно кто в моем сочувствии не нуждается, – иронично хмыкнул Поводырь.

– Ну, Шири… Тебя что, кто-то в спину гонит?

– Да, – откровенно признался он.

– Кто? – мгновенно заинтересовалась Арьята, с любопытством поглядывая на товарища. О своих похождениях в одиночку Шири всегда умалчивал, на все расспросы своей любопытной ведомой отвечая, что чем больше она будет знать, тем хуже станет спать. И Арьята сильно подозревала, что в один прекрасный момент эти самые похождения, а то и их последствия постучатся в ворота Круговерти, требуя выдачи виновного…

– Она. – Поводырь обернулся и указал пальцем на терявшуюся в раскаленном мареве линию горизонта.

Менестрель прищурилась и взглянула туда, куда указывал Шири. У самой кромки, там, где купол неба смыкался с раскаленной землей, начинала едва заметно проступать темная клубящаяся полоса.

– Гроза? Так она же еще далеко!

– Daeni, мы прибудем в Далеград только к вечеру, и мне очень бы хотелось обогнать ее.

– Да ладно тебе. Не сахарные, не растаем! – фыркнула Арьята.

– Daeni, тебе напомнить, что в таких грозах имеет обыкновение путешествовать Дикая Охота[6]? – начиная раздражаться, ответил Поводырь. – Я понимаю, тебе она вряд ли

помешает, но я и наш вынужденный попутчик всего лишь люди…

– Ши, хоть на полчасика… немножко остыть в тени, – продолжала упрашивать его девчонка, заискивающе глядя в глаза. – Если меня хватит солнечный удар, – тон сменился с просительного на угрожающий, – ты же первый потом будешь жаловаться, что пришлось всю дорогу до города тащить меня на руках, – мстительно закончила Арьята.

Шири окинул ее страдальческим взглядом, и Смерть мгновенно изобразила готовность хлопнуться в обморок.

– Ладно, – покорился он. – Эй, парень, сбавляй обороты! Привал!

Юноша механически свернул к ивам. За последние несколько часов он не проронил ни слова, держась чуть впереди своих невольных попутчиков.

Арьята тут же принялась усердно шуровать журавлем, пытаясь наполнить рассохшееся деревянное ведро. Проделать это оказалось не так-то просто, ибо столь манящая влага из-за несусветной жары находилась довольно глубоко, призывно поблескивая в обомшелом квадрате сруба. Хоть ты сам туда кидайся – сразу и остынешь, и напьешься. В конце концов ей удалось зачерпнуть достаточно воды. Но пока девочка подняла ее наверх, половина успела вылиться сквозь щели.

– И на том спасибо… – пробормотала она, окуная флягу в ведро. Вода захлюпала, наполняя емкость.

Шири бросил рюкзак под ближайшую иву и расправил затекшие плечи, потягиваясь, словно кот. Иль опустился у соседнего дерева и, привалившись к стволу, закрыл глаза. Поводырь искоса взглянул на него. Мешковатая одежда явно ему велика и наверняка с чужого плеча. Прическа на манер спудеев-послушников: черные волосы, стриженные под горшок, несколько длинных прядей сзади обмотаны тесемкой. Черты лица, тонкие и резкие от природы, еще более заострились за последние дни.

«…И какой шайтан дернул его в ученики к мечнику податься? – мрачно подумал он. – Шел бы лучше в пажи – для него самое то. Мордочка смазливая: не то парень, не то девка, не разбери-поймешь… Тьфу!» – досадливо сплюнув, Поводырь вынул клинок из ножен и шагнул к Илю.

Не успел юноша расслабиться, как нечто холодное и острое кольнуло шею. Иль открыл глаза и недоуменно воззрился на Шири. Клинок подрагивал в миллиметре от кожи.

– Эй, ты чего удумал?! – испуганно пискнул юноша.

– Поднимайся. Хочу посмотреть на твои способности, – резковато откликнулся Поводырь.

Иль продолжал недоуменно таращиться на него.

– Я про клинок на твоей спине, парень. Ты его там для красоты носишь? Дорога нам предстоит неблизкая и небезопасная. Одно небо знает, что может случиться. Уж извини, но в случае возникновения проблем защищать я должен daeni, а не тебя.

Парнишка нехотя поднялся и лениво потянулся к оголовью меча. Шири окинул его пристальным взглядом.

«…И какого шайтана этот недоросль до сих пор в куртке? – удивленно подумал он, разглядывая потертую, чуть не наглухо застегнутую ветровку Иля. – На дворе жарища, словно в бане…»

– Куртку сними! – потребовал Поводырь.

– Мне и так неплохо, – буркнул Иль, одергивая затертую, некогда вишневую, а теперь бурую ветровку.

– А снимешь – вообще хорошо станет. Ну же, шевелись!

– Не нукай, чай, не запряг! – огрызнулся юноша, но куртку все-таки снял, бережно сложив возле дерева, оставшись в широкой, явно с чужого плеча рубахе, перехваченной в поясе ремешком. Одежка бесформенной хламидой висела на худеньких плечах.

«…И чего его в ученики к мечнику понесло? – вновь подумал Шири, оглядывая щуплую фигурку. – Щупленький, бледненький, глазищи большие перепуганные… Колдун, тьфу!»

Поводырь неторопливо крутанул в руке меч, приглашая к поединку. Иль неподвижно застыл напротив, судорожно вцепившись в рукоять. Может, если он сделает вид, будто держит меч в первый раз в жизни, светловолосый зануда от него отстанет?

– Ну, чего стоим, кого ждем? – нетерпеливо осведомился Поводырь Смерти.

– Энгарт говорил: если начнешь поединок первым – отдашь противнику половину преимущества.

– Дурак был твой Энгарт, земля ему пухом, посему и покоится сейчас в бозе…

– Ты… – лицо Иля исказилось от ярости.

– Мальчишка, – прервал его Поводырь, – здесь тебе не тренировочная площадка. Это жизнь, где либо ты, либо тебя, – закончил Шири, проводя удар. Иль неуклюже парировал, попытался атаковать, и противник без труда выбил меч у него из рук.

– Ты убит, – констатировал он, наблюдая, как юноша поднимает клинок. – Становись.

Тот с унылой покорностью вернулся на исходную позицию. Поводырь окинул его взглядом и страдальчески закатил глаза. Вернул свой клинок в ножны и решительно направился к Илю.

– Это вот чего? – вкрадчиво осведомился он. – Что это за ужас, я тебя спрашиваю? Кто тебя учил так меч держать? Хотя о чем я спрашиваю… Так! Во-первых, меч не девка, незачем его так тискать. Ослабь пальцы, не напрягай кисть. Во-вторых, зачем ты так скукожился?! Распрями спину! (*Шлепок.*) Так, живот втянул (*Тычок.*)…

Арьята заметила, как бледное лицо Иля наливается краской ярости.

«…Ох, как бы Ши палку не перегнул…» – забеспокоилась она.

– …зад подобрал! (*Шлепок пониже спины.*)

И тут паренек не выдержал… Резкий взмах рукой, и Поводыря отшвырнуло на добрых три метра, хорошенько приложив о землю и протянув по траве.

– Какого черта ты ко мне прицепился?! – взорвался Иль. Между его тонкими пальцами проскакивали голубоватые искры. – Тоже мне, возомнил себя великим учителем! Мастеру Энгарту и в подметки не годишься…

– Может, и так… – Шири неспешно поднялся на ноги. Единственный глаз недобро сверкнул. Арьята сдавленно пискнула и поспешила к Поводырю. – Может, так оно и есть… Но твой разлюбезный мастер не придумал ничего лучше как навязать тебя мне! – Его голос звенел, набирая силу.

– Э-э-э? – юноша ошарашенно уставился на него. – Нет… не может быть. Ты лжешь!

– Да? – мужчина недобро сощурился и дернул пальцами ворот безрукавки. – Смотри! Думаю, ты знаешь, что ОНА означает! Ну же, чего нос воротишь!..

– Ш-ш-ш… спокойно… – Поводырь ощутил, как плеча коснулась ладонь Арьяты. Бурлившая внутри ярость разом схлынула, оставив после себя горький осадок.

– Печать последней воли… – безжизненно произнес заметно побледневший Иль, разглядев ожог на груди Шири. – Зачем? Не нужно было… Энгарт из-за меня погиб… меня защищал… Твоя защита мне не нужна! – Последнюю фразу он выкрикнул срывающимся голосом.

– А это уже не тебе решать, – вздохнул Поводырь, – и не мне… Но умирать за тебя я не собираюсь, за это не бойся… – закончил он, криво усмехаясь.

– И на том спасибо, – буркнул юноша, – но говорю сразу, драться с людьми меня не учили.

– А с кем учили? – полюбопытствовала Арьята, понимая, что гроза миновала.

– С демонами, – мрачно откликнулся тот.

– Ты серьезно? – такой ответ заставил Шири опешить.

– Серьезней некуда, – вздохнул Иль. – Мой отец демонолог, мастер Энгарт – охотник на демонов – с ним в паре работал.

Поводырь и девочка переглянулись – час от часу не легче.

– А отец где? – настороженно в один голос спросили они.

– В Белгродно.

– Ну, хоть какой-то луч света в этом темном царстве, – покачала головой Арьята.

Шири молча подхватил рюкзак и направился к дороге, показывая, что привал окончен. Менестрель с юношей поспешили за ним.

– Все будет нормально. – Арьята успокаивающе потрепала Иля по плечу. – Шири – он хороший. Просто он не привык защищать кого-то, кроме меня… Да еще по принуждению.

– Ну, так в чем проблема? – проворчал паренек. – Пусть тебя и защищает.

– Ты не понял, – улыбнулась Смерть. – Шири все еще не смирился с тем, что меня защищать не нужно…

# Глава 4

Хельги пришел в себя ближе к вечеру. В голове противно гудело, все тело ныло, будто его заставили таскать гранит в каменоломне, в висках стучало, и страшно не хотелось открывать глаза, а пришлось… Первым, что увидел демонолог, стало недовольное лицо Шайритты.

– Лекарь предупредил: еще одна такая твоя выходка в подобном состоянии, и я могу его уже не звать, – мрачно сообщила она.

– Почему? – пересохшими губами прошелестел Криэ.

– Потому что вы преставитесь мгновенно, мессир, – невозмутимо закончила клинок, подсовывая ему под нос чашку с травяным отваром.

Хельги заставил себя подтянуться до полусидячего положения и выпить несколько глотков. Внутренности мгновенно взбунтовались против такого надругательства, и лишь усилием воли демонологу удалось подавить внутренний мятеж и мужественно допить горьковатый взвар.

– Вот так всегда, – выдавил он, все еще прислушиваясь к недовольному нутру, – ни «как вы себя чувствуете, мессир», ни «я так волновалась, мессир»… – Мужчина неопределенно махнул рукой, надеясь этим жестом передать всю сердечную черствость Шайритты.

Клинок фыркнула и обиженно отвернулась.

Снизу послышался стук в дверь, и Шай поспешила в коридор. Спустя минуту из прихожей донеслась приглушенная возня и пререкания. Один из голосов принадлежал Шайритте, обладателя второго Хельги так и не смог определить.

– Шай, кто там? – крикнул он. Возня и спор на секунду затихли и тут же возобновились с новой силой.

Чертыхаясь сквозь зубы и поминая про себя всю известную ему классификацию демонов, Криэ по стеночке выбрался в коридор и перегнулся через перила, вглядываясь в полумрак гостиной. Шайритта вполголоса ругалась с наступавшим на нее Мираниэлем. Эльф жадно добивался встречи с хозяином дома.

– А, это вы, Мираниэль, – как можно тверже и громче произнес демонолог.

И клинок и визитер немедленно обернулись в его сторону.

– Мессир, кто вам разрешил вставать?

– Шайритта, если тебя не затруднит, проводи, пожалуйста, почтенного Мираниэля ко мне, – сухо отрезал Хельги, возвращаясь в комнату.

Когда клинок и помощник градоправителя переступили порог опочивальни господина демонолога, Криэ уже снова находился в постели и едва успел подавить очередной приступ головокружения после вынужденной прогулки в коридор. Столкнувшись с неодобрительным взглядом Шайритты, Хельги подарил ей обворожительную улыбку, а затем обернулся к эльфу:

– Что же в этот раз привело достойного из достойнейших в дом бедного демонолога? – саркастически осведомился он.

– Мне уйти? – не дав эльфу ответить, спросила Шай.

– Нет, останься. Иначе, кто будет напоминать мне о том, сколь я слаб сейчас, и удерживать от немедленного решения податься в город с господином Мираниэлем? – иронично хмыкнул Хельги.

– Как вы… вы… – господин Мираниэль вскинул руку ко лбу, будто пытался защититься, – как вы посмели меня «читать»?! – в негодовании воскликнул он.

– Я не знаю закона, который бы это запрещал, – усмехнулся Хельги. – К тому же вы слишком громко думаете. Итак, друг мой, раз уж вы здесь, поведайте, что же творится сейчас в городе?

Эльф обиженно надулся в ответ.

– Ну же, избавьте меня от копания в вашем сознании, – подтолкнул его к беседе демонолог, – поверьте, меня меньше всего интересует некая Циня Застальская, и еще меньше – что скажет достойная Ллилиэль, когда о ней узнает…

Мираниэль залился краской до корней волос и на-конец-то сообразил поставить экран от нахального телепата.

– Так-то лучше, – вздохнул Хельги. – Как складывается ситуация в городе?

– А как вы думаете? – огрызнулся эльф. – Слухи расползаются быстрее чумы. Жители боятся. Какой-то дурак обвинил в произошедшем вас, и теперь полгорода считает, будто это вы запугали градоправителя и заставили его дать разрешение на вызов демонов…

– Что за чушь, – проворчал Криэ, – даже при большом желании я в своем теперешнем состоянии не смог бы вызвать и захудалого призрака-спирита, не говоря уже о демонах… А утром вообще не использовал подобную магию.

– Толпа, сами знаете… – буркнул Мираниэль.

– Да уж, злые языки страшнее пистолета… – покачал головой Хельги.

– Что, простите?

– Ничего, это из древней литературы… А как обстоят дела в Лекарском квартале?

– А что? Пустырище оцепили стражей, народ в соседних

домах предупредили. Но этого недостаточно. Чем ближе к ночи, тем хуже. На пустыре не пойми чего творится. Стражники боятся. Зато всякие недоумки лезут, словно мухи на мед.

– А точнее, мотыльки на огонь… – пробормотал демонолог. Все разворачивалось так, как он и предполагал. Да уж, свинью градоправитель ему подложил знатную.

– …уже поймали одного доморощенного некроманта и двоих представителей учения о конце света, которым ну очень хотелось иметь ручного демона «хоть ма-ахонького», – противно-пародийным тоном протянул эльф. – Стража чувствует себя неуютно. Они утверждают, будто какая-то дрянь уже пыталась прорваться наружу, но не смогла переступить ваши защитные печати. Его светлость Кьель-ши рвет на себе волосы…

Представив кружащиеся по кабинету градоправителя пурпурные клочья, Хельги непроизвольно фыркнул.

– Раньше думать надо было, – вслух напомнил он. – Я его предупреждал. Если бы достопочтенный Кьель-ши так не спешил, словно его бес вилами в спину толкал, я бы успел разобраться во всем этом. И всего того, что мы имеем сейчас, удалось бы избежать.

– Все это ясно и так, – проворчал Мираниэль. – А что вы можете предложить сейчас, мэтр?

– Можно подумать, его светлость меня послушается, – хмыкнул демонолог, пытаясь поудобнее устроиться на кровати и подоткнуть сбившуюся подушку.

– Послушается, не беспокойтесь, – с мрачной решимостью откликнулся заместитель его светлости.

– Тогда соберите всех имеющихся в городе ведьмаков и охотников на нежить и поставьте дежурить вместе со стражей.

– Не думаю, что найдем их в достаточном количестве. Белгродно не такой уж большой город, – с сомнением покачал головой эльф. – Да и вряд ли кто-то из них захочет в это ввязываться. А захотят, так такую цену заломят, что проще страже доплатить.

И в этом Мираниэль был абсолютно прав. Для того чтобы втянуть градоправителя в дополнительные расходы, к его горлу нужно приставить как минимум циркулярную пилу, и то не факт, что подействует.

– Тогда свяжитесь с ближайшей амбасадой[7] Нейтральной зоны, пусть направят к нам чистильщиков, то бишь профессиональных охотников на нечисть.

– Вы думаете, они смогут навести порядок на пустырище? – лично эльф очень сомневался в том, что обычные люди, да еще из Нейтральной зоны, окажутся здесь полезны.

– Не смогут, – спокойно откликнулся Хельги, – зато смогут противостоять тем тварям, которые оттуда вырвутся, не дай бог, конечно.

– А вы, мэтр?

– А при чем тут я?

– Мы можем рассчитывать на вашу помощь?

– Только на совет и утешение, по крайней мере, в течение ближайших двух-трех дней, – ухмыльнулся он.

– А потом?

– Вы хотите знать, смогу ли я разобраться с пустырем? По крайней мере, попытаюсь, если до этого меня не сожгут обозленные горожане. – Последнее предположение в свете утренних событий и ползущих по городу слухов уже не казалось демонологу таким абсурдным.

– Хорошо, я все передам его светлости. Поправляйтесь. – Засим достойный Мираниэль изволил откланяться, оставив демонолога наедине с Шайриттой.

Компаньонка не замедлила излить на голову Криэ чашу своего праведного гнева пополам с упреками.

– Женщина, – замогильным голосом осведомился он, – ты смерти моей хочешь?

– Что вы, мессир?! Как вы подумать такое могли?! – всплеснула руками Шайритта.

– Тогда примолкни на минуту, я думаю.

– Да пожалуйста! – обиженно фыркнула она, и через секунду на одеяле, тускло поблескивая лезвием, лежал меч.

– Эй, я же просил всего лишь помолчать, а не уходить! – воскликнул демонолог. Клинок отозвался недовольным звоном. – Шай, вернись, пожалуйста! – Клинок молчал.

– Ну и пес с тобой, – пробормотал Хельги, но меч в ножны вкладывать не стал, оставил на столике у изголовья…

* * *

Гроза надвигалась с неотвратимой быстротой, затянув уже больше половины неба. Далекие бледно-золотые зарницы то и дело разрывали плотную черноту туч. Поднялся ветер. Мягкая дорожная пыль летела в глаза. Трава у обочин услужливо пригибалась и шуршала под резкими порывами ветра, подгонявшего темные тяжелые тучи и толкавшего в спины троих путников. Люди старались, из последних сил спеша достигнуть ворот Далеграда раньше, чем разразится непогода.

– Daeni, чехол непромокаем? – поинтересовался Шири,

ощупывая ткань на гитаре.

– Конечно, а что?

– Боюсь, мы все-таки намокнем. Гроза идет все быстрее, а мы все медленнее. Иль вон вообще еле плетется…

Они остановились на вершине холма, поджидая паренька. Внизу в долине лежал Далеград. Юноша уже едва шел, подволакивая левую ногу. Шири недовольно покачал головой. Он уже и сам был не рад, что рассказал о печати пареньку. Но слово не воробей, а очень даже голубь, – вылетит, нагадит и смоется.

– Ты можешь идти быстрее, юноша? – угрюмо спросил он. – Не хотелось бы намокнуть только из-за того, что твои изнеженные ноги не выдержали заданного темпа.

– Так, может, понесешь? – зло огрызнулся парнишка, исподлобья глядя на Поводыря.

– Мастер…

– Что «мастер»? – не понял Иль.

– «Так, может быть, понесешь меня, мастер?» Если уж на то пошло, – ехидно осклабился Шири.

– Я к тебе под опеку не набивался, – буркнул юноша.

– Эй, кто-то не хотел мокнуть! – оборвала начинавшуюся перепалку Арьята, вглядываясь в надвигавшиеся тучи. – К тому же твои опасения оправдались, Ши.

– А?

– Дикая Охота. – Девочка указала на белесые фигуры, то выныривавшие, то исчезавшие в черноте грозовых туч. Зрелище воистину было феерическое: наряду с зарницами сквозь тучи то тут, то там прорывались призрачные всадники в полуистлевших доспехах. С каждым раскатом грома конские скелеты запрокидывали головы, и казалось, что это они вместо ржания исторгают грохочущие раскаты.

– О, шайта-ан! – с разочарованием протяжно выругался Поводырь. – Бежим!

Несмотря на то что дорога шла под уклон, Иль все равно отставал. Когда спустились к подножию холма, он уже отчаянно хромал на обе ноги. Шири, окинув его скептическим взглядом, тяжело вздохнул: похоже, парень действительно изрядно стер себе ноги. Но останавливаться посреди дороги и выяснять, так ли это, не осталось времени. Дикая Охота и не думала замедляться.

– До города дотерпишь?

Иль молча кивнул в ответ.

Тесовые ворота, окованные тяжелыми полосами железа, оказались распахнуты настежь. Ров пересох, и дабы не тратиться еще и на содержание подъемного моста, ушлые горожане перед воротами засыпали его землей. А высокая городская стена,

сложенная из серого изъеденного временем и стихиями камня, являлась скорее данью славному прошлому, когда Далеград еще лежал по ту сторону Границы, не соприкасаясь с человеческим миром. После окончания войны тогдашний градоправитель настрого запретил строиться за воротами, но предприимчивые жители нашли лазейку, и город постепенно разросся вширь, не затрагивая местности у ворот. А посему городские стены сходили на нет уже через несколько сотен метров, уступая место уютным коттеджикам, утопавшим в цветах и зелени. Из-за такой странной застройки Далеград напоминал перетянутую лентой цветную скатерть, где роль ленты отводилась воротам и остаткам стены. Имелся при воротах и другой пережиток прошлого – стражники, сонные и обленившиеся. Арьята сотоварищи, влетев под арку, едва не сбили с ног двух дебелых представителей городского порядка.

– Эй, куда спешите, любезнейшие? – совсем нелюбезно осведомился один из них.

– Дикая Охота!.. – хватая ртом воздух, выдавила Арьята. – В грозе…

– Гля, совсем ополоумела девка… – возмутился стражник, – какая охота… день на дворе!

– Кликните караульную башню, если у вас самих глаза жиром заплыли! – рявкнул Шири. – На город надвигается гроза с Дикой Охотой. Через десять минут вам станет уже не до смеха!

– Да за оскорбление стражи… – закончить свою угрозу представитель оной не успел.

– Дикая Охота! – раздался вопль с караульной башни. – Дикая Охота на город идет!

Стражники переглянулись и кинулись бить тревогу, напрочь забыв о непочтительных пришлецах. Те не замедлили отойти подальше от ворот и затеряться в узких городских улочках. К тому же им предстояло позаботиться об укрытии и для себя.

На запыленную мостовую уже летели первые капли грядущего ливня, когда они, наконец, ввалились в какой-то трактир, шумно захлопнув за собой дверь. Пока глаза приспосабливались к тусклому освещению, троица стояла на пороге, щурясь и глупо моргая. Немногочисленные посетители успели достаточно рассмотреть вновь прибывших, и, не найдя в тех ничего примечательного, вернулись к своим тарелкам и кружкам. На улице сверкнуло, озарив внутренность трактира холодной вспышкой. Оглушающий раскат грома заставил грязные стекла отозваться противным дребезжанием. Хлынул ливень. К завываниям ветра то и дело примешивались леденящие душу стоны Дикой Охоты.

Тощий, словно щепка, трактирщик с густой щеткой седых усов и головной повязкой, скрывавшей не то рога, не то позорное клеймо, окинул посетителей взглядом и скрипуче поинтересовался: «Что любезнейшим надобно?»

– Комнату на ночь, – устало заявила Арьята.

– Одну? – дотошно уточнил трактирщик, еще раз пристально оглядев странную троицу.

– А у вас есть сомнения? – иронично заломила светлую бровь девчонка.

Судя по взгляду, сомнения у хозяина были, да еще какие! Не часто у него требовали комнату на троих молоденькая менестрелька, одноглазый мужик явно бандитской наружности и… то ли парень, то ли девка при мече, поди этих колдунов разбери. А то, что чернявый спутник менестрельки – колдун, трактирщик определил сразу. Ибо кто же еще придумает на шее столько амулетов таскать, как не чаровных дел мастер?

Поняв, что «госпожа менестрель» изволит говорить серьезно и к шуткам не расположена, трактирщик решил: отринуть все сомнения будет значительно проще, чем теряться в догадках, и назвал цену:

– Пятнадцать гривенков извольте.

Троица переглянулась со смесью недоумения и удивления. Иль даже рот открыл от названной суммы.

– Ну и заломил же ты, почтеннейший, – протянула Арьята. – Десять!

– Эк вы хотите! – возмутился хозяин. – Десять – это ежели двое в комнате, а вас, уж простите, трое! Еще, небось, и ванную пожелаете с дороги, и постелю чистую…

– Пожелаем, – утвердительно кивнул Поводырь, – и ванную, и постель, и кота, чтобы перед сном помурлыкал.

– Как можно, господин! – всплеснул руками трактирщик. – Отродясь животину в комнаты не пускали – она ж блохастая! А ну как среди ночи кусать вас начнут?

– Кто, коты? – не понял Иль.

– Да боги с вами! Блохи, блохи…

Шири фыркнул в кулак. Арьята рылась в кошельке, усердно пытаясь спрятать улыбку от хозяина.

Отсчитав семь с половиной гривенков, она высыпала монеты на стойку.

– Остальное – утром, – пояснила менестрель.

Хозяин кивнул, не слишком довольный таким раскладом.

Попав в комнату, Арьята поняла, что еще и переплатила, ибо семи с половиной гривенков было более чем достаточно за весь ночлег в убогой каморке с деревянными стенами и затоптанным

ковриком непонятного цвета. Причем некоторые пятна подозрительно напоминали кровь. Продавленная и страшно скрипучая кровать оказалась застелена сомнительной чистоты покрывалом. Шири тут же предположил, что в оной водятся не только блохи, но и клопы, причем и те и другие попали туда без кошачьей помощи.

– Предлагаешь ночевать на улице? – спросила Смерть, осторожно тыкая кровать пальцем и прикидывая, провалится та, когда они улягутся на нее всем скопом, или еще постоит?

– Предлагаю пойти поискать другой трактир, предварительно стребовав с хозяина этого убожища все свои деньги плюс столько же за моральный ущерб, – откликнулся Поводырь, подходя к окну и дергая щеколду. Та поддалась, но створки остались недвижимы. Присмотревшись, Шири обнаружил, что окно заколочено.

Иль тем временем плюхнулся на кровать (в днище что-то хрупнуло, и на пол посыпалась труха) и спешно расшнуровал ботинки, привлекая внимание спутников душераздирающим стоном. Шири скептически посмотрел на отекшие ступни юноши: левая в нескольких местах оказалась стерта до крови, а на правой наливались два крупных волдыря.

– Боюсь, завтра он вообще не сможет идти, – вынесла свой вердикт Арьята, присоединившись к осмотру.

Иль утвердительно простонал.

Поводырь, покопавшись в рюкзаке, извлек несколько плоских флаконч иков и бинт.

– Daeni, принеси, пожалуйста, воды и спроси у хозяина, где здесь можно купить сандалии…

Девчонка посмотрела на свои сандалеты, затем перевела взгляд на Иля и прыснула смехом. Шири покачал головой.

– Ладно, – вздохнул он, – тогда просто принеси воды.

Полчаса спустя, когда пострадавшие конечности обработали и перебинтовали, а Иль перестал душераздирающе постанывать от каждого прикосновения к своим ногам, Арьята пришла к выводу, что пора бы подумать и о хлебе насущном. Желудок все громче выводил серенады о своей неразделенной любви к пище.

– Может, закажем ужин сюда и не станем никуда вылезать? – с надеждой осведомился Шири, только сейчас ощутив, как же сильно он на самом деле устал.

– И отдать коту под хвост еще несколько гривенков? – возмутилась менестрель. – В конце концов, если тебе так не хочется есть в общем зале, то можно спуститься, заказать и забрать еду сюда собственноручно.

– Угу… – благосклонно кивнул Поводырь, – если ты закажешь и заберешь…

– Ну, ты и наглец! – в негодовании воскликнула девчонка. – Нет чтобы самому поработать, так и норовишь спихнуть все на мои хрупкие плечи!

– Ну не все же тебе вредительствовать, – пожал он плечами, – должна и от Смерти польза быть… иногда… – Шири вальяжно развалился на кровати, потеснив юношу. Ложе под двойной тяжестью издало томный скрип. Количество трухи на полу резко возросло, а к темному углу со всех лап устремился перепуганный выводок каких-то членистоногих. Клопов или нет, никто рассмотреть не успел.

– А давайте я закажу, и вы не будете спорить? – устало произнес Иль, медленно поднимаясь на ноги и ковыляя к двери. Расшнурованные ботинки так и норовили слететь и гулко шлепали об пол.

Шири, увидев его хромающую, запинающуюся походку, устыдился и немедленно поднялся с кровати, перехватив юношу посреди комнаты.

– Сиди уже, инвалид! Сам схожу.

– Давайте-ка все вместе спустимся, и никто не останется в обиде, – внесла свое предложение Арьята, подхватывая гитару и присоединяясь к Поводырю.

– Будешь петь? – слегка удивился Шири.

– Может, хоть часть денег верну… – вздохнула девочка.

* * *

После прокатившейся над городом грозы солнце уже больше не показалось, уступив место пасмурным сумеркам, сменившимся мягкой чернотой июльской ночи. То тут, то там с деревьев срывались крупные капли и шлепались в густую садовую траву. Где-то в глубине стрекотал сверчок. Вздрагивая, частью из-за ночной сырости, а частью от страха быть замеченным, путаясь ногами в мокрой траве, Эдан крался в самый отдаленный уголок сада, прижимая к груди толстый фолиант в потертом кожаном переплете. Он боялся, что жуткий ливень, обрушившийся на город перед закатом, зарядит на всю ночь. К счастью, дождь оказался сильным, но недолгим. И теперь юноша брел по ночному саду, оскальзываясь на мокрой траве и рискуя шлепнуться в лужу. Основательно продрогнув и собрав полные туфли росы, он добрался до старого садового колодца, из-за своей отдаленности забытого и не используемого вот уже несколько десятков лет. Остановившись подле него, Эдан положил книгу на рассохшийся сруб и облегченно перевел дух.

От колодца тянуло затхлой сыростью и немного плесенью. На камнях обода поблескивали капельки воды, тускло светился кустик хиленьких гнилушек у самой земли. Озираясь, точно вор, который едва выбрался из барских покоев и не успел перелезть через стену, юноша спешно расстегнул пряжки и откинул тяжелую обложку. Окованные медью углы глухо брякнули о рассохшиеся доски. Эдан нервно дернулся. Присев на корточки, он нашарил в тайнике заранее припасенный фонарь. Зажечь его удалось лишь с четвертой попытки – огниво так и силилось выскользнуть из негнущихся пальцев и затеряться в густой спутанной траве. После нескольких неудачных попыток за стеклом затрепетал неверный огонек, а паренек уже поспешно перелистывал страницы, мягкими шлепками падавшие одна на другую. В нервной спешке он чуть было не пропустил нужный ему раздел. Разгладив разворот мокрой от волнения рукой, Эдан срывающимся голосом начал читать витиеватые строки, так и норовившие расползтись, перепутаться и испортить все действо. На секунду ему показалось, что он слышит, как рвутся невидимые нити…

Темнота за колодцем уплотнилась и задрожала, готовая расступиться перед неведомым…

* * *

После обшарпанной комнаты общий зал трактира уже не казался путешественникам таким мрачным, как вначале. А может, все дело было в свечах, венчавших старую кованую люстру. С наступлением темноты хозяин зажег их, и теплый свет колышущихся огоньков значительно скрасил окружающую действительность. Да и народу, после того как они пришли, прибавилось. Кого-то в заведение загнал дождь, а кто-то пришел уже после, дабы поделиться впечатлениями. Ведь не каждый день над городом проносится Дикая Охота…

Арьята указала на пустой стол в углу подальше от стойки, и вся компания устремилась туда. Иль брезгливо поморщился, разглядывая темную, затертую множеством задов лавку, и, тяжело вздохнув, опустился на край. Шири с Арьятой недоуменно переглянулись и пожали плечами: лавка как лавка, им доводилось видать и похуже. Девочка осторожно поставила гитару, следя, чтобы та не уползла под стол. И принялась расстегивать чехол. Поводырь тем временем кликнул подавальщицу и озвучил заказ, не забыв напутственно шлепнуть девицу чуть пониже спины. Та захихикала и кокетливо погрозила

ему пальцем. Менестрель чувствительно пнула спутника ногой под столом.

– Чего? – возмутился Шири.

– Сколько лет живешь, а из мрачного средневековья так и не вырос! – осуждающе проворчала Арьята.

Иль презрительно хмыкнул, выступив на стороне Смерти.

– Тоже мне… блюстители морали нашлись… – пробубнил себе под нос Поводырь, в который раз приходя к мысли, что в средневековье жилось не так уж и плохо.

Менестрель хотела еще и по шее его треснуть, да так и застыла с поднятой рукой.

– Меня зовут… – внезапно констатировала она. – И кому это неймется в такое время?

– Daeni, не дури, кому ты нужна… – хмыкнул Шири, предупреждающе кладя руку ей на плечо.

– А вот это я сейчас и узнаю, – ухмыльнулась Смерть, исчезая в пространстве.

Иль недоуменно хлопал глазами, разглядывая опустевшую лавку.

– А… а она и так может? – удивленно выдавил он.

– Хе, она еще и не то может… – вздохнул Шири, – а последствия потом я разгребаю… Но где же наш ужин?! Пойти поторопить, что ли? – пробормотал он себе под нос, но, наткнувшись на мрачную физиономию своего нечаянного подопечного, решил отринуть эту идею и смиренно дождаться возвращения подавальщицы.

* * *

– …засим вручаю тебе себя, дабы вела ты меня, как я буду вести тебя… – последние строки растворились в темноте сада. Воздух за колодцем подернулся рябью, и из темноты соткалась бесформенная фигура, закутанная во все черное.

– Засим принимаю клятву твою, – прозвенел чужой голос, – да исполнится договор!

Эдан почувствовал, как грудь обожгло холодом, а напротив сердца запульсировала и пропала руна смерти. Тень за колодцем подобралась, чуть подавшись вперед. Ей явно не терпелось покончить со своими обязанностями как можно быстрее.

– Чего нужно, смертный? – замогильно вопросила фигура.

– В смысле? – запнулся Эдан. – Забирай меня!

– И все? – озадачено переспросила тень. В этот раз голос звучал абсолютно нормально. Обычный девичий голос, довольно

приятный.

– Разве этого мало? – юноша окончательно растерялся – он как-то не ожидал, что от него потребуют еще чего-то. Вот тебе и наипростейший способ…

– Ни мести, ни справедливости, ни поиска истины? – вкрадчиво уточнил голос.

– Нет! Я просто хочу умереть! – незадачливый вызыватель уже пребывал на грани истерики. Тут, не ровен час, застанут на горячем, а Госпожа Смерть изволит лясы точить.

Из темноты послышался тяжелый и какой-то обреченный вздох. Заросли жасмина за колодцем таинственно заколыхались, повергнув юношу в трепет. Длинное темное одеяние, укутывавшее свою обладательницу тяжелыми складками, разлетелось черными клочьями. Где-то заухал филин. Над головой Эдана пролетела летучая мышь, заставив его втянуть голову в плечи. Арьята всегда любила обставить свое появление с наибольшим эффектом…

– Издеваешься, да? – спросила Смерть, выходя из тени.

Эдан в изумлении шарахнулся назад, поскользнулся на мокрой траве и шлепнулся в лужу, испуганно разглядывая появившуюся из тени колодца невысокую девушку, по виду его ровесницу. На ногах разболтанные сандалии, одета в брезентовые шорты и легкую блузку, вышитую цветами по рукавам и вороту.

– Т-ты кто? – только и смог выдавить он.

– А кого звал-то? – с усмешкой осведомилась гостья.

– С-смерть… – паренек запутался окончательно.

– Ну, так я – это она самая и есть, – ослепительно улыбнулась Арьята.

– А… э-э… А где все? И… и… скелет?

Девушка пожала плечами.

– Никогда не понимала, почему люди представляют меня в виде анатомического пособия с неким сельскохозяйственным орудием в дланях, – она протянула Эдану руку. – Поднимайся! Там же мокро!

Тому ничего не оставалось, как подчиниться. Рука у Смерти оказалась маленькая, сухая и теплая. Парень продолжал таращиться на Арьяту, как баран на новые ворота.

– А теперь, будь добр, объясни, что же тебя подвигло на столь жестокий шаг? – девушка заинтересованно рассматривала возмутителя ее смертного спокойствия.

– А?

– Почему ты решил стать моим Поводырем? – терпеливо повторила она.

– Поводырем? – Эдан чуть не поперхнулся. – Я не хотел

становиться ничьим поводырем! Я просто хотел умереть! – он подскочил к колодцу и, схватив книгу, сунул ее под нос Арьяте. – Вот, здесь обряд добровольного ухода! Ты должна забрать мою душу! Если ты действительно Смерть, – уже с некой долей скепсиса закончил он, в свою очередь не менее пристально разглядывая гостью.

– Смерть, Смерть… Смертельней не бывает, – утвердительно кивнула головой она. – Ты позволишь? – Арьята забрала у несчастного книгу и углубилась в изучение злополучной главы, а спустя несколько минут зашлась безудержным хихиканьем.

– Чего? – Недоумение Эдана росло с каждым мгновением.

– Все это было бы очень смешно, если бы не оказалось так грустно, – резко обрывая смех, ответила она. – Знаешь, тебе крупно не повезло, – голос этого полуребенка-полуженщины внезапно изменился, наполнившись теми металлическими нотками, которые Эдан уже слышал вначале. У него вдруг разом отпали все сомнения в том, что эта… это… действительно Слепая Гостья.

– Во-первых, какой-то шутник вклеил страницы не той стороной, а во-вторых, ты пал жертвой собственной невнимательности, не увидев меток на полях. Ну, и, в-третьих, там же ясно написано «только для др.», в смысле для древних! Люди не имеют права умирать, когда им вздумается, таковы непреложные законы этого грешного мира, – вздохнула Арьята, понимая, что небо в кои-то веки услышало ее просьбу и, расщедрившись, решило одарить приключениями полной чашей. Вернее, злоключениями.

Когда все сказанное дошло до Эдана в полной мере, ему стало плохо, и парень, заметно побледнев, судорожно вцепился пальцами в крышку колодца, остро осознав всю правоту народной мудрости, гласившей: «жадный дважды платит, а хитрый дважды делает».

– Поэтому теперь ты мой Поводырь… – продолжила мстительно забивать гвозди в крышку его гроба Арьята. – Эй-эй! Только в обморок не надо падать! Вот так, вот и хорошо, вот и умница… – она похлопала его по щекам, приводя в сознание. – Ну, что же, э… как тебя зовут?..

– Эдан, – мрачно откликнулся тот, вдруг резко осознав, что в отчем доме ему жилось не настолько уж плохо, чтобы добровольно ввязываться во всю эту катавасию. Однако слово не воробей, а мысли умные, как водится, приходят после того, как оное вылетело и достигло нужных, или, что чаще, ненужных ушей.

– Ну, что же, Эдан, мой верный Поводырь, идем.

– Меня будут искать, – попытался слабо протестовать он.

– Конечно, будут, – согласилась Арьята, беря его за руку. – Но не ты ли еще несколько минут назад страстно мечтал покинуть сей дом и обрести свободу? Пусть и несколько, э-э-э, странным способом. Желания, знаешь ли, имеют неприятное свойство сбываться. Так идем же! У меня нет ни малейшего желания коротать ночь в сыром саду, рискуя заработать насморк. К тому же меня ждут друзья и горячий ужин.

Эдан покорно последовал за ней, увлекаемый сквозь тьму, неожиданно задумавшись над тем, а бывает ли у Смерти насморк.

– …Хотя вполне возможно, что ужин меня не дождется, проиграв здоровому аппетиту друзей, – пробормотала Смерть себе под нос.

# Глава 5

Как известно, история творится под покровом ночи, предпочитая таинственность тьмы благостному свету, даже если это свет комнатного светильника… Поэтому ничто не выдавало того, что господин барон изволил в столь поздний час принимать гостя. Шторы на окне были плотно задернуты, не давая мягкому свету лампы проникать наружу и создавая иллюзию всеобщего покоя и дремоты. Гость, хоть и считался жданым и даже некоторое время назад званым, однако не вызывал у досточтимого Йожефа Тарницы особого желания вести вежливую светскую беседу. Да и сам неурочный визитер не располагал достаточным количеством свободного времени, чтобы, отдавая дань традиции, вести пустопорожние разговоры перед тем, как перейти к делу. Тонкие костлявые пальцы ночного пришельца, украшенные двумя перстнями с черным агатом, деловито перебирали по широкому подлокотнику резного кресла. Барон, проследив это движение, вновь обратил свой взор на лицо собеседника, наполовину скрытое капюшоном плаща, так что видны были лишь кончик крючковатого носа да тонкие бескровные губы, жесткой чертой выделявшиеся на бледном лице.

– Я слышал, ваш старший сынок совсем плох, господин барон, – вкрадчиво, но с некой долей насмешки проговорил гость.

Тарница непроизвольно сжал кулаки. Этот мерзавец еще и издевается!

– Право, друг мой, не стоит так нервничать, – поспешил успокоить его собеседник.

– В таком случае, может, прекратите пустопорожнюю болтовню? – резковато осведомился господин барон. – Вы вправе немедленно забрать этого ублюдка и вернуть здоровье моему сыну, как мы и договаривались.

– Если память мне не изменяет, у вас двое сыновей, – ухмыльнулся гость. Ему, кажется, доставляло удовольствие подначивать и без того раздраженного барона. – Так которого же из них мне забрать?..

– У меня один сын – Кристоф, и вы это прекрасно знаете! А этого… ребенка я согласился терпеть в своем доме по известной вам причине. И вообще, я ждал вас еще два месяца назад, когда ему исполнилось шестнадцать!

– Увы, пал жертвой обстоятельств, – с наигранной виноватостью развел руками гость. – Зато теперь могу забрать его немедля.

Барон сдержанно кивнул и позвонил в звонок. Почти

мгновенно на пороге покоев его светлости возник слуга.

– Приведи сюда Эдана, быстро! – приказал Йожеф.

Слуга молча кивнул и исчез в коридоре. Долго ждать не пришлось, однако и по возвращении посланец оказался один.

– Господин барон, господина Эдана нет в комнате, – растерянно промямлил он. – Его нигде нет…

– Что?! – взревел барон, подаваясь вперед.

Слуга сжался в комок и покорно повторил сказанное. Тарница нервно прошелся по комнате. Гость задумчиво наблюдал за ним из-под низко надвинутого капюшона.

– Поднять всех! – прорычал барон. – Весь дом на уши поставьте, но найдите мне этого ублюдка немедленно!

* * *

– Кажется, это за тобой, – спокойно произнесла Арьята, оглядываясь через плечо. В темноте сада послышались человеческие голоса, замелькали огни фонарей. Эдан затравленно озирался, лихорадочно соображая, что делать. Похоже, его договор со Смертью будет разорван, так и не исполнившись. О возможной неустойке он постарался не думать.

Смерть, заметив колебания своего новоявленного Поводыря, успокаивающе сжала его ладонь.

– Послушай, ты ведь хотел сбежать отсюда, – вкрадчиво напомнила она, глядя юноше в глаза. – Сейчас я даю тебе такой шанс.

– Отец все равно найдет меня! – в голосе Эдана звенело отчаяние. – И тогда – несдобровать!

– Ты забываешь, кто я, мальчик, – ухмыльнулась Арьята. – Никто и никогда не посмеет безнаказанно забирать у меня то, что досталось мне по праву. Если только я не разрешу, – многозначительно закончила она, продолжая улыбаться своим мыслям.

– Прекрати называть меня мальчиком! – вспылил он. – Ты выглядишь не старше меня!

– Тогда решай быстрее! – начала раздражаться менестрелька.

Голоса раздавались все ближе, россыпь огней стала гуще.

– Эй, вон он! – раздался рядом чей-то обрадованный вскрик.

– Держи его!

– Ну? – Арьята выжидающе взглянула на Эдана.

– Я с тобой! – обреченно выдохнул он.

Девчонка поудобнее перехватила его ладонь и потащила за собой к ограде.

– Там же стена!

– Я знаю, – фыркнула она, – держись! – Менестрелька оттолкнулась от земли и взмыла вверх, увлекая за собой Эдана. Парень даже не успел понять, как очутился в воздухе и снова приземлился по ту сторону каменной стены. Он едва не упал, когда Арьята без всяких проволочек кинулась вниз по улице, стремясь как можно скорее затеряться в темных недрах города…

* * *

Свечи в общем зале успели прогореть до половины, часть народу или поменялась, или вовсе ушла. Трактир начал погружаться в то дремотное состояние, когда закрываться еще рано, а притока посетителей уже не предвидится. Шири недовольно взглянул на часы. С момента, когда Арьята их столь поспешно покинула, минуло достаточно времени. Им уже принесли ужин, и тот весьма успешно осел в изголодавшихся желудках. Посуду, правда, так и не забрали, как и нетронутую порцию, специально оставленную для Арьяты. Еще раз взглянув на часы, Поводырь решил: если неугомонная Смертушка не появится через пять минут, то он отправится на поиски.

К столу осторожно приблизился трактирщик, заискивающе посматривая на угрюмого одноглазого постояльца. Шири наградил хозяина тяжелым взглядом и вернулся к созерцанию чесночной плетенки в углу.

– Господин, – неуверенно начал трактирщик, – я смотрю, инструмент-то при вас…

– И? – лениво заломил бровь «господин».

– Дык это… сыграли бы, народ потешили… Глядишь, я бы с вас и плату оставшуюся не брал…

Поводырь смерил трактирщика недовольным взглядом.

– Инструмент не мой, – буркнул он, – хозяйка придет, ее и просите.

– А когда почтеннейшая придет? – не желал отступать хозяин заведения.

Шири лишь мрачно засопел в ответ.

– С минуты на минуту… И вообще, почтеннейший, вам что, заняться больше нечем, как терзать усталых путников дурными вопросами? Вон вас у стойки народ ждет, пива алчет, – пришел Иль на помощь Поводырю.

Трактирщик, еще немного потоптавшись возле стола, ушел несолоно хлебавши, оставив их в покое. Но стоило верному спутнику Арьяты расслабленно прикрыть уцелевший глаз, как

вакантное место внешнего раздражителя занял Иль.

– Шири…

– Мастер, – угрюмо одернул паренька он.

– Хорошо, – тот решил пока не собачиться по мелочам, – мастер Шири. Ты умеешь играть на гитаре? – в голосе телепата слышалась явная заинтересованность.

– Нет, – откровенно солгал Поводырь, спеша закрыть скользкую музыкальную тему. Гитара, стоявшая рядом, скользнула по полу и чуть не съехала под стол.

– Шайтан! – Товарищ Смерти едва успел схватить инструмент за гриф, не давая ему стукнуться об пол. Если Арьята найдет на своей любимице хоть одну малюсенькую царапинку, то тут и небу жарко станет.

– Чего «шайтан»-то? – пользуясь разомлевшим состоянием Шири, Иль решил прояснить давно засевший в голове вопрос.

– М-м? – не понял тот.

– Ты же вроде европеец. Если я ничего не путаю, то или мадьяр, или румын. Но поминаешь все время шайтана, а не черта, лешего или еще какую-нибудь местную нечисть!

Поводырь лениво смерил юношу взглядом. Илю на секунду показалось, что за неумеренное любопытство его пошлют сейчас куда-нибудь лесом. Но сытная еда и теплое помещение настроили одноглазого на умиротворяющий лад, и он соизволил прояснить ситуацию:

– В году 1217 от Рождества Христова, – напевным тоном, подражая историку-летописцу, произнес Шири, – случилась крупная буча, позже названная Пятым крестовым походом. А в войске Андраша, короля венгерского, неизвестно за каким лядом впутавшегося в заведомо провальную компанию, оказался некий восторженный рыцарь по имени Шириган Йонсу, давший обет не стричь волос, пока не увидит Гроб Господень. – Иль сдавленно хихикнул: да уж, рыцарь действительно оказался не в меру восторженным. Поводырь смерил его неодобрительным взглядом, и юноша загнал смех поглубже. – Через год король Андраш, плюнув на бесцельное шараханье по пустыне, вернулся домой. А тот рыцарь загремел в плен к сарацинам. – Шири криво усмехнулся. – Мне еще повезло, что не казнили и не оскопили. Сильные руки нужны везде, и я угодил на галеру. Со мной на весле сидел один из бывших врагов. За что они своего же в рабство засунули – не знаю. Шайтана парень поминал к месту и не к месту. Это было первое слово, которое я выучил на их языке.

– Как ты выбрался оттуда? Сбежал?

– Нет. В одном из портов меня выкупил соотечественник. Шрамы от кандалов и кнута зажили, а вот словечко оказалось

прилипчивым. Сначала пытался избавиться, потом плюнул и решил, пусть остается. – Поводырь отхлебнул из глиняной кружки. Пиво уже успело нагреться, но для промачивания горла вполне годилось.

Тут взгляд его упал на лестницу, ведущую на второй этаж. Посредине стояла Арьята в компании какого-то растрепанного юноши и отчаянно пыталась привлечь внимание своих спутников. Сообразив, чего она хочет, Шири поднялся из-за стола, походя бросив Илю:

– Тарелку захвати, и марш в комнату! – От благодушности Поводыря не осталось и следа.

Чародей хотел возмутиться по поводу необоснованного помыкания своей персоной, но под тяжелым взглядом «помыкателя» сник и, подхватив тарелку с порцией Арьяты, двинулся к лестнице.

Оказавшись в комнате, девочка первым делом сграбастала у Иля тарелку и набросилась на еду, запустив зубы в сочную куриную ногу. Шири молчаливо нависал над ней, ожидая объяснений, но Смерть не спешила ни прояснять ситуацию, ни знакомить остальных со своим растрепанным спутником. Изголодавшая девчонка воздавала должное картошке с куриной ногой, здраво считая, что сначала нужно ублажить желудок, а там хоть потоп.

Шири не выдержал первым, решив – хватит с него философского терпения. Любопытство пополам с недовольством рвались наружу. Мало того что исчезла неизвестно куда, так еще и притащила с собой непонятно кого.

– Daeni, – в конце концов не сдержал любопытства он, – это кто?

– Фой шовый фыфыдрь, – прочавкала в ответ Арьята, не отрываясь от смачного обгладывания косточки.

– Что?

Смерть дожевала и покорно повторила. В этот раз куда более внятно:

– Это мой новый Поводырь.

– Что?! – Шири вытаращился сначала на Арьяту, затем на ничего не понимающего Эдана. Потом перевел взгляд на Иля и шумно выдохнул сквозь зубы.

– Сколько тебе лет? – обратился он к рыжеволосому пришельцу, втайне надеясь, что глаза его обманули.

– Шестнадцать, – буркнул Эдан.

– О господи, спаси и помилуй! – застонал Поводырь, закатывая глаза. От захлестнувшего его негодования он даже забыл про любимого «шайтана». – Детский сад штаны на лямках

какой-то! И я в качестве надзирателя… Daeni, за что?

Арьята как раз закончила вылизывать тарелку и теперь думала, обо что бы вытереть жирные пальцы, поэтому горестный вопль товарища застал ее врасплох.

– А? Эти вопросы не ко мне. – Так и не найдя ничего похожего на салфетку, она попросту вытерла руки о покрывало, философски решив, что пятном больше, пятном меньше – роли уже не играет. – Это к нему, – девчонка ткнула пальцем в Эдана. – Может, хоть тебе он объяснит, почему ему вдруг загорелось стать Поводырем.

– Да не хотел я становиться ничьим Поводырем! Вот не было печали! – взвыл доведенный до истерики парень. – Я вообще ничего не хотел! Это все вы!

– Что «мы»? – вкрадчиво осведомился Шири, недобро поглядывая на паренька. – Daeni, потрудись объяснить, зачем ты притащила сюда этого… – Поводырь запнулся, силясь подобрать наиболее подходящее слово, – этого жалкого истеричного субчика? – закончил он.

Менестрелю ничего не оставалось, как со вздохом поведать спутникам душераздирающую, в чем-то бессмысленную, но, несомненно, поучительную историю знакомства с Эданом.

– Ша-айтан… – только и смог эмоционально выдать Поводырь, когда Арьята закончила излагать. – Заставь дурака богу молиться, он и лоб себе расшибет! – Шири нервно заходил по комнате. – Шайтан, а я так надеялся нормально выспаться!

– Спи, – благодушно разрешила Смерть.

– Daeni, не выводи меня, – предупреждающе прорычал он. – Насколько я понял, за вами гнались, пусть недолго, но все же… Если твой новый знакомый так нужен преследователям, то рано или поздно они выйдут на этот трактир, и тогда нам всем не поздоровится! Нужно уходить немедленно!

– Шири, не пори горячку, – поморщилась косвенная виновница происходящего, – мы все устали, нам необходим отдых. А Иль вообще сейчас никуда не может идти. К тому же тебе ли не знать, что взять мой след невозможно.

– Существует множество других способов… – проворчал он, понимая, что в случае чего Иля, скорей всего, придется тащить на руках либо бросить на растерзание врагам – юноша едва ковылял. Но второй вариант Поводырю совсем не нравился.

– Угу, куда более долгих и трудоемких. Так что мы вполне успеем выспаться и тихо уйти поутру, не ставя никого в известность, – усмехнулась менестрель.

Шири только укоризненно покачал головой.

Запавшую на мгновение тишину нарушил осторожный стук в

дверь.

– Кого это принесло? – настороженно проворчал Поводырь, направляясь открывать.

– Может, хозяин проникся и принес тебе кошку? – иронично процедил Иль.

Решив не поддаваться на провокацию, Шири попросту распахнул дощатую дверь. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стояла давешняя подавальщица.

– Ой, добрый господин, – затараторила она, – там внизу люди вроде как из благородных господ все про госпожу менестрельку выспрашивают! Не по-доброму так выспрашивают… вот я и решила, пока хозяин их увещевает…

– Спасибо, красавица, – в руке у Поводыря неизвестно откуда возникла монетка, которая тут же перекочевала к девице, – а теперь брысь отсюда!

Подавальщицу будто ветром сдуло, а «добрый господин» поспешил захлопнуть дверь.

– И?.. – не поняла Арьята.

– Внизу толпа каких-то агрессивно настроенных вояк трясет трактирщика, а бедолага усердно тычет пальцем в нашу сторону, – саркастически откликнулся Поводырь.

Эдан, все так же неприкаянно стоявший в углу, побледнел и в отчаянии сжал кулаки. Кажется, началось то, чего он так боялся: – отец все-таки выслал за ним погоню.

– Они всех убьют, – простонал он, – они всех вас убьют…

– Всех не перебьют, – отмахнулась менестрелька. – Меня убить невозможно, да и с Шири проделать подобное весьма проблематично. Вот разве только Иль…

Но ни сам Поводырь, ни его новоявленный подопечный уже не слушали разглагольствований Смерти, в четыре руки баррикадируя дверь и вышибая намертво заколоченное окно, благо оно выходило на соседнюю улицу. Пересекая комнату в очередной раз, Шири цапнул Арьяту за ворот и хорошенько встряхнул.

– Эй, ты чего творишь, окаянный! – взвизгнула она.

Вместо ответа верный Поводырь подтащил свою ведомую к оконному проему.

– Лезь давай, – прошипел он, подталкивая девчонку к подоконнику.

– Э-э-э, полегче… Я с тобой еще поговорю по душам!.. Да, и гитару мою не забудь! – Уже наполовину скрывшись в проеме, напутствовала она.

– Daeni, брысь отсюда! – беззлобно огрызнулся Шири, подхватывая инструмент за лямки и передавая его в окно.

– Теперь ты! – он рывком подтащил к подоконнику упиравшегося Эдана. Тот отрицательно мотал головой и пытался ухватиться руками за оконные откосы. – Пшел, быстро! – прорычал Поводырь, заталкивая его в окно. – Daeni, лови этого нервного! Иль, твоя очередь!

Юный чароплет, со вздохами и постаныванием (давали о себе знать стертые ноги), полез наружу.

Окинув взглядом комнату и прислушавшись, Шири четко различил шаги на лестнице. Дверь ощутимо нервно дернулась, а затем задрожала под тяжелыми ударами. Две доски с хрустом прогнулись в комнату. Схватив валявшийся на кровати плащ, Шири поспешил ретироваться вслед за остальными, уже на улице вспомнив про забытый в трактире рюкзак.

«…Шайтан с ним, – утешил он себя. – Вещи – дело наживное, тут бы ноги унести…»

Ранее выпрыгнувшая компания успела достаточно далеко отойти от трактира, и ему пришлось догонять.

– За каким шайтаном вы свернули к воротам?! – прошипел он, хватая Арьяту за плечи и разворачивая в сторону какой-то темной улочки. – Стражу наверняка оповестили!

– Уходим огородами, да? – озорно усмехнулась Смерть, но вдруг заметила, что Поводырь догнал их налегке. Потрепанный рюкзак исчез! – Шири, в трактире остались наши вещи! – воскликнула она.

– А то я не знаю, – фыркнул он. – Лишний груз сейчас не к месту, нам вполне хватит твоей гитары.

– Вот вредина! – проворчала менестрель, пытаясь вспомнить, что еще лежало в рюкзаке товарища, кроме пары одеял и аптечки. По всему выходило, что ничего важного они не потеряли, а утрату вполне реально восполнить в ближайшем городе.

Пасмурная ночь, раскинувшая над землей свой полог, хоть и играла на руку беглецам, но все-таки доставляла и некоторые проблемы. Влажная брусчатка скользила под ногами. Один неосторожный шаг – и можно спокойно растянуться в полный рост, хорошенько приложившись о камни. Луна, стыдливо выглянувшая сквозь узкий разрыв в тучах, тут же застеснялась и спряталась обратно. Широкая улица сменилась множеством мелких узких переулков, разбежавшихся между дворами. Брусчатка уступила место открытой земле.

– За нами идут, – вдруг сообщил Иль, настороженно озираясь, – ох, не нравится мне все это…

– Шайтан, – прошипел Поводырь, – бежим отсюда!

Сорвавшись с места, они углубились в темные путаные улочки, утопавшие в палисадах и живых изгородях, таинственно

шелестевших во тьме. На очередном повороте Иль чуть приотстал, спустив поисковый импульс.

– Что ты застыл столбом? – Шири соткался из темноты у него за спиной, заставив чародея нервно вздрогнуть и шарахнуться в сторону.

– Ф-фу! Нельзя же так пугать! – сдавленно возмутился он. – За нами по-прежнему идут, как по нитке!

– Шайтан! Близко?

– Ну… пара лишних минут у нас есть…

– Daeni!

Арьята возникла из тьмы так же бесшумно, как и ее верный Поводырь.

– Мы должны разделиться, – продолжил Шири, – хватай этого малахольного за шкирку и уходите на крыльях ветра.

– Вообще-то мы все можем… – попыталась возра-зить менестрель.

– Мы – да, Иль – нет. Он живой человек, забыла?

– Э-э-э… – юный маг деликатно постучал Поводыря по плечу, – я и сам могу выбраться…

«Нет, этот… колдун… когда-нибудь его доведет!»

– Ты так хочешь, чтобы я доставил в Белгродно твое хладное тело и проследил, как мастер-демонолог убивается над любимым чадом? – саркастически осведомился Шири.

– Да лучше бы я через пустошь пошел! – в сердцах воскликнул Иль.

Из-за поворота выскользнули шарящие лучи фонарей, послышались голоса, лай собак.

– Бежим! – гаркнул Шири. – Daeni, уходите!

– Уже! – весело откликнулась Арьята, хватая Эдана за руку и взмывая ввысь.

Поводырь вместе с Илем кинулись вниз по улице, свернули на первую попавшуюся тропинку, уводившую сквозь разросшуюся живую изгородь. Очень скоро выяснилось, что изгородь состояла не только из кустов, но и из буйно разросшейся крапивы, огненной плетью хлестнувшей Поводыря по открытым рукам. Над головой просвистело несколько арбалетных болтов. Старинная каменная кладка, некогда являвшаяся городской стеной, вынырнула из темноты так внезапно, что Иль едва не влетел в нее носом.

– Шайтан! – выругался Шири, треснув кулаком по серым шершавым камням. – Пережитки прошлого, чтоб его!

– Может… обойдем… – тяжело дыша, спросил Иль.

– Куда? Я не знаю, в какую сторону она кончается, а в этих кустах может обнаружиться что угодно, от крапивы и вплоть до

наших преследователей! Только насквозь!

Заросли за их спинами трещали все громче. Треск сопровождался разноголосым матом и шипением. Видно, люди барона тоже близко познакомились с жалящими кустиками.

– Колдуй давай! – как-то неуверенно приказал Поводырь.

– Э-э? – опешил юноша, не ожидавший от него такой подлянки.

– Ну, ты же у нас великий колдун, одним движением уха швыряющий оземь кого ни попадя! – вспылил одноглазый.

– Ну, ты и сволочь! – протянул парнишка.

– Ты забыл добавить «мастер», – ехидно осклабился Шири.

– Да иди ты знаешь куда!

– Я бы с удовольствием, но только вместе с тобой. Бросать не велено. Кстати, погоня уже близко, поэтому не вздумай сказать, будто ты не умеешь ходить сквозь стены.

– Вообще-то не умею, – криво ухмыльнулся Иль, с удовольствием наблюдая, как вытягивается и перекашивается физиономия Поводыря Смерти. – Специальность не та. Но тебе исключительно повезло, мастер.

Слово «мастер» прозвучало уничижительно, словно плевок. Поводыря передернуло. А его подопечный тем временем воткнул в стену телепортационный амулет… Камни подернулись дымкой, и в них замерцал синеватый квадрат межпространственного перехода.

Свистнули в воздухе арбалетные болты. Коротко ругнувшись, Шири кинулся вперед и, схватив опешившего мага в охапку, провалился в межпространственный портал. Болты чиркнули по старой кладке, высекая искры. Портал выплюнул их по ту сторону стены. Земля ушла из-под ног, срываясь вниз крутым склоном рва, некогда опоясывавшего город. Прижимая к себе Иля, Шири стремительно покатился вниз, сквозь заросли колючей мелкорослой черемухи. Здесь заброшенный ров оказался довольно глубок, а корявый склон как нельзя лучше подходил для экстремального спуска в обнимку.

«Только бы парня не сильно помяло… – мелькнула у него слегка запоздалая мысль, – …или не парня?…! У парней ведь, кажется, нет женской груди? Маленькой такой, но упругой, гм…» – А дальше затянутое тучами небо смешалось с землей в единой круговерти.

Склон кончился внезапно. Прокатившись по инерции еще несколько метров, они наконец-то остановились. Поводырь все еще прижимал к себе подопечного (подопечную?), пытаясь сообразить, на каком он свете, ошеломленный не столько падением, сколько новоявленными подробностями.

Иль, поняв, что они больше никуда не падают, попытался откатиться от непрошеного защитника, но не тут-то было. Пальцы Поводыря цепкими клещами сомкнулись на воротнике куртки, не давая подняться.

– Так, – хрипло произнес Шири. – Говори немедленно: ты девушка?!

– Э… по-моему, не совсем тактично задавать подобные вопросы, лежа друг на дружке в кустах… – попытался вывернуться маг.

– Тактичность никогда не являлась моей сильной стороной. Еще раз, четко и внятно: ты девушка?!

– Да я и не утверждала, что я парень! – философски пожала она плечами. – Это ты почему-то так решил. Не в моих правилах разрушать другим приятные заблуждения…

– С поганой овцы хоть шерсти клок, – пробормотал Шири. – Как тебя зовут на самом деле?

– Илька, то есть Иленка, – буркнула девушка – Мне девятнадцать, и, если тебя это по-прежнему столь сильно интересует, – да, я девушка! – она перестала дергаться в попытках освободиться, и Поводырь мигом сообразил, что не такая уж девушка и легонькая.

– Господи, девятнадцать лет, а уже такая язва, – вздохнул он, подумывая, как бы побыстрей спихнуть вальяжно разлегшуюся на нем Иленку.

– По-моему, это не та тема, которую нужно обсуждать лежа на пузе в колючках…

– …не уточняя при этом, на чьем пузе, ох…

Чародейка опять беспокойно завозилась.

– Так прекрати прижимать меня к себе, словно последнюю радость в жизни! – огрызнулась Иленка, пытаясь отстраниться. – Я ведь и испепелить могу! Не всего, а так, местами, чтобы неповадно было…

Какие именно «места» она собиралась подвергнуть термообработке, Шири уточнять не стал, а просто спихнул воинственную магичку на землю, решив, что полежала немножко, пора и честь знать.

– Ну, ты и гад! – возмутилась Иленка, шлепнувшись спиной на поломанные колючие ветки, – хоть бы руку даме подал.

– Перетопчешься, – фыркнул Поводырь, вставая на ноги. – Нужно отыскать daeni и этого рыжего сопляка. Надеюсь, хоть он не окажется переодетой барышней! Господи, зачем вы все свалились на мою голову?!

* * *

Отряд из восьми человек и своры собак, возглавляемый лично самим бароном Тарницей, приблизился к остаткам стены, сквозь которые мгновение назад скрылись беглецы. Примятая ими трава еще не успела распрямиться.

– Проклятье! – яростно прорычал досточтимый господин барон. – Чертово отродье! Проклятые колдуны!

– Похоже, им удалось скрыться, – насмешливо произнес полуночный гость барона. – А следовательно, это ставит под угрозу весь наш договор, друг мой Йожеф.

– Я найду его! – разъяренно воскликнул Тарница. – Я найду этого ублюдка, даже если мне придется войти ради этого в преисподнюю… И если только не вы это подстроили, Гадес… – Барон приблизился к гостю.

Тот лишь насмешливо покачал головой.

– Увольте меня от таких шуток, господин Йожеф, мне этот мальчишка нужен не меньше вашего… Да, и в отличие от людей, я ВСЕГДА соблюдаю договор.

– Я прикажу немедля пустить по следу собак! – раздосадованный таким поворотом событий, Тарница готов был рвать и метать.

Гость, которого барон только что назвал Гадесом, упреждающе вскинул руку.

– Если мои глаза меня не обманули, друг мой Йожеф, то собаки вам не помогут. Сейчас вы и ваши люди смогли выйти на беглецов исключительно благодаря мне, а не вашим замечательным псам. – Он задумчиво рассматривал стену, прикидывая, чем обернется для него такой расклад.

– Чушь, мои собаки возьмут любой след! – не желал успокаиваться барон.

– Боюсь, что, едва унюхав его, они разбегутся, поджав хвосты и жалобно скуля. Положитесь на меня…

Барон неодобрительно нахмурился: меньше всего ему хотелось, чтобы полуночный гость составил ему компанию в погоне за Эданом…

* * *

Ров, опоясывавший Далеград, судя по всему, пришел в негодность еще до обветшания крепостной стены, сначала заболотившись, а после укрывшись непролазными зарослями. Черемуха сменилась чем-то повыше и погуще, но таким же цепким и колючим. В отличие от леса, погруженного в вынужденную дневную дремоту, ночные буйные кущи полнились

шорохами, хлюпаньем раскисшей земли и невнятными ругательствами. Последние в неограниченном количестве производила пара ночных путников, дружно спотыкавшихся в потемках.

– Шайтан! – в сотый раз прошипел Поводырь, цепляясь мечом за оплетенные вьюнком ветки. – Шайтан и трижды шайтан! Куда этих двоих занесло? Не удивлюсь, если, заплутав в трех соснах, они с перепугу кинулись в самый бурелом!

Бредущая рядом Иленка запнулась о выпирающий из земли корень и едва не ухнула носом в раскисшую грязь. Шири привычным движением успел схватить ее за локоть.

– Тоже мне маг, даже в темноте видеть не можешь, – вздохнул Поводырь.

– Могу, – буркнула девушка.

– Как-то незаметно, – фыркнул он.

– А если ты возьмешь да перепугаешься неземного сияния моих очей? – с насмешкой откликнулась она. – А мне потом перед Смертью отчитываться за твое душевное здоровье. – Глаза Иленки мгновенно вспыхнули голубоватым огнем. Зрелище оказалось действительно инфернальное. От неожиданности Шири даже выпустил ее локоть.

– Об этом можешь не беспокоиться, – выдохнул он. – Пусть лучше хоть один из нас не спотыкается в кромешной мгле… И давай быстрее, кажется, я вижу свет костра… Под ноги не забывай смотреть! – напутствовал Поводырь вновь запнувшуюся обо что-то девушку.

– Ха! В отличие от тебя я прекрасно вижу, куда иду-у… – Она зацепилась за выпирающую из земли корягу и, проломив кусты, вывалилась на полянку, растянувшись на мокрой траве. Поводырь не спеша вышел следом, щурясь на пламя костра, у которого сидели Арьята и Эдан. Менестрель приветственно махнула ему рукой. Шири нагнулся и рывком поставил Иленку на ноги.

– Знакомьтесь уважаемые, великая заклинательница, гроза всех демонов преисподней и будущее колдовского прогресса – Иленка Криэ, – устало произнес он, встряхивая девушку за воротник.

– Э-э-э, полегче! – Гроза демонов высокомерно стряхнула руку Поводыря со своей шеи. – Руки убери!

Арьята чуть приподняла бровь, так внимательно разглядывая Иленку, словно в первый раз ее видела. Та-ак, получается, ее подозрения оправдались. Что же, этого следовало ожидать.

– Значит, ты все-таки девушка… – с непонятной интонацией протянула она. – Занятно…

Эдан, сидевший подле нее, недоуменно взглянул сначала на

Шири, затем на Арьяту и под конец на Иленку. Заклинательница почувствовала себя экспонатом кунст-камеры.

– А вы что, не знали этого? – удивленно спросил он. – У нее же браслет красным наверх[8]! – Юноша ткнул пальцем в замысловатое плетение на руке чародейки.

– Знаешь, мы как-то не задавались этим вопросом, – невнятно откликнулась менестрель, разглядывая браслет из красно-черного шнура на запястье Иленки. – Не до того было…

– К тому же на тракте каждый второй не тот, за кого себя выдает, – подхватил Шири, мысленно радуясь тому, что проблема его странной симпатии разрешилась.

Иленка присела у костра и протянула озябшие пальцы к огню. Лето летом, но после дождя ночью стало довольно свежо. Поводырь привычно набросил плащ на плечи своей ведомой. Успевшая продрогнуть Арьята с удовольствием закуталась в плотную ткань, еще хранившую тепло владельца.

– А ты-то как об этом узнал? – Смерть пытливо взглянула на своего верного Поводыря.

– Мы упали… – уклончиво откликнулся тот, делая вид, будто рассматривает исхлестанные крапивой руки. – С горки…

# Глава 6

Утро… Из предрассветных сумерек рождается новый день. Нежный свет солнца, ласковые лучики, играющие в догонялки на полу, роса, жемчугом покрывающая изумрудные травы… Что может быть прекрасней? Так думается всем нам, пока в один прекрасный момент некая подлянка не превращает наши розовые мечты в грубую реальность.

И оказывается, что на самом деле утро – это далеко не самое приятное время дня, если, конечно, вы не спасаетесь от кровожадной нечисти, которая вдруг решила подзакусить именно вами. Утро далеко не самое приятное время, если вы сами нечисть, пусть и цивилизованная. Более того, утро – это самое паршивое время, если вас сдергивают с постели в несусветную рань и говорят, что вместо вожделенного отпуска вам предстоит немедленно отправиться к рогатому на кулички, а момент возвращения в контракте не оговорен…

Как ни странно, капитан отряда чистильщиков Даниэль Кипелов и сам был нечистью. И он терпеть не мог вставать в пять утра! Более того, намеревался в конце концов вернуться домой после затянувшегося рейда в Приграничье.

Капитан Даниэль Кипелов ненавидел утро. А в данный момент он ненавидел вполне конкретное утро, когда глава Приграничной амбасады поднял его ни свет ни заря, вручил пакет с новым контрактом и очень убедительно попросил немедленно отбыть на место назначения. А как отряд станет потом выбираться практически из сердца Территории древних, его не интересовало. Ведь в кои-то веки тамошние жители обратились к людям с нижайшей просьбой о помощи! Такой шанс нельзя упускать!

* * *

Белгродно встретил их ясным солнцем и сухим теплом, что после месяца, проведенного в дождливых Карпатах, не могло не радовать. Но Даниэль предпочел бы трижды непостоянное и далеко не такое теплое лето Будапешта всему этому яркому, светлому и сухому великолепию Территории древних. Предпочтение оное укреплялось еще и тем, что чутье истинного оборотня обещало ему крупные неприятности, причем в самом ближайшем будущем. И так уж сложилось, что Даниэль своей животной половине доверял все-таки чуточку больше, нежели

человеческой.

Добравшись до середины холма, он остановился и окинул взглядом расположившийся внизу город. Мрачно сплюнул и продолжил подъем к небольшому особнячку на вершине.

До города их телепортировали из амбасады, ничуть не заботясь о том, как отряд станет выбираться назад. В Белгродно же ни градоправитель, ни его заместитель так и не смогли толком ничего объяснить, в два голоса посылая капитана к загадочному мэтру Криэ. Поэтому, услышав в ответ на очередной вопрос фразу: «Вам необходимо обсудить это с мэтром Криэ», Даниэль сдался и, оставив отряд устраиваться на новом месте, отправился туда, куда его так усердно посылали.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что называть дом на холме особняком можно лишь с некоторой натяжкой. Скорее это был двухэтажный коттедж безо всяких архитектурных излишеств, как-то: горгульи, химеры и прочие атланты с кариатидами. Да и то, во второй этаж, скорее всего, некогда переделали обширный чердак, прилагавшийся к дому изначально. Дом абсолютно не вязался у Даниэля с представлением о демонологах, однако он ведь еще не попал вовнутрь… Тишком и тайком пройдя через изрядно запущенный сад, оборотень приблизился к ступенькам.

– Любезнейший, – донеслось до него из открытого окна первого этажа, – если вас не затруднит, воспользуйтесь окном. Это сэкономит нам время.

Даниэль с некоторой опаской подступил к окну. Интересно, где и как он прокололся? Услышать его не могли, это точно. Заинтригованный оборотень, подтянулся, упершись в подоконник, и через секунду очутился в комнате, которая, судя по всему, служила хозяину одновременно библиотекой и рабочим кабинетом. Сам хозяин сидел за столом, заваленным свитками, фолиантами, пожелтевшими планами города, и что-то записывал на клочке бумаги. Капитан чистильщиков с любопытством уставился на него. На вид демонологу было лет сорок – сорок пять, в темных волосах уже начинала пробиваться седина. Насмешливые карие глаза смягчали резкое, почти хищное лицо, лоб пересекала поджившая ссадина. Из-под неплотно застегнутого ворота рубашки проглядывали бинты. Больным, однако, хозяин дома не выглядел, скорее заинтригованным и чуть удивленным.

– Я просто почувствовал ваше присутствие, – произнес он, стремясь развеять сомнения гостя, – услышать вас я при всем желании не смог бы. Однако с кем имею честь?

– Меня зовут Даниэль Кипелов. Я капитан отряда

чистильщиков, по срочному вызову начальства прибывших в ваш город. А вы, я так полагаю, и есть тот самый загадочный мэтр Криэ?

– Ага… – чуть рассеянно согласился демонолог. – Значит, градоправитель все же внял моему совету. – Хельги довольно потер руки.

– Так это вам я обязан этим вызовом?! – возмутился оборотень, упираясь ладонями в столешницу и угрожающе нависая над магом.

– Хм, ну что же… наверное, в какой-то мере да, хотя по большей части вашему начальству, я полагаю, – откликнулся Криэ, не переставая разглядывать своего собеседника.

Высокий молодой мужчина. Хотя о настоящем возрасте можно только гадать: оборотень – он и есть оборотень. Янтарно-медные волчьи глаза выдавали визитера с головой, впрочем, тот особо и не таился. Длинные черные волосы, собранные в пучок, рассекала жемчужно-русая прядь. Худой, можно сказать, костлявый… поджарый зверь… Рукава джинсовой рубашки подвернуты до локтей. Руки покрыты ритуальными татуировками – скорей всего, и не только руки. Черные кожаные штаны заправлены в нечто среднее между сапогами и ботинками с очень высокими голенищами. Из оружия два кривых парных клинка за спиной, тяжелый нож у пояса. И очень хорошо экранирован, хотя не он эту защиту ставил… От попыток прочесть визитера демонологу пришлось отказаться. Он совершенно не рвался испытать дополнительный приступ головной боли.

– Э-м-м, может, перестанете так пристально меня разглядывать? – не выдержал Даниэль. – Чувствую себя барышней на выданье!

– Простите мое любопытство, – Хельги пропустил его реплику мимо ушей, – сколько вам лет?

– Э-э, тридцать три, а что? – слегка опешил капитан чистильщиков.

– Вы оборотень… – пожал плечами демонолог.

– Хотите выяснить уровень пакостей, на которые я способен? – криво усмехнулся Даниэль.

– И это тоже. Ввиду того, что вы не слишком дружелюбно настроены…

– А как я, по-вашему, еще могу быть настроен, когда из-за вас сорвался отпуск всего отряда. А последний телефонный разговор с женой закончился ее клятвенным обещанием превратить меня в пружинный матрац, на котором с радостью примутся скакать наши дети, если я в ближайшие сутки не вернусь в Будапешт! – выпалил оборотень.

Криэ расхохотался.

– Вы женаты на чародейке? Забавное сочетание… Не переживайте, если дело только в этом, то я как-нибудь сумею вам помочь с возвращением.

– Хоть что-то радует… Я не только женат на чародейке, у меня обе дочери с даром и я у них как бесплатное пособие по нежитеведению, – вздохнул Даниэль, кривя губы в усмешке и чувствуя, как раздражение стихает. – А теперь расскажите, какая беда здесь случилась. Потому что из всех намеков и недомолвок городского правления я уяснил только то, что вы лучше всех разбираетесь в ситуации, остальные лишь распускают слухи. А жители считают, будто все произошедшее в городе – результат несанкционированного вызова демонов.

Хельги поморщился.

– Не специализируюсь, – саркастически проворчал он.

– Чего?

– На вызове демонов не специализируюсь. То есть могу, конечно, но как-то не горю желанием. Я больше по обратной части, по упокоению, по заклинательству. А то, что случилось на пустыре, известно как шторм реальностей. Такое случается, когда сталкиваются два несовместимых магических потока.

Чистильщик кивнул. О подобных штуках он был наслышан, но с последствиями оных до сегодняшнего дня ему сталкиваться не приходилось.

– И чего же вы хотите от нас?

– Составьте компанию городской страже на пару дней, – ответил Хельги. – Кстати, где вас разместили?

– Выделили какой-то барак во дворе стражницких казарм на Карминной улице, – махнул рукой Даниэль.

– Но это же в четырех кварталах от Храмового пустырища! – недоуменно воскликнул Криэ. – Слишком далеко! Ладно, придется работать в таких условиях.

– Когда прикажете приступать к зачистке, мэтр? – привычно осведомился оборотень.

– Когда разберусь, что за чертовщина там творится. Да, простите, я так и не представился: мастер-демонолог Хельги Криэ, – произнес он. – А сегодня вечером не изволите ли составить компанию при разведке?

Даниэль согласно кивнул.

– Отлично, тогда я зайду за вами ближе к восьми.

* * *

Солнышко, даром что утреннее, припекало все жарче, выжимая из земли вчерашний ливень и наполняя воздух удушливой влажностью. Деревья небольшой рощицы не спасали от жары, а лишь усиливали тяжелую влажную духоту. Бивший из земли родник источал прохладу и позволял дышать относительно глубоко, а не хватать ртом тяжелый липкий воздух. Вязкую тишину время от времени нарушал лязг оружия и командные окрики. За десять минут ожесточенной беготни по поляне Шири убедился: все обстоит отнюдь не так плохо, как показалось ему вчера. Мечом Иленка действительно владела. Пусть не виртуозно, но вполне приемлемо. На очередном круге девушка, пропустив выпад, шлепнулась на колени и, тяжело дыша, воткнула оружие в землю.

– Все! Больше не могу! – просипела она и, отбросив клинок, рванулась к воде.

– Куда?! – прикрикнул Поводырь, хватая ее за воротник и резко дергая назад. – Совсем сдурела! Отдышись сначала!

Заклинательница растянулась на земле и обиженно воззрилась на него снизу вверх.

– У-у-у, сатрап! Тиран и злобный деспот! – простонала она. Ручеек так маняще журчал, что в горле пересохло еще больше, а желание напиться возросло в геометрической прогрессии.

– Ты забыла добавить «мастер», – назидательно поправил ее Шири.

Взгляд Иленки скользнул по наглой ухмыляющейся физиономии.

– Рррррааа, – вырвался у нее из глотки нечленораздельный рык. Мгновенно вскочив и подхватив валявшийся рядом меч, она кинулась на Поводыря, намереваясь размазать в кровь эту наглую самодовольную ухмылку.

Шири, успевший вложить клинок в ножны, увернулся с делано восхищенным аханьем. Позволил Иленке сделать еще пару выпадов и, перехватив руку с клинком, распластал заклинательницу на земле. Девушка еще раз дернулась и затихла.

– Ты!.. – профыркала она, пытаясь избавиться от лезущей в нос травы. И, не успев добавить какой-нибудь нелестный эпитет в адрес Поводыря, заорала и резко рванулась назад…

Шири, не ожидавший такой подлости, кубарем полетел на землю, а девушка поспешила отползти ему за спину, перепуганно тыча во что-то пальцем.

– Змея! – пролепетала она, вцепившись в безрукавку горе-наставника. – Там змея! Будь ты неладен! Ты ткнул меня носом в змею!

Недоуменно покосившись на встрепанную раздраженную

Иленку, Поводырь осторожно подобрался к месту падения. Резкий выпад рукой – и вот уже у него в пальцах извивается нечто черное, чешуйчатое и отчаянно хрюкающее.

– Сама ты змея, – фыркнул он. – Это же уж, причем маленький. Еще неизвестно, кто из вас больше испугался… Он не опасен, можешь даже погладить.

– Фу, гадость какая! Выброси его немедленно! – взвыла Иленка, заслоняясь руками.

Поводырь со вздохом поднялся и отнес ужа на край поляны.

Повисшая на несколько секунд тишина прерывалась только методичным хлюпаньем – девушка добралась до вожделенного родника и теперь жадно пила вкусную холодную воду. Спустя минуту она отвалилась от ключа и блаженно растянулась на траве. Шири присел на корточки по другую сторону источника и принялся наполнять фляги.

Смерть, все никак не решавшаяся покинуть мир сновидений, томно потянулась, выпутываясь из плаща своего верного Поводыря. Шири, усмехнувшись, побрызгал ей в лицо водой. Арьята смешно сморщила нос и, сонно щурясь, окинула взглядом поляну. Не найдя для себя ничего интересного, менестрель, сладко зевнув, опять вознамерилась отправиться в мир снов.

– Daeni, просыпайся. – Поводырь тронул ее за плечо. – Нас ждут великие дела.

– М-м-м-м-м… – невнятно донеслось из-под плаща.

– Daeni, солнце высоко, – попытался урезонить ее Шири. – Сама ведь знаешь, кто рано встает…

– …тому весь день спать хочется, – сонно проворчала Арьята, нехотя садясь и проводя пятерней по взъерошенной шевелюре.

Эдан, до этого державшийся особняком и мрачно следивший за тренировочным боем, по пробуждении Арьяты оживился и чуть подался вперед, прекратив изображать статую. Когда его разбудил лязг оружия и ожесточенные вопли, он подумал, что их настигли. Но стоило юноше перепуганно сесть, пытаясь сфокусировать разъезжающиеся глаза, как он увидел лишь одноглазого спутника Арьяты, упоенно гонявшего по поляне Иленку. Девушка время от времени огрызалась, а один раз вообще умудрилась заставить Шири уйти в глухую оборону. Поводырь тут же усилил напор, и беготня, сопровождаемая оглушительным лязгом железа, возобновилась.

Где-то в подлеске засвистел королек. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву деревьев, сплетались в удивительную живую мозаику. Смерть присела возле родника и вяло поплескала в лицо водой, прогоняя сонливость.

– Что нам делать теперь, daeni? – озабоченно спросил

Поводырь, косясь на юношу.

– То же, что мы делали до этого, – идти в Белгродно, – пожала плечами она. – Не припомню, чтобы наши планы как-нибудь менялись. Если только вы успели прий-ти к иному решению, пока я вкушала заслуженный сон.

– А мое мнение что, никого не интересует? – раздраженно осведомился доселе молчавший Эдан.

Арьята уставилась на него с неподдельным удивлением. Похоже, этот непоследовательный юноша доставит ей изрядно проблем. Вот уж не было печали…

– Так мы ведь вчера обо всем договорились. Ты обещал подумать над миссией…

– Вы что, не понимаете?! – взорвался он. – Они же вас всех убьют! Догонят и убьют! О боги, зачем я только связался с вами?! Мне не нужна еще и ваша кровь!

– Успокойся, – ледяным тоном осадил его Шири. – Успокойся и перестань ныть!

– Ши, зачем ты так, – укоризненно взглянула на него Арьята. Иногда Поводырь бывал излишне резок, но обычно прав. С этим приходилось мириться. Затем обернулась к Эдану: – Никто за нами не гонится. Я не знаю собак, способных взять мой след. Они чуют, кто я такая. Меня не боятся только кошки, но поисковых котов, слава богу, еще никто не вывел… А тебе, перед тем как связываться с нами, стоило хотя бы немножко подумать. Теперь уж будь добр, пожинай плоды своих деяний молча.

Эдан надулся, словно мышь на крупу, зло зыркая на окружающих исподлобья. Менестрель лишь покачала головой. Если бы все было так просто… Но озвучить юноше всю глубину последствий его необдуманной глупости она пока не решалась. Пусть сначала немного успокоится.

– Пойдемте уже, а? – как-то неуверенно произнесла Арьята. – Шири, что там за город у нас на пути?

– Ништява, – откликнулся Поводырь. – Но городом это назвать сложно…

– Ну, хоть какая-нибудь забегаловка там да имеется, – пожала плечами Смерть, подхватывая гитару.

– Daeni, на кой ляд тебе сдалась эта дыра? – Шири расплел волосы и теперь сноровисто орудовал гребнем.

– Вот уж точно, нашли где останавливаться, – поморщилась Иленка, вставая и скептически разглядывая травяные разводы на рубашке.

– У меня в кошеле семь гривенков и мелочь, – покачала головой Арьята, – как ни крути, а этих денег до Белгродно не хватит.

– Я еще гривенков пять-шесть наскребу, в счет долга… – Заклинательница пошарила во внутренних карманах куртки, извлекая на свет несколько монет.

– Все равно этого мало… А в Ништяве нам надо купить еды и хотя бы пару одеял, – вздохнула девушка. – Но в Ништяву мы попадем только к вечеру, а пока у нас две фляги воды на четверых… – она поднялась и забросила на плечи гитару, показывая, что готова отправляться.

Шири, окунув голову в родник, теперь спешно переплетал косу. С волос безбожно текло, и безрукавка тут же намокла. Поводырь передернул плечами. Ничего, сейчас они выйдут на солнцепек, и мокрая ткань придется как раз кстати.

– Советую всем сделать то же самое, – сказал он, – будет не так жарко.

– И поймать в воде всех сбежавших от тебя вшей? – саркастически фыркнула Иленка.

Шири нахмурился и сердито засопел.

– Эй, ну вы идете или как? – окликнула их Арьята, стремясь прекратить начинавшуюся перепалку.

– Идем, – буркнул Поводырь. – И только попробуйте мне пожаловаться, что кому-то печет голову!..

* * *

Вздымая клубы пыли, которая тут же оседала тысячным слоем на заросшей полынью обочине, на Белгродненский тракт выехал конный отряд из десяти всадников, возглавляемый его светлостью бароном Тарницей. Им только сейчас удалось выбраться из города, ибо ночной гость господина барона потребовал, чтобы его дождались, и исчез вплоть до утра, сославшись на неотложные дела. Тарница рвал и метал из-за непредвиденной задержки, однако ничего не мог поделать: уговор дороже денег.

Солнце уже почти наполовину вылезло из-за городской стены, когда полуночный гость соизволил вернуться. Несмотря на разливавшуюся в воздухе жару, Гадес по-прежнему кутался в темный плащ, бормоча себе под нос что-то нелестное в адрес дневного светила. В конце концов отряд тронулся в путь, но, к огромному неудовольствию господина барона, Гадес потребовал свернуть с тракта и проехаться вдоль стены к тому месту, где они давеча потеряли беглецов. Спешившись, он углубился в заросли кустарника, тщательно осматривая землю.

– Сколько вы еще намерены топтаться в кустах? –

раздраженно окликнул его барон. – Если маетесь животом, об этом следовало позаботиться в городе! – язвительно закончил он, когда Гадес вернулся к отряду.

– Негоже смеяться над слабостями, кои могут постигнуть и вас, – в тон ему отозвался Гадес, взбираясь в седло. – Прикажите вашим людям возвращаться на тракт.

– Куда мы едем?

– В Ништяву. Они там.

– Это вам напели птицы в кустах? – голос Тарницы источал ядовитый сарказм.

– Можно и так сказать, друг мой… – хмыкнул Гадес. – Но на самом деле все гораздо проще: их вещи остались в трактире, а значит, им срочно потребуются деньги, дабы восполнить утраты. Ближайшее же место, где их можно заработать, – Ништява. Поскольку лошадей у них нет, они доберутся туда к вечеру. Мы их опередим…

– Откуда такие подробности? – Тарница подозрительно покосился на спутника. – Или, может, вы с ними в сговоре?..

– Упаси меня небо, ни за какие коврижки я бы не согласился вступить в сговор с *этой* особой. А благодаря прогулке в тени сих дивных кущ, я окончательно уверился в том, *кто* помог вашему младшему сыну столь некрасиво нарушить нашу сделку.

– И кто же это? – нетерпеливо заерзал в седле господин барон.

– Менестрель, друг мой…

– Менестрель?! Кончайте морочить мне голову, Гадес! Сначала вы напускаете таинственности, заявляя, что никто, кроме вас, не сможет взять их след, а потом заявляете, что это всего лишь менестрель!

– Она не совсем обычный менестрель, друг мой Йожеф, – покачал он головой. – И, боюсь, в этом сокрыт корень всех зол… Однако хватит разговоров! Вечером они будут в Ништяве, и нам нужно поспешить!

Барон, глухо ругаясь, пришпорил коня и направил его вслед за Гадесом…

Круговорот странных, расплывчатых видений накатывал волна за волной. Бред – забытье, бред – забытье, бред… И так до бесконечности. Болезнь жадно пила силы старшего сына барона Тарницы, заставляя того метаться на кровати в омуте расплавленного кошмара. У постели больного неусыпно дежурил старик-лекарь, не терявший надежды, что парень очнется. Перелом должен был наступить сейчас, иначе измученный горячкой организм просто угаснет, словно остывающие угли.

…Волны сонного бреда становились все тише и тише, а потом

и вовсе откатились куда-то в глубины тьмы, порождающей сны. Сознание наводнила чернота. Он с трудом разлепил глаза, все еще не веря, что очнулся. В комнате царили духота и полумрак – плотно задернутые портьеры почти не пропускали света.

– Воды… – наполовину прошептал, наполовину просипел он запекшимися губами.

Пожилой лекарь, дремавший в кресле, подскочил от неожиданности и недоверчиво уставился на него.

– Воды, милсдарь Эмерт, чашка на столе… – чуть более внятно произнес молодой человек. Слипшиеся от пота черные волосы оттеняли чрезмерно бледное лицо, под глазами залегли темные круги.

– Сейчас, сейчас, господин, – засуетился старик. – Вот так, – поддерживая ему голову, лекарь дал парню напиться.

– Спасибо, – едва слышно прошептал тот, вновь расслабленно откидываясь на подушку.

Кристоф, старший сын его светлости господина барона Йожефа Тарницы, наконец-то пришел в себя…

* * *

Тропка, уводившая их от рощи, петляла между невысоких пологих холмов, поросших выгоревшим разнотравьем. Горячий влажный воздух патокой разливался вокруг, заставляя пот градом катить по лицу, а одежду – липнуть к телу. Где-то в траве стрекотали кузнечики, шуршали стеблями юркие ящерицы, возмущенные вторжением чужаков на свою территорию. Тропка со временем расширилась, превратившись в разбитую глинистую дорогу, с глубокими колеями от тележных колес, а та через несколько сотен метров влилась в пыльный Белгродненский тракт. Солнце успело взобраться достаточно высоко, пока Арьята сотоварищи добирались до тракта, и теперь немилосердно раскаляло все вокруг, заставляя путников мастерить шляпы из лопухов и пускать флягу по кругу.

– В какую сторону Далеград? – мрачно спросил Эдан, останавливаясь посреди дороги.

Смерть и ее верный Поводырь задумчиво переглянулись.

– Daeni, кажется, он не понимает, – вкрадчиво произнес Шири.

– Похоже, что так, – вздохнула Арьята, – пожалуй, нужно было раньше все объяснить…

– Эй, – не дождавшись ответа от Смерти, Эдан нетерпеливо дернул за рукав Иленку, – в какой стороне Далеград?

Иленка, яростно сражаясь с лезшей на глаза лопуховой шляпой, недовольно оглянулась на юношу.

– Для тебя ни в какой, – огрызнулась она. Унылые мысли Эдана уже изрядно ей надоели. А думал парень прегромко. Не спасали даже усиленные в несколько раз ментальные щиты.

– Забудь об этом городе, парень, – поддержал ее Поводырь, – теперь ты с нами.

– С какой-такой радости? Да чтобы какие-то мне здесь еще и указывали?! Ну, знаете ли… – вспылил юноша.

– Остынь! – резко оборвала его Арьята. – Шири прав. Ты не можешь вернуться в Далеград. Дома для тебя больше не существует! Ты решился стать Поводырем Смерти, и теперь у тебя нет ничего! – Смерть начинала раздражаться. Кажется, проблемы возникли раньше, чем она предполагала. На ее памяти человек впервые отказывался понимать и принимать очевидное.

– Я не хотел никем становиться! – вновь завел старую песню Эдан. – Пошутили, и будет! Мне нужно домой…

– …к мамочке, – язвительно закончил за него Шири, которому нытье спутника уже порядком действовало на нервы.

– Моя мать умерла, – огрызнулся Эдан.

– Не вынесла того позора, который у нее родился? – ядовито процедил Поводырь сквозь зубы.

Паренек кинулся на него с кулаками, но Шири ловко перехватил его, заломив руки за спину.

– Daeni, да объясни же ты ему наконец! – потребовал он.

– Отпусти его, – ледяным тоном приказала Арьята. Одноглазый разжал пальцы, и Эдан едва не рухнул в пыль. Смерть отвесила своему верному Поводырю звонкую пощечину. Шири отшатнулся, машинально потирая покрасневшую щеку.

– Эй, а мне-то за что?! – обиженно воскликнул он.

– За длинный язык! – отрезала девочка, поддерживая Эдана за плечи. Юноша волком глядел на Поводыря.

– Эдан, все, что случилось с тобой вчера, к шуткам не имеет ни малейшего отношения, когда же ты это, в конце концов, поймешь? Заключив договор со Смертью, ты уже не принадлежишь ни живым, ни мертвым. И я не уйду, пока не исполнится то, для чего ты меня призвал.

– Я, кажется, уже говорил, для чего, – огрызнулся Эдан.

– Я помню, – вздохнула Арьята. – Но, извини, этого я сделать не могу. Не имею права. Единственное, что я могу для тебя сделать…

– Миссия, я понял… – буркнул паренек. – Но ее у меня нет, поэтому я хочу вернуться домой.

– По-моему, вчера ты хотел убраться оттуда подальше, –

язвительно заметила Смерть. – Желания иногда имеют свойство сбываться, знаешь ли… А я, увы, не могу разорвать договор, так же, как не можешь этого сделать и ты… Разве что найдется человек, согласный заплатить за твою глупость.

– Daeni, да брось ты этого нытика, пусть проваливает на все четыре стороны! – не выдержал Шири.

– Молчи, Поводырь! – в голосе Арьяты зазвенела сталь.

Тот пошатнулся, словно от удара.

На несколько секунд над дорогой повисла тишина, нарушаемая лишь бесконечными песнями кузнечиков в траве на обочинах. Иленка, совладав со своевольными лопухами, заинтересованно взглянула на хмурого Эдана. Легкий ветерок чуть шевелил золотисто-рыжие волосы юноши. Длинная косая челка прикрывала правый глаз. Но внимание заклинательницы привлекло не это. Обрывки тонкой серебристой нити, вившиеся вокруг ауры Эдана.

– Вообще-то тянуть из кого-либо жизнь некрасиво, – саркастически сообщила Иленка.

– В смысле? – не поняла Арьята.

– Я говорю, твой новый подопечный завязал на себя чью-то жизнь, медленно убивая этого несчастного. Но сейчас это неважно, кажется, ты ненароком разорвала связь.

Ничего не понимающий Эдан ошеломленно смотрел то на Иленку, то на Смерть, пытаясь понять, в чем же его обвиняют на сей раз.

– Скажи, возле тебя никто не болел? – поинтересовалась заклинательница. – Я имею в виду долго, тяжело и неизвестно чем.

Юноша невольно вспомнил Кристофа. Болезнь старшего брата повергла отца в ярость и сделала жизнь Эдана совершенно невыносимой, заставив искать спасения при помощи той злополучной книги по заклинательству. Иленка продолжала пытливо его рассматривать.

– Старший брат, – нехотя буркнул юноша, – но какое это… – договорить он не успел.

Арьята медленно приблизилась к нему. В ее серо-сиреневых глазах начинала клубиться темная мгла, ничего хорошего не предвещавшая. Юноша испуганно отшатнулся.

– Глупая выходка, – глухо промолвила Смерть, проводя ладонью по груди Эдана. – Не бойся, мальчик, тебе ничего не грозит… и твоему брату тоже… уже.

Арьята пошатнулась, Шири кинулся к ней, спеша поддержать. Девочка часто заморгала и потрясла головой.

– Ненавижу, когда заставляют злиться, – капризно

пожаловалась она, опираясь на руку Поводыря. – Какой-то умник завязал на него жизнь старшего брата, причем так подло, чтобы по мере взросления Эдан ее вытягивал. Брр… ну и дрянь.

– Ты знаешь, кто это сделал? – подался вперед Эдан.

– Нет, но когда узнаю, одним кретином на земле станет меньше! – прошипела она.

– Так, может все-таки стоит отпустить меня, – с надеждой попросил он.

– Не могу! – Арьята почти сорвалась на крик. – Ты ни жив, ни мертв! Как только я окажусь достаточно далеко от тебя – ты сойдешь с ума и умрешь! А я не имею права убивать! Как же ты не понимаешь! – менестрелька уже не знала, как еще объяснить юноше, в какую паршивую ситуацию тот угодил.

– А что случится, если он так и не решит, на кой ему все это сдалось? – заинтересованно подалась вперед Иленка.

– Станет таким, как Шири, – вздохнула Арьята.

– Как, таким же дураком? – поразился Эдан.

Поводырь раздраженно засопел, готовый встрять в очередную склоку.

– Нет, – опередила его менестрель. – Договор исполнится, и тогда тебе придется служить мне вечно, принадлежа сразу двум мирам. Будешь в одночасье живым человеком и мертвецом. Но у Шири и ему подобных есть хотя бы право уйти. Когда-то посредством договора я оказала им услугу, а после исполнения они добровольно оказывают услуги мне. Пока сами не захотят уйти от меня. А ты такого права лишен, поэтому станешь моим рабом.

– Почему? – Эдан уже окончательно запутался.

– Шири, – девочка повернулась к Поводырю. – Сними перчатки.

Тот нехотя стянул одну митенку с ладони. Менестрель взяла его за запястье, демонстрируя Эдану руку своего верного спутника. На гладкой коже явственно выделялась одна линия и едва заметно прорисовывалась вторая.

– Ни судьбы, ни сердца. Та, что четче, – линия головы, а та, которая почти не видна, – линия жизни. У тебя же не будет и этого. Я стану направлять тебя, словно кукловод марионетку.

«…О боже, – панически пронеслось в голове Эдана. – Это… это ужасно, я так не хочу, не хочу… не хочу быть вечно живой куклой!»

Стоявшая рядом с ним Иленка вздрогнула, словно от удара.

– Раньше думать надо было! – вслух рявкнула она, отскакивая от юноши, – а не ныть, действуя всем на нервы!

Солнце припекало все жарче, и юноше на секунду показалось,

что он изрядно перегрелся. Ведь он же ничего не говорил! Просто *подумал*… Эдан машинально пощупал горячую макушку и недоуменно воззрился на Иленку. Та лишь презрительно фыркнула.

– Единственный выход, который я вижу, – наконец произнесла Арьята, – это обратиться к норнам…

– К Судьбоносным? – Шири вздрогнул и поморщился, стремясь показать всю абсурдность данной мысли. Норны очень неохотно брались за подобные дела, упирая на то, что любое вмешательство в судьбы негативно сказывается на ткани мира.

– К ним, к ним. Они единственные, кто может разгрести тот ворох глупостей, которые натворил Эдан. И они это сделают! Но над миссией ты все же подумай, – мстительно закончила Смерть, видя, что юноша уже собирается облегченно вздохнуть.

Нерешенные проблемы и неотвеченные вопросы, комом висевшие над ними, когда они вышли на тракт, слегка рассеялись в воздухе, перестав давить и позволяя на некоторое время расслабиться и двигаться дальше. Легкий ветерок пытавшийся вяло бороться с разлившейся в воздухе жарой, плюнул на это неблагодарное дело и прекратился вовсе. Мягкая пыль облачками вздымалась из-под подошв, покрывая и без того запыленную обувь, солнце жгло макушку.

– Вот и славно, – пробормотал себе под нос Шири, когда они тронулись с места, хотя славного он во всем окружающем не видел ровным счетом ни на грош. Впереди лежала пыльная изнуряющая дорога, позади оставался неприветливый Далеград, а здесь и сейчас брели рядом хмурый, то и дело срывающийся на нытье мальчишка и своенравная девица, добавлявшие изрядных хлопот. Как будто ему их и без них не хватало…

И только Смерти, кажется, все было нипочем. А может, именно ее данная ситуация и волновала больше всех… Шири уже давно отказался от попыток понять свою ведомую, предпочитая просто идти бок о бок…

# Глава 7

Усталые кони медленно топали по мягкой серой пыли, оставляя за собой цепочки следов. Потники под седлами напитались влагой настолько, что с них вот-вот должно было закапать. Животные, утомленные долгим галопом и постоянными понуканиями, все чаще всхрапывали, мотая головами и пытаясь отогнать настырных насекомых. Людям в седлах приходилось не легче. Разлившаяся в воздухе липкая жара изнуряла и давила на грудь. Но барон Тарница упрямо гнал отряд вперед.

– Господин, – не выдержал один из всадников, – необходимо остановиться: лошади больше не могут идти дальше. Еще немного, и мы загоним их окончательно.

Йожеф исподлобья взглянул него, собираясь поставить наглеца на место, но тут вмешался доселе молчавший Гадес. Он по-прежнему, несмотря на жару, кутался в плащ чуть ли не до носа, а тень от сильно надвинутого капюшона почти полностью скрывала лицо, из-за чего казалось, будто с отрядом путешествует Моровник – призрак смерти.

– Festina lente[9], мой друг, festina lente. Спешкой вы ничего не добьетесь, лишь уморите коней, о чем вам имел честь сообщить ваш соратник. Да и люди долго не выдержат в таком темпе. Вы же не хотите к концу дня получить из бравых воинов десяток мокрых куриц, жалующихся на недомогание и головную боль от перегрева и усталости?

– Мы и так отстаем. Я не знаю, насколько эти негодники успели нас опередить! – яростно огрызнулся барон.

– Этот повод не стоит беспокойства. Мы застанем их в Ништяве, что бы ни случилось. А сейчас я все же рекомендовал бы вам устроить привал для людей и животных. Чуть выше по дороге есть неплохое местечко Асов курган. Там не жарко и можно передохнуть, – махнул рукой Гадес.

– С ума сошли?! – Тарница побелел от ярости. – Вы предлагаете мне остановиться на погосте, о котором уже не первый век идет дурная слава?!

– Это всего лишь сказки, друг мой Йожеф. Поверьте, там нет ничего, кроме истертых временем камней. Та сила, которая некогда хранила это место от излишне любопытных смертных, уже давно ушла на покой.

После секундного раздумья Тарница все же дал знак своим людям следовать за Гадесом.

От дороги в сторону Асова кургана уводила едва заметная, поросшая травой тропа. Верхушку холма помимо разбросанных в

беспорядке серых обветренных глыб венчала тройка деревьев. Толстая старая липа смешивала свою листву с наклонившейся плакучей ивой, и чуть особняком росла ель, простиравшая свои колючие лапы над лиственными товарками. Насколько помнилось барону, подобное соседство всегда считалось более чем странным. Кто и когда посадил вместе эти три совершенно разных дерева, неизвестно. Но все они выглядели очень старыми, а покрытая наростами ива и вовсе напоминала сгорбленную старую каргу.

Отряд расположился в тени кургана. Люди немедля расседлали лошадей, избавляя животных от лишней тяжести. Гадес, убрав траву вокруг плоского круглого камня, с натугой отвалил его в сторону. Блеснула вода.

– Здесь колодец, – обернулся он к барону. – Ваши люди могут напоить лошадей. И пусть позаботятся о моем жеребце.

– А вы куда же?..

– А я намерен совершить небольшую прогулку наверх, – усмехнулся он, – уважить старые кости почивших в мире…

Обходя курган посолонь, Гадес наконец-то обнаружил то, что искал, – неширокие ступени из серого камня, уводившие наверх. За многие десятилетия камни поросли мхом и лишайником, на стыках пробилась трава, и лестница почти слилась со склоном.

Площадка наверху находилась не в лучшем состоянии. Сколько же лет он сюда не приезжал? Очень-очень долго… Последние цветы уже успели рассыпаться прахом, не оставив и следа. Кем были в иной жизни те липа и ель, сгинувшие столетия назад? Этого Гадес не ведал. А вот ива… Иву он помнил. Гадес любовно провел ладонью по шершавому, покрытому наростами стволу.

Становление Границы… Падение Границы… Войны, войны и кровь… А ведь он говорил, он кричал, он обвинял… Знал… И вот это грядет вновь. Прошлое ничему не учит. Но только не его. Он заставит этот мир встряхнуться от оцепенения, пусть через ложь, пусть через кровь. Третьей битвы не состоится! Он не хотел платить вновь ту страшную цену, что когда-то.

«…Мальчишка будет найден, а старший сын барона – исцелен… – Гадес криво усмехнулся. – Стихии вновь начнут созидать. Он заставит их это сделать, и Смерть ему не помеха…»

Длинные тонкие ветви чуть шевельнулись, узкие стрельчатые листья нежно коснулись его щеки…

«Ильмар… Ильмар…» – шептали они, шелестя на ветру. Хранитель времени вздрогнул, не в силах избавиться от наваждения. И ему казалось, что это не ветер, а любимый голос шепчет давно забытое имя. Его имя…

Ильмар, так звали его когда-то… Нет, не его, а молодого часового мастера, в чью лавку однажды постучалась рыжая растрепанная девчонка и попросила отремонтировать сложный и странный часовой механизм. А в благодарность наделила дивным даром – собирать застывшее время. Но она же и отобрала его, когда он оказался нужнее всего. И впервые Часовщику *не хватило времени*. И его душа раскололась на сотни мелких острых осколков, и он проклял тот день, когда в его лавку впервые вошла рыжая Смерть. Имя свое он похоронил вместе со своей любовью. Ильмара Айна больше не существовало… Вместо него появился Гадес, угрюмый Часовщик, стремящийся завладеть тем, что не подвластно даже Смерти. Завладеть вечностью!

«Ильмар… Ильмар… – продолжали заботливо шелестеть гибкие ветви, и неизбывная грусть слышалась в этом шелесте, – …опомнись… остановись…»

Гадес нехотя отстранился от дерева – пора спускаться вниз, здесь он терял счет подвластного ему времени, и оно таяло дымом на ветру, оставляя после себя лишь горьковатый привкус пепла.

* * *

К вечеру жара слегка отступила, в воздухе повеяло свежестью. Появилась надежда, что в ближайшие дни солнце перестанет столь неистово поливать землю своим теплом и уступит место наполненным влагой тучам. Все чаще стали попадаться признаки близкого жилья, а в один из них пешая компания почти уперлась носом. Ништява встретила вечерних путников одиноко стоявшими посреди дороги воротами, петухом и старым кобелем, дремавшим в пыли подле тесовых воротных столбов.

Заметив приближающихся людей, петух, восседавший на козырьке ворот, распушил перья и, свесив набок мясистый ярко-алый гребешок, пытливо поинтересовался:

– Ко?..

Песочно-серый кобель приоткрыл один глаз, зевнул во всю пасть и, вальяжно скребанув лапой за мохнатым рваным ухом, поднялся. Покрутившись вокруг себя, пес вновь улегся в теплую серую пыль, решив, что эти неурочные путники не стоят его царственного внимания.

Арьята толкнула массивные створки, убедилась, что заперто, пожала плечами и обошла ворота сбоку, жестом приглашая остальных сделать то же самое.

– Не понимаю, на кой им такие добротные ворота, если стен

все равно нет? – подивилась Иленка, обходя архитектурное излишество по хорошо утоптанной тропе в зарослях лебеды.

– От нечисти, – лаконично откликнулась Смерть.

Эдан покрутил пальцем у виска, показывая, какого он мнения об умственных способностях жителей.

– Ну, не скажи, – покачала головой девочка. – Считается, что нечисть не может пройти в ворота без приглашения…

Тут уже к сомнениям в здравомыслии местного населения присоединилась и заклинательница, поинтересовавшись между прочим:

– И как, действует?

– Действует, – абсолютно серьезно ответил Шири и тут же ехидно добавил: – если в ворота ломиться. Но, насколько мне известно, нечисть полностью игнорирует такой сценарий, поступая так же, как и мы. Потому что, какая бы защита на воротах ни стояла, для ее действия необходима хотя бы самая хиленькая оградка.

Когда о каком-то месте эдак многозначительно говорят: «Вот так дыра!» – это можно понимать по-разному. Дырой принято называть и провинциальный зачуханный городишко, удаленный от столицы настолько, что там уже и забыли, как называется подвластное им поселение. Дырой обычно считается и глухая лесная деревенька, затерявшаяся среди непроходимого бурелома страшных муромских лесов, а случается – и целый столичный квартал, запутавшийся в трущобных улочках. И лишь попав в местечко, сосредоточившее в себе все самые гадкие и донные грани бытия, вы начинаете осознавать смысл слова «дыра» в полной мере…

Итак, Ништява была дырой. Даже нет, не так. Ништява была ДЫРОЙ, с очень большой буквы «Д». Четыре десятка обшарпанных домов, штукатурка на которых облупилась еще лет сто назад, наползали друг на друга, будто стояли не посреди поля, а в густо застроенном мегаполисе. Когда-то так оно и было, а если и не так, то очень близко. И теперь этот осколок прошлого продолжал существовать, как и несколько столетий назад, не стремясь что-либо менять и с каждым годом становясь все паршивее и паршивее.

Главная улица, которой жителям служил все тот же Белгродненский тракт, прорезала торговую площадь и терялась между грязно-бурых построек. Посреди площади разлилась громадная лужа, не просыхавшая даже в самую несусветную жару. Неестественный водоем делили между собой замызганные гуси и пара вислоухих пятнистых свиней. Босоногая девчонка лет семи тщетно пыталась выгнать гусиную стаю на сушу. Птицы шипели и

ни в какую не желали выбираться из лужи. Девчонка с окриками махала длинным прутом. Первой не выдержала одна из лежавших в луже свиней. Нехотя поднявшись на ноги и всколыхнув стоячую воду, вислоухая, словно неотвратимый рок, стала надвигаться на девчонку. Та, огрев ее прутом по рылу, с визгом взобралась на ближайший забор. Свинья, осовело помотав головой, вновь улеглась в лужу.

Теплый тягучий воздух Ништявы оказался напоен совершенно непередаваемым ароматом пыли пополам с помоями. Примешивавшийся к нему сладковатый душок горелой соломы вызывал неодолимое желание зажать нос и сбежать в чисто поле немедля.

Иленка брезгливо морщилась, но терпела, стараясь поменьше вдыхать липкий тяжелый воздух. Эдан же резко побледнел, стоило ему сделать очередной вдох.

– Кошмар, ну и вонь! – с отвращением произнес он, зажимая нос.

– Ничего, потерпишь. Или твоя изнеженная нюхалка привыкла обонять только розы? – саркастически осведомился Поводырь, тут же заработав тычок под ребра от Арьяты и тяжелый взгляд от Эдана.

– Нет, вот чего я такого сказал? – возмутился Шири, потирая пострадавший бок.

– Да так… Ничего. Просто мы уже пришли, – свернула тему менестрелька, останавливаясь возле приземистого мрачного здания с аляповатой вывеской. Таланту художника, осчастливившего шинок своим творением, можно было только посочувствовать. Ну, или позавидовать, если вы являетесь почитателем какого-нибудь постмодернового кубизма. На рассохшихся досках он намалевал бочку с дужкой, призванную изображать деревянный кухоль[10], и сидящего с нею в обнимку оборванца, страдающего хроническим косоглазием вкупе с похмельем, вызванным не иначе как содержимым бочки-кружки. Называлось заведение соответственно: «Кружка путника».

– Мы ночуем здесь? – скептически заломила бровь Иленка.

– Да, – откликнулась Арьята, – а что?

– А то, что блошиный топот и клопиный писк я слышу невооруженным ухом даже отсюда.

– Клопы не пищат, – мрачно проворчал Шири.

– Это я фигурально, – отмахнулась заклинательница. – К тому же оттуда немилосердно смердит…

Тут уж Поводырю крыть было нечем: запашок из распахнутых дверей заведения шел действительно… специфический.

– А подают там, судя по нему, исключительно лежалую

кошатину, – поддержал девушку Эдан, – фу, меня сейчас стошнит!

– Вот тут я с вами согласен, – откликнулся Поводырь, осторожно потянув носом воздух. – Daeni, может, дальше пойдем? Ну ее, эту Ништяву, к монахам! Зайдем по дороге на чей-то огород… Чай, не зима, с голоду не помрем.

– Шири, нам нужны деньги, – безапелляционно отрезала Арьята. – Не хотите идти внутрь, не надо. Подыщите себе чей-нибудь сеновал почище и дожидайтесь меня там.

– Чтобы ты еще кого-нибудь добавила к нашей компании, пока мы станем вкушать заслуженный сон? – саркастически уточнил Поводырь. – Ты меня недооцениваешь, daeni.

– Ладно, пусть Иленка с Эданом тогда нас тут подождут, – вздохнула менестрель. – Идем, Ши, нужно договориться с шинкарем.

Ни Иленка, ни Эдан не испытывали радости от того, что их оставили на крыльце сомнительного питейного заведения, но войти внутрь оказалось выше их сил. А посему пришлось смириться и надеяться, что никому из посетителей, решивших подышать воздухом, не придет в голову с ними познакомиться.

Внутри шинок смотрелся ничуть не лучше, чем снаружи. Мрачный зал с потемневшими от времени (но сильнее от грязи) столами и затертыми лавками. Под потолком коптила заправленная маслом трехламповая люстра.

– Каменный век… – пробормотала Смерть. Обычно, когда ей доводилось бывать в этих краях, Арьята обходила Ништяву стороной.

Запах, царивший внутри, оказался значительно насыщенней, чем его отголоски на улице. Более того, дивный букет ароматов, заполонивших помещение, имел значительно больше оттенков, нежели тот, который долетал до выхода. Пахло потом, кислой капустой, помоями, ладаном, горелым маслом и черт знает чем еще. Но все вместе это создавало такой кисель, что в воздухе спокойно можно было вешать не только топор, но и полновесную наковальню, а вошедшим хотелось немедленно выбежать вон да очутиться подальше от Ништявы вообще и от «Кружки путника» в частности.

– Не передумала еще, daeni? – тихо спросил Поводырь, стараясь дышать как можно реже.

– У нас… выбора нет… – сглотнув, пробормотала Арьята, пытаясь подавить подступивший к горлу комок. – Хотя не представляю, как и что я буду тут петь…

– Ничего, может, еще притерпимся… – попробовал подбодрить ее Шири, – а похабных песен у тебя в арсенале за время скитания по дорогам скопилось достаточно.

Протиснувшись между полупустых столов и споткнувшись о чьи-то вытянутые в проход нетрезвые ноги, они добрались до темной отполированной сотнями локтей стойки. Шинкарь, а точнее, шинкарка вполне соответствовала заведению. Над стойкой возвышалась гренадерского роста бабища, с грудью, превышающей самые смелые мужские мечты: затертый, замусоленный лиф уже кое-где начинал расходиться по швам. Красное обрюзгшее лицо в полутьме зала казалось вишневым. Маленькие, близко посаженные глазки подозрительно уставились на Арьяту и куда более благосклонно на Поводыря, возвышавшегося у нее за спиной.

– Чего надо, красавчик? – хрипло пробасила шинкарка.

– Петь сегодня вечером здесь, – вместо Шири ответила девчонка.

– А я не тебя, пигалица, спрашиваю! – бабища навалилась грудью на стойку; та, даром что дубовая, жалобно скрипнула.

– Вы ошиблись, милейшая, – лучезарно улыбнулась Смерть. И от этой улыбки тетке почему-то сразу стало неуютно. Ей даже на какое-то мгновение показалось, будто не рыженькая менестрелька ей улыбается, а скалится на нее безглазый череп.

– Так вот, я желаю петь здесь сегодня вечером. Все, что заработаю, – мое. Еда и кров не нужны, – добавила Арьята, продолжая улыбаться.

Хозяйка лишь судорожно кивала в ответ, силясь избавиться от ощущения могильного холода, исходившего от нахальной рыжухи.

Донесшийся снаружи истошный вопль разом всколыхнул царившее в шинке болото.

– Daeni, оставайся тут! – крикнул Шири, на ходу вытягивая клинок и опрометью кидаясь наружу.

Он едва успел выдернуть Иленку из-под удара наседавшего на нее громилы и оттолкнуть того подальше. Эдан тщетно пытался вырваться из рук двоих здоровяков в цветах барона Тарницы.

– Марш в шинок! – рыкнул Поводырь, толкая заклинательницу в сторону дверей.

Противник, рассмотрев, что вместо девчонки-неумехи перед ним предстал злой до чертиков мечник, мгновенно сменил тактику. Шири ушел в глухую оборону, мигом сообразив – этот нападающий тоже не лыком шит. Иленка кинулась на помощь к Эдану. Юноше удалось извернуться и чувствительно пнуть одного из державших в колено, а заклинательница треснула согнувшегося пополам вояку мечом по затылку, закрепляя успех. Не давая врагам опомниться, швырнула силовым импульсом в

другого. Освободившийся Эдан, растерянно вертя головой, кинулся по улице к одиноким воротам…

– Стой, идиот! – вскрикнула Иленка.

Очухавшийся после магического удара здоровяк резким ударом сбил зазевавшуюся девушку с ног. Шири, поднырнув под меч противника, метнулся к заклинательнице и за шкирку выдернул ее из-под очередного удара, пропустил выпад, и чужой клинок полоснул по его открывшемуся боку… Поводырь взвыл, поминая нехорошими словами тех, кто заговаривает клинки. Безрукавка мгновенно намокла от крови. Перепуганная Иленка запустила в нападавших первым попавшимся под руку амулетом. Ослепительно полыхнуло, клубами взметнулась покрывавшая улицу пыль, и противников отбросило на добрых три метра, зашвырнув в не просыхающую лужу. Упрямые гуси с гоготом кинулись прочь из воды.

Эдан, не успевший пробежать и двух десятков метров, резко остановился – по улице на него надвигались всадники во главе с бароном Тарницей. Юноша опрометью метнулся назад, но не тут-то было: свистнувший в воздухе аркан на корню пресек всякие поползновения незадачливого беглеца.

Шири медленно сползал на землю, привалившись к столбу коновязи.

– Мастер!.. – девушка кинулась к нему.

– Ш-ш-ш, все нормально. – Поводырь с трудом выровнялся, зажимая рану ладонью. Кровь сочилась сквозь пальцы, заливая одежду. – Убираемся, пока пыль не разошлась! – он сделал неуверенный шаг вперед. Иленка поспешила поддержать шатающегося Поводыря. – Вон туда, в переулок и огородами, – заплетающимся языком промямлил он.

– Арьята?

– Сама найдет…

Говоря про огороды, Шири намеревался отойти от места драки как можно дальше. Однако сразу за шинком пришлось остановиться и поспешно забраться в росшие под стеной кусты бузины пополам с лопухами и лебедой. Поводырь устало привалился к грязной кирпичной кладке. Их искали.

– …Да нет их здесь, ушли дворами…

– Куда ушли?! Из того мужика кровища хлестала дай боже: Ряк ему пузо располосовал…

– Видать, так располосовал, раз ушли… – философски закончил первый голос.

Потоптавшись еще немного у зарослей бузины, шаги начали удаляться и вскоре вообще затихли.

Поводырь уперся затылком в стену и мученически

зажмурился.

– М-мастер… – Иленка осторожно тронула его за плечо.

– Э? – Шири удивленно воззрился на нее. Девушка перепуганно глядела на бледное лицо Поводыря.

– Ничего… жить буду, – хрипло буркнул он, отводя глаза.

Кусты нервно закачались, и в заросли ввалилась Арьята.

– Как вы… Та-ак… – девчонка неодобрительно уставилась на Шири. – Где Эдан?

– Его забрали, – хмуро сообщила Иленка.

– А вы, надо полагать, стояли и глазами хлопали?! – взвилась менестрелька.

– Никто не виноват в том, что он раззява и олух царя небесного! – раздраженно откликнулась девушка. – Нечего бегать сломя голову…

– Кое-чьи умственные способности тоже вызывают у меня вопросы, – ехидно заметил Поводырь. – Кому было сказано не влезать?!

– Да чего уж прибедняться – оба хороши! – оборвала их Арьята. – Тебя не сильно задели? – это уже к Шири.

– Нет, но у того паршивца имеется заговоренный клинок. Если бы простым мечом пырнули, я бы так не корчился. Болит, как шайтан знает что! Рана сама не закроется. Понавыдумывали всякой магической бурды, а мне теперь майся…

– Тогда идем. Я здесь недалеко кузницу видела. Там должны помочь, – менестрелька подала ему руку, помогая подняться.

– В кузнице? – заклинательница недоуменно уставилась на Смерть. – Не лучше ли обратиться к цирюльнику?

– Лучше, но туда уже наверняка обратились те, кого вы так любезно приласкали на площади, – иронично фыркнула девчонка. – Хватит ерепениться, идем…

* * *

На высоких шпилях Белгродно догорали последние лучи заката. Светило уже почти полностью скрылось за горизонтом, позволяя теплым июльским сумеркам окутать город легкой поволокой. В воздухе пахло пылью и свежей выпечкой. Стены зданий, прогретые за день, источали тепло, отчего в воздухе разливалась духота. Дома на Карминной улице, выстроенные сплошь из красного кирпича, в лучах заходящего солнца обретали ни с чем не сравнимый карминно-алый оттенок. Крытые рыжей черепицей крыши тусклым золотом догорали в закате.

Хельги Криэ неспешно брел вверх по улице. Темные брюки,

черная ветровка, над плечом покачивается оголовье меча. Все как обычно. Немногочисленные прохожие сдержанно раскланивались с демонологом, дабы у него за спиной тут же перейти на подозрительный шепоток, недружелюбным шлейфом тянувшийся за магом.

Перед выходом из дому Хельги попробовал дозваться Шайритту, но клинок по-прежнему хранила гордое обиженное молчание.

– Ну и ладно, – проворчал он себе под нос, цепляя меч на спину, – на обиженных воду возят.

Криэ свернул к приземистому зданию казармы городской стражи и, пройдя во внутренний двор, направился к флигелю. Вознамерившись постучать в плотно закрытые двери, демонолог так и застыл с поднятой рукой. К дверям шли с той стороны. Створка резко распахнулась, и на пороге возник невысокий кряжистый мужик лет пятидесяти, что называется, поперек себя шире. Черная футболка со странной надписью, возвещавшей, что хозяин оной «слегка того», чуть не лопалась по швам, плотно обтягивая габаритный торс. Застиранные камуфляжные штаны лихо заправлены в берцы. Мужик оказался лыс, бородат и на голову ниже Криэ, изрядно компенсируя недостаток роста шириной.

– Откуда, куда, зачем? – деловито прогудел кряжистый дядька, заставив демонолога невольно вздрогнуть: голос звучал будто из рассохшейся бочки. От неожиданности маг даже не успел прочесть его мысли.

– Мне нужен ваш капитан, – чуть резче, чем собирался, потребовал Хельги.

– Хм… – неопределенно хмыкнул чистильщик, обернулся во флигель и заорал: – Анджей, Анджей, песий сын, где там его высокоблагородие шляется? Пусть сюда идет! Пришли к нему!

– Барышня? – задорно осведомились из флигеля.

– Да не, мужик какой-то.

– Тогда не стану звать, – полетело в ответ, – вот если бы барышня…

– А за барышню ему потом госпожа Ника голову оторвет и скаже, що так и було! – хохотнул тот, который общался с Хельги.

– Скорее я сам тебя прибью, – спокойно произнес Даниэль, бесшумно вырастая за спиной не в меру юморного дядьки. – Добрый вечер, мэтр. Збышко, ты за старшего, – добавил он, выходя на улицу.

– А ежели чего?.. – неодобрительно прогудел бочкообразный Збышко.

– А ты не чегокай.

– Ваше высокоблагородие, наши обереги тут же ж не тянут ни шиша! Не дай господь, но всякое может стрястись, что мне тогда, в рельсу стучать прикажете?!

– Не беспокойся, я вернусь через пару часов, – успокоил его Даниэль. – Идемте, мэтр.

Чуть погодя, когда они изрядно отошли от казармы, Криэ полюбопытствовал:

– Даниэль, скажите, будьте любезны, при вашем отряде есть маг?

– Был, была, точнее, – неопределенно вздохнув, откликнулся оборотень.

– Эхм, простите, – потупился Хельги.

– Да не за что, – фыркнул капитан, – в отпуске она, в декретном… Поэтому на ближайшие года полтора магической поддержки мы лишены.

Сумерки потихоньку уплотнялись, вытесняя последние крохи света и окутывая город лиловой дымкой. Подернутый багровой хмарью пустырь смотрелся зловеще. Над ним раскоряченной каракатицей тускло мерцала раскинувшаяся в воздухе охранная печать. Расставленные по всему периметру пустырища стражники нервно дергались от каждого шороха, не важно, с пустыря он доносился или от ближайшего дома. Среднего роста сутулый усач с капитанскими нашивками на рукаве, выслушав отчет очередного подчиненного, поприветствовал демонолога:

– Господин Хельги, как же это вы так оплошали? – укоризненно произнес он.

– Я? – демонолог брезгливо поморщился. – Помилуйте, любезнейший друг мой! Я никоим образом к этому, – он ткнул пальцем в сторону пустырища, – не причастен. Все претензии к господину градоправителю.

Стражник хотел возразить, но заметил при Хельги высокого черноволосого незнакомца и вовремя прикусил язык: незачем чужакам знать, что не все спокойно в датском королевстве.

– Да, позвольте представить, – продолжил Криэ, – Даниэль Кипелов, капитан отряда чистильщиков, прибывших в город сегодня днем.

Капитан стражи поспешно подал руку оборотню.

– …но это отнюдь не означает того, что вы в спешке свернете патрулирование и сгинете в неизвестном направлении, – холодно закончил демонолог, проследив за взглядом стражника.

– Помилуйте, мэтр, и в мыслях не водилось! – упреждающе замахал руками тот.

Хельги скептически хмыкнул, ибо, как раз заглянув в мысли капитана, он и разглядел подобное развитие событий.

– Да, – продолжил демонолог, – нам с господином Кипеловым необходимо пройти за печати, поэтому в последующие полчаса будьте особенно внимательны, капитан.

– Мэтр, а нас не расплющит на плоскости? – озадаченно спросил Даниэль, подтягивая перевязь с клинками.

– Нет, – умиротворяюще качнул головой Хельги. – Реальность уже успокоилась. А то, что мы имеем в наличии сейчас, не более чем последствия ранее творившегося здесь безобразия. Пугалка от любопытных. Хотя сие меня тоже не особо радует, поэтому не расслабляйтесь. Кто знает, чего и откуда туда занесло…

Демонолог опустился на корточки и чуть коснулся пальцами теплой брусчатки у самой границы багрового марева. Перед ним проявилась малая копия распластавшейся над пустырем печати. Даниэль, с интересом наблюдавший за манипуляциями Криэ, удивленно присвистнул.

– Впервые вижу, что бы этой штукой запечатывали пространство, а не сущность, – пробормотал он.

– А я и не запечатывал пространство, – отмахнулся демонолог. – Туда может пройти кто угодно, а вот выйти оттуда – только живые существа. Будьте осторожны, не отставайте от меня, – бросил он через плечо, проходя сквозь охранную печать в красное марево.

– Сомневаетесь в моих силах? – с легким сарказмом осведомился оборотень, проверяя, легко ли выходят мечи из ножен.

– Нет, в своих, – лаконично ответил Хельги.

Капитан чистильщиков лишь покачал головой и шагнул вслед за демонологом. Проходя сквозь печать, Даниэль на секунду ощутил легкое жжение и в следующий момент очутился в багрово-прозрачном тумане. Криэ терпеливо ждал, пока спутник осмотрится и привыкнет к новым ощущениям. Оборотень озадаченно повертел головой, шевельнул ноздрями, втягивая воздух и пытаясь определить, насколько окружившее его – реально.

– Похоже на Грань, – в конце концов констатировал он.

– А вы там бывали? – в свою очередь заинтересовался Хельги.

– Доводилось… – неопределенно пожал плечами Даниэль.

– И остались живы, браво!

– А мне выбора не оставили, – иронично ухмыльнулся чистильщик.

Криэ понимающе кивнул и двинулся вперед, внимательно оглядываясь вокруг. Все так же, как и до вчерашнего светопреставления: остатки древних развалин, утоптанная в камень земля, кое-где выпустившая на поверхность чахлую

травку, но ни одной кирки, ни одной лопаты (да, цверги, они такие – умрут, но инструмент не бросят)! Вот только вчера здесь не наблюдалось этой противной багровой пелены, заставлявшей вздрагивать от каждого шороха. Воздух стал вязким, словно разведенный крахмал.

«…А вот здесь он стоял вчера… – Демонолог присел на корточки у вплавившихся в землю линий защитной пентаграммы. – Вон валяются, чуть в стороне, обгоревшие части амулета… – Криэ провел рукой вдоль запекшейся черной линии. – Ничего…» Просто остаточный фон, да и то слишком слабый, чтобы кто-то кроме создателя мог его почувствовать.

Застывший рядом Даниэль зябко повел плечами и насторожено заозирался. Ему вдруг стало не по себе.

– Не нравится мне все это, мэтр, – заявил в пустоту оборотень. – Лучше бы нам убраться отсюда, да побыстрее.

– Пресловутое волчье чутье? – с легкой насмешкой спросил Хельги, продолжая манипуляции над черными линиями.

– Нет, человеческое чувство самосохранения.

Демонолог, сосредоточенно водивший ладонью над пентаграммой, вдруг резко отдернул руку, шипя, словно рассерженный кот.

– Что-то нашли?

– Да. – Криэ озадаченно потирал забинтованную кисть: еще не совсем заживший порез налился тягучей пульсирующей болью. – И мне это не нравится. Вот, смотрите, – маг вновь склонился над пентаграммой и осторожно выдохнул короткую формулу. На пересечении двух ближних линий проступил кривой четырехпалый след солидных размеров.

– Это чье же такое? – озадаченно протянул оборотень. За время службы в отряде чистильщиков Даниэлю пришлось навидаться всякого, и самых невероятных следов в том числе, но такой «шедевр лаптевого искусства», как говаривал Збышко, он видел впервые.

– Насколько я в этом разбираюсь, след принадлежит алкхолу. – Хельги медленно поднялся на ноги.

– И что это?

– Считается, что злой дух. Но это не так. Алкхолы – демоны средней руки, обретающие физическую форму при попадании в наш мир[11]. В некоторых верованиях существует мнение, будто именно они научили людей гнать брагу…

– Но это не так? – заинтригованно спросил капитан чистильщиков.

– Не знаю, я предпочитаю убивать эту пакость, а не выпытывать у них секреты самогоноварения, – отмахнулся Криэ,

задумчиво изучая след. – Но то, что здесь похозяйничал алкхол, мне уже не нравится. Насколько я знаю, эти твари не имеют обыкновения возникать из абсолюта и скакать на одной ножке, используя пентаграммы как классики… Видно, где-то пошел разрыв и открылся колодец в Нижний мир.

Вскинув руку, он что-то тихо забормотал себе под нос – на земле стали проявляться следы, цепочкой уводившие от первого отпечатка куда-то вглубь пустыря. Демонолог жестом показал оборотню следовать за собой. Попетляв между обломками колонн, остатками стен и плит, след вывел их к груде камней.

Даниэль, последние полминуты чувствовавший себя все неуютнее и неуютнее, откровенно занервничал: земля под ногами отдавалась гулким эхом. Сумерки уже достаточно сгустились, чтобы с минуты на минуту превратиться в темноту, и чистильщику совершенно не хотелось думать о том, что произойдет, если твердь вдруг разверзнется и он со спутником загремит в неизмеренные глубины да хоть бы и просто старых катакомб.

– Мэтр, вы знаете, что под нами пустота? – настороженно осведомился он.

Криэ лишь отрицательно покачал головой, а вслух произнес:

– Я выяснил все нужное и…

Закончить фразу демонолог не успел – в ножнах нервно задергалась доселе обиженно молчавшая Шайритта. Хельги показалось, что он почти слышит упреждающий окрик меча. Секунда, и клинок был у него в руках. Оборотень немедля обнажил свое оружие. Криэ скороговоркой выругался сквозь зубы, отступая на шаг.

– Мать моя волчица… – поддержал его Даниэль, ошеломленно рассматривая возникшее из-за стены существо. Тварь значительно превышала их в росте. Короткие кривые ноги коленями назад, мощный бочкообразный торс, увенчанная шипами тяжелая башка и несколько десятков щупалец вместо рук, оканчивавшихся изогнутыми когтями.

Кошмарное порождение Нижнего мира, доселе меланхолично бредшее по пустырю, резко атаковало, выбросив вперед свои руки-щупальца. Криэ с оборотнем кинулись в разные стороны.

– Убираемся отсюда! – крикнул Хельги. – Нельзя, чтобы *это* вырвалось за пределы печати!

Даниэль бросился к демонологу, поднырнув под одно из щупалец и располосовав клинками другое. Тварь с подвыванием шарахнулась назад.

– Бежим! – Хельги неуклюже отбил еще один удар.

– Это и есть ваш алкхол?

– Да!

Оборотень действовал своим оружием куда сноровистее мага: Криэ все еще давали знать о себе незажившие раны. И вскоре чудовище лишилось еще половины щупальца, попытавшись неосмотрительно достать чистильщика. Мастер-демонолог лишь уворачивался, изредка парируя. Некстати разболелись не совсем зажившие раны.

Настигнув их возле самой печати, разъяренная тварь предприняла еще одну ожесточенную атаку. Даниэль отлетел в сторону, сметенный мощным толчком. Еще раз ударить монстр не успел, лишившись еще одного щупальца, отсеченного клинком демонолога. Алкхол мигом перекинулся на Криэ, ударив под совершено немыслимым углом. Чародею лишь осталось возблагодарить свой клинок за расторопность. Шайритта перехватила контроль над руками, мгновенно ставя защиту. Тяжелые загнутые когти со скрежетом прошлись по металлу, выщербив клинок и развоторив гарду. От силы удара Хельги полетел на землю. Меч в руках трясся мелкой дрожью. Оборотень, подхвативший демонолога под мышки, вместе с ним вывалился за печать. Маг скороговоркой выкрикнул несколько слов, усиливая плетение. Контур мигнул и погас, лишь слышно было, как пытается вырваться с пустыря разъяренный алкхол. Клинок в руке Криэ продолжал меленько дрожать.

– Шай, а ну марш сюда немедленно! – приказал он, мигом оценив ситуацию.

Оборотень непонимающе уставился на него. Секунда, и на руках демонолога повисла высокая темноволосая женщина. Кровь, лившаяся из глубокой раны в боку, темными потеками растекалась по серой юбке.

– Э? – только и смог выдавить чистильщик, ожидавший чего угодно, но никак не истекающей кровью дамы.

– Ну чего вы застыли столбом? Помогите мне! – выдернул его из ступора Хельги.

– А… э, кто это? – смог, в конце концов, выдавить Даниэль, спешно выуживая из кармана перевязочный пакет.

– Моя компаньонка, – буркнул маг, – как-нибудь потом объясню… – добавил он, останавливая кровь.

Минуту спустя Криэ осторожно поднял Шайритту на руки. Клинок застонала.

– И не вздумай мне превратиться обратно! – угрожающе прошипел демонолог, активируя телепортационный амулет.

– Ээ… вас проводить? – запоздало осведомился Даниэль.

– Не нужно, я скоро вернусь, – бросил через плечо Хельги. – Позовите ваших людей. Ночь предстоит неспокойная. Да, и

отправьте кого-нибудь за лекарем, пусть наведается ко мне домой…

# Глава 8

Иногда природа довольно жестоко шутит над своими созданиями, наделяя их лишними конечностями и несоразмерным ростом, или же награждает убийцу лицом праведника, а добродушнейшего человека – внешностью душегуба. Так не повезло и кузнецу Славуре. Отличавшийся спокойным и добрым нравом кузнец по какой-то неведомой прихоти матушки-природы обладал жутковатым лицом, еще и обезображенным темным ожогом. Именно поэтому, когда хозяин кузни, услышав возню под дверью, появился на крыльце, Иленка едва сдержалась, чтобы не заорать от испуга.

– Ну, чего надо-то? – осведомился кузнец, удивленно рассматривая девушек, подпиравших с двух сторон своего спутника.

«…Упился, нехристь», – машинально подумал Славура, неодобрительно скользнув взглядом по едва стоявшему на ногах Поводырю. Хотя брагой от светловолосого не разило, зато в воздухе разливался приторный запах крови.

– Наш друг ранен, – устало сказала Арьята, легонько тыкая Шири в бок, чтобы тот хоть немножко стоял на своих двоих, а не вис на ней и заклинательнице всем весом.

– Так это… к цирульнику его надо, – поскреб маковку кузнец, – я же не лекарь.

– У цирюльника и без нас работы хватает, – буркнула Иленка.

– А… – понимающе протянул Славура, – тогда, это, заходите, раз такое дело… Только, эта, зельев не держу. Разве от ожогов. Так что, того, железом только…

Девушки слаженно кивнули, поспешив спихнуть полуобморочного Поводыря на гостеприимного кузнеца.

* * *

Хозяйка шинка недовольно поглядывала на поздних посетителей, а теперь и постояльцев, разогнавших из кабака весь народ, но возразить ничего не посмела. Барон Тарница хмуро сидел за столом, погруженный в мрачные думы. Слишком много возни из-за этого щенка. Двое его людей ранены и вряд ли завтра сядут в седло – их крепко приложило той магической дрянью возле шинка. Гадес, как назло, куда-то запропастился. Покинул отряд сразу после остановки на Асовом кургане, взяв с барона слово, что тот дождется его в Ништяве, что бы ни случилось. А

это значит, придется коротать ночь в низкопробном шинке. Йожеф неприязненно глянул на привязанного к стулу Эдана. Кровь на лице юноши запеклась темной коркой, всклокоченные волосы рыжей паклей спадали на глаза. С того момента, как его захлестнул аркан, парнишка и слова не проронил, но от озлобленного взгляда исподлобья даже господину барону становилось не по себе.

– Глаз с него не спускать, – приказал Тарница, поднимаясь по скрипучей лестнице наверх в комнату.

Оставшиеся внизу охранники уныло переглянулись. Эдан застыл восковой куклой, даже не пытаясь ослабить стягивавшие его веревки, лишь разбитые губы чуть заметно шевелились, не то в молитве, не то в проклятии… Стоило тишине воцариться в замызганном зале, как заглушаемый ранее шепоток в его голове окреп, превратившись во вполне различимые шелестящие голоса. Эдан пытался не слушать этого всепроникающего шипения, но все попытки отрешиться от странных голосов терпели крах одна за другой.

Кажется, происходило то, о чем предупреждала его Арьята: стоило ему отдалиться от Смерти, и он начал сходить с ума. Но нет, нужно держаться… хотя бы до утра. А что утро? Уж не тешит ли он себя мыслью, будто его спасут нечаянные попутчики? Шири ни в коем случае не позволит, чтобы его daeni рисковала собой из-за какого-то сопляка. Сам же Поводырь и пальцем не пошевелит, дабы помочь Эдану. То, что одноглазый мечник его невзлюбил, юноше было ясно и так. А посему отринь надежду всяк сюда входящий, как значилось в одном из прочитанных Эданом фолиантов, пылившихся на полках в родовой библиотеке. Он устало прикрыл глаза. Казалось, ненадолго притихшие голоса зазвучали с новой силой, дразня мозг то нарастающим, то стихающим шелестом, повествуя о холодных реках, скалах, усеянных острым стеклом, о домах, сплетенных из живых змей, и неупокоенных костях на древних полях сражений…

* * *

Шири вытянулся на жесткой лавке, пристроив голову на колени к Арьяте. На лбу поблескивали капельки пота, зрачки расширились почти на все радужку. Холодная, прожигающая боль в распоротом боку расползалась вверх по ребрам. Девчонка провела ладонью по лбу товарища, убирая заплетенную тесемками челку. Иленка растерянно топталась рядом, не зная куда себя деть и сгорая со стыда от того, что оказалась виновата в

случившемся.

– Посторонись, – прогудел кузнец, нависая над лавкой с широким, раскаленным добела ножом. Заклинательница невольно пискнула и побледнела сильнее, чем лежавший на лавке Поводырь. Славура склонился над раненым. – Ну, держись, парень, – пробормотал он, прикладывая пышущее жаром лезвие к ране.

Тело Шири выгнулось дугой, из прокушенной губы по подбородку потекла кровь. Арьята совершенно не девичьей хваткой удерживала его за плечи. Кузнец отнял лезвие от прижженной раны. Однако пациент потерял сознание еще до завершения пытки-лечения.

– Эй, чернявая, там на чурбаке миса с водой и ветоши клок, – хозяин дернул Иленку за рукав. – Кровь бы смыть надобно, а я пока посмотрю, чем перевязать можно, – он направился вглубь дома, а заклинательница по-прежнему стояла, опершись спиной о стену, изо всех сил стараясь не сползти по оной на пол. Девушку била крупная дрожь.

– Иль, миску подай, пожалуйста, – привел ее в себя спокойный голос Смерти, – дальше я сама.

Трясущимися руками, расплескивая воду, заклинательница переместила миску с чурбака к Арьяте. И пока Славура вернулся с куском толстого небеленого полотна, девочка уже закончила смывать с тела своего верного Поводыря кровавые потеки. Кузнец критически окинул взглядом своих неурочных гостей. И куда они пойдут среди ночи, болезные? Светловолосый в беспамятстве, чернявая магичка того и гляди за ним отправится, а младшенькую просто жалко. А с другой стороны, ежели эти натворили чего несообразного, да их искать будут… Кузнец поскреб тяжелый подбородок, решая.

– Я это, вот чего… Одеяла дам, в клуне ляжете. Этого тоже… – он кивнул в сторону Шири, – перетащу. Но поутру, уж не извольте обижаться, попрошу того…

– Ничего, – тряхнула головой Арьята. – Мы уйдем перед рассветом.

Клуня оказалась далека от пристойного гостиного двора настолько, насколько может быть далека хозяйственная постройка от жилого помещения. Обмазанные глиной стены облупились и потрескались, местами из них торчала солома. Потолка тут отродясь не водилось, со стропил свисала всякая всячина, пахло мышами, а крытая шифером и досками крыша светила дырками, в самом дальнем углу что-то скреблось. Земляной пол был кочковат и неровен, наклоном уходя к дальней стене.

Арьята укутала Поводыря в одно из одеял и привычно устроила его голову у себя на коленях. Тонкие пальцы перебирали растрепанные, выбившиеся из косы светлые пряди. Сколько им уже довелось скоротать таких вот ночей, когда Шири лежал пластом… И единственное, чем могла помочь верная подруга, это просто успокаивающе гладить его по волосам.

Заклинательница скорчилась под своим одеялом, привалившись к растрескавшейся стене. Арьята хотела окликнуть ее, но передумала: не самое удачное время для бесполезных утешений. Пусть девушка подумает и осознает, тогда проблем станет значительно меньше… или больше. Это в зависимости от того, *что* она осознает.

Иленка же, завернувшись в одеяло, боролась с желанием завыть в голос. Вот к чему приводит самоуверенность! Сначала из-за нее погиб мастер Энгарт, непонятно зачем связав ее с Поводырем Смерти. И не просто связав, а соединив клятвой Последней Воли. Ни Иленка, ни тем более Шири не хотели ничего подобного. Но, как сказал Поводырь, это уже ни от кого не зависит. Если Иленке будет грозить опасность, он встанет на защиту, даже если попробует воспротивиться этому всеми фибрами души (а этот воспротивится, еще и напомнить не поленится). Печать заставит его, как это случилось сегодня. А вот сама заклинательница сопротивлялась до последнего, пытаясь неизвестно кому доказать, что она и сама не промах. Вот и доказала… Если бы не ловкость и живучесть Шири, он был бы сейчас мертв, так же как и мастер Энгарт. Девушка до боли закусила губу… Нет, как бы там ни пошло дальше, но смертей больше не будет, даже если для этого придется наступить на горло собственной гордости!

Менестрелька, поправив прислоненную к стене гитару, успокаивающе перебирала пальцами светлые пряди, будто это могло как-то помочь. Она никогда не любила тишину. Таилось в ней что-то недоброе… Вот и сейчас, не выдержав, Арьята начала чуть слышно напевать себе под нос, баюкая на коленях голову Поводыря.

Дай мне силы продержаться до рассвета,
И пройти, не замедляя шаг,
Сто путей, раскиданных по свету,
Да запутанных еще, неясно как.
Дай мне силы продержаться до заката,
Это нужно, очень нужно, я прошу,
Я судьбу свою мечтал догнать когда-то,
И поэтому, наверно, так спешу.

Менестрелька вдруг осознала, что поет не свою песню. Нет, она и до этого исполняла баллады, некогда услышанные от других. Но эта была особенная, одна из тех немногих, которые иногда пел Шири. О том, что ее верный Поводырь играет на гитаре и очень неплохо поет, Госпожа Смерть узнала с запозданием – спустя несколько веков совместных скитаний по трактам и большакам, да и то случайно. С тех пор она время от времени наседала на него, подсовывая инструмент и умоляя что-нибудь спеть. Баллад Шири, как выяснилось, знал в избытке. А может, и сам сочинял, кто его поймет? Когда-то Арьята спросила его об этом напрямую, но Поводырь лишь отшутился, сказав, что не собирается отбирать у нее законный менестрельский кусок хлеба с маслом.

Дай мне силы пережить дурное время,
Не сорваться, в горе сердцем не сгореть.
Не отбросить опостылевшее бремя,
И в морозе лютом не обледенеть.
Дай мне силы снова вырваться из бездны.
Пусть я ночь, но даже ночи нужен свет.
Обещай, что я не сгину, не исчезну,
Даже если на спасенье шансов нет…

Ночь перевалила за середину, когда Арьята ощутила перемену в состоянии своего верного Поводыря. Дыхание участилось, Шири беспокойно завозился под одеялом, веко на здоровом глазу дрогнуло, Поводырь заморгал, пытаясь привести зрение в фокус. Последним, что он запомнил, стала всепоглощающая боль, вначале холодная и жалящая, а затем раскаленная. Тупо ныла прокушенная губа.

– Сколько пальцев видишь? – тихо раздалось у него над ухом.

– Не вижу, здесь темно, – хриплым шепотом откликнулся он.

– Значит, очнулся, – насмешливо констатировала Арьята, – и теперь я вывалю на тебя все, что думаю по поводу произошедшего. – Смерть легонько подергала товарища за выбившуюся из косы прядку. Шири болезненно поморщился и вяло попытался отобрать свои волосы у шкодливой менестрельки.

– Только тихо и недолго, – умоляюще попросил он. – Я старый больной человек, мне нужен полный покой и нежный уход…

– Нежный уход я тебе могу обеспечить только из жизни, – фыркнула Смерть. – Ладно, тогда коротко и по существу: не делай

так больше.

– Ничего обещать не могу, – он поерзал, устраиваясь поудобнее.

– В таком случае за Иленку я не поручусь, – вздохнула Арьята, – она тут и так была на грани истерики от того, что ты схлопотал царапину, что с ней произойдет, если в тебе проделают дырку побольше, я даже представить не берусь.

– Да? Очень интересно, – ехидно сообщил Поводырь. – Не ожидал от нашей госпожи Великая Самоуверенность такой тонкокожести.

– Ши, иногда я просто удивляюсь твоей черствости, – покачала головой Смерть.

Поводырь буркнул что-то неразборчивое, предоставляя Арьяте самой додумать, куда она может отправить свое удивление. Однако на самом деле сейчас ему было не до смеха. То, что с Иленкой начало твориться неладное после того, как его задели, Поводырь понял еще тогда, возле шинка. Девушка выглядела очень испуганной. И это обращение «мастер»… Если раньше он просто ее подначивал, постоянно одергивая, то сегодня… Он бы даже сказал, что упрямая заклинательница испугалась не за себя, а за него. Тьфу, шайтан! Этого еще не хватало! До сегодняшнего происшествия они просто друг друга терпели, и лучше бы так оставалось до конца всего путешествия. А всякие приязни, испуги и прочие привязанности пусть бы увяли на корню! И было бы легче и проще… Шири машинально потер грудь: давно молчащее сердце едва ощутимо ныло. Но, наверное, ему только показалось. Уж что-что, а эта часть его существа действительно была мертва очень давно и очень основательно. Не зря ведь daeni некогда собственноручно вонзила в него черный шип стилета, откованного из вечной тьмы и пустоты.

– Шири, нам нужно вернуть Эдана, – прервала его яростные размышления Арьята.

– Зачем? Daeni, по большому счету вся эта каша заварилась из-за него, – недовольно проворчал Поводырь, менее всего желая, чтобы рыжий сопляк воссоединился с ними и продолжил отравлять жизнь.

– Ши, я не могу его бросить, – покачала головой менестрелька.

Верный Поводырь Смерти молчал. Он знал, что не сможет перечить daeni, ибо в этом она вся – если уж втянула кого-то в неприятности, то обязана и вытащить, и хоть ты ей кол на голове теши! Упряма как… как Смерть!

– Отправляемся перед рассветом, – решила она, пресекая спор. – У меня есть план.

Шири лишь устало кивнул, надеясь, что за оставшиеся пару часов он сможет восстановиться настолько, чтобы твердо стоять на ногах. Будь рана нанесена простым оружием, он бы уже давно оправился от нее. Но заговоренные на нечисть клинки доставляли массу неприятностей…

Оставленная на столе керосиновая лампа едва горела, больше чадя, чем освещая. К запаху помоев примешивался еще и горьковатый дух дрянного топлива. Молодцы, приставленные бароном Тарницей стеречь непутевого отпрыска, рационально поделили свои нехитрые обязанности: один спал, уронив голову на руки, второй, чтобы не дремать, вырезал что-то на грязной столешнице, изредка поглядывая на пленника. Мальчишка за все время так и не пытался пошевелиться, и стражник всерьез начинал подумывать, не околел ли пленник вообще?

Но тут Эдан вяло вскинул голову и попробовал потрясти связанными руками – веревки немилосердно впились в кожу. Юноша всхлипнул. Последние несколько часов он то проваливался в какое-то зыбкое забытье, а то вновь погружался в обволакивающее шуршание безумного шепота. Пытаясь чуть ослабить веревку, притянувшую его к спинке стула, Эдан резко подался вперед. Стул протестующе скрипнул. Занимавшийся антихудожественной резьбой страж недовольно вскинул голову:

– Что ты все ерзаешь и ерзаешь, а? – раздраженно проворчал он.

– Воды бы… – сипло откликнулся пленник, едва ворочая распухшим языком.

– Вот покупатель прибудет, у него и проси, – недобро ухмыльнулся охранник.

Эдан похолодел от недобрых предчувствий. Покупатель? Какой покупатель? В какие неприятности, черт побери, его впутали? Неужели недостаточно того презрения и брезгливого терпения, которое изливались на него с малых лет. А может, его и в доме терпели именно потому, что… продали? И ждали покупателя…

Замешательство пополам с отчаянием настолько явно отразились на избитом лице пленника, что охранник ощерился еще гаже.

– А то ты не знал, – презрительно хохотнул он. – Продали тебя, парень, ни за понюх табаку! Зачем уж это твоему батьке понадобилось, с него и спрашивай…

«…продали, продали, продали», – шелестящим хором откликнулись тысячи шепотков в голове юноши.

– Меня продали… – пустым голосом повторил Эдан и вдруг

зашелся хриплым полубезумным смехом. Стражник кинулся к нему, намереваясь ударить, но не успел…

С тихим протяжным скрипом отворилась входная дверь. Охранник резко обернулся и застыл, не в силах шевельнуться от накатившего ужаса. В проеме стояла высокая фигура в черном плаще. Над плечом страшного визитера возвышалась коса. Из-под глубоко надвинутого капюшона свисали белесые пряди.

– Ну что, – утробно осведомилась фигура, – на посошок? И побегу я…

Горе-страж сдавленно икнул, подался назад и, закатив глаза, рухнул на пол. Его товарищ, доселе мирно вкушавший сон, вскинулся, но тут же был возвращен в приятное бессознательное состояние – ударом тяжелого ковша по темечку.

– Голова-а-а, однако… – задумчиво протянула Арьята, материализовавшись полностью и рассматривая глубокую вмятину на днище ковшика, – или это посуда нынче такая хлипкая?

Шири прислонил одолженную у кузнеца косу к стене и решительно направился к Эдану. Паренек глядел на них пустым взглядом, продолжая нервно хихикать. Тяжело вздохнув, Поводырь легонько ткнул его в шею. Закатив глаза, юноша безвольно обвис на стуле. Арьята возилась с веревками.

Хлопнула одна из дверей на втором этаже – кто-то, потревоженный невнятной возней внизу, решил посмотреть, а то и поучаствовать в происходящем. Взвалив Эдана на плечо, Шири заторопился к выходу. Арьята, бросив быстрый взгляд на лестницу, поспешила за ним. Подхватив стоявшую у стены косу, менестрель, ехидно посмеиваясь, заклинила дверь шинка, едва они очутились снаружи. Изнутри послышался невнятный вопль. Кем бы ни оказался этот неурочный любопытный, он увидел то, что хотел, – и теперь поднимал тревогу.

– Бежим! – вскрикнула Иленка, поджидавшая спутников за углом.

Над головами раздался звон стекла и треск ломаемых рам. Видно, оказавшиеся в ловушке люди решили не обременять себя выбиванием заклиненной двери.

– Daeni, далеко я его не утащу, – пропыхтел Поводырь, придерживая безвольно болтавшегося на плече Эдана. Забинтованный бок начало нещадно саднить.

Окно у них над головами распахнулось, и оттуда выплеснулись помои. Разминувшись с беглецами, они щедро заляпали преследователей. Послышалась заковыристая ругань и угрозы. Из окна вылилась очередная порция помоев, в этот раз нацеленная уже специально на нарушителей спокойствия. Вслед

за помоями из окна высунулась тощая тетка в ночной сорочке и в бигуди. Услышав, каким могучим и трехэтажным кроют ее заляпанные мужики, она эмоционально пообещала, что помоев у нее еще достаточно, и многозначительно скрылась в окне…

Заминка преследователей позволила беглецам беспрепятственно добраться почти до окраины. Заклинательница на ходу рванула с шеи телепортационный амулет, разломила, швырнула вперед. В воздухе хлопком развернулся мерцающий в предрассветных сумерках квадрат.

– Шевелитесь! Он долго не продержится! – крикнула она, первой устремляясь в раскрывшийся межпространственный проход.

Стоило беглецам пересечь мерцающую границу, как портал конвульсивно дернулся и рассыпался мириадом искр прямо перед носом у погони. Барону Тарнице ничего не оставалось, как бессильно ругаться, стоя посреди улицы, да поносить негодных колдунов вкупе с нерадивыми стражами.

# Глава 9

Небо на востоке начинало обретать мягкий персиковый оттенок, словно пушистым одеялом окутывая восходящее солнце. Подернувшись зыбкой предрассветной дымкой, будто тончайшей кисеей, неспешно несла свои воды река. Поблескивая капельками росы, раскинулся близ нее кочковатый заболоченный лужок. Покачивалась на понтонах лодочная пристань. Облупленная будка байдарочной станции терялась в утреннем тумане. Привязанная возле нее дворняга выскочила из будки и звонко облаяла сверкнувшую над берегом полосу. Сырой, напоенный речными испарениями воздух задрожал, разошелся рваной прорехой и выплюнул изрядно потрепанных людей прямо навстречу разгоравшемуся рассвету.

Поводырь, не удержавшись на ногах, вместе со своей ношей растянулся на густой мокрой траве. Шипя и ругаясь, он поспешно поднялся, оставив Эдана лежать на земле.

– Не скрою, – ехидно произнес он, – это была достойная идея! Склоняю голову. Но скажи мне, – Шири повернулся к Иленке, – о мудрейшая из великих чародеев, на каких куличках мы очутились?

– Э-э… – не ожидавшая такого вопроса, Иленка замялась.

– Еще раз по буквам: ГДЕ МЫ?!

– Ну… – девушка поковыряла землю носком ботинка, – в поле, наверное…

– Отлично! Daeni, ты слышала, мы в поле!

– Главное, что не в Ништяве, – примиряющее откликнулась Арьята, присаживаясь на корточки возле Эдана и похлопывая того по щекам в надежде привести в сознание.

– Вообще, амулет был настроен на Белгродно, – неуверенно промямлила Иленка. – Полагаю, сейчас мы где-то между Ништявой и конечным пунктом нашего путешествия. Там радиус действия от силы версты три.

– А конкретней? – продолжал допытываться Шири, оглядывая окрестности и пытаясь высмотреть хоть какие-нибудь признаки цивилизации.

– Конкретней – ближе к Ништяве, чем к Белгродно. Портал рассчитан на одного, может, на двоих, а нас туда ввалилось четверо! – начала раздражаться заклинательница. Она уже жалела о том, что воспользовалась телепортом. И так бы ушли! Ну, побегали бы чуточку, и что? Так нет же, хотелось как лучше, чтобы этот одноглазый дурак не надрывался! Тьфу, нашла о ком беспокоиться! Он-то небось и не пошевелится, если ей

понадобится помощь!

– А ты не можешь еще раз нас телепортировать? – вывел ее из раздумий голос Арьяты.

– Нет, тот амулет был последним.

– А вручную?

– Нет, я же не практик! – раздраженно отмахнулась Иленка. – Моя работа – демонов ловить, а не перемещениями заниматься!

Эдан упорно не желал приходить в себя, сколько Арьята его ни тормошила. Предложение Шири окунуть юношу в реку менестрель отвергла как негуманное.

– В таком случае прекращай с ним возиться! – Поводырь отстранил ее и вновь закинул безвольное тело себе на плечо. – Вон там какое-то жилье, идем.

Жильем оказалась оконечность предместья какого-то городка. Несколько домов растянулись в клин, спускаясь к берегу реки. Тропа, сбегавшая от домов вниз, тонула в зарослях осоки, из которых, словно указующий перст, в реку уходила широкая кладка. Одна из свай подгнила, и перекосившийся настил углом ушел в воду. Солнце уже почти полностью выползло из-за горизонта, расцветив небо в розово-оранжевые тона. Беглецы спустились к самой воде. Шири довольно бесцеремонно сгрузил свою ношу на землю.

– Сидите здесь, – бросил он. – Пойду узнаю, куда нас занесло. И чтобы ни шагу отсюда!

– Слушаемся и повинуемся, наш великий господин, – неожиданно слаженно отозвались девушки. Тот лишь поморщился и, зло сплюнув, направился к ближайшему дому.

Однако не прошло и десяти минут, как он вернулся обратно. Подойдя вплотную, Поводырь угрожающе навис над Иленкой. Арьята поспешила отодвинуться в сторону, а заклинательница инстинктивно сжалась в комочек.

– Похоже, сейчас нас будут бить… – пробормотала себе под нос менестрель. – Ремнем по попе, с оттяжкой и воспитательной нотацией…

– Так между Ништявой и Белгродно, говоришь? – вкрадчиво вопросил Шири, глядя на девушку словно кот, который вместо живой мыши вдруг обнаружил под носом игрушечную обманку.

Иленка втянула голову в плечи и попыталась отползти назад. Поводырь, цапнув ее за воротник, резко поставил на ноги и развернул лицом к домам.

– Это, – он ткнул пальцем в сторону реки, – Псёл! А это, – в сторону построек, – предместье Сумшан!

– Любой телепорт имеет погрешность, – попыталась оправдаться заклинательница, стремясь отстраниться от

разгневанного спутника.

– Погрешность? Да Белгродно вообще в другой стороне! Эй!.. – Шири внезапно разжал пальцы на воротнике Иленки. Девушка от неожиданности не устояла на ногах и плюхнулась на траву. Оказалось, Эдан пришел в себя и теперь, пошатываясь, брел куда-то прочь. Поводырь мгновенно переключился на другой объект и, забыв о чародейке, кинулся наперехват. – А ну стоять!

Эдан уставился на них совершенно пустым взглядом, явно не понимая, чего от него хотят. Губы юноши шевельнулись.

– Меня продали, – невнятно хихикнул он, взмахнув рукой, – продали…

– Он сошел с ума? – осторожно осведомилась заклинательница, тщетно пытаясь отгородиться от какофонии мыслей, вившихся вокруг головы несчастного юноши тучей бестолковых мошек и раздражающим зудом лившихся на обостренное восприятие телепатки. Не спасал даже в несколько раз усиленный барьер. Ну нельзя же настолько громко думать!

– Нет. У него просто истерика, – презрительно фыркнул Шири, встряхивая паренька за воротник. – Ничего вашему драгоценному Эдану не сделалось. – Поводырь перехватил его за руку и волоком потащил к реке. Очутившись на кладке, сбил юношу с ног и окунул головой в воду. Первые несколько секунд парнишка не сопротивлялся, затем, видимо, осознав неправильность своего положения, начал вырываться. Шири выдернул его из воды, дал сделать вдох и вновь окунул, опять вытащил, встряхнул за шкирку, словно нашкодившего щенка…

– Ты! – хватая ртом воздух, завопил Эдан. – Ты псих! Едва меня не утопил, придурок!.. – юноша чуть не плакал.

Поводырь насмешливо смотрел на него сверху вниз. Паренек, шмыгая носом, откинул длинные пряди со лба и, отжав воду, поспешил вернуть их обратно. Но Шири оказался проворнее: резким движением перехватил его руку и откинул мокрые волосы назад. Юноша попытался вырваться, но не тут-то было. Инстинктивно зажмурился, ожидая удара.

– Глаза открыл! – рыкнул на него Поводырь Смерти. – Я сказал, глаза открыл! Daeni, ты только посмотри на это!

Арьята приблизилась к ним и опустилась на доски. Эдан глядел на нее со смешанным чувством вины и мольбы. Рассмотрев его правый глаз, прежде скрытый длинной косой челкой, Смерть тяжело вздохнула и отвернулась. Лазурно-голубую радужку рассекала молния деформированного зрачка, при этом второй глаз выглядел абсолютно нормальным.

– Что-то случилось? – Иленка участливо коснулась плеча менестрельки, опускаясь рядом. Арьята раздраженно стряхнула

чужую руку с плеча, сердито взглянула на своего верного Поводыря, сочувствующе на Эдана и длинно заковыристо выругалась, призывая глад, мор и прочие напасти на головы нерадивых индивидуумов, стремящихся испортить жизнь не себе, так людям. В небе, где-то далеко, громыхнуло, будто бы соглашаясь с правдивостью слов менестреля. Несчастный юноша сжался в комок, нервно вздрагивая частью от пережитого, частью от холода. Намокшая сзади рубашка холодным крылом облепила плечи. Шири наконец перестал его удерживать, и бедняга поспешил отползти от него подальше, растирая пострадавшее запястье.

Повисшую над рекой тишину нарушал лишь тихий плеск волн да яростное сопение Поводыря. Побултыхав рукой в воде и глубоко вздохнув, Смерть наконец-то снизошла до объяснений.

– Его, – она указала на Эдана, – продали, а точнее, пообещали… ээ… высшим силам. И я не имела никакого права заключать с ним договор. А он не имел права связываться со мной. Получилось, что я утащила чужую кость и теперь грядет мне за это расплата. Страшная… Шучу, – поспешила разъяснить она, видя, как вытягивается и бледнеет и без того несчастное лицо паренька. – Но выпутаться из всего этого та еще задачка… – Девочка замолчала, что-то обдумывая, а затем обернулась к светловолосому. – Шири, доведешь Иленку до Белгродно, а я с Эданом попробую тем временем наведаться к норнам.

Шири смерил свою ведомую выразительным взглядом, давая понять, что одну он ее отпустит только в случае своей скоропостижной кончины.

– Вот и славно! – преувеличенно бодро влезла в разговор Иленка. – Значит, я в конце концов избавлюсь от вашей нежданной компании и отправлюсь домой! Всем пока…

– Стоять! – четко, не повышая голоса, приказал светловолосый Поводырь. – Никто никуда не разбегается, словно тараканы при свете. Шайтан знает, какие неприятности ты еще успеешь найти на свою малахольную головушку! Это первое. Второе: daeni, неужели ты думаешь, что я нарушу обещание, данное тебе когда-то? Если я уйду, кто защитит тебя? Этот рыжий сопляк?!

– Шири, меня не нужно защищать, я…

– Молчать, не возражать! Daeni, мои нервы не железные! Да, помню, ты бессмертна, но я не испытываю ни малейшей радости, наблюдая, как ты исходишь кровью у меня на руках! Всем все ясно? – он окинул спутников холодным взглядом. – А если ясно, то чего расселись, как домовые на лавках?

* * *

Над пустырищем занимался рассвет. Первые лучи, проклюнувшиеся из-за крыш домов, окрасили колдовское марево в зловещие багрово-кровавые тона. Где-то там, за невидимой стеной, бродил искалеченный и злой алкхол, заунывно подвывая и тщетно пытаясь прорваться сквозь магический барьер. Демонолог сидел на тротуаре и устало глядел на пустырь. Эта ночь далась ему нелегко. Хельги машинально провел рукой по пустым ножнам, лежавшим на коленях. В полуночной спешке он совершенно забыл о ненужной перевязи и протаскался с нею до рассвета.

– Чего это он? – тихо спросил Збышко, кивая в сторону задумавшегося демонолога.

– У него напарница сегодня едва не погибла, – так же тихо откликнулся Даниэль, вытягивая из кармана мятую пачку и раскуривая сигарету. Верный зам неодобрительно крякнул. Оборотень криво усмехнулся, подсунув курево и ему. Збышко отрицательно покачал головой.

– Как хочешь, – фыркнул Даниэль, затягиваясь. Фигура сидевшего неподалеку Криэ размылась в дымной пелене. Оборотень задумался. Интересно, что заставило этого странного человека рисковать собой (да и не только собой) сегодня ночью и тогда, двумя днями ранее, когда заварился весь этот сыр-бор? В чем резон помогать глупцам, не внявшим умным советам?

Закинув перевязь на спину, Хельги поднялся на ноги. Тщетно попытался отряхнуть пропыленные штаны, одернул куртку, задубевшую местами от засохшей крови, не его – Шайритты. Кивнул на прощание Даниэлю и отправился восвояси. Капитан чистильщиков, несмотря на рвавшиеся с языка вопросы, не посмел задерживать Криэ. Да и что за необходимость устраивать большей частью личные расспросы посреди улицы и так не совсем дружелюбно настроенного города? Надо же дать человеку хоть немного отдохнуть…

* * *

Если задуматься о превратностях судьбы, рано или поздно можно вычислить некую закономерность – например, в том, с каким постоянством она одаривает неприятностями вас и осыпает удачей других. Задаваться вопросом «Почему?» не стоит, ибо, скорей всего, вы просто не нравитесь этой прихотливой даме. Тут уж впору задумываться над тем, а нравитесь ли вы вообще кому-

нибудь, раз уж норны так стремятся вам подгадить? Можно, конечно, утверждать, что на все воля божья, а следовательно, и норн никаких не существует, и судьба здесь ни при чем. Но барон Тарница, несмотря на свои убеждения (а он с младых ногтей являлся истым христианином, хоть и проживал, той же божьей волей, на Территории древних средь язычества и ереси), в последние несколько часов стал склоняться к мысли, что три наглые дамы, сидящие у источника[12], все же имеют место быть. Более того, не только существовать на самом деле, но и активно вставлять ему палки в колеса. Эта неутешительная и до боли обидная мысль вертелась в голове господина Йожефа в такт движению пыли в косых полосах света, то есть делала это так же вяло и бестолково. Каждая минута пребывания в грязной, пропахшей клопами комнатушке ништявского шинка медленно, но верно приводила барона в ярость. Но более всего раздражала его высокая фигура возле окна, закутанная в черный плащ…

Гадес, оторвавшись от медитативного созерцания грязной улицы, развернулся в комнату, закрыв один из светлых прямоугольников на полу. Вся эта кутерьма, столь позабавившая его вчера, сегодня уже начала порядком раздражать. Встрепанный барон Тарница, уныло сидевший в продавленном кресле, только усиливал раздражение. Мальчишке вновь удалось ускользнуть. Единственный шанс взять под контроль новую мировую встряску становился все призрачнее. Прежнее величие таяло на глазах. Если бы не вмешательство Слепой Гостьи, мальчишка давно бы принадлежал ему. И зачем ей понадобился этот ни на что не годный червяк? Или, может статься, Гадес в чем-то просчитался?..

– Поздравляю, – язвительно произнес он, прерывая свои размышления, – поздравляю вас, друг мой, вы опять его упустили.

– Если бы вы не изволили шататься неизвестно где всю ночь напролет, он уже перешел бы к вам во владение, – огрызнулся Тарница. – И мой сын уже находился бы на пути к выздоровлению.

Компаньон недовольно поморщился. Странно, почему никто не хочет понимать, что помимо дел первой необходимости есть еще и повседневные обязанности, манкирование которыми тоже ни к чему хорошему не приведет.

– Они телепортировались, что мне прикажете делать?! – барон поднялся и пересек комнату из угла в угол. – Двое моих людей ранены.

– К счастью, у вас есть я, – оборвал его Гадес, – и поскольку сами вы мыслить не в состоянии…

Йожеф возмущенно открыл рот.

– …ибо, если бы вы были способны на это нехитрое занятие,

то непременно сообразили, что беглецы стремятся в Белгродно. Это единственный крупный город на ближайшие несколько дней пути. Поэтому поднимайте людей и отправляйтесь в сей достойный град.

– Раз вы так умны, то могли бы и учесть, что они теперь значительно опережают нас, – ядовито заметил Тарница. – Пока мы доберемся до Белгродно, их уже и след простынет.

– Не думаю, – задумчиво потер подбородок Гадес. – Насколько я знаю одну неугомонную менестрельку, столь удачно подвернувшуюся вашему сыну, она ни за какие коврижки не упустит шанса выступить во всех белгродненских трактирах. К тому же, если это вас утешит, тот амулет, который вы мне показали, был рассчитан на одного человека, но никак не на четверых. А посему их выкинуло где-то посреди поля, верстах в двух-трех от этого захолустья. И если вдруг капризная дама Фортуна изволит явить вам свои прелести, то, возможно, вы нагоните их в дороге.

– Вы что же, опять хотите нас покинуть? – язвительно осведомился барон.

– Увы и ах, друг мой, – в притворном сожалении развел руками Гадес. – Рутинный долг зовет меня. Но едва я вознесу жертву своего драгоценного времени на его алтарь, как тут же к вам присоединюсь.

Йожеф, недовольно ворча себе под нос, вышел прочь, гулко хлопнув дверью. Его вынужденный компаньон криво усмехнулся вслед, мысленно прикидывая, сколько еще он сможет выносить этого спесивого, непроходимо глупого солдафона.

…И кстати, кто сказал, что терпение – добродетель?

* * *

В прихожей царили прохлада и полумрак. Глазам, еще мгновение назад щурившимся на яркое солнце, сложно приноровиться к такому скудному освещению… Хельги столбом застыл у порога, ожидая, пока радужные сполохи рассеются и он вновь сможет хоть что-нибудь видеть. Первым, что предстало взгляду демонолога, стала его собственная осунувшаяся физиономия, отражавшаяся в большом настенном зеркале. Вдоволь налюбовавшись на сие непривлекательное зрелище, Криэ побрел в душ, теша себя надеждой, что вода, мыло и бритва смогут хотя бы немного улучшить ситуацию. По крайней мере, он перестанет повергать окружающих в ужас красными глазами, суточной щетиной и серым цветом кожи.

Час спустя в комнату к Шайритте заглянул уже вполне живой человек, а не одноклеточное, которым Хельги чувствовал себя по возвращении. Клинок спала. Длинные смоляно-черные волосы разметались по подушке. И без того резкие черты лица заострились еще больше. Тонкие смуглые руки безвольно лежали поверх одеяла. Но стоило демонологу толкнуть дверь, как она мгновенно открыла глаза.

– Можно я зайду? – абсолютно серьезно спросил он.

– А… – Шайритта запнулась, – конечно, мессир. Это ваши покои, я занимаю их не по праву.

Криэ уселся на подоконник, излюбленное место самой Шайритты.

– Тебе не кажется, что мы, наконец, поменялись ролями, Шай? – усмехнулся Хельги. – И мне значительно уютней в роли сиделки, нежели подопечного. Как ты себя чувствуешь?

– Я? – клинок опешила от такого вопроса. Она за эти годы привыкла к тому, что право задавать его принадлежит исключительно ей, и теперь почему-то чувствовала себя неловко под пристальным взглядом демонолога. – Мое самочувствие не важно, мессир, – с трудом выдавила Шайритта. – Я позволила обиде возобладать над долгом и теперь несу наказание…

Криэ пересел на кровать и коснулся лба компаньонки. Та сжалась в комок, тщетно пытаясь провалиться под кровать.

– Жара нет, – пробормотал себе под нос Хельги, – а городишь всякую чушь! Ты в который раз спасла мне жизнь.

– Я не имела права вообще подвергать вашу жизнь опасности! – запальчиво откликнулась она. – Не имела права получать эту рану, я оставила вас без защиты!

– Шай, – ровным голосом вновь прервал ее демонолог. – Тебе напомнить, как ты стала клинком?

– Не нужно, мессир, – глухо откликнулась клинок. – Я все помню. Простите, мессир, я иногда забываюсь… Мечу не положено таких речей.

– Ты не меч! – с отчаянием в голосе воскликнул Хельги. – Я вообще не это хотел сказать! Эй! Не вздумай в таком состоянии стать клинком! – предупреждающе взмахнул рукой он. – Превратишься – я потом лично тебя в переплавку пущу!

– Да, мессир, – тихо откликнулась Шайритта, – как пожелаете, мессир.

Как успел выяснить маг, каждое превращение из клинка в человека и обратно требовало определенных затрат энергии. А в теперешнем состоянии Шайритты такая затрата могла оказаться смертельной. И Хельги совершенно не хотелось вместо верной боевой подруги получить бездушную железку, пусть и такую же

смертоносную. Честно говоря, ему вообще не хотелось, чтобы Шай когда-нибудь превращалась в меч…

– Мне вообще не следовало сейчас приходить, – уже на выходе бросил он. – Нужно подождать, пока ты успокоишься.

– Вы вольны приходить тогда, когда вам вздумается, мессир. Это ваши покои и…

– Сейчас это твои покои. И я надеюсь, что они таковыми и останутся, – чуть резче, чем следовало, оборвал ее демонолог и вышел в коридор.

Шайритта еще сильнее вжалась головой в подушку. Когда-то, очень-очень много лет назад, она принесла себя в жертву, дабы защитить дорогих сердцу людей. Но время шло, об этом забыли, и она уснула, превратившись в простой кусок обработанного металла. А потом, много лет спустя, появились Иленка и Хельги… Ее пробудили. Вот только клинок и помыслить не могла, будто сможет вновь становиться человеком. И теперь она не знала, радоваться ей или нет. Ведь не было ничего лучше, как чувствовать себя вновь живой. И не было ничего хуже, чем страх новой потери. Шайритта разрывалась между чувствами и долгом, с ужасом осознавая, как возвращение в клинок с каждым разом дается ей все труднее. Не за горами тот день, когда она уже не сможет стать мечом, не сможет защищать, станет не нужна… или нужна? Клинок беззвучно всхлипнула, по щекам покатились слезы. Первые с момента забвения…

Хельги в сердцах треснул кулаком по перилам. Опять двадцать пять! Ну как прикажете объяснять этой упрямице, что не меч ему нужен, а живой человек?! Нет, вбила себе в мозги глупый долг, и хоть ты кол на голове теши! Проще убедить вурдалака стать вегетарианцем, чем Шайритту не превращаться больше в кусок стали. Хоть бы знать, о чем она думает, что чувствует. Но здесь дар телепата Хельги отказывал. Ни разу, с того самого первого превращения, ему не удалось проникнуть в мысли Шайритты. От яростных размышлений демонолога отвлекла какая-то возня в прихожей. Домовичок, едва захлопнувши входную дверь, отдувался, сидя на коврике у порога.

– Там это… – пропыхтел он, заметив Криэ, – пришли к вам. За порогом ждут.

Хельги удивленно воззрился на нечистика. На его памяти домовой откалывал такой номер впервые. Обычно он или провожал гостей в библиотеку, или вежливо просил обождать в прихожей, но вот оставить за порогом…

– Так ить оборотни оне, – попытался оправдаться домовой, – нежить…

– Нюша, оборотни – нечисть, – вздохнул демонолог,

догадываясь, кого бдительный домовой оставил куковать на крыльце.

Даниэль сидел на перилах и задумчиво грыз травинку, сорванную по дороге к дому Криэ. Как он и предполагал, его тут не ждали. Но столь яркой демонстрации того, что незваный гость хуже инквизитора, не ожидал. Солнышко все припекало, изрядно нагрев черноволосую макушку оборотня, и он уже начинал подумывать, а не воспользоваться ли окном, как и в прошлый раз. Но тут ситуация наконец-то соизволила разрешиться…

– Не очень-то приветливые у вас слуги, – протянул капитан чистильщиков, когда на крыльце появился хозяин дома.

– Не обижайтесь, домовые не любят лесную нечисть, – усмехнулся Хельги, пропуская гостя в дом.

Тот был только рад убраться с прогретых солнцем перил в приятную прохладу помещения. Криэ провел его на кухню, где нагловатый оборотень, воспользовавшись невнимательностью принимающей стороны, тут же сунул нос в холодильный шкаф, а затем и в хлебницу.

– Вы позволите? – запоздало осведомился он, заметив, как удивленно Хельги на него смотрит. – Со вчерашнего дня ничего не ел.

– Ничего или никого? – насмешливо осведомился маг.

– Что за темные предрассудки? – с наигранным возмущением откликнулся Даниэль. – Те времена, когда оборотни *кого-то* ели, остались во мрачном средневековье. Гадко, невкусно и совершенно не полезно для здоровья.

– Да? В таком случае будьте добры, сделайте и мне бутерброд, я тоже со вчерашнего дня никого, тьфу, ничего не ел.

# Глава 10

Все разумные живые существа очень редко задумываются над тем, что у неба есть уши, и если упорно чего-то желать, да еще и многократно повторять это вслух, то в далекой лазури все непременно услышат, исполнят и даже с лихвой насыплют сверху, дабы мало не казалось…

И, похоже, недавние страстные сетования Арьяты не только по поводу отсутствия приключений, но и дождя наконец-то были услышаны. И более того, приняты к сведению. Кто-то в небесной канцелярии натянул поводья норовистой кобылки-погоды, и та, закусив удила, резво сменила жаркий шаг на сырую рысь. Ясный рассвет разом поблек, растеряв свои волшебные краски. Небо над Сумшанами затягивалось обложной серой хмарью. Тихая Псёленка окрасилась бурым свинцом и покрылась рябью волн, гонимых порывами сырого ветра. Тоскливо шелестел изрядно подвяленный, выгоревший на солнце рогоз.

Шири неспешно прогуливался по колено в воде с мечом наперевес. Резкий бросок – и на клинке затрепыхалась очередная рыба. Поводырь, шлепая по воде, выбрался на берег, отряхивая ноги от речного ила.

– Держи последнюю, – кинул он серебристую тушку Иленке. Девушка ловко поймала рыбу и отправила ее к уже лежавшим на листе лопуха товаркам.

После радикального требования подняться и отправиться в путь немедленно девушки взбунтовались, заявив, что с места не сдвинутся, пока не отдохнут и не поедят. Со вчерашнего вечера ни у кого и крошки во рту не было. На предложение поесть в городе Арьята демонстративно вытряхнула из кошеля четыре мелкие монетки и желчно поинтересовалась, каких размеров крошку хлеба ее верный Поводырь собирается на эти жалкие гроши приобрести. Шири, ворча себе под нос нечто отнюдь не лестное о бестолковости женщин в пешем походе, разулся и полез в воду. Эдан, чувствуя себя виноватым перед остальными, последовал за ним, но после того, как паренек несколько раз едва не упал и, хуже того, спугнул приличных размеров рыбину, которую Шири уже примерился насадить на клинок, Поводырь пинками выгнал его на берег, рыча: «Сиди уже, немочь!»

Юноша совсем скис. За последние два дня его угораздило заключить абсолютно невыгодный договор с сомнительными перспективами, втравить в неприятности саму Смерть и вдобавок очутиться так далеко от дома, как никогда до этого. Эдан обхватил руками колени и уперся в них подбородком, глядя на

потемневшие воды реки. Он до сих пор не понимал, с какой это радости Арьята с товарищами решили рискнуть и вытащить его из плена. Угодил-то он в него исключительно по собственной глупости и, чего уж себя выгораживать, – трусости. А сейчас, по размышлении над случившимся, ему стало стыдно. Из всех четверых он оказался самым неприспособленным и бестолковым – обузой. Но бросать Эдана посреди дороги, кажется, никто не собирался – это радовало. Может, все не так уж плохо и ошибки еще можно исправить? Он постарается сделать все, что в его силах…

Но пока на все попытки Арьяты как-то разговорить его Эдан виновато втягивал голову в плечи и отворачивался. Плюнув на это неблагодарное занятие, Смерть забралась на многострадальную кладку и, надергав кубышек, желтыми кляксами расцветивших гладкий зеленый ковер широких листьев, принялась плести венок, исподволь разглядывая сжавшегося в комок Эдана. Какой прок богам от этого мальчишки? Обычный, не слишком удачливый, с самой заурядной судьбой… Впрочем, теперь уже совсем без судьбы…

Арьята закрепила конец плетива и немедля нахлобучила венок на голову зазевавшегося Шири. Тот исподлобья уставился на свисавшие перед глазами цветы.

– Daeni… – прорычал он.

– Тебе идет желтый цвет, – хихикнула менестрель.

– Ага, чисто нимб, только арфы не хватает, – съязвила Иленка, выуживая из углей запеченную рыбу.

Невнятно ругаясь, Шири сорвал с себя венок и с яростью зашвырнул его в заросли рогоза.

– Ну, вот, – с наигранным огорчением вздохнула Арьята. – Я тут творила, старалась, можно сказать всю душу вложила, а ты… Эх, не цените вы меня. Вот умру, и будете плакать.

– Не будем, – мрачно фыркнул Поводырь. – Это бессмысленно… Так, ешьте бегом. Того и гляди хляби разверзнутся, а я мокнуть не охотник.

Девушки сноровисто растащили томившуюся на углях рыбу на два широких лопуха, изрядно перемазавшись сажей. Шири и глазом не успел моргнуть, как плоды его трудов исчезли в желудках изголодавшихся спутниц. Эдан, поначалу кривившийся и отнекивавшийся от такой еды, распробовав, тоже умял свою порцию за милую душу.

Но тут нахмурившееся небо решило, что хорошего помаленьку, и дало течь, мигом превратившись в мелкое решето, извергающее на землю еще не дождь, но весьма противную морось. Воздух, и так влажный, мигом наполнился противной

тягучей сыростью, превратив посиделки у реки в особо извращенную пытку. Путешественникам ничего не оставалось, как забросать еще тлевшие угли и поспешить к городу в надежде укрыться.

Миновав старую лодочную станцию, и изрядно поплутав среди облупившихся домишек, стоявших у реки как попало, они выбрались на мост, чьи изъеденные временем бетонные опоры светили хищно торчавшей наружу арматурой. Дорога уводила вверх, расщепляясь через несколько сотен метров на тройку кривых тропок.

Раздорожье заставило их остановиться. Все три тропы выглядели одинаково нахоженными, все три вели в город. И, как назло, ни одного живого существа, которое могло бы просветить бедных промокших путников, какая же из трех ведет к ближайшему постоялому двору!

– Эх, путевой бы камень сюда, – мечтательно протянула Арьята, кутаясь в слишком большой для нее плащ Поводыря.

– Ага, – фыркнул Шири, отбросив за плечи влажные пряди. Красные тесемки, оплетавшие челку, уже изрядно отсырели, сменив цвет на бордовый. – Направо пойдешь – шиш найдешь, налево пойдешь – проблем огребешь, прямо пойдешь – голову об камень ушибешь…

– Ну, шишей нам не надо, свои можем предложить, – усмехнулась Смерть.

– А налево тут некоторым вообще ходить противопоказано, – сварливо поддержала ее заклинательница.

– Значит, нам прямо, – решила Арьята. – Камня здесь все равно нет. Разве что дверью по лбу получим.

Стелившаяся под ноги средняя тропка, причудливо виляя, терялась меж густых, сожженных солнцем зарослей лебеды, амброзии и чертополоха. То тут, то там прорезали их высокие разлапистые осотины, в тонкой пелене мороси казавшиеся причудливыми скелетами-молохами. Проглядывавшие грязно-белыми пятнами цветы дурмана вливали в сырой воздух свой ядовито-приторный аромат. Тропа вильнула еще раз и, обогнув до неприличия разросшиеся кусты бузины, уперлась в кладбищенскую ограду. В старой, давно не беленой бетонной панели зиял изрядный пролом, справа от которого горой высились выгоревшие венки, вялый бурьян, обломки проржавевших оградок и гнилые деревянные кресты. Видно, ушлые горожане нарочно проделали дыру в стене, дабы не обременять себя при выносе мусора, убранного с могил, а заодно использовали пролом как заднюю калитку. Тропа продолжалась и по ту сторону дыры, уводя вглубь кладбища и вливаясь в главную

аллею. Переглянувшись с Поводырем и невыразительно пожав плечами, Арьята полезла в пролом, бросив через плечо:

– Добро пожаловать ко мне в гости.

Кладбище было старым. Вековые деревья разлапистыми пауками высились над могилами. Кое-где толстые искривленные корни выпирали наружу, перекосив, а то и вовсе перевернув тяжелые надгробия. Вдоль главной аллеи могилы были вычищены, посыпаны песочком и усажены чернобрывцами, веселыми ребятами и львиным зевом, но стоило свернуть на узкие тропы и углубиться в юдоль скорби, как ухоженность сходила на нет уже за вторым рядом могил. Проржавевшие, перекосившиеся оградки, покрытые мхом и лишайником, изъеденные водой и ветрами надгробия, местами совсем невидимые из-за разросшегося бурьяна. Судя по цифрам, выбитым на мраморных и гранитных плитах, хоронить здесь перестали еще до Войны Двух Миров. Высокие мрачные ели скорбными стражами стояли у могил. Затянутое моросью кладбище казалось еще унылей и мрачнее, чем было.

Через несколько минут Шири заметил, что Иленка как-то подозрительно хлюпает носом.

– Чего? Простудилась уже? Daeni, поделись с нашей грозой демонов плащом. Для тебя одной он великоват, а вам вдвоем в самый раз.

Смерть приглашающе распахнула длинные черные полы.

– Не-е, – замотала головой Иленка. – Я не-е… не это… – девушка всхлипнула. – Я их всех слышу-у… Я не могу-у… – и заклинательница разревелась, стирая мокрыми руками текущие по щекам слезы.

– И нашла из-за чего реветь, – хмуро буркнул Эдан, догадавшийся, что несчастная телепатка слышит тот же самый плачущий шепоток душ, который днем раньше его самого едва не довел до ручки.

– Чья бы корова мычала, – язвительно одернул его Поводырь. – Повезло дурню, что daeni прикрывает, а то я бы на тебя посмотрел.

– Да ладно вам, – примирительно произнесла Арьята. – Кладбище старое, на большинство могил уже давно никто не приходит. Никто усопших не вспоминает, никто с ними не говорит, никто не оплакивает. Вот они и толпятся у Грани. Забытые души злопамятны. Да и само место… Отсюда до Грани рукой подать. Она тут тонкая, как пленка… – договорить Смерть не успела.

– Чогой-то вы тут ошиваетесь? – скрипуче раздалось рядом, и на аллею, вооруженный совковой лопатой, вывалился мужичонка

в драном ватнике на голое тело и потертых синих трикотажных штанах, заправленных в растоптанные кирзовые сапоги. Седые растрепанные волосы вразнобой торчали из-под вельветовой кепки. – Чи могылы грабувать прыйшлы?

– Да сдались нам твои могилы, отец! – отмахнулся Шири. – Мы не здешние, заплутали малость. Нам бы в город попасть.

Мужик поскреб под кепкой.

– Я цей… той… сторож на цвынтаре[13]. Йдем, выведу.

Оказалось, что до центральных ворот они не дошли всего каких-то сто метров. Высилась в окружении старинных памятников заброшенная кладбищенская церковь, зияя темными проемами выбитых окон. Сторож, крестясь и бормоча под нос «Отче наш…», поспешил проскочить мимо, не глядя на окруженный колоннами портал. Иленка же, наоборот, с чисто магической непосредственностью сунулась посмотреть, что же там такое. Поводырь едва успел схватить ее за капюшон и дернуть назад.

– Почему церковь заброшена? – спросила Арьята, которой это не слишком понравилось.

– А приход ничий, – махнул рукой сторож, – та й не прыбутковый. В мисти пара батюшек есть. Так проще их найняты, ниж трымать ще одного на цвынтаре.

Смерть только неодобрительно покачала головой. После мирного договора и прекращения Войны Двух Миров люди, оставшиеся на Территории Древних, умудрились сохранить и веру, и те немногие храмы, которые еще действовали. Отношение местных жителей к Древним и нечисти, и до войны бывшее довольно лояльным, оставалось таковым до сих пор. Наверное, именно поэтому здесь почти не проходило кровопролитных боев и жестоких стычек. Некому было поднимать народ на Святую войну. Да и о какой войне может идти речь, когда свалившаяся на голову нечисть отнюдь не чурается не только хлеба с солью, но и чарки самогона «за мир»? Насильно в свою веру люди никого не обращали, а местные священники довольно помогли Древним в борьбе против расплодившейся в войну нежити. За такие заслуги те оставили все как есть, осуществляя, впрочем, негласный и ненавязчивый контроль.

– Усе, панове, прыйшлы, – прервал сторож размышления Арьяты и махнул рукой в сторону ворот.

Широкая главная аллея, доходя до высоких проржавевших резных ворот, упиралась в городскую улицу. Темно-серая брусчатка тускло поблескивала от влаги. Грунт под камнем местами просел, образовав плавные изгибы и сделав улицу похожей на лениво текущую каменную реку. На стыках местами

пробивался чахлый спорыш. Утопающий в зелени город, подернутый кисеей из мороси, выглядел унылым и застывшим. Из наставлений сторожа путники уяснили: до ближайшего питейно-ночлежного заведения им еще топать и топать. Однако сознание того, что где-то поблизости их ждет крыша над головой и горячая еда, подстегнуло уставшие ноги, все дальше и дальше уводя путников от кладбища…

* * *

Яркий солнечный свет, свободно проникавший сквозь широкое окно, вызолотил кухню и обсыпал солнечными зайчиками двоих мужчин, упоенно поглощавших бутерброды с ветчиной. Маг и оборотень за одним столом – воистину необычная картина, подтверждающая сомнительный постулат, что все люди (и нелюди) – братья. Ощутив блаженную сытость и как следствие расползшуюся по телу усталость, оборотень облизнул жирные пальцы и, решившись нарушить витавшее в воздухе умиротворение, задал первый вопрос:

– Как себя чувствует ваша компаньонка, мэтр?

– Весьма неплохо, – отмахнулся Хельги, задумчиво дожевывая хлебную корочку. – По крайней мере, испор-тить мне настроение сил у нее вполне хватило. Но, по счастью, мне еще недели полторы придется обходиться нормальным оружием.

Брови Даниэля чуть удивленно взметнулись вверх. Оборотню казалось, что демонолог всему прочему предпочитает именно этот, с позволения сказать, меч. Криэ, уловив столь громко отразившийся в воздухе безмолвный вопрос, поспешил расставить точки над i.

– Шай не оружие, – важно изрек он. – Она человек. Иногда, когда кто-то очень сильно желает защитить близкое ему существо, он может в критической ситуации превратиться в оружие. До последнего времени считалось, будто этот процесс необратим…

Глаза Даниэля как-то неуловимо потемнели. Вокруг оборотня начали закручиваться невидимые обычному глазу потоки ярости. Хельги устало прикрыл глаза, догадываясь, что может сейчас произойти.

– Из-за вас? – глухо спросил капитан чистильщиков, очень стараясь не зарычать.

– Что? – не понял демонолог.

– Она превратилась в клинок из-за вас?

– Нет. – Криэ грустно покачал головой. – Я бы никогда этого

не допустил. Все случилось еще до меня, много раньше, когда европейцы только-только открывали для себя Индию… – Демонолог на секунду замолк, что-то обдумывая, и добавил: – Но к тому, что она вновь может становиться человеком, ваш покорный слуга косвенно причастен. Честно, я бы предпочел, чтобы она им и оставалась… – Тут Криэ понял, что сболтнул лишнего, но сказанного не воротишь, а гнев оборотня уже сменило острое любопытство.

– А какая беда этому мешает?

– Долг, – тяжело вздохнул демонолог, – Шайритта почему-то считает, будто ее долг – защищать меня. И, наверное, врожденное упрямство… Но что это мы все о пустяках, – решил сменить скользкую тему Хельги. – Вы ведь наверняка пришли не за тем, чтобы выслушивать мое скорбное нытье по поводу неудавшейся личной жизни.

Даниэль хотел возразить, что «скорбное нытье» ему тоже интересно, особенно «по поводу личной жизни». Собственно, это он и хотел узнать, а амулеты в кармане болтаются исключительно для предлога, но вовремя прикусил язык и выгреб из нагрудного кармана связку цепочек с металлическими пластинами. От жетонов слабо тянуло магией и чуть сильнее чужими аурами. Оборотень поспешил опустить связку на стол. Такое количество серебра в руке грозило если не ожогами, то неприятными ощущениями на полдня точно.

– Амулеты, предупреждающие об опасности, – пояснил капитан чистильщиков, видя, как непонимающе ползут на лоб брови демонолога. – Заряд в них неделю как вышел, а моим людям без них никуда.

Криэ задумчиво перебирал пальцами связку жетонов, пытаясь определить, что же за чары были на них некогда наложены.

– Вашего здесь нет, я правильно понял? – спросил Хельги, пересмотрев пластинки.

– Правильно. – Даниэль вытянул из-за пазухи витую цепочку с бляшкой. – Этот делали специально под меня. Его тоже надо бы подновить, но, боюсь, вы тут бессильны.

Демонолог пристально рассматривал амулет. Да, штучная работа. Лучше не лезть. Неизвестно чего и как в эту штучку насовано. Выдаст какой-нибудь сюрприз, и останешься потом без рабочих конечностей, а то и без глаз…

– А с остальными поможете?

– Попробую, – согласился маг. – Но ничего не обещаю. То есть зарядить-то я их заряжу, но вот чары обновить не смогу. А надо бы – они уже поизносились. И вообще, лучше бы вы обратились к мастеру амулетов в городе.

– Я и обратился, – виновато откликнулся оборотень. – Но он их даже в руки взять не смог – там же церковное серебро.

– Он за вами потом хоть с острогой не гнался? – сочувственно спросил демонолог, запоздало вспоминая, что единственный в Белгродно мастер амулетов наполовину человек, а наполовину водяной бес.

– Нет, но я узнал о себе много нового, витиеватого и трехэтажного, – озорно усмехнулся оборотень…

* * *

Вода в глубокой деревянной чаше то и дело подергивалась мелкой рябью, мешая четко разглядеть происходящее. Скульд нервно заломила пальцы, напряженно наблюдая за изменениями в воде. Тайком от сестер покровительница грядущего наблюдала за жизнью младшего сына барона Тарницы на протяжении всех шестнадцати лет его унылого существования. Младшая из трех норн так и не оставила попыток исправить ту часть судьбы, которая принадлежала ей. И вот сейчас с отражением в чаше творилось что-то уж совсем непотребное. Возможно, это стало следствием упрямства Скульд, а возможно повлияло что-то или кто-то ещё, но водная гладь нервно вздрогнула, в очередной раз пошла рябью и замутилась. Вода перестала быть кристально чистой, и чаша оказалась заполнена белой непроглядной мутью. Скульд откровенно выругалась. Забавы кончились. Вот теперь точно пришло время вмешаться. Эта белая муть в воде могла означать только одно – нарушился один из Столпов Стихии. И, кажется, норна знала, какой именно. Похоже, в этот раз Гадес перешел черту. И Скульд была готова на все, даже на сделку со Смертью, лишь бы вернуть жизнь на круги своя. Но сначала стоит выяснить, что задумал Часовщик.

Гусь свинье не товарищ, впрочем, как и живой мертвецу. Даже когда мир был един, всегда оставалась черта, за которой живым делать нечего. Порог, Рубеж, Грань – у нее много имен. И до поры до времени лишь Слепая Гостья беспрепятственно разгуливала по обе стороны черты. Но любопытство, то самое, что сгубило кошку, не единожды поставило миропорядок с ног на голову и заставило Госпожу Смерть немало побегать, чтобы вернуть все на круги своя. Наверное, поэтому и не любила Арьята своих вынужденных соседей. Ибо не только ее вотчина, Круговерть, стояла в приграньe…

Стражи, Смотрители, Столпы Стихии – герои канувших в Лету преданий, те, кого люди называли богами и которых позднее

предали и забыли. Но только кто бы подсказал этим напыщенным глупцам, почитающим себя венцом творения, что забвение – палка о двух концах. Забудешь огонь – он или угаснет, или превратится в пожар; забудешь воду, и она тут же захлестнет с головой или уйдет в песок, рождая засуху. Забудешь время – не успеешь оглянуться, как оно стерло тебя в пыль, развеяло по ветру, и теперь уже ты погребен в вечном забвении…

Только вот само время ни о чем не забывает. Множество солнечных и лунных часов хранятся в скальном чертоге, где отсчитывают неисчисляемое, сменяя день – ночью, лето – осенью, а память – забвением. Деревянные, каменные, железные циферблаты, испещренные мерами; призрачные стрелки, порожденные светом, тенями скользят по ним…

Гадес неспешно прошелся между часами, всматриваясь в цифры и руны. Все шло своим чередом. Еще бы! Ведь стоило хотя бы самым маленьким часам сбиться, как мир тут же вставал на дыбы. И только ему – Хранителю Времени было под силу вернуть все на круги своя.

Часовщик – так прозвала его ненавистная рыжая менестрелька, Гадес – это имя он выбрал сам, справедливо считая, будто имеет над жизнью отнюдь не меньшую власть, чем Слепая Гостья. Его как-то не волновал тот факт, что Ступающая Неслышно полностью игнорирует эту власть. О том, как его звали на самом деле, помнила лишь ива на Асовом кургане, но мало кто сможет расслышать имя в шелесте листвы…

За спиной Часовщика раздались шаги, гулким эхом отразившиеся от пронизанных кварцитом стен. Гадес застыл у широкого циферблата лет. Не так уж много существ отваживались наносить визиты в святая святых Часовщика. Сейчас он мог побиться об заклад, что это не его извечная рыжая противница…

– Чего тебе нужно, Скульд[14]? – не оборачиваясь, спросил он.

Высокая светловолосая женщина криво усмехнулась в затылок Гадесу. Тот зябко повел плечами и обернулся. Младшая норна неподвижно застыла между часами времен года и эпох. Длинные прямые волосы толстыми косами лежали вдоль груди, мужская одежда как нельзя лучше смотрелась на костистой высокой фигуре.

– Судьбы рвутся, словно гнилая нить, – покачала головой Скульд. – Зачем же ты это делаешь, Гадес? Что ты задумал на сей раз?

– Я пытаюсь спасти всех нас, – огрызнулся Хранитель Времени. – Должен же хоть кто-то это сделать, раз остальным плевать!

– Брось оное неблагодарное дело, – отмахнулась норна. –

Обманом ты никому не поможешь. Вчера будущее было ясней хрусталя, а сегодня разлетелось дымными клочьями! Похоже, ты стремишься покончить с этим грешным миром, а не спасти его.

– Не думал, что ты такая паникерша, – фыркнул Гадес. – Твое зеркало лишь подернулось дымкой, а ты уже кричишь: «Пожар!» В прошлый раз никто меня не послушал, и что из этого вышло?! Война Двух Миров, кровавая бойня, растянувшаяся на триста лет! Пойми, норна, я обязан не допустить повторения того ужаса. Это мой долг перед нею…

– О да, – невесело усмехнулась Скульд. – Долг – это самое удобное оправдание упрямству, страху, вине, глупости, зависти… Ну что же, раз так, то готовься пожинать посеянные тобой плоды… – с этими словами норна развернулась и вышла прочь, ибо здесь она так ничего и не узнала, да и не надеялась. Возможно, больше прояснит Слепая Гостья… Для норны уже стало привычным, что в любом начинании Гадеса вторую главную роль всегда играет рыжая менестрелька.

Младшая норна уже давно скрылась из виду, а эхо ее шагов еще долго витало меж каменных стен, подобно ударам метронома. Гадес молча смотрел ей вслед. Вот принесла же нелегкая! После каждого посещения Скульд на душе Часовщика становилось предельно гадостно, и хотелось завыть от отчаяния. А то, что норна, как всегда, оказалась права, он предпочел пропустить мимо себя.

Долг не просто самое удобное оправдание, оно – лучшее…

# Часть вторая
# О вреде и пользе изменения судеб

# Глава 1

Говорят, что когда бог задумал создать в нашем мире дороги, он хотел, чтобы все они получились ровные и прямые… Да вот беда, в тот момент, когда он раскидывал их по миру, шаловливый ветер подхватил летящую дорожную паутину, смешал, перепутал и, смеясь, бросил на землю. Поэтому какую дорогу теперь у нас ни возьми – то петли, ямы да колдобины. И порою они так запутаны, что даже бывалым путникам не под силу расплести их. И лишь собаки да бродячие менестрели могут пройти по ним и не сбиться. Однако Арьяту, прошедшую множество дорог, начало одолевать подозрение, что в этот раз пресловутое менестрельское счастье ей изменило. Вроде все указания кладбищенского сторожа выполнены, все повороты пройдены. Да и поворотов-то было всего ничего, и улица не ветвилась и с другими не пересекалась. Но, вопреки всему, обещанная корчма никак не показывалась, а признаваться в том, что они заблудились на одной-единственной улице, не хотелось. Положение спас подвыпивший чахлый мужичонка, который, пошатываясь, вывалился из подворотни, нежно прижимая к груди пузатую бутыль, оплетенную лозой. В спину выпивохе полетел рваный сапог и какая-то замызганная тряпка.

– …и чтоб духу твоего больше в моем заведении не было! – визгливо неслось ему вслед. – Пьянь несчастная!

Арьята переглянулась со спутниками и уверенно шагнула в подворотню.

– Вы идите, а я еще прогуляюсь немного, – вдруг сказала Иленка. – Мы амулетную лавку проходили, надо бы пару телепортов взять, и так по мелочи… – заклинательница пытливо глядела на спутников, ожидая ответа. Самой возвращаться не хотелось, но Шири, на которого заклинательница возлагала надежды по сопровождению, безразлично отвернулся, немелодично насвистывая себе под нос. Девушка чуть насупилась.

– Ладно. Скоро вернусь, – нарочито беззаботно добавила она, и направилась вниз по улице, вскоре исчезнув за поворотом.

– Сходил бы ты вместе с ней, – озабоченно покачала головой Смерть.

– Зачем? – наигранно удивился Поводырь. – Чай, не ребенок, знает, куда лезет. Я за тебя куда больше волнуюсь…

– Шири, – голос Арьяты посерьезнел, – прекрати прятаться в скорлупе придуманного долга! Однажды ты уже за это поплатился!

Единственный глаз Поводыря недобро сузился. Впервые за

много лет daeni решилась поднять запретную тему. Эдану показалось, будто тот сейчас ударит менестрельку, и юноша немного неуклюже вклинился между Смертью и одноглазым воином. Но Шири лишь зло сплюнул и вошел в корчму, гулко хлопнув дверью. Арьята, тяжело вздохнула и грустно взглянула на Эдана.

Ох уж эти мужчины… похоже, к одному непрошеному и ненужному защитнику добавился и второй. И, пробормотав что-то нелестное на сей счет, девочка подтолкнула юношу к темной дощатой двери.

Корчма «Золотая сума», даром что пряталась в закоулке, не зря считалась одной из лучших в городе. Небольшой, чисто выбеленный зал. Пол выложен темным камнем. Стоят посреди зала четыре тяжелых, идеально выскобленных стола с лавками. По мореным балкам развешаны пучки чабреца, полыни и красного перца, отчего в воздухе разливался горьковатый травяной дух.

Над стойкой проходил широкий, покрытый грубоватой резьбой брус. В него, загнав два когтя чуть не до основания, был воткнут крюк-кошка, такими иногда чистят колодцы. А с крюка свисала видавшая виды кожаная сумка – видать, та самая золотая сума, в честь которой и назвали заведение. Кожа от времени задубела и потрескалась, медные заклепки потемнели, а не единожды оборванные лямки оказались грубо приметаны серой дратвой. Однако хозяева не спешили избавляться от раритета, справедливо считая сумку не то оберегом, не то талисманом. Люстра, сделанная из тележного колеса, тускло поблескивала оранжевым светом… электрических ламп, чем несказанно удивила Арьяту. В углу у стойки мерно гудела динамка. Вот уж воистину голь на выдумку богата! Смерть насмешливо хмыкнула. Все-таки люди всегда останутся людьми, куда бы они ни угодили и кто бы ни оказался соседями. Уж чего-чего, а изобретательности этому племени всегда было не занимать.

Народу, кроме них, в корчме не наблюдалось. Да и кому охота в такую паршивую погоду высовывать нос из дому, даже если эта часть тела отчаянно чешется. Разве что еще какие-нибудь неурочные путники забредут. А ежели слушателей с гулькин нос, то кто, спрашивается, одарит звонкоголосую менестрельку столь нужной монеткой?

Но девушка зря переживала об отсутствии публики: стоило хозяйке понять, что перед нею самый настоящий менестрель, как она тут же кликнула сынишку и, что-то нашептав сорванцу на ухо, отправила к соседям, клятвенно заверив «панну менестрельку», что народ сейчас подтянется. И предложила

откушать, пока не набежала алчущая хлеба и зрелищ публика. Уговорившись, что платой за стол и ночлег станет грядущий концерт, Арьята присоединилась к своим спутникам за столом, отметив, что Иленка так до сих пор и не вернулась, а лицо верного Поводыря теперь выглядело еще мрачнее, чем прежде.

Морось за окнами превратилась в тихий унылый дождь, грозивший затянуться на сутки, а то и больше. В корчме же было тепло, а сытная еда располагала к полному умиротворению и дреме. И скоро Эдан, проведший весьма дурную и суматошную ночь, начал отчаянно клевать носом.

– Иди-ка ты в комнату, – решила Смерть, когда юноша в очередной раз привалился к ее плечу, помешав настраивать инструмент.

Тот мгновенно вскинулся и отрицательно замотал головой, показывая, насколько он свеж и бодр.

– Иди-иди, – коснулась его плеча Арьята. – Если боишься оставаться один, Шири посидит в комнате, пока не заснешь.

– Тоже мне, няньку нашла, – буркнул Поводырь, смерив сонного Эдана уничижительным взглядом, однако до комнаты юношу проводил.

Несколько минут спустя Поводырь вернулся в зал, намереваясь отчитаться перед Арьятой, что юноша бледный со взором горящим, одна штука, благополучно препровожден в комнату и водворен на постель. Мол, не извольте беспокоиться: проводил, уложил, одеяло подоткнул, только разве колыбельную не спел – хвалите меня, прекрасная панна. Но пока Поводырь Смерти занимался общественно полезным делом, в корчму успело набиться изрядное количество народу, а сама Смерть, свесив ногу, расположилась на стойке. Простой, но вместе с тем красивый струнный перебор звенел в воздухе, вторя ломкому, звонкому голоску рыжей менестрельки…

…Одарят за песню звенящей монетой,
Но душу за грош не купить у поэта.
Пусть думают все, что талант продаешь,
Ты им улыбнешься и просто споешь…

Затихли финальные аккорды. Народ восторженно захлопал. Шири лишь слегка усмехнулся, присаживаясь на свободный стул в углу. Уж кто-кто, а он эту песню слышал бессчетное количество раз. Daeni всегда начинает свои концерты именно с нее…

Арьята невидяще взглянула поверх голов благодарных слушателей, скользнула взглядом по стенам, будто пытаясь поймать ускользающую мысль, задержалась глазами на своем

верном Поводыре и тряхнула головой, прогоняя наваждение. Шири вздрогнул – он слишком хорошо знал этот взгляд. Сейчас будет рождаться песня, совершенно новая, еще никогда не звучавшая в этом мире. О том, что обычно такие песни оказывались вещими, одноглазый предпочел не думать. А пальцы Смерти уже сами прижали нужный аккорд, и слова полились, вплетаясь еще одной струной.

Забытых истин старые каноны,
Что странных встреч, грядущих на пути,
Меняют непреложные законы,
Нам суждено сегодня обрести.
Поверить в жизнь наивно, откровенно,
Пройдя по тонкой кромке ледяной,
Сердец, разбитых холодом мгновенным,
Случайной фразой разорвать покой.

«Ох, daeni, что же ты делаешь…» – только и подумал Поводырь. Так говорила – не услышал, не пожелал слушать. А сейчас словно кутенка носом в лужу ткнула. Да лучше бы в лужу носом! Хотелось крикнуть, потребовать замолчать. Но Шири знал, что не сделает этого. В душу лилась дурная тревога. Знать бы еще, чем закончишь, daeni. То ли совсем гроб кистями обобьешь, то ли еще потопчем наст по весне?

А песня все лилась, расправив тонкие невидимые крылья, царапая острыми коготками душу… Поводырь не выдержал, резко поднялся и пошел к двери.

А может, равнодушно откреститься?
Я позову… Ты не услышишь зов.
Разлукой станем от любви лечиться
В объятьях острых ледяных оков.
Отступимся, и время нас рассудит.
Все сгладится… Видать, тому и быть.
Нарушенные клятвы позабудем…
Но как потом нам с этим дальше жить?

«…Как, как? Молча!» – последние строчки сырым ветром толкнулись в спину вышедшего на улицу Поводыря. Мертвец живому не товарищ, и уж тем более не друг сердечный! Шири подставил пышущее жаром лицо под висящий унылой пеленой дождь. Слизнул попавшие на губы капли. Дождь оказался соленым…

Помянув незлым тихим словом daeni с ее песнями, Поводырь направился вниз по улице туда, куда больше часа назад ушла Иленка…

Последние монеты глухо брякнули о затертый деревянный прилавок. Заклинательница тоскливо разглядывала шершавое нутро опустошенного кошелька, затем перевела взгляд на кучку амулетов, лежащих на прилавке. Н-да… от чего-то придется отказаться. Ее платежеспособность оказалась самую малость меньше, чем требовалось. Иленка принялась задумчиво перебирать отложенные амулеты. Хозяин лавки терпеливо ждал, пока дотошная покупательница определится с выбором. Девушка мучительно размышляла. Вот же подфартило родиться с таким дурным магическим даром! Нет чтобы целителем или боевым магом стать, так на тебе – угораздило податься в заклинатели! Специфических способностей хоть отбавляй, а самых простых раз-два и обчелся: ни телепортироваться, ни боевым заклятием в лоб засветить. Вот и приходится амулетами увешиваться, словно новогодняя елка. Телепортационных она обычно набирала больше всего, но сегодня решила отказаться. Ничего, ножками дотопают, не переломятся.

Определившись с амулетами, Иленка сгребла покупки в карман и вышла на улицу. Немного потоптавшись на месте и пытаясь вспомнить, с какой стороны она пришла, заклинательница уверенно двинулась в совершенно противоположную «Золотой суме» сторону. Мысли, в соответствии со своей хозяйкой, тоже подались в странном направлении, приняв за указатель некую светловолосую одноглазую личность, ехидно маячившую где-то на краю сознания. Иленка откровенно злилась на Поводыря – мог бы и прогуляться с нею до лавки. То так ни на шаг не отходит, при каждом поползновении взрываясь не хуже праздничной шутихи, а тут вдруг всякий интерес потерял. Делай чего вздумается… Иди куда хочешь… Вот и пошла!

Заклинательница потрясла головой, избавляясь от совершенно неуместных размышлений, и недоуменно уставилась на высокие решетчатые ворота, створки которых оказались приветственно распахнуты, мол, заходи, не стесняйся, все там будем. Ноги сами вывели свою незадачливую обладательницу к старому кладбищу. Девушка озадаченно поскребла в затылке.

– …Мяу! – пронзительно раздалось с кладбища. – Мяууа! Мя-а-а! Мяуа!

Иленка вздрогнула. Где-то там, в зарослях лебеды пополам с лопухами, плакал котенок. Уж больно тонкий голосок для

взрослого кота, да и те обычно на два голоса орут, противно, матерно, территорию отстаивают. Девушка решительно вошла в ворота. Давешний сторож возился у ближайшей могилы, подравнивая куст жасмина.

– У вас где-то котенок плачет, – окликнула его заклинательница.

– Ась? Ну то й шо? – не понял тот. – Их тут цельный выводок бигае. Я им шо, сторож чи шо?

– Я пойду, поищу. Может, ему помощь нужна… – как-то неуверенно продолжила она.

– Та шукай. Воны отам, биля церквы дэсь…

Девушка побрела в указанном направлении. Мелкая морось тем временем сменилась тихим редким дождем. Иленка поглубже натянула капюшон. Чем ближе подходила она к старой кладбищенской церкви, тем громче и пронзительней становился истошный мяв. Свернув на тропу, проходящую меж могильных рядов, заклинательница уперлась в выложенную плиткой площадку, посреди которой возвышалась статуя ангела с девочкой на руках. И не было в скульптуре той чопорной скорби и строгости, которую так часто стремятся ваятели вложить в подобные творения. Лишь пронзительная грусть да невыплеснутый крик, застывшие слезы. Иленка вздрогнула. Эта могила непривычным светлым пятном разрывала мрачную ауру кладбища. Рядом с нею покинутая церковь казалась еще чернее.

– Мяу! – требовательно прозвучало совсем рядом, вырвав заклинательницу из легкой прострации. Девушка поспешила на звук.

– Киса-киса… где ты? – неуверенно позвала она.

– Мя-а-ау… – надрывалась невидимая киса.

Обшаривая высокие заросли бурьяна, Иленка не заметила, как подобралась вплотную к церкви. В стене, у самой земли, зияла изрядных размеров дыра. Оскользнувшись на мокрой траве, девушка плюхнулась на колени и едва не съехала в темное нутро церковного подвала. Сквозь дыру виднелись груды какого-то пыльного хлама и угловатые ящики. На ближнем сидел сам виновник переполоха и надрывно мяукал. Видно, маленький паршивец забрался в подвал из любопытства, а обратно выбраться не смог – нижняя кромка дыры оказалась слишком высоко. Свесившись в подземелье, заклинательница попробовала накинуть на котенка телекинетический захват, но все чары рассыпались, стоило им войти в соприкосновение с пушистой шкуркой орущей кисы. Девушка тихо выругалась: это же надо забыть, что магия на кошек не действует! Чертыхаясь сквозь зубы, она полезла в подвал, очень надеясь, что для нее выход не

окажется слишком высоко.

В подвале было пыльно, пахло затхлостью и тленом. В углу изломанной грудой лежал потемневший от времени и пыли иконостас, а угловатые ящики на поверку оказались каменными гробами. Похоже, заклинательница заимела сомнительное удовольствие забраться в церковный склеп! Котенок, заметив, что он тут теперь не один, со всех лап бросился к Иленке и, с беличьим проворством вскарабкавшись по штанине, повис на ее куртке, испуганно пища.

«Забери меня отсюда!» – упрашивали девушку еще не совсем прояснившиеся котячьи глазенки.

– Ладно, ладно, куда же тебя денешь! – пробормотала она, отдирая от куртки цепкие коготки и пересаживая котенка за пазуху. Интересно, почему сторож так истово крестился, когда они проходили мимо церкви?

Девушка с любопытством сделала несколько шагов вглубь подвала. Ну, склеп и склеп, великое ли де… Ой… Иленка быстро попятилась к выходу: из толстых неоштукатуренных стен в подвал вливались неупокоенные души, те самые, чей шепот она слышала утром. Видно, магия заклинательницы, вкупе с кошкиной аурой, пробила тонкую, словно пленка, Грань между миром живых и миром мертвых, и теперь все недовольные ринулись в дыру, требуя возмездия. Девушка пулей кинулась наружу. Выбраться получилось не сразу – мокрая трава скользила под руками, а выбравшись, Иленка сильно пожалела, что не осталась в подвале. По кладбищу плыли злые до чертиков забытые души, и хотели они сейчас только одного – ее!

Продираясь сквозь бурьян, заклинательница выскочила к мраморному ангелу с девочкой на руках. Души почему-то старались слишком близко к нему не подплывать, но проход к воротам уже был для нее отрезан. Пошарив по карманам, Иленка выловила завернутый в вощеную бумагу кусок мела и принялась спешно чертить круг одной рукой, второй удерживая рвущегося из-за пазухи котенка. Конечно, пентаграмма сработала бы куда как действенней, но на все нюансы уже нет времени, так что и круг сойдет. А первый, кто сунется за черту, получит в глаз! Ну, или в то, что там у него вместо глаз имеется… Заклинательница уверенно выдернула клинок из ножен. Не про живых кован, не с живыми и драться!

Между тем, души, вившиеся в воздухе рваными туманными тряпками, все прибывали, уплотняя и сжимая круг. Хлипкая защита трещала под напором эманаций озлобленных сущностей.

«…Помни, помни, помни о нас… Чтобы помнили о нас… – шептала многоголосая толпа, вьющихся туманом душ, – помни,

помни, помни…»

– Хорошо, хорошо, – пробормотала магичка, внезапно сообразив, что надо сделать, дабы эти несчастные, озлобленные души упокоились с миром и отпустили ее. Нужно раскинуть над кладбищем ловчую печать, а основой станут имена. – Говорите ваши имена, вас помнят… – выкрикнула Иленка, и разноголосый шепот хлынул на нее со всех сторон, вливаясь в раскрывающуюся цветком печать.

Иленка почувствовала, как у нее начинает кружиться голова и противно шумит в висках. Граничный круг защищал только тело, но сверхчувствительный разум телепатки он, увы, защитить не мог. Котенок усердно выкарабкивался из-за пазухи, магичка вяло попыталась отправить вредину обратно. Противный шум в ушах все нарастал, перед глазами плыл туман. Как ни старалась она удержать ускользающее сознание, мозг счел за лучшее отключиться, отправив свою нерадивую хозяйку в глубокий обморок. Котенок наконец-то выкарабкался из-под безвольной руки своей нечаянной спасительницы и с гордым видом уселся на груди заклинательницы. Защитный круг дал трещины, и первые души рванулись к такому вожделенному живому телу. Котенок вздыбил шерсть и угрожающе зашипел. Алчущие тела сущности прянули назад, словно обжегшись. Звереныш мрачно сгорбился, переступая с лапки на лапку и ожидая следующей атаки. Душ внутри круга значительно прибавилось…

И вдруг туманный строй, уже готовый атаковать, сбился, заколыхался, заметался бестолковыми клочьями. Разошелся рваной прорехой, пропуская к кругу высокую черную фигуру. Не слишком расторопные или слишком поглощенные жаждой мести сущности падали под ударами косы, словно сухие стебли, рассыпаясь прахом. Души с завываниями и предсмертными немыми воплями исчезали за Гранью, исполосованные косой Поводыря. Еще мгновение, и пятачок перед ангелом полностью расчистился. Шири опустил косу и склонился над бесчувственной Иленкой, волосы белесой призрачной паклей скользнули вдоль лица. Котенок, по-прежнему, державший оборону на груди заклинательницы, из-за вздыбленной шерсти казался больше чуть ли не вдвое и всем своим видом показывал, что готов защищать даму сердца до последней капли крови.

– Надо же, и не боишься… – хрипловато пробормотал Поводырь, возвращаясь в человеческий облик. Котенок презрительно фыркнул, мол, чего тебя бояться, орясина стоеросовая, и спрыгнул на землю. Шири поднял безвольное тело заклинательницы на руки. Пушистый защитник, видя такое дело, проворно вскарабкался по ноге и дальше по торсу на плечо

Поводыря. Одноглазый покосился на непрошеного пассажира, но ссаживать на землю не стал. Мало ли, вдруг обидится, столкнешься потом с ним на Грани, проблем не оберешься…[15]

Когда Шири вернулся в корчму, народ уже успел разойтись. Арьята сидела за столом, подсчитывая выручку от концерта, и вполголоса говорила о чем-то с костлявой светловолосой девицей в легких доспехах. Поводырь невольно поморщился. Девицу (по правде говоря, уже давно не девицу) он знал более чем близко. Причем светлейшая Скульд совершенно отказывалась понимать, что тогда они оба были, мягко говоря, не совсем трезвые, да и обстановка располагала; и при каждой встрече стремилась продолжить начатое…

Норна обернулась на звук хлопнувшей двери и столкнулась взглядом с Шири, мечтавшем только об одном: сгрузить с рук пребывающую в беспамятстве Иленку. Девушка, даром что худенькая, успела изрядно оттянуть ему плечи. Светлые глаза младшей норны не выражали ничего хорошего.

– Твоя жизнь у тебя на руках, держи крепче… – деревянным голосом прокаркала она.

– И тебе мое большое с кисточкой, Скульд, – проворчал Поводырь, направляясь к лестнице. Для него уже стало привычным, что каждая их встреча начиналась с пророчества. Но вот в чем проблема-то: все предыдущие напророченные норной гадости сбывались с изумительной точностью!

Оторвавшись от созерцания спины Поводыря Смерти, Скульд повернулась к Арьяте. Девочка как ни в чем не бывало сгребала монеты в кошель. Норна пытливо уставилась на Смерть. Она пришла сюда за ответом, а вместо этого получила еще одну проблему. Да уж, Гадес умеет заваривать кашу, всем миром не расхлебаешь…

– Я не хочу, чтобы этот мальчик становился моим Поводырем, – не отрываясь от сбора денег, спокойно сообщила менестрель. – У него своя судьба.

– Твоими стараниями у него теперь вообще нет судьбы, – сварливо изрекла Скульд.

– Значит, норны отказываются мне помочь?

– Ох, если бы все оказалось так просто, – тяжело вздохнула светловолосая, – на день бы раньше… Пока зеркало грядущего не заволокла серая хмарь, можно было спокойно подобрать обрывки его нити и вновь связать воедино из прошлого в будущее. А сейчас мы ничего не сможем сделать. Я просто не вижу, что произойдет после восстановления его нити.

– Ну и что ты мне делать прикажешь? – начала раздражаться Арьята.

– А разве я смею тебе приказать? – саркастически заломила бесцветную бровь норна. – Впрочем, смотри, я сейчас покажу место…

И на Смерть обрушилось красочное видение: высокий берег реки, простой старый храм, который виден отовсюду, где бы ты ни встал, домишки чуть вдалеке, яркое луговое разнотравье…

– Я знаю, где это, – откликнулась она. – Гиренка – деревенька близ Харькового-града. Там действительно имеется очень сильный энергетический источник, как раз под храмом.

– Идите туда.

– И чего дальше?

– А я попробую поймать рыбку в мутной воде, то есть обрывки судьбы в тумане. Там такой мощный источник – можно попытаться преломить судьбу империи, не то что одного человека. Через четыре дня энергия сконцентрируется на пике мощи. Сестры, конечно, меня по головке не погладят за такое самоуправство, но, похоже, это единственный шанс вернуть все на круги своя.

С этими словами Скульд встала, показывая, что визит окончен, и дымкой истаяла в воздухе.

– Вот так всегда, – проворчала Арьята, – иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что, и будет тебе благодать! Тьфу!

Главное, как бы Эдану поделикатнее сообщить, что его дело, похоже, зашло в тупик и теперь нужно срочно придумывать себе какую-нибудь благородную миссию. Хотя придумывай не придумывай, конец-то все равно один…

Женщина прекрасна всегда, как бы она ни выглядела и где бы ни находилась. А когда рядом есть мужчина, который не сводит с нее глаз, значит, женщина прекрасна, даже если перед этим она сломя голову бегала по старому кладбищу! К такому странному выводу Арьята пришла, заглянув в комнату, где они расположились на ночлег. Шири, сидя в кресле, не сводил глаз с лежащей на кровати заклинательницы. Усталое, заострившееся лицо девушки прибрело какое-то умоляющее выражение, короткие черные волосы спутанной копной разметались на подушке, а под боком успокаивающе урчал пушистый черно-белый комочек. Было чему умилиться… или посочувствовать.

– Ой, какой симпатяшка… – заулыбалась Смерть, разглядев котенка.

– Это кошка, – мрачно ответил Шири.

– Да вижу, что не хомячок.

– Кошка в смысле «не кот».

– А, – многозначительно протянула Арьята. – И чего?

– Нашего малолетнего полку прибыло, – криво усмехнулся одноглазый. – Похоже, великая и могучая чародейка обзавелась собственным фамилиаром[16]. О-хе-хе, – Шири нервно хихикнул, – шайтан вас всех забери, какой-то крестовый поход детей, ей-богу!

– Поговорим? – Менестрель сделала приглашающий жест в сторону двери. Поводырь молча кивнул и вышел в коридор.

– Что понадобилось от тебя младшей норне в этот раз? – тихо спросил он, спускаясь в зал.

– Хотела узнать, не причастна ли я к тому, что ее зеркало замутилось, – хмыкнула Смерть. – А я в свою очередь попросила помочь Эдану. Безрезультатно… Получила лишь смутные указания…

Шири вытянулся на лавке, устроив голову на коленях своей верной подруги. Арьята, выудив из кармана гребень, расчесывала светлые густые волосы. Поводырь молчал. Этот разговор был не первым, и он прекрасно знал все, что сейчас будет сказано. Да, этот долг он придумал сам. Но по-другому он просто не мог: для того чтобы продолжать жить (а жить ли?), ему нужен хоть какой-то предлог. А защищать пусть даже такое невероятное существо, как Смерть, предлог ничем не хуже других… И daeni тоже это знала. Отвлекшись от собственных невеселых мыслей, Шири различил, как Арьята напевает себе под нос:

Признаваться в ошибках нам сложно,
Лучше в бедах кого-то винить.
Оттого, что должно и что должно, —
Не всегда нам дано различить.
И себя бы корить, да что толку?
Долг велик, и не счесть платежей.
Разобьем витражи на осколки,
Да наточим побольше ножей.
Нам бы крылья, и мы бы летали,
Только знаем привычный конец.
Ведь нет средства прекраснее стали
От разбитых долгами сердец…

– Daeni, – простонал Поводырь. – Не надо… в моем сердце и так торчит стилет…

– Хочешь получить еще один? – с напором спросила Смерть, показывая, что шутить не намерена.

– Нет, daeni, нет…

И в этом «нет» Арьята уловила те нотки решительности, которые раньше не проскальзывали в голосе верного Поводыря, когда они в очередной раз касались этого разговора. Менестрель

грустно улыбнулась. Похоже, упрямец наконец-то ее услышал…

# Глава 2

Разлапистая кленовая ветка, повинуясь порывам налетевшего ветра, с усердием нищего, выпрашивающего подаяние, скреблась в высокое стрельчатое окно. Резные зеленые листья просительно шелестели в такт ветру. Солнце, по-прежнему яркое и жаркое, то сверкало во всей красе, то стыдливо прикрывалось очередной белой тучкой, гонимой по небу. Кристоф Тарница неотрывно смотрел в окно, будто пытаясь впитать все эти яркие краски, которых он не видел столько дней. Сильные пальцы, пусть и истончившиеся за время болезни, перебирали складки одеяла. От мастера Эмерта, целителя, он узнал, что отец вновь повздорил с Эданом и юноша куда-то исчез. Что же, это закономерно, поэтому отец рвал и метал, а после кинулся в погоню. Кристоф задумчиво потер подбородок. Господи, как же это ему надоело! Столько лет одно и то же! Пора бы наконец прекратить сей глупый жестокий фарс. Стоило ли придавать значение словам какой-то нищенки, напророчившей невесть чего, лишь бы получить жалкий грош на кусок хлеба? Сам Кристоф относился к младшему брату если не дружелюбно, то хотя бы без злости и презрения. И в последнее время все чаще ссорился с отцом из-за своей доброты. Барон Йожеф Тарница, склочный, властный человек тяжелого нрава, не без прискорбия отмечал, что столь любимый старший сын характером удался не в него, а в покойницу-мать. Рассудительный спокойный Кристоф не терпел несправедливости, проявлявшейся в отношении к младшему брату, то и дело вступаясь за него.

– Милсдарь Эмерт, – окликнул он стоявшего у окна целителя.

– Да, господин, – услужливо поклонился тот.

– Отправьте человека к отцу. Пусть передаст, что со мной все нормально и я хочу его видеть. Это срочно.

– Из-за господина Эдана?

– Из-за Эдана тоже.

Целитель молча кивнул и вышел из комнаты, а Кристоф вновь прикипел взглядом к сверкавшему красками окну, обдумывая, что он скажет отцу при встрече, дабы раз и навсегда расставить точки над i. Как бы то ни было, но измываться над Эданом он больше не позволит…

* * *

Славно просыпаться под тихий шелест дождя за окном, когда легкие капли мерным стуком баюкают вас в утренней неге.

Славно просыпаться от нежного прикосновения губ к вашей щеке, и не менее чудесно – от звука тихого любимого голоса, зовущего покинуть вас объятия морфея и нырнуть в объятия кого-нибудь более материального. Так вот, столь же гадко просыпаться от дурных воплей над ухом, когда ваши товарищи по походу решили вдруг прояснить отношение к этому грешному миру и тщетно пытаются прийти хоть к какому-то знаменателю!

– Daeni, пусти меня, – ревел Поводырь, тщетно пытаясь отцепить намертво прилепившуюся к нему девчонку, – я ее убью!

– Арьята, пусти его! Я сейчас его на головешки испепелю! – верещала Иленка, пытаясь прорваться к объекту испепеления.

Эдан сонно щурился на разошедшихся товарищей. Что-то такое он пропустил… В Шири полетела подушка, но тот успел уклониться, и мягкий снаряд шлепнулся на постель Эдана.

– Арьята, да пусти ты их, пусть не орут, спать же невозможно! – недовольно встрял юноша, подгребая новоприбывшую подушку к себе.

– А ты вообще молчи, немочь! – удивительно единодушно откликнулись идеологические противники.

Арьята разжала руки и поспешно отскочила к Эдану. Разъяренный Поводырь Смерти тут же метнулся к кровати заклинательницы… Девушка забилась в угол и угрожающе вскинула руку: между пальцами проскакивали уже знакомые Шири голубые молнии. На коленях чародейки, вздыбив шерстку, предупреждающе шипел черно-белый котенок. Одноглазый резко цапнул воинственную кису за шкирку и, не обращая внимания на возмущенное мяуканье, передал менестрельке.

– Поговорим без посредников? – недобро ухмыльнулся он, надвигаясь на Иленку.

– Ты чудовище! – выпалила заклинательница. – Они ведь просто хотели, чтобы их помнили! Ты же мог отправить их обратно за Грань, но вместо этого ты их убил!

– О чем это она? – тихо спросил Эдан у Арьяты.

– Иленка вчера нарвалась на толпу забытых душ на кладбище, – так же тихо отозвалась она, рассеянно почесывая зверька за ушами.

– А Шири их правда того?..

– Не всех, только тех, у кого накопилось изрядно злых деяний за спиной. Вполне справедливо он поступил. Только зря ей об этом сказал…

Поводырь хмуро уставился на обличавшую его магичку. А Иленка разошлась не на шутку, осыпая противника оскорблениями пополам с обвинениями. Шири даже не пытался отрицать очевидное, только лицо его все больше теряло краску.

– …да что я говорю, – обреченно махнула рукой заклинательница. – Откуда тебе знать чужие чувства, если у самого нет сердца!

Одноглазый вздрогнул, словно от удара, развернулся и вышел из комнаты, гулко хлопнув дверью…

Иленка, вся всклокоченная и растрепанная, сползла с кровати, нервно одергивая рубашку. В комнате повисла неловкая тишина. Смерть тяжело вздохнула: так вывести из себя Поводыря не удавалось даже ей. Ссадила котенка на кровать, подхватила гитару и два дорожных мешка – пока остальные спали, ей удалось на вырученные деньги приобрести несколько легких одеял и немного еды в дорогу, – и вышла вслед за Шири, жестом предложив остальным последовать за ней.

Котенок, спрыгнув на пол, подбежал к Иленке и проворно вскарабкался на плечо, она и глазом не успела моргнуть. Кажется, киса не собиралась оставаться на хлебной должности корчемного крысолова, а предпочла стезю чародейства, пусть не такую доходную, зато, по ее мнению, куда более интересную.

– Вот же еще, – мрачно покосилась на нее заклинательница, – свалилось мне на голову… счастье…

Котенок утвердительно мурлыкнул в ответ и, пощекотав усами щеку, скатился за пазуху, решив, что путешествовать с комфортом ему никто не запрещал.

В воздухе пахло отсыревшей пылью и мокрой травой. Серая пелена подобно грязной скатерти застелила небо от края до края и не думала рассеиваться. Соткавшиеся в единый покров тучи продолжали сочиться мелкой, почти неощутимой моросью, распыляя в воздухе мириады капелек. Тягучая сырость забиралась под одежду, от чего сразу становилось зябко. По разбитой дороге, увязая в раскисшей пыли и скрипя на три тональности сразу, катилась телега, груженная шестью корзинами краснобоких, крупных, как на подбор, яблок. Между корзин, нахохлившись, словно три гигантских воробья, устроились Иленка, Эдан и Арьята. Шири отрешенно сидел на козлах подле так удачно подвернувшегося возницы…

Изначально Смерть высказывалась против идеи напроситься в попутчики, зная, как реагируют на ее присутствие животные. Всех их, за исключением кошек, одолевал неконтролируемый страх, переходящий в панику, стоило лишь ей появиться рядом. Однако впряженному в телегу тяжеловозу не предоставили выбора, ибо на первую же попытку шарахнуться в сторону от Арьяты он звонко огреб хлыстом вдоль хребта. Коняга обреченно выслушал, что сделает с нерадивой скотиной хозяин, если телега перевернется, и здраво решил, что дешевле будет смириться с

присутствием Слепой Гостьи. Поэтому теперь конь лишь нервно помахивал хвостом да время от времени опасливо косился на пассажиров…

– Вьйо, пошел, ленивый!.. – щелкнул кнутом правивший телегой сухонький старичок с всклокоченной бороденкой и остатками седых косм над ушами. – Вьйо! Эк обложило… – ткнул он рукояткой кнута в небо, – дня на три, не меньше. Ежели ветром не растащит, опять будем киснуть, и кабачки погниют. Как пить дать погниют, и тыквы тоже. А ты, мил человек, как думаешь, погниют? – дедку прискучило молчать, и он попытался растормошить Шири, каменным истуканом сидевшего рядом.

Поводырь зябко повел плечами. Ему было все равно, сгниют у возницы кабачки, тыквы или еще что-нибудь. Тут как бы самому не сгнить от такой погоды. Противная морось, сыростью пронизавшая все вокруг, отнюдь не располагала к беседам. Свой плащ Шири отдал сидевшим в телеге спутникам. Точнее, отдавал он его только Арьяте, но девочка быстро приспособила плащ на троих. Распялив на руках импровизированный тент, они получили какую-никакую защиту от сырости. Лучше всех пришлось кладбищенскому приемышу: котенок сладко сопел за пазухой у заклинательницы.

– До развилки, как договорились, я вас довезу, – продолжал разглагольствовать дедок, жуя табачную жвачку, – а там, звыняйте, мне в другую сторону. И на Белгродно у нас одна дорога, не заплутаете. Она вдоль болота идеть, огибает, значит.

– Как огибает? – удивилась Арьята. – Там же через болото гать тянулась!

– Дык тянулась, покудова не сгнила, – отмахнулся дедок, – а как сгнила, так аккурат и дорогу мостить закончили. Спокойней оно, чем через кочки ездить: ни нявок[17] голозадых, ни русалок грудастых, ни прочих искусов, – возница мечтательно взглянул на простиравшееся слева от дороги болото. Видать, случались в его жизни болотные «искусы». – Долгонько, правда, – это да. День точно потеряете. Да и на что вам нявки? – старик с намеком пихнул Шири в бок. – У тебя вон и свои русалки ничего.

Поводырь покосился сначала на дедка, а после на сидящих в телеге пассажиров. «Русалки» сдавленно захихикали.

Телега, скрипя и покачиваясь, подползла к развилке. На перекрестье, словно перст судьбы, такой же корявый и битый жизнью, высился путевой столб, приветственно раскинувший руки-указатели. Телега неторопливо свернула под изъеденную дождем и ветром деревянную шильду, где в выжженной каленым железом надписи еще можно было разобрать «Буринь».

Под деревяшкой висела криво приколоченная, изрядно

помятая и облупившаяся железная пластина. Слово «Белгород… км» оказалось перечеркнуто жирной угольной чертой, а под ним корявыми буквами значилось «Белгродно». Количество километров, как назло, облупилось, оставляя путников в неведении, сколько же им еще топать.

Распрощавшись с говорливым возницей, унылая четверка спрыгнула на уходившую вдоль болота мостовую. Камни местами уже просели, на стыках прорастал хвощ. Еще пара лет, и если дорогу не чинить, то здесь появится колдобина на колдобине.

Смерть задумчиво глядела на расстилавшуюся перед ними болотную ширь, высматривая невесть что среди поросших хвощом и осокой кочек. Чуть поодаль зеленели несколько чахлых осинок. Скольких забвение поглотило на этом болоте, и не счесть. И виной тому, по мнению Арьяты, служили отнюдь не «нявки голозадые» с «искусами», а обычная человеческая глупость. Хотя нечисть тоже не следовало сбрасывать со счетов. Договор-то договором, но кушать хочется всегда, м-да… Болото, опасное само по себе, после Войны Двух Миров спокойней не стало, послужив приютом самой разнообразной болотной нечисти и нежити. Уж чего-чего, а ее в этих краях отродясь хватало, и плодилась она не в пример быстрее людей, а уж как сами люди-то этому способствовали, ой-ой-ой… Одни потерчата[18] с нявками чего стоят! Но какая же она Смерть, если не будет на короткой ноге с заложными покойниками?

Шири проследил задумчивый взгляд своей ведомой и тоже пришел к закономерным выводам, едва ли не за шиворот оттащив Арьяту от болота.

– Daeni, даже не думай! – прошипел он, цепко удерживая ее за лямку инструмента.

– А ты знаешь, о чем я думаю? Никогда не замечала за тобой склонности к телепатии. Это на тебя так Иленка плохо влияет? – саркастически фыркнула она.

– Мы не пойдем через болото! – отрезал Поводырь, пропустив ее сарказм мимо ушей. – Той гати давно след простыл, и один шайтан знает, что успело завестись в этой трясине!

– Не переживай, если что-то и завелось, нам бояться нечего, – легкомысленно отмахнулась Арьята, – Иленка упокоит. Должны же мы от нее хоть какую-то пользу получить…

Девушка тут же скривилась, мимикой показывая, что если она кого и упокоит, так это некую рыжую менестрельку. Заодно и проверит, так ли уж она бессмертна. Шири глумливо усмехнулся, намереваясь обличить заклинательницу в полной магической некомпетентности, но Иленка его опередила:

– Я же не боевой маг, – огрызнулась она, смерив яростным

взглядом ухмыляющегося Поводыря. – Поэтому имейте в виду, если на нас кто-то нападет, толку от меня окажется чуть, разве что добровольно принестись в жертву, пока вы драпать станете.

Одноглазый попробовал заикнуться, что с поганой овцы хоть шерсти клок, но под острым взглядом Смерти быстро сник и замолчал. Арьята продолжила расписывать все преимущества похода через живописную топь, основные из которых заключались собственно в живописности и значительном временном выигрыше. Послушать Смерть, так их ждала на болоте неописуемая благодать, сравнимая разве что с недельным отдыхом в санатории, и даже комары с пиявками решатся кусать усталых, промокших путников исключительно в медицинских целях. Поводырь с заклинательницей скептически щурились и ехидно поддакивали, явив неожиданное единодушие в своих насмешках.

– Эдан, а ты чего скажешь? – Арьята дернула за рукав ушедшего в себя юношу, в тщетной надежде получить хоть один голос «за».

Паренек в данный момент размышлял исключительно о теплой постели и сытном обеде. Тонкая рубашка отсырела и совершенно не грела, а туфли, не предназначенные для долгих пеших прогулок, успели изрядно набить ему ноги. Эдан зябко повел плечами и непонимающе уставился на Арьяту – вопрос выбора застал его врасплох.

– Мне все равно, – буркнул он. – Не вижу разницы в том, утонуть ли в болоте или сгинуть под мечами людей моего отца.

– А раз всем все равно, значит, идем через болото! – подвела итог менестрель. – И прибудем в Белгродно уже завтра к вечеру.

Пока они спорили, куда идти, тучи не теряли времени даром, усиливая свою небесную осаду. Тяжелая пелена, укрывшая небо, сменила благородный серый цвет на грязно-свинцовый. Перестала сочиться влажной моросью, явно накапливая силы для более масштабной диверсии…

Уступив аргументам Арьяты и вооружившись крепкими осиновыми шестами, гонимые в ненастье путники бодро попирали ногами поросшие хвощом кочки. Впереди, тщательно прощупывая дорогу, вышагивала сама менестрелька, высматривая одной ей известные признаки сгинувшей гати. За ней след в след ступала Иленка. Заклинательница сначала попробовала левитировать над негостеприимной сушей, но была немедленно возвращена на грешную землю и грязно обругана Поводырем, который в краткой и очень доступной форме разъяснил, что сейчас на магию сбежится весь окрестный монстрятник и великой грозе демонов представится случай немедленно принестись в

жертву на благо других. У Иленки за спиной тяжело дышал Эдан. С каждой минутой юноша все сильнее налегал на шест, и не особенно заботился о том, куда ставит ноги. Поэтому Шири, который шел замыкающим, едва успевал хватать его за шиворот, дабы паренек не сошел с тропы и не ухнул ненароком в затянутый дерном бочаг.

Старая гать уводила все дальше на юго-восток, и вскоре путникам стали попадаться отдельные группки круглых кустов, а затем и корявых деревьев. Воздух вновь затянула противная морось, между редкими деревьями начинал подниматься туман.

Иленка зябко поежилась: лезть в туман, да еще на болоте, ей совершенно не хотелось. Никогда не угадаешь, кто может поджидать тебя в клубящейся молочно-белой пелене. А Смерть уверенно вела их в туман, да еще туда, где он концентрировался плотнее всего. Эдан в очередной раз споткнулся, едва не столкнул заклинательницу с тропы и чуть не упал сам. Туман, только что игривой зверушкой вившийся у щиколоток, поднялся уже до пояса. Под ногами начало чавкать и хлюпать. Юноша почувствовал, что ему все труднее удерживать туфли на ногах – они так и норовили остаться в раскисшей земле.

Доселе спокойно вышагивавший Поводырь забеспокоился. Что-то в этом тумане было не так. Как-то слишком быстро он заволакивал все вокруг. В воздухе разлилась нехорошая тишина, белая пелена укрыла их с головой.

– Daeni! – предупреждающе окрикнул Шири. – Daeni, стой!

Ему никто не ответил. Поводырь сделал несколько шагов. Туман вроде бы начал чуть рассеиваться.

– Daeni? – вновь окликнул Шири. Звук его голоса толкнулся в ставшую осязаемой тишину, задрожал и осыпался едва слышным звоном. Он шагнул вперед, поскользнулся и по пояс ушел в затхлую воду. Выругавшись сквозь зубы, осторожно потыкал шестом в дно под ногами. Похоже, его угораздило провалиться в неглубокое «окно» с вязким, илистым, но крепким дном. Костеря болотных жителей на чем свет стоит, Поводырь Смерти с горем пополам выбрался обратно на тропу и двинулся вперед. В воде за спиной что-то недовольно булькнуло, но на поверхность высунуться не посмело. Шири криво усмехнулся, представив, что случилось бы, попадись он на зуб обитателю криницы. Зубов бы у оного точно поубавилось…

Замешкавшись в очередной раз, вытаскивая туфли из грязи, Эдан ошеломленно покрутил головой. У юноши возникло стойкое ощущение, будто его окунули в чашку с молоком, настолько плотным вдруг стал туман. Спутники растворились во мгле, звуки шагов затихли.

– Эй! – возмущенно крикнул он. – Это еще что за фокусы?! Арьята! – Ответом ему была лишь тишина. Парнишка недоуменно завертел головой, пытаясь понять, куда подевались все остальные.

– Арьята! – снова крикнул он. – Иленка! Шири! – и опять в ответ ни звука, лишь клубилась вокруг промозглая, пробирающая до костей белая пелена.

Юноша беспомощно огляделся, пытаясь совладать с чувством внезапно нахлынувшего страха. Вокруг призрачными фигурами извивался туман, шелестел на краю сознания противный шепоток, вызывая в памяти картины чужого прошлого. То тут, то там вспыхивали приглушенные мглой болотные огоньки. Откуда-то долетел чуть слышный звонкий смех, в опустившейся тишине звучавший исключительно зловеще. Эдан понял, что больше не в силах оставаться на месте и кинулся дальше по тропе. На секунду ему показалось, будто туман рассеивается, а из него воздвигается нечто темное и ужасное, тянущее к нему сотни корявых рук. Он завопил, шарахнулся в сторону, запнулся о толстый, выпирающий из земли корень, выронил шест и кубарем полетел в трясину, только сейчас сообразив, что «темное и ужасное» – это всего лишь старое засохшее дерево. Темная, противно пахнущая жижа сыто хлюпнула, захлестнув Эдана чуть выше пояса. Юноша отчаянно дернулся, силясь дотянуться до злополучного корня и выбраться на сухое место, но не тут-то было. Трясина, плотоядно булькнув, поднялась ему до груди, на поверхности возникло несколько пузырьков болотного газа. Поняв, что от бестолкового дерганья становится только хуже, Эдан застыл, боясь пошевелиться…

Тишина вокруг уже не казалась такой мертвой, туман понемногу редел, со стороны тропы раздалось мерное чавканье. Сюда кто-то шел! Паренек еще раз дернулся и заголосил:

– Эй! Кто-нибудь! Вытащите меня! Помогите!

Трясина заколыхалась. Чавканье на тропе участилось. Через несколько секунд из поредевшего тумана вынырнула худая черная фигура. А мгновение спустя Эдан опознал в ней Поводыря Смерти.

– Шири!

– Ну не идиот ли, а? – буркнул тот, присаживаясь на корточки у края трясины. – Чего орешь? А если бы тут топляк какой-нибудь разгуливал в ожидании обеда?.. Не дергайся, самоубивец недоделанный! Руки на поверхность выдерни! – скомандовал одноглазый.

Эдан повиновался. Получилось не сразу. Шири протянул ему конец шеста.

– Цепляйся!

Юноша честно попытался исполнить приказ Поводыря, тем

более что трясина дошла ему почти до плеч. Но мокрые грязные ладони скользили по гладкой коре.

– Не могу! – чуть не плача крикнул он. – Палка скользкая!

Шири заковыристо выругался. Какая-то непонятная тварь, под прикрытием тумана подбиравшаяся к Эдану, заслышала перлы великого и могучего и с глухим постаныванием убралась восвояси.

– А ну, мигом вцепился в палку, как в мамку! И только вякни мне! – прикрикнул на него Поводырь.

В конце концов то ли желание жить, то ли изрыгаемые одноглазым проклятия сдвинули дело с мертвой точки, но Эдану удалось подтянуться по шесту настолько, что Шири смог ухватить его за руку, а затем и за ворот и выволочь на тропу.

Парень сидел на земле грязный и жалкий, в длинных рыжих волосах запутались обрывки тины. Его колотило от пережитого ужаса. Шири тем временем поднял оброненный пареньком шест и брезгливо уставился на загубленный вещевой мешок, висевший за плечами у Эдана. Когда они отправлялись из Сумшан, юноша сам вызвался нести часть поклажи. И вот теперь они остались без половины вещей: содержимое мешка можно было спокойно выбрасывать.

– Фу, ну и смердит же от тебя, парень! – поморщился Шири, рывком ставя трясущегося Эдана на ноги. Юноша поскользнулся, чуть не упал и тоскливо уставился на мокрые носки – туфли благополучно сгинули в трясине. Поводырь, заметив этот прискорбный факт, лишь тяжело вздохнул. Эдан молча глядел на него исподлобья и нервно кусал губы. Он совершенно не ожидал, что верный спутник Арьяты вытащит его из болота. Куда логичней оказалось бы, если бы Шири прошел мимо, сделав вид, будто не слышит надрывных воплей о помощи, и тем самым избавил менестрельку от свалившихся на нее проблем.

«…Он же меня ненавидит!» – кричала та часть души паренька, которая уже обросла защитными шипами.

«Не говори глупостей, дурень!» – протестовала вторая, еще не успевшая обзавестись шипастой скорлупой.

– Ты же меня ненавидишь… – безысходно простонал Эдан, – Стоило надрываться?!

Шири уставился на него, словно на привидение, и покрутил пальцем у виска.

– Я? С чего бы мне? Ну, да, ты не подарок. Втравил daeni в неприятности… – фыркнул Поводырь, умолчав о том, что единственный человек в пределах досягаемости, которого он сейчас ненавидит, это некий Шириган Йонсу. То бишь – он сам.

Он залез в свой мешок и, вытащив свернутый в рулон плащ,

набросил его пареньку на плечи.

– Конечно, после этого он только на выброс сгодится, – пробормотал Шири себе под нос. – Но, может, ты хотя бы перестанешь трястись? Держи палку и пошли. Не имею никакого желания задерживаться здесь еще!

Едва туман начал захлестывать их с головой, Иленка инстинктивно вцепилась в плечо идущей впереди Арьяты. Странная пелена обладала каким-то свойством, сильно похожим на телепортацию. Вот и все, что успела выяснить для себя заклинательница, прежде чем ощутила толчок перемещения… Чувство, будто ее мгновенно растащили на молекулы, а после собрали в произвольном порядке, нахлынуло тошнотворной волной и тут же отступило, оставив после себя конвульсивно дергающийся желудок. Котенок, доселе мирно дремавший за пазухой, проснулся и выкарабкался наружу, выставив сонную мордочку над воротником куртки. Девушка удивленно уставилась на свою руку, по локоть утопленную в туман. Где-то там под пальцами еще ощущалось довольно-таки костлявое плечико Смерти.

– Ты умеешь сращивать кости? – сдавленно донеслось откуда-то с того конца вытянутой руки.

– Э-э… нет, – неуверенно откликнулась Иленка, представив всю глупость разговора с туманом.

– Тогда отпусти меня, смертная! – с завыванием донеслось оттуда.

Заклинательница поспешно разжала пальцы и отдернула руку, дабы убедиться – ее драгоценной конечности ничего не угрожает. Арьята беззвучно вынырнула из заметно поредевшего тумана, разминая пострадавшее плечо и болезненно морщась.

– У тебя, наверное, гномьи клещи вместо пальцев? – жалобно спросила она, поправляя лямки от чехла с инструментом.

– Я нечаянно. Даже не подумала, что ты можешь чувствовать боль, – попыталась оправдаться Иленка.

– Могу, – кивнула менестрелька, – я много чего могу, я такая могучая, что мне аж страшно… Где мы?

– Лучше спроси, где все? Шири и этот хлюпик…

– Его зовут Эдан, – резко прервала ее Арьята.

Откуда-то сбоку вдруг раздалось довольное хихиканье. Достаточно ехидное и по-старушечьи визгливое, оно неприятно резало слух. Смерть подозрительно уставилась на Иленку.

– Это ты?

– С чего бы мне?.. – удивленно заломила брови заклинательница. – Я думала, это ты.

Менестрель выразительно покрутила пальцем у виска.

Хихиканье раздалось вновь, уже значительно ближе, и звучало еще глумливее. Девушки заозирались, стремясь обнаружить источник столь неуместного веселья и поумерить чью-то неурочную радость.

– Глупенькие девочки, – пискляво раздалось совсем рядом, – такие большие, а такие глупенькие…

Заклинательница неодобрительно хмыкнула и, вскинув руку наизготовку, приготовилась спустить на невидимого весельчака печать ловчей сети. Но тут застежка ее куртки разъехалась под весом завозившегося котенка, и неугомонная киса шлепнулась из-под одежды на землю. Недовольно мяукнув, котенок вздыбил шерсть и с шипением ощерился на ближайшую кочку.

– Убери, убери, убери-и-и! – перепуганно заверещали из пустоты.

Девушки переглянулись. Котенок продолжал воинственно наседать на кочку, маленький короткий хвостик яростно хлестал по бокам.

– А ну покажись, незваный! – приказала Арьята.

– Животинку-то уберите, – плаксиво раздалось в ответ, – не ровен час кинется… А у нее, может, бешенство…

Иленка подхватила не на шутку разошедшегося малыша и вновь сунула за пазуху, однако котенок вывернулся из-под руки и вскарабкался на плечо, показывая: если что, то он бдит!

Воздух над кочкой подернулся рябью, и на ней появился ребенок лет пяти, в белой рубашке до пят, расшитой по подолу зелеными листьями. Ребенок был худенький, бледный, с расширенными едва не на всю радужку зрачками. Пушистые синевато-зеленые волосы обрамляли узенькое личико.

– Экие вы злющие, – захныкал потерчонок. – Что я вам сделал?

– Тебе весь список грехов огласить или только за сегодня? – ухмыльнулась Арьята, присаживаясь подле болотного духа на корточки.

Нечистик, рассмотрев девочку поближе, вскрикнул и едва не свалился с кочки. Чего там кошка, куда там чародейке, когда тут нос к носу с самой Слепой Гостьей пришлось столкнуться! После таких встреч обычно упокаиваются навеки, без права возвращения из-за Грани. Слепая Гостья, она в гневе страшна…

Рыжая менестрелька подхватила потерчонка под мышки и усадила обратно на кочку, поправив сбившуюся в вороте сорочку.

– Госпожа-а-а, – заголосил маленький дух, размазывая ладошками слезы по лицу – простите-е-е…

– То-то же, – назидательно откликнулась Арьята. – Смотри впредь, над кем смеешься. Охо-хо, дожили! Смерть Белой

тишиной ловят! Кому расскажу, не поверят! – она уперла руки в бока и окинула болото пристальным взглядом.

– Чем ловят? – не поняла Иленка.

– Белой тишиной. Сюрприз типа ловчей сети для неурочных путников вроде нас. Работает по принципу «разделяй и властвуй» А что, удобно устроились: и за едой гоняться не надо, и кто попало по болоту не бродит. Но я-то не кто попало! – В голосе менестрельки зазвенели металлические нотки. – Где мои спутники, карапуз?

– Да плетутся где-то позади вас, – насупленно буркнул потерчонок. – Как же, поймаешь тут кого! Вот ведь истеричные! Чуть что, сразу мате… то есть выражаться непотребно начинаете. А дядька Болотник теперь мигренью мается, злющий – страх!..[19]

– Так, – прервала его Арьята. – Раз уж ты провинился, будь добр, выведи нас отсюда. И братьям своим передай, чтобы наших спутников тоже проводили до края болота, где дорога на Белгродно прочь от вас поворачивает.

Потерчонок засопел, завздыхал и опасливо покосился на котенка, гордо восседавшего на плече у заклинательницы. Иленка успокаивающе погладила мягкую шерстку и пересадила звереныша обратно за пазуху. Болотный дух перебрался на тропу.

– Идемте, барышни, – обреченно проворчал он.

– А он не заведет нас куда-нибудь? – озабоченно спросила чародейка.

– Пока твой страшный зверь за ним следит – нет, – усмехнулась Арьята.

# Глава 3

Что есть время? По сути своей ничего особенного – так, вода сквозь пальцы. Но, как говаривали древние латиняне, капля камень точит. Порой не оставляя от него даже пыли. А если таких камней вдруг оказывается много, да еще оставленных без присмотра, вот тут времени уже есть где разгуляться. Вроде стоял себе дом, крепкий да ладный, глядь – а от него лишь груда камней и осталась. Все сточило время, подобно штормовой волне набежав на крепкую кирпичную кладку. И лишь ветер гуляет в старых развалинах да прячутся голодные упыри и прочие охотники до чужой кровушки, поджидая случайных прохожих, которых нелегкая заносит в забытые всеми руины.

Вот и сейчас развалины в наличии имелись, ветер тоже, не хватало только упыристых голодающих, как обязательной части декораций к грядущей ночи. Но кто их знает, может, еще набегут?

Ветер, путаясь меж стен, словно девственник в шнуровке дамского корсета, гнал по небу обрывки тяжелых серых туч, разодрав в клочья их обложную осаду. Унылое огненно-красное солнце спешило убраться за горизонт, крася небо и клочковатые облака в веселенькие багровые тона. Здесь, на каменном холме у края топей, все еще ощущалось затхлое дыхание болота.

Арьята, проворно взобравшись на остатки стены и приставив руку козырьком ко лбу, оглядывала окрестности. Усталое дневное светило катилось прямо в болото, будто стремясь утопиться от стыда за увиденное на земле. Остатки каменного пола, поросшие на стыках плит чахлой травкой, кругом расходились от углубления в центре. Опоясывая вершину холма, подобно мятой великанской короне, вздымались зубчатые остатки древних стен не то капища, не то храма, неизвестно кому принадлежавшего и канувшего в Лету задолго до сего дня. На одной из пористых черных глыб, густо заросших мхом и лишайником, нахохлившейся галкой сидела заклинательница. Налетавший порывами ветер трепал короткие черные волосы. Иленка уныло покосилась на зажатую в пальцах сальную прядь и тоскливо вздохнула, припоминая, когда она в последний раз видела шампунь и горячую воду.

– Ну чего там? – в который раз спросила заклинательница Арьяту. Котенок, прекрасно отоспавшийся за день, теперь был свеж, бодр и голоден. И время от времени требовательно мяукал, напоминая новоявленной хозяйке, что неплохо бы предаться греху чревоугодия. Ну, может, не греху, а хотя бы малому прегрешению, но все равно, кушать-то хочется! Одна беда – все их

немудреные съестные припасы остались у мужской половины отряда. А та, как назло, затерялась где-то на просторах болот.

– Ничего, – откликнулась Арьята. – И никого. Наверное, нас сильно расшвыряло на тропе.

– А ты уверена, что нам стоит оставаться здесь на ночлег? – поразмыслив немного, девушка уперлась в умозаключение об упырях и развалинах.

– Уверена, – отмахнулась менестрелька, рыжим факелом маяча на стене, словно путеводный огонь. – До дороги еще добрых два часа пути. Пока выберемся, совсем темная ночь опустится… О! Идут наши красавцы. Точнее, Шири идет, а Эдан вяло ковыляет. Совсем мой верный Поводырь его загонял. Воспитательную беседу с ним провести, что ли?

Иленка, усадив котенка на плечо, вскарабкалась на стену рядом с Арьятой.

– Эй! – девушки замахали руками.

– Мяу! – требовательно вторило пушистое чудо.

Спустя несколько минут вся четверка собралась у небольшого костерка. Под одной из стен, в укрытом от влаги закутке, обнаружилось несколько сухих валежин. Видно, они стали далеко не первыми путниками, решившими переждать ночь среди старых камней. Дополненный отсыревшим хвощом, костер больше дымил, чем грел, но пока было достаточно и этого. Поводырь неодобрительно косился на огонь, кромсая на полосы свой многострадальный плащ.

– Обмотай ноги, – бросил он Эдану импровизированные бинты, – в одних носках ты далеко не уйдешь.

Шири скептически осмотрел то, что осталось от его плаща. Скомкал и бросил в огонь. Пламя чуть притухло, от костра повалил пахнущий тиной дым. Но вот огонь распробовал, чем его изволили попотчевать, и разгорелся с новой силой.

Эдан, пытавшийся по совету Поводыря соорудить из обрезков его плаща какое-то подобие обуви, потянулся за очередной полоской ткани и хрипло закашлялся. На бледном лице паренька проступил неестественный румянец. Похоже, что двухдневная прогулка под дождем и последующее купание в трясине не прошли для него даром. Арьята участливо пощупала его лоб и скептически поджала губы.

– У него жар, – объявила она.

Заклинательница мысленно возблагодарила себя за то, что вчера догадалась зайти в амулетную лавку и помимо прочего купить пару целительских амулетов, пусть и в ущерб телепортационным. Пошарив за пазухой, Иленка вытащила на свет божий гроздь различных безделушек, магических и не очень.

Сдернула со шнурка нечто, напоминающее сушеную куриную лапку, и протянула Эдану, содрогавшемуся в очередном приступе хриплого кашля. Юноша шарахнулся от подношения, словно умрий от кота, и едва не завалился на спину. Девушка рассмеялась.

– Да не бойся ты. Это всего лишь амулет от простуды. Возьми и разломи пополам. Он, правда, одноразовый и действует всего сутки, но до Белгродно должно хватить.

Эдан по-прежнему подозрительно косился на лапу от простуды, не решаясь взять амулет в руки. Тогда Арьята, забрав у заклинательницы целительскую финтифлюшку, подсела к нему и начала, словно малолетнему ребенку, втолковывать то, что уже озвучила Иленка. После нескольких минут упорных уговоров и разъяснений юноша наконец-то согласился воспользоваться амулетом. Менестрелька довольно тряхнула головой, наблюдая, как вокруг тела Эдана растворяется желтоватое сияние. Тот еще пару раз неуверенно кашлянул, но дальше этих вялых поползновений дело не пошло. Голову перестало жечь огнем, а зарождавшийся внутри озноб до поры до времени отступил.

Тем временем растекшиеся над землей сумерки превратились в чернильную июльскую ночь. По темному небу, поблескивавшему россыпью звезд, проплывали гонимые ветром клочковатые тучи, то и дело закрывая блестящие точки мутными пятнами.

Иленка, задрав голову, смотрела на звездную россыпь, игриво проглядывавшую из-за туч, и тщетно пыталась разобраться в обрывках созвездий. Вон там Большой Воз, наверное… А может, Малый… Заклинательница что-то подсчитала в уме и удивленно вскинула брови. Надо же, уже и август на носу… А в августе небо пригоршнями швыряет под ноги счастливые шансы звездопада, только успевай загадывать. Она всегда загадывала на звездопад, чтобы все было хорошо. Не важно, что именно «все», просто пусть жизнь идет на лад. Пускай в глазах отца больше не прячется давняя грусть, пускай Шайритта больше не превращается в клинок, и чтобы Энгарт… Девушка потерла вдруг защипавшие глаза. Из сентиментальных раздумий ее вывел противный скрежет железа по камню. Арьята, присев на корточки у большого камня, с упорством, достойным лучшего применения, соскребала густо разросшийся на нем мох.

– Оставь его в покое! – не выдержала заклинательница, когда лезвие в очередной раз противно скребануло по каменному боку, высекая искры. – Этот мох нам все равно не пригодится – он сырой.

– Здесь какой-то узор. Я хочу посмотреть полностью, –

отмахнулась Смерть, продолжая скрести ножом по камню.

– Daeni, прошу тебя, не буди лихо, оно и так едва уснуло, – умоляюще поддержал Иленку Поводырь. – Я устал как собака…

Арьята лишь передернула плечами, показывая всем своим видом, что более безобидного занятия, чем соскребать мох с камня, свет еще не видывал. А минуту спустя к ней присоединился Эдан, сначала любопытно заглядывавший через плечо, теперь он усердно помогал очищать неведомый узор от неуместной растительности.

Сытый котенок довольно развалился на коленях заклинательницы, урча, когда та принималась почесывать его за ушами, и игриво покусывая тонкие пальцы девушки при попытке перевернуть его на спину.

– Как ты ее назвала? – вдруг спросил Шири, потянувшись погладить пушистика.

– Никак, – пожала плечами Иленка. – Я даже не знала, что это она, пока ты не сказал.

Брови Поводыря изумленно взметнулись вверх. Впервые он сталкивался с таким небрежным отношением к фамилиару.

– …Не знаю, – продолжила заклинательница, полностью проигнорировав удивление одноглазого. – Пусть будет Фроська. Ты не против?

– А мне-то чего? – пожал плечами Поводырь. – Хоть горшком называй. Твоя же кошка.

– А я к кошке и обращалась, – фыркнула заклинательница.

Киса продолжила довольно урчать, всем своим видом выказывая то ли полное удовлетворение от свежевыбраного имени, то ли просто не желая заморачиваться данным вопросом в принципе.

Девушка зябко поежилась – лето летом, а ветерок по ночам уже прохладный, и этот чахлый чадящий костерок от ночной свежести не спасает.

– Если холодно, придвигайся, – примирительно пригласил Шири. – Так хоть с одной стороны в тепле будешь.

– Вот еще! – гордо задрала подбородок Иленка. – Не хватало мне с тобой обниматься!

– Обниматься я, между прочим, не предлагал, – ухмыльнулся Поводырь. – Но если хочешь, можем включить в программу вечера и это, и не только это… – он многозначительно пошевелил бровями.

Заклинательница смерила его хмурым взглядом и вновь переключилась на котенка. Поводырь лишь пожал плечами – мол, хозяин барин, упрашивать не стану. Над холмом повисла тишина, нарушаемая лишь скрежетом ножа по камню да заикающимся

бормотанием Эдана, едва ли не носом уткнувшегося в каменную глыбу. Иленка, отрешенно поглаживавшая разомлевшую кису, вдруг вскинулась, пересадила пушистика на дорожный мешок Поводыря и решительно направилась к злополучному камню. Оттащив за шиворот Смерть и ее рыжего подельника, заклинательница склонилась над глыбой и заметно побледнела: она поняла, что именно бормотал Эдан, разбирая полустертые закорючки на Старшей речи. Арьята недоуменно косилась то на юношу, то на Иленку.

– Тебе резко поплохело? – осторожно осведомилась она, разглядев стремительно бледнеющее лицо заклинательницы.

– Нам тут всем сейчас резко поплохеет. – Иленка с трудом вытолкнула слова из глотки. – Докуда вы успели дочитать, олухи?

Шири, еще не совсем понимая, в чем дело, поспешил обнажить клинок. Иленка резко попятилась, отталкивая Арьяту с Эданом подальше от злополучного камня. Котенок, мирно дремавший на сумке, всполошился и поспешил забраться внутрь, только глаза из щелки посверкивают.

Очищенная ото мха глыба меленько подрагивала. По стесанному боку разбежалась паутинка мелких трещинок. Камень еще раз дернулся, подскочил над землей и раскололся на три части. Из разлома вытек хиленький темный дымок.

– И все?! – презрительно поморщился Эдан. – Было бы из-за чего хай подымать!

Юноша вновь попытался шагнуть к камню, но тут холм ощутимо тряхнуло, и над разломленным гранитом взвился столб чернильной темноты. Оцепеневших людей разметало в стороны вместе с остатками изрядно прогоревшего костра.

– Шайта-ан… – только и смог выдавить Шири, вглядываясь в темную угловатую фигуру, рваной кляксой возвышавшуюся посреди развалин.

Шипя сквозь зубы какую-то невнятную абракадабру, заклинательница пружиной взвилась из-за камней, готовясь зашвырнуть в чудовище усмиряющей печатью. Поводырь даже осознать не успел, как рванулся вперед, сбил Иленку с ног и прижал к земле. Длинный шипастый хвост твари прошелся по тому месту, где еще секунду назад находилась голова заклинательницы. Печать диковинным фейерверком улетела куда-то в болото на радость потусторонним обитателям топей. Шири, уже растянувшись на земле, сообразил, что в очередной раз стал жертвой пресловутой Последней Воли. Он же совершенно не собирался вмешиваться! Кто тут мастер по демонической дрессуре? Вот пусть бы разбиралась… Но, тем не менее, вмешался. И как оказалось, весьма вовремя.

– Не высовывайся! – прошипел он, когда заклинательница беспокойно заерзала под ним, весьма чувствительно двинув затылком в подбородок.

– Это сторож[20], тебе с ним не справиться! – взвизгнула она, пытаясь освободиться.

– А тебе? – выдавил Поводырь, когда искры перестали сыпаться из глаз.

– Пара пустяков! – легкомысленно отмахнулась Иленка.

– Хорошо. Ты готовься, а я его пока отвлеку… – он стремительно откатился в сторону и вскочил.

– Стой!..

Но Поводырь уже рванулся вперед, неразборчиво вопя, ругаясь и беспорядочно размахивая мечом. Заклинательница обреченно застонала, проводя рукой по лицу, и принялась наскоро раскидывать матрицу очередной печати. Сторож завертелся юлой, пытаясь достать не в меру проворного человека, беспорядочно метавшегося между развалин. Косвенные виновники происходящего, сбившись в кучу за обломком стены, завороженно наблюдали за дурной беготней Поводыря…

Выждав, пока Шири окончательно запутает тварь, Иленка выскочила из-за камней, словно черт из табакерки, раскинув руки и готовясь спустить развернувшуюся в воздухе печать. Чудовище, заметив еще какое-то шевеление рядом, мигом переключилось на заклинательницу. Поводырь кинулся наперерез. Девушка вскрикнула, понимая, что тварь сейчас просто размажет того по камням, и ударила печатью, выплеснув в нее всю имевшуюся в наличии силу. Шири распластался на земле, пропуская над собой гудящую от напряжения заклинательскую сеть. Печать накрыла чудовище, оплетая его сверкающими полосами, раздался хлопок, и в воздухе закружились хлопья пепла – все, что осталось от кошмарного сторожа старых развалин. Иленка, судорожно цепляясь за кладку, медленно оседала на землю.

Поводырь Смерти поднялся, отряхиваясь от кусочков мха, обнаружил сползающую по стене девушку и поспешил на помощь.

– Пара пустяков, да? – буркнул он, подхватывая заклинательницу на руки и замечая, что у нее носом пошла кровь. – Ремня бы тебе за такие пустяки! – Шири уложил ее возле погасшего костра. Котенок, всю схватку пересидевший под защитой сумки, выбрался наружу и поспешил к своей нерадивой хозяйке. Поводырь вовремя перехватил его и посадил к себе на плечо – фамилиар еще слишком мал и неопытен, помочь ничем не сможет, только себе навредит. Его сил попросту не хватит, чтобы привести заклинательницу в чувство. Из-за ближайшей груды камней выбрались виновники случившегося. Смерть,

первым делом проверив, не пострадала ли ее драгоценная гитара, принялась собирать в кучу еще не совсем затухшие угли.

– Что с ней? Он ее задел? – спросила Арьята, заметив кровь на лице Иленки.

– Может, он в нее вселился? – подозрительно предположил Эдан, опасливо косившийся на окровавленную физиономию заклинательницы.

– Лучше бы в твою дурную башку вселился разум! Может, тогда бы ты перестал нести чушь! – взорвался Шири, тщетно пытаясь привести девушку в сознание и понимая, что ненормальная магичка, кажется, надорвалась.

Арьята пристроила голову Иленки у себя на коленях, разглаживая пальцами спутавшиеся короткие пряди.

Поводырь укоризненно взглянул на свою верную ведомую. Ведь могла же вмешаться и поговорить по душам с разъяренным чудовищем. Иленке не пришлось бы так рисковать и болтаться сейчас между двумя мирами, пытаясь определиться с тем или этим светом. Девочка перехватила его неласковый взгляд.

– Но ведь вы же и без меня прекрасно справились, – пожала она плечами, отвечая на невысказанный вопрос своего верного Поводыря.

Шири тяжело вздохнул. Вот же… Смерть!

– Daeni, ей нужна кровь, – констатировал он, отчаявшись привести девушку в чувство. Пульс у него под пальцами становился все тише. – У нее сейчас нет сил даже ауру восстановить…

– Шири, тебе нельзя, – покачала головой Арьята. – Я не знаю, как подействует кровь Поводыря на живого человека. Мне тоже… Я вообще не человек. Эдан? – Менестрелька вопросительно взглянула на стоявшего рядом паренька.

– Ась? Нет, а чего сразу Эдан? – тот мигом скрестил руки на груди, отступив на шаг назад. – Ничего никому я давать не намерен!

– Эдан, ты единственный из нас троих еще вполне живой человек!

– Я сказал нет! – панически взвизгнул он. – Еще не хватало, чтобы кто-то пил мою кровь!

Тут Шири молча выдернул из-за голенища нож, и полоснул себя по запястью… Смерть попыталась перехватить его руку, но Поводырь грубо сбросил ее ладонь и прижал рану к губам девушки. Кровь потекла у заклинательницы по подбородку. Но мгновение спустя Иленка шевельнулась, сделала несколько судорожных глотков и закашлялась. Оттолкнула от себя чужую руку, открыла глаза.

– Четыре глотка, по кодексу… Хватит, – прошептала она. – Нормально… – глаза ее вновь медленно закрылись, тело расслабленно вытянулось на земле. Но дышала заклинательница уже не в пример ровнее, чем несколько минут назад.

Арьята тяжело вздохнула, теша себя надеждой, что необдуманный поступок ее верного Поводыря не обернется какими-нибудь непредусмотренными последствиями.

* * *

Старый, безнадежно запущенный сад с наступлением темноты полнился разнообразными шелестами и шорохами. Шелестела колышимая легким ветерком листва, возились под корнями старой дуплистой ивы неугомонные хухи[21], с писком гонялись друг за другом в кустах жасмина шкодливые огневки, тяжелыми махровыми лоскутами стремились к фонарю на веранде крупные ночные бабочки. С наступлением сумерек сад вокруг дома Хельги Криэ превращался в эдакий диковинный заповедник мелкой шебутной нечисти, которая возилась, пищала, шуршала и шелестела, не обращая на живущих рядом людей никакого внимания. Не пакостила, и на том спасибо. А хухи еще и сад старались поддерживать в некоем подобии порядка. Правда, порядок в их понимании состоял в том, чтобы сделать сад еще более диким и запущенным, чем он был. Но сухие ветки регулярно исчезали, сорняки типа осота нещадно выпалывались, а змеи, имевшие несчастье польститься на самые заброшенные уголки, с позором изгонялись.

Из распахнутого окна первого этажа на траву лился мягкий теплый свет. Налетавший порывами ветерок колыхал простенькую льняную занавеску и длинные смоляно-черные волосы рассевшегося на подоконнике оборотня. Глядя на него, у Хельги возникало неотвратимое чувство того, что капитан чистильщиков вскоре совсем у него поселится и перетащит с собой весь отряд. Перспектива появления в доме беспокойной оравы из десяти здоровых мужиков демонолога совершенно не вдохновляла. Но в данный момент Даниэль задумчиво перебирал в пальцах железный медальон на витой цепочке и размышлял о чем-то своем, судя по мечтательному выражению лица, очень далеком от насущных проблем. Сам же хозяин дома вальяжно развалился за столом и (о ужас!), забросив ноги на столешницу, чистил палаш, коим ему предстояло обходиться в течение ближайших дней. Но Хельги старательно убеждал себя в том, что занимается чисткой этой убийственной железки исключительно

из эстетических соображений. Боец из демонолога получился посредственный, не то чтобы совсем поганый, но и не ах. Для упокоения излишне резвой нежити хватало, и хорошо! А в данный момент у Криэ начинали чесаться руки, дабы упокоить одного излишне резвого эльфа, нервно мерившего шагами библиотеку вот уже с десяток минут к ряду.

– Мираниэль, – не выдержал он наконец. – Прекратите топотать, словно озабоченный домовой в поисках домовихи. Я прекрасно понимаю, что ссора с достойной Ллилиэль и вчерашний отказ Цини Застальской, о прелестях коей вы грезите до сих пор, не способствуют душевному равновесию. Но, я вас умоляю, не нужно портить мировую гармонию другим!

Эльф наградил излишне проницательного телепата взглядом, полным осуждающей скорби, пообещав себе в следующий раз озаботиться защитным амулетом перед визитом к Криэ.

– Мэтр, поймите, на меня давит градоправитель. Он требует конкретных действий. Ему надоели постоянные жалобы жителей… – заунывно откликнулся Мираниэль. Хельги поморщился, представив эти самые «жалобы». Чтобы Кьель-ши сам выслушивал жалобщиков и просителей? Не в этой жизни! Наверняка спихнул недовольных на того же Мираниэля, которому бы в своих личных жизнях разобраться… Интересно, кстати, а почему он не заведет себе вторую жену? Эльфам же, кажется, можно?.. Или нельзя?..

Криэ поймал себя на том, что мысли его забрели куда-то не туда. Из странных раздумий его вывел очередной жалобный стон Мираниэля:

– Мэтр…

– Успокойтесь, будет вам и дудка, и свисток, – отмахнулся Хельги, понимая, что избавиться от занудного посетителя можно, только пообещав ему развернуть бурную деятельность. От возможности дотянуться до Мираниэля палашом демонолог с сожалением отказался. Ведь для этого нужно покинуть уютное кресло, а потом еще и гоняться за жертвой по кабинету, рискуя набить себе лишние синяки и шишки, а то и расколотить что-нибудь ценное.

Эльф вытаращился на мастера-демонолога и шумно сглотнул, пытаясь понять, издевается этот человек над ним или нет?

– Время пока терпит, – продолжил чародей. – Чистильщики свою работу знают. А мне нужна информация, в частности старые планы этого, хм, пустырища. Вы ведь уже видели, чем чревато незнание брода? То-то же…

– Я слышал, вы отправили гонца к Скрипто? – эльф остановился и пытливо воззрился на мага.

Хельги нахмурился. Надо же! Уже и это стало известно! По расчетам Криэ, Иленка должна была вернуться еще два дня назад. Он начинал беспокоиться.

– Гонец прибудет со дня на день. Как только я получу необходимые мне бумаги, то сразу приступлю к активным действиям, – ответил демонолог, наблюдая за игрой бликов на отполированном лезвии и склоняясь к мысли, что ради избавления от эльфа все-таки стоит побороть накатившую лень.

Мираниэль, повздыхав еще пару минут, натолкнулся на плотоядно-задумчивый взгляд Криэ и понял, что больше он сегодня ничего не добьется. Пришлось удовлетвориться малым и поспешно откланяться от греха подальше.

Едва за унылым эльфом закрылась дверь, как Даниэль перестал изображать размещенный на подоконнике предмет интерьера и спрыгнул в комнату.

– Я вижу, вы нервничаете, – проговорил он, засовывая связку амулетов в карман. – Это из-за гонца?

Хельги закончил чистить клинок и со свистом вогнал его в ножны. Провел рукой по голове, ероша короткие густые волосы.

– Этот гонец – моя дочь, – ответил он. – И она должна была вернуться еще два дня назад. Шайритта мне уже плешь проела. Но теперь и я склоняюсь к мысли, что не следовало ее отправлять. Шай очень тревожится за Иленку. Вам, наверное, это покажется странным, но она заменила ей мать. Моя жена умерла, когда дочке не исполнилось еще и двух лет. Я тогда был слишком убит горем, и на плач Иленки среагировал мой меч, как это ни странно. Это оказался первый раз, когда Шайритта стала человеком. А до этого я и не подозревал, каким сокровищем владею.

Даниэль задумчиво смотрел в окно, пытаясь переварить только что свалившееся на него нежданное откровение демонолога.

– Мэтр, – произнес он, отходя от окна. – Судя по всему, нам завтра, – оборотень взглянул на часы, – нет, уже сегодня, понадобится ваша помощь. Позавчера кто-то пытался взломать вашу печать, но мои ребята их спугнули. Взломщики были настроены серьезно, поэтому я думаю, попытка повторится.

– Кто осмелился? Задержать никого не удалось? – встревоженно спросил Хельги, выныривая из невеселых дум.

– Какие-то ваши доморощенные адепты тайного знания, – фыркнул Даниэль. – Не соображают, что делают, зато как упорно делают!

Демонолог лишь покачал головой. Похоже, что глупость, в отличие от вселенной, действительно безмерна…

* * *

– Вставайте, засони! Солнце уже высоко! – разнесся над развалинами звонкий голосок Арьяты. – Если до заката мы не очутимся в Белгродно, то клянусь, вы об этом пожалеете!

Сонно щурясь на яркие солнечные лучи, лениво приподнялся на локте Поводырь. Потер затекшую шею, тщетно попытался расправить пятерней волосы, сел и принялся разыскивать в недрах сумки свой гребень, намереваясь привести в порядок изрядно сбившуюся измочаленную косу. Выпавшая перед рассветом роса еще не высохла и теперь капельками поблескивала на замшелых камнях. Шири неодобрительно провел ладонью по своей порядком отсыревшей одежде. Оставшиеся два одеяла вчера поделили по-братски: одним укрыли Иленку, второе забрала Арьята, после некоторых раздумий все же поделившись с Эданом. Юноша, словно побитая собака, калачиком свернулся под остатками стены, дрожа как осиновый лист. И Смерть, опасаясь, как бы эта дрожь не вызвала резонанс в камнях и те не обрушились на рыжего, любезно предложила ему половину одеяла. Шири, презрительно фыркнув, вытянулся на голой земле, со временем подвинувшись под бок тихо сопящей заклинательницы, а поутру вообще обнаружил, что покровительственно обнимает спящую девушку за плечи, выступая в роли импровизированной грелки.

Эдана Арьяте пришлось долго трясти за плечо. Даже несмотря на действие целительского амулета, просыпался он тяжело. Вяло отмахнувшись от настырной менестрельки, апатично обвел место ночлега покрасневшими глазами. Чуть лучше обстояли дела у Иленки. Бледная, с темными кругами под глазами, заклинательница поднялась и с душераздирающим постаныванием потянулась, разминая затекшее тело. Увидев, что Шири закончил орудовать гребнем и намеревается сунуть его обратно в мешок, она со всей прытью свежеподнятого покойника устремилась к нему.

– Дай сюда! – хрипловато потребовал девушка.

– А как же вши, уже не боишься? – иронично осведомился Поводырь, отводя руку с гребнем.

– Плевать! После вчерашнего я и так наверняка выгляжу как зомби, не хватало мне еще и вороньего гнезда на голове!

– После вчерашнего тебя бы следовало хорошенько ремнем проучить, – резко заметил Шири. – Эта «пара пустяков» едва не стоила тебе жизни!

– А нечего поперед батьки в пекло лезть, – буркнула уязвленная Иленка. – Тоже мне защитничек выискался! Ты мне

никто и зовут тебя никак!

– Так зачем же ты тогда дурью вчера маялась?! Вряд ли стоило так надрываться из-за пустого места. На упокоение этой дряни хватило бы и трети твоих сил! – Поводырь поднялся на ноги и теперь с неотвратимостью рока надвигался на заклинательницу, намереваясь устроить ей хорошую взбучку.

– А ты… ты… Чудовище бессердечное! Я тебя ни о чем не просила! – в сердцах закричала девушка, отталкивая своего непрошеного защитника и устремляясь прочь с холма. Шири, отступив на шаг, медленно осел у стены, судорожно царапая пальцами грудь. В глазах Поводыря сквозило удивление пополам с болью.

– Эдан, верни ее! – приказала Арьята, склоняясь над побледневшим товарищем.

– Daeni… – с трудом выдавил верный Поводырь Смерти, – … не понимаю… так не должно быть… мое сердце… оно же всегда молчит…

Девочка задумчиво приложила ладонь к груди Поводыря, ощущая под пальцами рваные неравномерные толчки, которые тут же начали стихать. Шири наконец-то смог перевести дух.

– Я не понимаю… – вновь произнес он, поднимаясь на ноги.

– Шири, она живой человек. Я предупреждала тебя вчера насчет последствий твоей необдуманной выходки. Ты жив и мертв, ты принадлежишь Грани. А теперь твоя кровь попала в живое тело, и равновесие нарушилось. Она тянет тебя в жизнь, и каждое новое прикосновение Иленки станет пробуждать пробитое мною сердце и вызывать боль. – Смерть осуждающе покачала головой, поймав себя на мысли, что одной кровью здесь дело не обошлось. Ведь чтобы нарушить ее, Арьяты, печати, необходимо задействовать куда более древние силы, пусть и неосознанно…

Ответить Поводырь не успел – со стороны склона раздался пронзительный вопль, и они вместе с Арьятой выбежали из развалин, решив отложить чтение морали на потом…

Эдан пытался загородить отползающую по траве заклинательницу от наступающего на них субъекта, с головы до пят задрапированного в темный плотный плащ с капюшоном. Иленка попробовала залепить в нападавшего силовым импульсом из-за спины Эдана, но тот лишь покачнулся, чуть отступив назад. Капюшон предательски сполз на плечи, позволив остальным рассмотреть лицо неведомого разбойника. Арьята тихонько застонала – она прекрасно знала незваного гостя. Поводырь, обнажив клинок, решительным шагом двинулся вперед.

– Отойди от них! – прорычал он.

– Стой на месте, Поводырь, – спокойно откликнулся

нападавший. – Мне нужен только мальчишка. Ее я не трону.

– Отойди от них, – ровно сказала Арьята, становясь рядом с Шири.

– Отдайте…

– Не тебе мне приказывать, Часовщик! Отойди в сторону, – в голосе менестрельки звенел металл.

Не выдержав пронзительного взгляда Арьяты, Гадес отвел глаза.

– Не в моей власти, Часовщик, нарушать договор, – продолжила Смерть.

– Но ты не смела забирать его! – в отчаянии вскрикнул он, понимая, что договориться о мирном исходе не получится.

– А я его пока и не забирала. К тому же тогда решала не я… – пожала плечами девчонка.

Гадес хмуро смерил Арьяту взглядом.

– Еще встретимся, – бросил он, растворяясь в воздухе.

– Обязательно, – тихо откликнулась она и добавила, повернувшись к Эдану: – Я просто поражаюсь твоему везению. Ну почему из всех Столпов Стихии твоего отца угораздило связаться именно с Часовщиком?! С моим заклятым врагом!

Шири мрачно навис над Иленкой, все еще сидевшей на земле, намереваясь продолжить воспитательный процесс. Заклинательница затравленно втянула голову в плечи, но Поводырь лишь тяжело вздохнул и молча отвернулся, со свистом вогнав клинок в ножны. Девушка вздрогнула. Она сейчас была совсем не против, чтобы ее отругали или, на худой конец, обняли, дав возможность слезами выплеснуть весь пережитый испуг.

– Мурр-мяу? – вопросительно осведомились где-то сбоку. В руку удрученной Иленки ткнулся мокрый нос.

– Вот ведь, и не забудешь про тебя… – пробормотала девушка, протягивая ладонь к черно-белому комочку у ног.

– Мяу, – утвердительно пискнул котенок. Заклинательница усадила его на плечо и встала. Сегодня вечером она обязательно попадет в Белгродно, и это дурацкое путешествие наконец-то закончится. Медленно выдохнув, Иленка начала спускаться с холма, надеясь, что на нее не выскочит еще один заклятый враг кого-нибудь из спутников…

# Глава 4

Гадес стоял на гребне полуразвалившейся стены, мрачно провожая взглядом удалявшуюся четверку. Легкие порывы ветра трепали наброшенный на плечи плащ, превращая фигуру в зловещую кляксу на фоне безмятежной лазури. Идеальная композиция «Время попирает развалины взятой крепости» так и не была донесена до холста по причине отсутствия рядом хотя бы самого завалящего живописца. Но имейся таковой в наличии, возможная картина наверняка стала бы шедевром – столь горделиво стоял на камнях Часовщик, глядя вдаль с неким задумчиво-оценивающим выражением, будто прикидывая, что бы еще стереть с лица земли лавиной подвластного ему времени?

Кто бы мог подумать, что расклад окажется такой паршивый? Он-то считал, будто Смерть помогает этому никчемному мальчишке невсерьез, без веской на то причины, просто потакая своей очередной блажи. Из-за этого и явился в развалины. Нет, забрать Эдана он все равно не смог бы, даже если бы отдали: по заключенному некогда договору Гадес мог получить мальчишку лишь из рук его отца. Часовщик стремился узнать, какая выгода от всего этого Слепой Гостье и чего она так возится с мальцом… Вражда враждой, но договориться можно всегда, пусть и на определенных условиях, наверняка невыгодных для обеих сторон. Мир-то один на всех, и в случае чего по маковке огребет не только он.

А оно вон как оказалось… Глупый юнец, не снеся обид от родного папеньки, кинулся во все тяжкие и заключил со Смертью договор! Проклятье! Гадес готов был собственноручно удавить досточтимого господина барона. Часовщик не сомневался, что виноват в произошедшем именно он и никто другой. Но и рыжая тоже хороша! Она ведь не имела никаких прав на мальчишку! Четко продуманный, годами лелеемый план летел в тартарары! Гадес и в мыслях не держал, будто Арьята не смотрела парню в глаза, не видела его деформированный зрачок и не знала о печати договора. Нет, знала, конечно, но этой хулиганке только бы палки ему в шестерни вставлять… Он спрыгнул на истертые каменные плиты. Еще ничего не закончилось – на кону стоит слишком много. Мир снова должен научиться созидать, и, возможно, тогда он продержится еще тысчонку-другую лет…

* * *

Дорога, мощенная изрядно выщербившимся булыжником, который перемежался островками растрескавшегося асфальта, уводила все дальше от злополучного болота и гостеприимных развалин, приютивших их этой ночью. Постепенно исчезали косматые кочки, а воздух больше не пах гнилой затхлостью. Поросшая верболозом низина осталась за их спинами, и теперь дорога петляла среди невысоких пологих холмов. Вчерашний ветер так усердно разогнал за ночь державшие осаду тучи, что теперь в небе не виднелось ни облачка. Солнце, словно наверстывая упущенное, стремилось излить на землю потоки злых раскаленных лучей, превращая и без того влажный воздух в трудно вдыхаемый вязкий кисель. Но чем дальше дорога уводила путников от болота, тем суше и раскаленней становилось вокруг, а воздух напитывался испарениями перегретого асфальта и подвяленной на солнце полыни.

Отсыревшие за прошлые сутки ботинки теперь стремительно высыхали, став жесткими, будто какой-то шутник решил оклеить их изнутри наждачной бумагой. Иленка почувствовала, что поджившие за несколько дней ступни вновь начинают саднить. Помучившись с пару минут, заклинательница плюнула на приличия, разулась, закинула ботинки на плечо и пошлепала босиком, наслаждаясь исходящим от камней теплом. Фроська, щурясь на солнце, облюбовала второе плечо девушки, цепко держась коготками за ткань.

– Мы что, собираемся идти не останавливаясь до самого Белгродно? – спустя несколько минут вяло поинтересовалась Иленка, утерев пот, градом катившийся по лицу.

– Хотелось бы, – буркнул Шири, – но, боюсь, ни ты, ни наш помеченный друг не обладаете необходимой выносливостью для поддержания заданного темпа… Да и кошку жалко.

– За следующим поворотом, если мне не изменяет память, должно показаться какое-то поселение, – откликнулась Арьята. – Передохнем там немного и двинемся дальше.

– Дальше нам двинуться уже некуда, – хмыкнул Поводырь, – скептически окидывая взглядом растрепанную грязную компанию. – Мы и так напоминаем кучку юродивых в период полнолуния…

Поселение, внезапно вынырнувшее из-за очередного поворота, называлось Чертов разъезд, о чем свидетельствовал столб с шильдой, указующим перстом торчавший из куста шиповника у дороги. А приколоченная под шильдой безвкусно размалеванная доска оповещала усталых путников о том, что имеется при Чертовом разъезде и «заведение корчемное и питейное», и кузня, и даже своя собственная ведьма для мелких

нужд, каких, не уточнялось. Решив, что и ведьма, и кузня им без надобности, Арьята повела спутников к приветливо распахнутым дверям корчмы.

В отличие от Ништявы с тамошним заведением, местная корчма и лепившиеся вокруг нее домишки выглядели куда опрятнее. Из полутемного нутра здешнего шинка тянуло прохладой. Земляной пол оказался посыпан зернистым охристо-рыжим песком. Хозяин, плотненький, лысоватый человечек с круглой, аки блин, физиономией, брезгливо воззрился на ввалившихся в его заведение замурзанных оборванцев. Вошедшие более всего напоминали остатки нарвавшейся на стражу разбойной банды. От «банды» изрядно попахивало болотом. Правда, заметив у самой младшей за спиной гитару, взгляд корчмаря обрел толику гостеприимности. Но даже лучившейся дружелюбием Арьятиной физиономии было недостаточно, чтобы кардинально изменить первое впечатление в лучшую сторону.

Усевшись за дальний стол, четверка долго шушукалась, звеня немногочисленными гривенками. В конце концов оборванные посетители определились, сделали нехитрый заказ и вернулись к тихому разговору.

– Чего это за тип сегодня привязался к нам в развалинах? – задал Эдан давно мучивший его вопрос. – И кто такие Столпы Стихии?..

– Думаю, более правильно было бы назвать их богами, – откликнулась Арьята. – По крайней мере, до прихода новой веры люди воспринимали их именно так.

– По-моему, это ересь! – буркнул Эдан, которому с младых ногтей вдалбливали в голову постулаты христианства.

– Я не о теософии, а о реальном положении вещей. Религии возникают и исчезают, а реальность остается. От того, что ты убедишь себя, будто у Иленки на плече нет никакой кошки, Фроська существовать не перестанет, – пожала плечами Смерть. – Этот мир зиждется на четырех первостихиях, а Столпы присматривают за ними.

– А этот тип?

– Часовщик? Он присматривает за временем. Следит, чтобы все шло своим чередом: день сменялся ночью, лето – осенью… Но он почему-то возомнил себя властным над жизнью и смертью. И тщетно пытается отъесть кусок, который ему не по силам прожевать. Ибо даже мне эта власть не дана.

Иленка с Эданом изумленно воззрились на Арьяту. Как это не дана? А что же в таком случае делает Смерть? Девчонка усмехнулась, заметив невысказанный вопрос.

– Я не могу отнять чью-то жизнь, равно как и вернуть. Просто

слежу, чтобы никто не вмешивался в естественный процесс существования, исправляю ошибки и щелкаю по носу всяких зарвавшихся личностей. Потуги же Часовщика просто жалки, но иногда он выводит меня из себя. Самым удачным его ходом стало создание некромантии – магии противоестественной и расшатывающей равновесие мира. Но с некромантами можно полюбовно договориться. Все-таки они ребята неглупые, понимают, что рано или поздно им придется иметь дело лично со мной… К тому же иногда их знания очень полезно использовать для исправления некоторых моих недосмотров. А с Часовщиком договориться нельзя, – вздохнула менестрель. – Он тщетно пытается подчинить меня себе, и это смешно…

– Почему? – не удержалась от вопроса Иленка.

– Потому что однажды я приду и за ним, – пожала плечами Арьята. – Все в этом мире имеет начало и конец. Что-то создается, а что-то разрушается. Правда, в последнее время почему-то разрушается больше… И Столпы в этом правиле не исключение. Но когда придет время Часовщика, я не знаю, поэтому приходится мириться с тем, что есть.

– Он опасен?

– О да, а еще упрям, тщеславен и не слишком разборчив в методах достижения целей.

– Слушай, daeni, – подал голос Поводырь, – а он не мог запутать жизнь Эдана на его брата, или как там между ними случилось?..

Арьята рассеянно кивнула. Да, Гадес вполне мог осуществить такую мерзость. Только вот зачем это ему? Смерть задумалась, сцепив руки перед лицом и глядя поверх скрещенных пальцев на Эдана. Тот, нахохлившись, привалился к стене, зябко обхватив себя руками.

– Я только одного не пойму, – задумчиво протянула менестрелька, – на кой ляд ты ему сдался, болезный? Ты уж прости меня, Эдан, но более заурядного человека я еще не встречала.

– А вдруг его ждут великие свершения? – иронично хмыкнула Иленка. – И он повергнет в прах само время? Давайте, когда придем в Белгродно, я отведу вас к прорицателю. Он посмотрит в свой мутный хрустальный шар, помешает в курильнице сушеной кроличьей лапой и прозрит корень всех наших зол.

– Не ерничай, – шикнул на заклинательницу Поводырь, моля всех известных ему богов, чтобы менестрель ни о чем не вспомнила…

– Прорицатель… – Арьята посмаковала это слово, будто прикидывая, какой стороной вкуснее положить его на язык. –

Хм… Вот уж память девичья, коя склерозом зовется… Так, сидите тут, а мне нужно кое с кем переговорить, – закончила она.

– Как, прямо сейчас? – ужаснулся Шири, поняв, что оправдались его худшие опасения.

– Нет, после еды. Тем более что наш заказ уже несут.

Спустя несколько минут на тарелках не осталось даже крошек. Арьята прошлась к стойке и, о чем-то тихо перемолвившись с хозяином, вернулась к столу с кувшином яблочного сока, призывно похлюпывая содержимым и спрашивая: «Кому плеснуть?» Оказалось, что соком не брезгует никто, хотя Шири заикнулся, будто он не против чего-нибудь покрепче, но под укоризненным взглядом девчонки тоже быстро согласился на сок.

– Так мы еще куда-то зайдем? – осведомилась Иленка, вдруг осознав, как ужасно ей хочется спать. Можно прямо на столе, не утруждаясь поисками одеяла. Сытая Фроська, вальяжно развалившись на столешнице, старательно умывалась.

– Не мы – я, – поправила ее Арьята.

– Почему? – капризно переспросила заклинательница, чувствуя, что голова так и клонится на грудь.

– По кочану, – фыркнула менестрель, наблюдая, как мгновенно расширились зрачки Иленки и девушка уронила голову на руки.

– Ты ее отравила? – в ужасе вытаращился на обмякшую заклинательницу Эдан.

– Усыпила, – поправила Смерть. – И не только ее…

Последним, что успел разглядеть юноша, стали внезапно закружившиеся стены корчмы. Шири продержался дольше всех. По его угасающе-негодующему взгляду Арьята поняла, что по возвращении ее ничего хорошего не ждет. Девушка поднялась из-за стола. Подмешанный в сок порошок действовал не более десяти минут, но ей хватит и этого. Главное, чтобы хозяину не взбрело в голову выйти в зал и подойти к их столику.

Так… где же, где же, где… Ага! Как всегда – ближний левый угол от двери, откуда бы она ни входила. Смерть быстро пересекла зал и растворилась в тенях темного угла.

*…Это место всегда оставалось серым, пыльным и негостеприимным, сколько Арьята его помнила, то есть целую вечность и еще немножко. Серый вулканический песок вперемешку с мелкими кристалликами соли противно хрустел под ногами. Черными жуками тускло поблескивали острые обсидиановые обломки. Темные утесы, пронизанные прожилками кварца, клыками торчали из песка, а где-то вдали размытой массой застыл горный хребет. Воздух был пропитан пылью и пеплом. Здесь даже ночное*

*небо имело какой-то неприятный серый оттенок.*

*Арьята, загребая сандалиями песок, приблизилась к невысокому утесу с плоской вершиной. На идеально ровной, будто под линейку срезанной площадке стоял, сложив крылья, единственный обитатель этого серого пустынного места. Небо за его спиной уже начинало светлеть. Когда-то, целую вечность назад, они были если не друзьями, то верными союзниками. Сын Зари и Слепая Гостья. Хранитель Времени и Смерть. Они одними из первых пришли в этот мир и, пожалуй, лучше всех понимали, что если иссякнет магия, то погибнет и само мироздание. Но если Смерть во время становления Границы предпочла не вмешиваться, то Сын Зари, предвидя грядущие катастрофы, отчаянно пытался помешать разделению мира. Люди надолго запомнили то противостояние Столпов Стихии… Сын Зари был повержен и заточен в личную темницу – серую безжизненную пустыню. Ибо, по мнению остальных Столпов, именно в неё он хотел превратить весь мир. А Слепой Гостье после всего случившегося пришлось спешно подыскивать нового Хранителя Времени. И Арьята оказалась сильно удивлена, когда первый же претендент, молодой часовщик Ильмар Айн, прошел испытание времени.*

*«…Но испытания властью, увы, он не выдержал…» – мрачно подумала девчонка, по щиколотку утопая в сером песке. В том, что Ильмар превратился в Гадеса, имелась и её вина тоже…*

*«…Эх, если бы не то проклятое противостояние… – мрачно думала Арьята. В отличие от Часовщика Сын Зари прекрасно понимал, что брошенная в отлаженный механизм песчинка, несмотря на всю свою малость, рано или поздно заклинит шестеренки, и порядок обратится в хаос.*

*– Просыпайся, Сын Зари, восход уже близко, – окликнула его Смерть.*

*Фигура на скале вздрогнула и уставилась на непрошеную гостью черными глазами без зрачков. Арьяту передернуло.*

*– А-а-а, Ступающая Неслышно… – скрипуче протянул он. Некогда чарующий голос звучал так, будто в несмазанный часовой механизм насыпали песку и попробовали завести. – Что привело тебя в этот раз?*

*– Как всегда: один вопрос – один ответ.*

*– Значит, не за мной, – с некой долей разочарования вздохнул собеседник. – Но я чувствую – однажды ты заберешь меня отсюда. С каждым днем мне все труднее спасаться от солнца, придет время, и крылья откажут – я стану еще одной горсткой серого песка, а сердце куском обсидиана.*

*– Что же, ты стремился к солнцу, ты его получил, – вздохнула Арьята. – Желания имеют свойство сбываться. Правда,*

*иногда не совсем так, как хочется.*

*– …А я бы хотел уйти в покой, света у меня было достаточно…*

*– Хорошо, куда пожелаешь…*

*– Спрашивай же, Предрассветная Гостья, ибо восход близок! – воскликнул обитатель серого мира, еще секунду назад пребывавший в задумчиво-философском настроении.*

*Менестрель мельком взглянула на восток: небо уже начало розоветь. Вот ведь незадача! Да, один вопрос – один ответ, но наводящими фразами можно было выудить из несловоохотливого хозяина побольше информации. А сейчас она уже не успеет.*

*– Зачем богам неудачники? – крикнула Арьята.*

*– Чтобы доказать, что они боги! – донеслось в ответ.*

*В этот момент первый луч пронзил туманный восток, и темнокрылый обитатель серого мира сорвался с места, стремясь сбежать от неумолимого солнца.*

*– Бред какой-то, – пробормотала менестрель себе под нос, устремляясь по вязкому песку к месту появления. Едва она встала на свои следы, как песок в считаные секунды поглотил ее с головой…*

– Ахакх-кха-кх, – закашлялась она, вываливаясь из темного угла на средину зала и пытаясь избавиться от песка, набившегося в нос, рот и волосы. Спутники, кажется, едва-едва пришли в себя и выглядели вялыми и сонными. – Поднимайтесь, идем, – поторопила их девочка.

– Где ты была? – удивленно спросила Иленка, заметив, как Арьята вытряхивает песок из одежды.

– В аду, – буркнула та, – в чудном, маленьком личном аду одной небезынтересной особы…

* * *

Солнце медленно катилось к земле, намереваясь нырнуть за горизонт и уйти на покой, давая измученной жарой природе передохнуть и окунуться в вечернюю прохладу. Иссушенная за день зелень поднимала освеженные ветерком листья. Светлые звездочки маттиол россыпью разлетелись по траве, сладко благоухая на весь сад. Неугомонные обитатели запущенных придомных владений семьи Криэ потихоньку просыпались после дневной спячки и выбирались на свет. Сад постепенно наполнялся хихиканьем, шелестами и шорохами.

Веточка маттиол, небрежно заткнутая в рассыпавшиеся по плечам темные волосы Шайритты, напоминала россыпь созвездия

в ночном небе. Хельги тщетно попытался вспомнить, какого именно. Он не смог отказать себе в удовольствии украсить волосы Шай цветком. И теперь клинок с ним не разговаривала. Маттиолы, однако, не убрала…

Компаньонка демонолога сидела на веранде в широком плетеном кресле, рассеянно поглаживая лоснящуюся шерстку домового, устроившегося у нее на коленях. Нечистик млел под ее тонкими пальцами, позволяя Шайритте не только гладить себя, но и почесывать за ушами, будто кота. Маг невольно позавидовал домовичку. Кто бы вот так его сейчас погладил…

Криэ стоило титанических усилий уговорить Шайритту покинуть комнату и выбраться на воздух. И теперь она сидела в кресле в подвернутых до щиколоток штанах, закутавшись в его рубашку, и босиком. Длинные черные волосы рассыпались по плечам, обрамляя все еще бледное осунувшееся лицо. Хельги пристроился на широких перилах. В расстегнутом вороте, резко выделяясь на фоне светлой рубашки, болтались амулеты. Демонолог подвернул рукава и потуже затянул пряжки проклепанных кожаных наручей. Смахивавшие на варварское украшение, набитые заклинаниями под завязку, они становились мощным оружием, способным упокоить даже высшего демона, не говоря уже о шушере вроде алкхола. Несколько лет назад Хельги сам их создал, убив на это прорву сил, времени и денег – драконья кожа стоила недешево, а в свете того, что вредный ящер оказался тем еще барыгой, торгуясь за сброшенную при линьке шкуру, как крестоносец за щепу из Креста Господня, и вовсе становилась бесценной. Но результат того стоил. Сейчас маг намеревался отправиться в город. Проверив, легко ли выходит палаш из ножен, он спрыгнул в сад.

– Мессир, позвольте мне сопровождать вас, – подалась вперед Шайритта.

– Зачем? Чтобы твои стоны распугали всех демонов на версту вокруг? – иронично заломил бровь Хельги. – Шай, согласись, меч с развороченной гардой и клинком, шатающимся в рукояти, зрелище все-таки жалкое. Поэтому никаких превращений! Отдыхай и набирайся сил. Не думаю, что Иленка похвалит меня, застав тебя в полуобморочном состоянии.

Разразиться очередной ссоре не дала хлопнувшая калитка. По дорожке к дому, выбивая фонтанчики гравия тяжелыми ботинками, стремительно приближался белобрысый парень. Судя по темным камуфляжным штанам и безрукавому тельнику – из отряда Даниэля.

«…Анджей, кажется…» – припомнил Криэ, тщетно пытаясь сориентироваться в мыслях запыхавшегося гостя. Те взболтанно-

мешаной какофонией плескались вокруг визитера, – то ли от долгого бега, то ли парень в принципе так думал. Не сумев уловить ничего конкретного, Хельги плюнул на свое неблагодарное занятие и решил дождаться, пока чистильщик отдышится и выдаст на-гора, зачем явился.

– Мэтр… мэтр… – просипел он, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. – …Кэп отправил… У нас там полная… полная…

– Задница? – учтиво подсказал демонолог.

– Она самая… ф-фу… – Парень уперся руками в колени, восстанавливая дыхание, и наконец-то перестал изображать выловленного из воды карпа.

Хельги задумчиво рассматривал посыльного, перебирая пальцами по рукояти меча. От его дома до пустырища полчаса хорошего ходу. Парень бежал, значит, что бы там ни произошло, случилось это от силы минут пятнадцать назад.

– Мессир, я… – вновь подала голос Шайритта.

– Сиди уже, – раздраженно буркнул маг, раскрывая телепорт и втаскивая посыльного в мерцающий квадрат вслед за собой.

Портал разошелся дымным облачком, оставив в садовых сумерках мерцающий след. Шайритта рванулась вперед, но тут же свалилась обратно в кресло. Ее сил сейчас не хватало даже на то чтобы держаться на ногах. Веточка маттиол упала на подлокотник. Клинок устало закрыла лицо руками и откинулась на широкую плетеную спинку. Плечи женщины едва заметно подрагивали. Домовой, скатившийся на пол, тихонько ворча себе под нос, забрался обратно на колени к Шай и успокаивающе потерся боком о руку клинка. Несколько феечек, влетев на веранду, закружились вокруг плетеного кресла, зазвенели серебристыми колокольчиками тонкие голоса:

Одиночество на вечер,
Грусть наброшена на плечи
Кисеей…
Зажигая души-свечи,
Ночь на счастье звезды мечет
Нам с тобой.
Знай, любви преграда – гордость,
Страх и глупый долг всему
Виной…
Расставанье ненадолго,
И сойдутся вновь дороги
Под луной.

Покружившись еще немного, феечки подхватили выпавший из волос Шайритты цветок, вернули его на место и, звонко смеясь, выпорхнули обратно в сад…

Телепорт вытолкнул мага и его спутника в квартале от храмового пустырища. Город встретил их духотой и неприятной тишиной, окутавшей улицы ватным одеялом.

– Это ведь домовой у нее на коленях сидел, да? – запоздало спросил чистильщик, обалдело тряся головой, когда их выкинуло посреди улицы.

– Да, – кивнул Хельги, удивленный тем, что в кои-то веки внимания удостоился его домашний нечистик, а не Шайритта.

– Ага, кэп говорил, но я не очень-то верил… Они же вымирающий вид…

– Угу… – рассеянно согласился Криэ, быстро шагая к пустырищу.

Свернув за угол, демонолог едва не налетел на дозорного. Кивнув стражнику, он направился к пустырю. Хельги хватило беглого взгляда, чтобы понять: охранная печать взломана. Красное марево, заполнявшее магический купол, с его исчезновением развеялось в воздухе. Но пугало Криэ не это. Марево являлось лишь остаточным явлением, предупреждающей об опасности иллюзией. Сейчас храмовое пустырище выглядело куда более зловещим, теряясь в прозрачных летних сумерках. На брусчатке виднелись глубокие царапины. Даниэль, ожесточенно жестикулируя, старался что-то втолковать перепуганному капитану городской стражи. Тот, сжавшись в комок, пытался возражать, но как-то неубедительно.

Двое лекарей возились над несколькими ранеными, среди которых выделялись пара стражников и какие-то типы в темных хламидах. Еще двоих, относительно не пострадавших участников взлома, караулил Збышко. Этих демонолог, к своему удивлению, узнал: дети довольно высокопоставленных жителей города.

Оборотень, прекратив наседать на начальника стражи, заметил Криэ и направился к нему.

– Что произошло? – осведомился маг.

– Эти… – капитан чистильщиков так и не смог подобрать нужного определения и просто указал на великовозрастных дураков, – вскрыли печать. Алкхол увидел брешь и ринулся на свободу. Едва успели этих умников оттащить.

– Ну и зря, – сухо откликнулся Хельги. – Так он хотя бы насытился и, возможно, вообще не пошел в город. А сейчас он зол, голоден и жаждет крови, – демонолог перевел взгляд на виновников происшедшего.

– Молодые люди, с чего вы решили, будто магия – это

игрушка? Тем более чужая магия. – Криэ не сомневался, что горе-взломщиков приложило именно его охранными чарами, на таких вот типусов ставленными. Дабы больше неповадно было.

Взломщики молчали.

– Мы пытались остановить алкхола, – продолжил оборотень, – но, как видите, не преуспели. Я отправил троих ребят проследить за ним, но толку от этого чуть. Связь по вашу сторону Карпат работает через пень-колоду… Да и вообще вся электроника из строя выходит.

Выслушивая Даниэля, демонолог сосредоточенно шарил в карманах куртки. Спустя несколько секунд его изыскания увенчались успехом – из недр верхней одежды был извлечен гладкий молочно-белый камешек. Криэ потер его пальцем и подбросил в воздух. Камешек с тихим гудением повис у него перед лицом. Оборотень с некой долей любопытства наблюдал за манипуляциями Хельги, пытаясь понять, что все это значит и какая им перепадет выгода от гудящего минерала.

– Не стоит беспокоиться, – соизволил подать голос демонолог. – Я найду нашего беглеца и без связи с вашими людьми. Ищи! – приказал он камешку. Тот, дернувшись в воздухе, стремительно поплыл вверх по улице. Криэ поспешил за ним. Даниэль, несколько секунд соображавший, зачем, почему и к чему, увидел, что Хельги уже достаточно далеко, и кинулся догонять…

* * *

Предместья Белгродно, местами изрядно обшарпанные, а местами кичливо вычурные, остались за спиной, когда солнцу надоело с неспешной вальяжностью спускаться с небес и оно стремительно скатилось за горизонт. Пыльные кусты сирени живыми изгородями тянулись вдоль улицы, изредка перемежаясь жасмином, шиповником и чахлыми чайными розами. Всюду наблюдалась некая неявная запущенность: глянешь – вроде все нормально, начинаешь присматриваться – и вся грязь вылезает наружу. Там штукатурка облупилась, там крыльцо просело, а вон там стекла бы вставить не помешало… Пускание пыли благополучия в глаза не слишком внимательным гостям простотаки кричало о бывших хозяевах города – людях. И как ни пыталось воцарившееся здесь смешанное население избавиться от копившейся столетиями плесени, им это не удалось. Плюнули, подмарафетили, подобно прежним хозяевам, фасады, а середку так и оставили трухляветь потихоньку, в надежде, что, когда все

рухнет, можно будет с чистой совестью возродить город на свой вкус.

В воздухе пахло пылью и, на удивление, отсутствовал характерный для подобных мест запах помоев. Уж что-что, а канализацию нынешнее местное население отладило хорошо.

– Долго еще? – не выдержал Эдан, когда они изрядно углубились в лабиринты белгродненских улиц, кое-где мощенных булыжником, кое-где крытых растрескавшимся асфальтом, а кое-где вообще грунтовых, с глубокими разбитыми колеями от колес и грязными лужами.

– Долго, – уныло откликнулась усталая заклинательница. От Чертова разъезда девушка брела босиком, закинув связанные шнурками ботинки на плечо. На втором плече, исполняя роль впередсмотрящего, гордо восседала Фроська, время от времени щекоча усами щеку Иленки. – На другой конец города и чуть дальше.

– Может, заночуем на постоялом дворе? – спросила Арьята, просовывая ладони под широкие лямки чехла. Плечи затекли, и менестрельке не терпелось избавиться от ноши. Причем чем скорее, тем лучше.

– Нет! – отрезала Иленка. – Вы как хотите, но я сегодня намерена ночевать в собственной постели с подушкой и домовичком под боком, а не в очередном клоповнике, вповалку с вами!

– У тебя есть домовой? – удивленно воскликнул Эдан.

– Они здесь почти у всех есть, – пожала плечами заклинательница.

– У нас тоже был, но отец его выжил, – грустно откликнулся юноша. – А мне он нравился. Такой забавный…

– Твой отец выгнал домового? – изумилась девушка. По мнению заклинательницы, большей глупости, чем выгнать Хозяина, сотворить уже невозможно. Ну, разве что вместо него злыдней[22] пригласить…

Ответить Эдан не успел. Его опередил Шири, уже несколько секунд прислушивающийся к подозрительно тихим сумеркам. Эта бутафорская тишина ему не нравилась.

– Что там за странный звук? – спросил он.

Иленка прислушалась и неопределенно пожала плечами. Фроська, не ожидавшая такого коварства со стороны хозяйки, едва не сверзилась вниз и с недовольным фырканьем впилась коготками в плечо девушки.

– …! – зашипела от неожиданности заклинательница, отдирая кошку от плеча.

А прорезавший тишину звук и в самом деле оказался

странным, как будто кто-то нацепил на ноги альпинистские крючья и решил сплясать джигу на брусчатке. Противный звук нарастал, все приближаясь и приближаясь. И тут из сгустившихся теней ближайшей подворотни на улицу вылетел…

– Алкхол! – взвизгнула Иленка.

Тварь кинулась в их сторону. Поводырь шагнул вперед, закрывая собой заклинательницу и Арьяту. Тускло блеснул выдернутый из ножен меч. Фроська с воинственным мявом попыталась вывернуться из рук хозяйки. Следом за алкхолом из подворотни вылетел мерцающий клубок, на ходу развернувшийся диковинным цветком-паутиной. Выпроставшиеся нити впились в тело демона, странный цветок расплескался по спине, оплетая жертву светящимся коконом. Тварь взвыла, рухнула на землю, конвульсивно дернулась и затихла.

Из темноты сводчатой арки выскользнули двое мужчин и поспешно приблизились к поверженному демону.

– Готов, – довольно констатировал, тот, что пониже. Второй, повыше и с неестественно фосфоресцирующими глазами, заметил ошеломленную компанию, застывшую столбом в каком-то десятке метров от них.

Шири, подозрительно рассматривавший незнакомцев, не спешил вкладывать меч в ножны. Здраво полагая, что нормальным людям так сверкать глазами не положено.

– Эй, все в порядке? Никого не задело? – окликнул пришлецов Даниэль.

Хельги, закончив осмотр монстра, перевел взгляд на ошеломленную компанию.

– Илька? – удивленно-обрадованно воскликнул он, разглядев, кто стоит за спиной одноглазого мечника.

– Папа! – Девушка оттолкнула Поводыря и кинулась к демонологу.

Поводырь Смерти медленно вложил клинок в ножны.

– Ну, вот и все, – разочарованно пробормотал он, машинально потирая грудь.

Арьята тихонько вздохнула. В противовес Шири ее терзало нехорошее предчувствие, что их настоящие проблемы только начинаются…

# Глава 5

Утро началось с жуткого хриплого кашля, сотрясшего стены и разбудившего Шири, который спал на кушетке в одной комнате с Эданом. Действие лечебного амулета истекло, и последствия купания в трясине обрушились на юношу полной мерой. Вчера вечером, после столь трогательного воссоединения семьи и последующих расспросов, Хельги любезно предложил товарищам дочери остаться на ночь у него.

Переполошенные громким надрывным кашлем, разносившимся по дому, обитатели особняка Криэ поспешно собрались в комнате Эдана.

– Простуда и болотная лихорадка, – констатировал хозяин дома, бегло осмотрев юношу, но за лекарем в город все-таки послал.

Арьята озабоченно терла подбородок. Все опять пошло наперекосяк – она-то предполагала отправиться в путь сегодня утром. Оставаться в доме демонолога было опасно. Смерти не хотелось навлекать неприятности на семью Криэ, ведь Часовщик наверняка догадался, куда они направляются, и ему не составит труда привести в Белгродно старшего Тарницу и его людей. А у демонолога и без того проблем хватает. Эх, нужно было не соглашаться на вчерашнее приглашение, а остановиться на постоялом дворе. Н-да, оказывается, не только к людям хорошая мысля приходит опосля…

Поводырь стоял, скрестив руки на груди, опершись на подоконник. Менестрель видела, что верного товарища так и подмывает сказать какую-нибудь ехидную гадость в адрес расхворавшегося Эдана, но он сдерживается.

Пришел лекарь, долго возился с осмотром, просил то покашлять, то не дышать. Похмыкал, повздыхал и подтвердил диагноз, озвученный ранее демонологом. Составил длиннющий рецепт, стребовал четыре гривенка за спешный вызов без предварительной записи и заявил, что больному в ближайшие пару дней необходим полный покой.

Менестрель отозвала Шири в дальний угол комнаты.

– Чего делать станем? – спросила она.

Верный Поводырь пожал плечами.

– Не знаю, daeni, может, бросим его к шайтану, пусть Часовщик забирает…

– Ну да. Часовщик явится сюда вместе с бароном, а тот устроит здесь побоище… Или ты думаешь, будто этот мерзавец пожалеет хозяев, давших Эдану приют? Представь, что Иленку и

Хельги…

Шири мучительно поморщился.

– Будь трижды неладен этот сопляк! – прошипел он.

– Шири, смирись, мы не можем его бросить, – вздохнула Арьята.

– Тогда забираем и уходим. Поживем на постоялом дворе. Нельзя же так нагло пользоваться гостеприимством мэтра Криэ. Тем более и я произвел на него далеко не самое благоприятное впечатление.

– О да, он заметил, что Иленка тебе небезразлична, – многозначительно протянула менестрель. – Кстати, он тоже телепат и в отличие от дочери прекрасно тебя «слышит».

– Ну, спасибо, – проворчал Шири, – ты не могла об этом раньше предупредить?

– Зачем? – недоумевающе уставилась на него Арьята. – Он отец Иленки, имеет право знать, кто ухлестывает за его дочерью.

Поводырь яростно засопел, намереваясь дать достойную отповедь своей ведомой. Но тут их камерную беседу внезапно прервали.

– Кхм, – вежливо кашлянул Хельги, привлекая к себе внимание. – Извините, что прерываю, но раз уж с вашим товарищем произошла такая неприятность…

– …Шайтан лысый ему товарищ… – себе под нос проворчал Шири и тут же прикусил язык от чувствительного тычка под ребра. Пальчики Арьяты, даром что тонкие, от постоянного бренчания на гитаре обрели просто-таки стальную твердость.

– …хм, вы можете оставаться в моем доме столько, сколько потребуется, – закончил маг, сделав вид, будто не заметил маленького разногласия между Поводырем и Смертью.

Менестрель попыталась возразить, дескать, они и так злоупотребили гостеприимством почтенного мэтра. Но Криэ поспешил уверить девушку в том, что он ничуть не стеснен, и засим вышел из комнаты, сославшись на срочные дела. Арьята только порадовалась уходу демонолога. Последние несколько минут настырный телепат тщетно пытался разузнать о своей рыжеволосой гостье побольше. Смерти пришлось приложить максимум усилий, дабы не начать тереть зудящий лоб и не пустить любопытного мага дальше, чем нужно. Хватит с нее того, что Иленка в первый день знакомства перетряхнула ее сознание вверх дном.

Хельги притворил за собой двери и направился в библиотеку, на ходу потирая ломящие виски. Начиная со вчерашнего вечера он несколько раз пытался покопаться в мыслях своих случайных гостей. То немногое, что ему удалось выведать, мага изрядно

озадачило. Девочка-менестрель позволила «читать» себя лишь отчасти. Как только демонолог попытался копнуть глубже, наткнулся на достаточно мощный, нет, не блок, а скорее нежелание пускать наглеца дальше. «Пошутили, и хватит», – как будто говорила хозяйка мыслей, медленно, но верно выталкивая телепата из своего сознания. Сумбур, царящий в голове заболевшего юноши, оставил у Хельги неуемное желание сунуть голову под кран с холодной водой и долго-долго мыться. А разбойной наружности субъект, тенью следовавший за менестрелькой, заставил Криэ окунуться в жуткую мешанину из прошлого и настоящего. Из очень далекого прошлого… Нормальные люди столько не живут, но, похоже, считаться причисленным к категории нормальных, а тем более людей, одноглазому мечнику не грозило. Еще Хельги значительно обеспокоило то, что часть мыслей светловолосого спутника менестрельки касалась Иленки. Так, ничего конкретного, неясные, не оформившиеся образы, к тому же тщательно подавляемые, но все же… Попытки прояснить ситуацию у самой Ильки тоже ни к чему не привели.

– Пап, ну откуда я знаю, что он обо мне думает?! – отмахнулась блудная дочь. – Я его вообще «читать» не могу…

«…я его вообще «читать» не могу», – повторил про себя демонолог.

– Вот это-то мне и не нравится… – пробормотал Хельги себе под нос, проходя в кабинет.

Ладно, отложим все ментальные загадки прибывших в дом гостей на потом… А сейчас нужно изучить привезенные Иленкой документы и покончить, наконец, с осточертевшим пустырем!

* * *

Пыльный, заросший по обочинам чахлой полынью тракт терялся в раскаленном мареве. Вдалеке темной массой маячила придорожная корчма, норовившая расплыться в дрожащем перегретом воздухе в странную кляксу.

Конь Гадеса неспешно трусил по пыльной колдобистой дороге, приближая своего угрюмого хозяина к питейному заведению, в котором дожидался его досточтимый барон Тарница. День едва-едва перевалил за половину, уже раскалившись не хуже кузнечного горна. Где-то там, в приграньe ждал его скальный чертог, где в полу-тьме и прохладе отмеряли время многочисленные часы. Гадес утер пот со лба, с наслаждением вспоминая о сумрачных скалах. Его раздражала

грядущая неопределенность, ибо ненавистная корчма оказалась построена в «белом пятне» – абсолютно закрытой для телепортации зоне. Вдобавок последнюю пару верст до заведения Часовщику пришлось ехать верхом, а он терпеть не мог животных…

Стоило Часовщику очутиться на дороге, как его обогнал всадник в цветах дома Тарницы. Обогнал, впрочем, ненамного. В следующий момент лошадь споткнулась и встала. Всаднику пришлось спешиться. Осматривая переднее копыто, он тихо ругался.

– Куда спешишь, человече? – насмешливо спросил Гадес, поравнявшись с ним.

Человек поднял голову и кивнул в знак приветствия. Напряженное лицо всадника разгладилось. Часовщик понял, что его узнали. Он вообще не делал тайны из своих визитов к барону. Но сам Гадес этого парня не помнил. В отряде при отъезде его не было. Значит, кто-то из оставшихся дома.

– Да я к хозяину с новостями.

– С добрыми или с худыми? – усмехнулся Гадес, спешиваясь.

– С добрыми, – парень выпрямился и перехватил коня под уздцы. – Сын его светлости, милсдарь Кристоф, очнулись, на поправку идут…

– …Да уж, с добрыми… – прошипел Часовщик, оттаскивая тело вестового в густую придорожную траву на обочине. Затем вернулся на дорогу и, сорвав с упряжи отличительные знаки, напутственно хлопнул коня по крупу, направляя животное в сторону Ништявы. Кто-нибудь да подберет.

Своим невольным вмешательством Смерть спутала Гадесу все карты. Он в ярости скрежетнул зубами. Забравшись в седло, Часовщик уверенно направил коня в сторону корчмы, размышляя о том, как полезно иногда приходить раньше срока…

Черный жеребец Гадеса въехал под навес коновязи во дворе корчмы. Обливаясь потом и проклиная того, кто придумал солнце, Часовщик был только рад очутиться под крышей придорожного заведения, несмотря на то, что подобные места всегда вызывали у него отвращение. Внутри корчмы царили мрак и прохлада. Откуда-то тянуло прокисшей капустой и дрянным пивом. Корчмарь забился в самый дальний конец стойки и нервно протирал кружки, косясь на расположившихся в зале людей барона. Едва прибыв в корчму, Тарница набросился на хозяина, требуя сказать, как давно останавливались у него четверо путников, один из которых был рыж, а второй – одноглаз. Перепуганный хозяин клялся и божился, что за последние несколько дней в его заведении не обреталось ни рыжих, ни

одноглазых. Одноногий заглядывал (если господин пожелает, то сможет его догнать, ибо тот ушел перед их приездом). А одноглазых – не попадалось, хоть убейте!

– Друг мой, ну почему у вас такой дурной вкус? – вместо приветствия упрекнул Тарницу Гадес. – С каждым разом места наших встреч становятся все пошлей и гаже. Уж лучше бы я догнал вас в чистом поле, чем в очередном придорожном свинарнике.

– Людям нужен отдых, а лошадям корм, – огрызнулся его светлость, с отвращением глядя на содержимое своей тарелки. Он бы предпочел не вылезать из седла, пока не настигнет беглецов, но остальные, в особенности носители седел, придерживались слегка иного мнения.

Гадес опустился на пустующий стул и хозяйски подвинул к себе кружку барона, но, едва понюхав содержимое, с брезгливой гримасой выплеснул оное на пол.

– Ну и дрянь же вы пьете, друг мой.

– Что вам удалось выяснить? – прервал компаньона барон, решив – хватит с него упреков в дурновкусии.

– Они опережают нас на два дня, – ответил Гадес. – Насколько мне известно, вчера вечером они прибыли в Белгродно.

– Проклятье! – разъяренно вскричал барон, швыряя глиняную кружку об пол. Черепки брызнули во все стороны, а корчмарь испуганно присел за стойкой.

– Успокойтесь, друг мой, и перестаньте пугать ни в чем не повинных людей, – одернул его Часовщик. – За два дня они никуда не денутся. Вопрос в другом: вы готовы заплатить за Эдана? – после стычки в развалинах Хранитель времени вспомнил о единственном возможном разрешении ситуации – добровольном выкупе. Вот только согласится ли на это барон?

– Кому заплатить? Вам? Вы рехнулись, Гадес! Перегрелись на солнце, не иначе! Оно нынче жарит, словно в преисподней!

– О нет, не мне, а тем, кто помогает вашему сыну, – гаденько ухмыльнулся Часовщик.

– Я не собираюсь платить за того, кто и так принадлежит мне!

– Придется, друг мой. Ваш младший сын оказался не то чрезмерно глуп, не то слишком умен… Однако я не совсем правильно задал вопрос. Во что вы оцениваете жизнь старшего сына? Это и станет платой за младшего.

– Нет, вы точно перегрелись! – вспылил барон. – Едва я настигну их, этим непрошеным… помощникам воздастся полной мерой!

– Вот это вряд ли, – покачал головой Гадес. – Я ведь уже говорил вам, что менестрель и ее товарищ не совсем обычные, гм, люди. Поэтому повторяю вопрос: во сколько вы оцениваете жизнь старшего сына?

Тарница в мрачной задумчивости теребил пуговицу у ворота рубахи.

– Любая цена, которую они потребуют, будет удовлетворена, – наконец произнес он.

– Что же, на такой ответ я и рассчитывал, – довольно откликнулся Гадес.

* * *

Старый запущенный сад, погруженный в послеполуденную томную дрему, навевал сон. Жаркий, напоенный ароматами трав и цветов воздух горячим киселем тек меж кряжистых деревьев и отродясь не стриженных кустов. Дикий виноград, оплетавший торец веранды, поблескивал на солнце изумрудными листьями с красными прожилками, те, повинуясь едва заметному ветерку, чуть шевелились, и шевелилась вместе с ними рвано-зубчатая тень на полу, более всего напоминавшая произведение безумной кружевницы. И мысли от всего этого тоже становились ленивыми и тягучими. Арьята, поддавшись томному очарованию сада, сидела на широких перилах, прячась в скудной виноградной тени, и неспешно перебирала струны, напевая вполголоса.

Погаснет свет, исчезнет наша тень,
И ночь накинет бархат покрывала.
Ведь темнота стирает этот день,
Оставив нам не много и не мало.
Погаснет свет, останется луна,
Что гонит сон, в душе тревогу будит.
Застынет в небе каплей янтаря,
Она молчит, не выдаст, не осудит.

Менестрель и сама не знала, почему начала напевать именно эту, совершенно не вяжущуюся с ясным днем песню. Такое полагалось петь при луне или в полумраке вечерней комнаты, но никак не посреди жары в разгар последнего июльского дня. Слова сами собой пришли на ум, стоило Арьяте пробежаться по струнам. Смерть уже давно привыкла, что ничего не происходит просто так.

И в темноте мы грезим, мы летим.
Луч света за собой уводит в даль…
Мы чувствуем, что многого хотим.
Хотелось большего. Но не дано, а жаль.
Погаснет свет, но не исчезнет звук,
Слова и строчки сложатся в ответ.
Останется пожатье наших рук…
Все будет так. Когда погаснет свет.

И можно попробовать сослаться на приступ божественного вдохновения, как случилось тогда в «Золотой Суме». Но… Это была не ее песня. Много столетий назад Арьята услышала ее от своего верного Поводыря. Она и оказалась той самой судьбоносной случайностью, когда выяснилось, что Шири умеет не только мечом махать. А все произошло так…

…За окнами какого-то трактира лил промозглый осенний дождь. Шири, надравшись по поводу очередной годовщины их длительного знакомства, умудрился распугать и повышвыривать из заведения почти весь народ. Те немногие, кто остался, затравленно косились на расхристанного Поводыря, мрачно смотревшего покрасневшими глазами в опустевшую кружку. Бутыль девчонка у него отобрала. Менестрель укоряюще глядела на Шири и едва не плакала от бессилия. Каждый год одно и то же! Каждый год в этот день начинал лить промозглый дождь. Каждый год в этот день Поводырь куда-то исчезал на несколько часов и возвращался вдребезги пьяным, растрепанным, страшным. Сегодня вот концерт сорвал. Ворвался посреди выступления, устроил пьяную драку.

Арьята тяжело вздохнула. Уговаривать и успокаивать не имело смысла: все аргументы она исчерпала еще пару веков назад. Поводырь тяжелым больным взглядом окинул трактир, задержался на Смерти. Менестрель в отчаянии смотрела на друга. Вдруг что-то вспомнив, одноглазый без спросу забрал Арьятин инструмент, исполнил незамысловатый проигрыш и… запел. Ту самую песню о гаснущем свете. Было немного дико слышать из уст полупьяного растрепанного Шири столь мелодичную балладу. Глухой хрипловатый голос завораживал…

…В тот вечер, несмотря на скудность публики и предшествовавший разгром, они заработали вдвое больше обычного. Но как ни упрашивала его после Арьята, Шири долго отказывался даже притрагиваться к гитаре.

– Интересно, а мэтр знает, кому он оказал гостеприимство? – раздалось над ухом Смерти, едва отзвучали последние ноты.

Голос оказался поразительно ей знаком, но этого просто не могло быть! Девчонка резко обернулась и едва не сверзилась с перил на капитана чистильщиков. Да, голос она, безусловно, знала, но много лет назад к этому голосу прилагалась совсем иная плоть. Хотя некоторая схожесть наличествовала. Пожалуй, если бы не желтые волчьи глаза, и шрам через все лицо добавить… Да, несомненно, они похожи…

– Голос у тебя от отца, а глаза, полагаю, от матери? – криво усмехнулась Арьята.

Оборотень рассмеялся.

– Я почуял, кто ты, еще в городе, – продолжил он, отсмеявшись. – Ты точь-в-точь такая, как рассказывал отец: рыжая девчонка с поразительно наивными глазами и с гитарой. Да и девятиструнка – большая редкость…

– Наивные глаза… Вот как? – вскинула бровь менестрель.

– Как для Смерти, так слишком наивные… – со смешком ответил Даниэль. – Но ты не ответила: мэтр знает, кто ты?

– Меньше знает, лучше спит.

– Он телепат.

– Знаю, – фыркнула Арьята, – но дальше, чем нужно, я его не пустила. А тебя попрошу помалкивать. Не люблю лишней огласки.

– Слушаюсь, госпожа, – шутовски поклонившись, ответил чистильщик.

Смерть спрыгнула на веранду и, перехватив гитару за гриф, направилась в дом, обернувшись уже на пороге, невинно обронила:

– Вернешься домой, родителям привет передавай от меня.

– Они будут в восторге, – поморщился Даниэль. История знакомства его родителей стала чуть ли не семейной легендой, и взбалмошная рыжая менестрелька сыграла в ней далеко не последнюю роль, фактически столкнув лбами своего бывшего поводыря и отчаявшуюся оборотничку-скальда и подарив им последний шанс на двоих.

– Не сомневаюсь, – хихикнула менестрель, исчезая в доме. Она тоже прекрасно помнила историю, благодаря которой оружейник специального отдела при единой всеблагой матери-церкви Виктор Кипелов познакомился с оборотничкой Радиславой[23].

Оборотень задумчиво теребил виноградную плеть, рассеянно скользя взглядом по саду. Эта песня предназначалась не ему, Даниэль был уверен. Родившись в семье скальда, он изрядно поднаторел в подобных штуках, чтобы отличать *послания* от обычных баллад. Капитан чистильщиков провел рукой по

волосам, переплетая растрепанный хвост, и решительно поднялся на веранду, проследовав мимо недовольно сопящего Нюши в кабинет Криэ.

На письменном столе, близстоящих креслах, книжных полках и даже на подоконнике царил страшный бардак. Придавленные книгами, пресс-папье, чернильницами и горшком с геранью кипы пергаментов, бумаг и мелких блокнотных листков, исписанных корявым убористым почерком, покрывали едва ли не половину свободного и не очень пространства. На обтянутой зеленым сукном столешнице, перекрывая друг друга, словно неряшливо набросанный слоеный пирог, были разложены изрядно потрепанные планы зданий. Над планами, голова к голове, хищно кружили почтенный мастер-демонолог и Поводырь Смерти. Последнего вообще-то к обсуждению и расшифровке никто не приглашал. Он забрел в библиотеку случайно, а заметив, чем занят маг, высказал несколько ехидных, но весьма ценных замечаний, за что был тут же припряжен Хельги к разбору бумаг. Посреди слоеного пирога из пожелтевших листов стояли две керамические кружки, от которых по комнате разносился аромат свежезаваренного кофе. Шири, с бутербродом в руке, что-то бормоча себе под нос, разглядывал левый угол плана. Криэ скептически за ним наблюдал: интересно, что сможет высмотреть этот одноглазый выскочка, если он, мастер-демонолог со стажем, ничего не нашел. Выдворить наглого Поводыря из библиотеки Хельги мешала врожденная вежливость. Поэтому они сейчас и кружили над планами вместе, словно два бойцовых петуха перед дракой.

Именно такую картину застал Даниэль, войдя в комнату. Оборотень заинтересованно повел носом.

– О, кофеек… – вместо приветствия произнес он, промаршировав к столу и цапнув одну из двух кружек.

– Не ваш, смею заметить, – ехидно откликнулся хозяин дома, в который раз поражаясь галантной наглости Даниэля.

– Ну, так и не ваш же, – фыркнул капитан чистильщиков. – А гость ничего против не имеет.

Шири, кажется, было все равно, кто сейчас допивает его кофе. Поводырь, меланхолично покусывая бутерброд, рассматривал участок плана и хмурился.

– Чем порадуете, мэтр? – спросил Даниэль, допив кофе и с алчными искорками во взгляде косясь на сиротливо лежащий в тарелке недоеденный бутерброд. Криэ поспешно забрал незамысловатое кушанье. Оборотень тихонько вздохнул, одарив демонолога скорбным взглядом.

– Я нашел причину всех наших злоключений. В подвалах под

пустырем, – ответил Хельги, неспешно жуя. – Умели раньше люди выбирать место под храмы… Этот, например, стоял на природном энергетическом источнике. Люди годами лили в него свою скорбь, злобу, зависть, или от чего там еще очищают на исповеди? А в итоге мы получили…

– Отравленный колодец, – закончил за него Шири, оторвавшись от созерцания плана.

Криэ нахмурился, но кивнул, подтверждая слова Поводыря.

– …правильно. Чары цвергов вызвали резонанс, произошел выброс энергии, перекосивший реальность и пробивший дыру в Нижний мир.

– Уничтожить источник нельзя?

– Отчего же, можно. Но это будет сравнимо с попыткой выпить море, – качнул головой демонолог. – Город уже не одно столетие живет на этой бомбе замедленного действия, и ничего. Я просто запечатаю все насколько возможно и посоветую оставить пустырь в покое. – Несмотря на бодрый тон, маг весьма слабо представлял план действий. Легко сказать – запечатаю. Для этого нужно определить точное местонахождение источника под храмом. Но как демонолог ни бился, найти его он так и не смог.

– Я пойду с вами, мэтр. Может понадобиться помощь, – безапелляционно заявил Даниэль.

Хельги наградил его задумчивым взглядом, размышляя над предложением оборотня. С одной стороны, он не имел права втягивать его в это дело. А с другой – ему нужен напарник. Но в отличие от покойного Энгарта (ох, друг, как же ты так?..) капитан чистильщиков никогда не сталкивался с подобным. Хотя Даниэль не человек, это многое решает… И тогда Криэ утвердительно кивнул, соглашаясь на предложенную помощь.

Шири, вернувшись к разглядыванию планов, размышлял над тем, стоит ли ему ввязаться в эту авантюру, раз уж они застряли здесь, или пусть сами разбираются? Но что-то уж сильно эта пустырная аномалия попахивала Гранью. И если это так, то ему потом предстоит искать в подземельях трупы этих двоих героев… «Не-ет, Иленка, зная, что он мог помочь и не помог, никогда ему этого не простит… Как она тогда сказала? Бессердечное чудовище?.. Но при чем здесь, скажите на милость, Иленка? – уперся лбом в вопрос Поводырь. – Ладно, потом разберемся», – отмахнулся он от собственных мыслей.

Шири цапнул остававшуюся на столе кружку и залпом допил изрядно подостывший кофе.

– Я иду с вами, – прямолинейно заявил он.

– С какой это радости? – чуть грубее, чем хотел, спросил Хельги.

– Ну, должен же я чем-то отблагодарить вас за проявленное гостеприимство, – иронично откликнулся Поводырь, пожимая плечами.

– Воля ваша, но я бы не советовал, – в спокойном голосе мага прорезалось раздражение, приправленное сарказмом.

– Не советуйте, – ухмыльнулся Шири, всем своим видом показывая, что советы какого-то там демонолога ему нужны, как мертвому припарка.

– Хорошо, – вздохнул Криэ. Хотя ничего хорошего в сложившейся ситуации он не видел. Меньше всего демонологу хотелось тащить с собой в подземелье совершенно не подготовленных спутников. Одно дело, когда пытаешься спасти собственную шкуру, и совершенно другое, когда вместо этого приходится прикрывать кого-то еще.

Предаваясь невеселым мыслям, Хельги отдал последние распоряжения Даниэлю и телепортировал его в город. Сгреб несколько расползшихся по столу листов, выдернув один из-под сидевшего на нем Шири. Свернул планы в трубку и пытливо уставился на Поводыря.

– Шириган, скажите, на кой черт оно вам сдалось? Почему вы так рветесь вмешаться? – резковато осведомился он.

Шири задумчиво смерил демонолога взглядом, прикидывая, насколько глубоко тот успел покопаться в его сознании и что он там нашел. Судя по всему, ничего для себя приятного, иначе не рычал бы на него, словно сторожевой пес на забравшегося в сад бродягу.

– А есть ли смысл отвечать? – грустно усмехнулся Поводырь. – Вы ведь наверняка знаете ответ.

– Делать мне больше нечего, как беспрестанно рыться в вашем сознании, – презрительно фыркнул Хельги, только подтверждая опасения Шири.

– В таком случае, считайте, что мною движет любопытство, – усмехнулся одноглазый нахал.

Криэ окинул его холодным взглядом. На человека, движимого неуемным любопытством, Шири походил в последнюю очередь. Но лезть в сознание Поводыря еще раз магу не хотелось, поэтому пришлось довольствоваться тем, что есть…

Гостиная, пронизанная лучами заходящего солнца, искрилась всеми оттенками янтаря. Медовые шторы, казалось, источали мягкий рассеянный свет. В воздухе разлился чуть уловимый аромат корицы. Ароматный чай, заполнявший высокую стеклянную чашку, под пронизавшими стенки лучами переливался всеми оттенками рыжего. Напиток всколыхнулся, став одновременно янтарным и рыже-каштановым. Послышался

едва различимый хлюп, и жидкость вновь застыла жидким янтарем. Иленка впилась зубами в нежный бочок пухлой булочки, пересыпанной корицей и сахарной пудрой. Рядом с чашкой лежала раскрытая посредине книга. Заклинательница, не забывая жевать, перевернула страницу. Раздавшиеся на лестнице шаги вынудили ее прервать совмещение приятного с приятным и поспешно вскочить, подхватывая перевязь с мечом. По лестнице спускался Хельги в сопровождении Поводыря Смерти. Иленка, не сумев быстро нашарить в кармане платок, поспешила вытереть рот рукавом. На светлой ткани остался коричный след.

– Наконец-то! – воскликнула она. – Я думала, вы никогда не соберетесь!

Шири недоуменно взглянул на почтенного демонолога. Тот в свою очередь подарил ему не менее выразительный взгляд. Многозначительное переглядывание ничего не прояснило, и в поисках ответа Хельги внимательно посмотрел на дочь. На девушке была дорожная одежда, в руке она сжимала перевязь с мечом, а на щеке виднелась недостертая корица с сахарной пудрой.

– Чего уставились? Я иду с вами, – снизошла она до объяснения.

– Нет! – единогласно запротестовали мужчины.

– Ты никуда не идешь, – добавил Поводырь.

Хельги нахмурился.

– С каких это пор вы приказываете моей дочери? – мрачно осведомился он, недобро посматривая на Шири.

– С тех самых, когда она по милости вашего усопшего друга оказалась у меня на попечении, – проворчал он.

– Ага… – многозначительно протянул демонолог, сделав мысленную пометку по возвращении серьезно поговорить с дочерью.

– Так я иду с вами, – уже не так уверенно вякнула Иленка.

– Нет! – вновь проявили удивительное единодушие Поводырь с демонологом.

– Ты останешься здесь, – непререкаемым тоном отрезал Хельги. И добавил уже мягче: – Иля, ты пока еще только подмастерье. Это может оказаться опасно. К тому же Шайритта еще не совсем поправилась, я хотел тебя попросить посидеть с ней. Отвлечете друг друга от мрачных мыслей…

Девушка насупилась и потопала на второй этаж, стараясь не сталкиваться взглядом ни с отцом, ни с Поводырем.

– Она все равно пойдет за нами, – вздохнул Шири.

– Послушайте, – не выдержал маг, – вы что, хотите сказать, что знаете мою дочь лучше меня?!

– Не переживайте, здесь вам нечего опасаться, – чуть резче, чем следовало, парировал одноглазый спутник Арьяты, угадав причину неприязни демонолога. – Нас связало только общее неприятное путешествие и не более.

Хельги замолчал и до самого города не проронил ни слова.

Иленка нервно мерила шагами комнату Шайритты. Клинок сидела на кровати, привалившись к спинке, и пыталась ее успокоить, но тщетно. Она и сама изрядно переживала за Хельги. Завершив очередной круг по комнате, заклинательница опустилась на кровать в ногах Шайритты.

– Нет, ты представляешь, они меня не взяли! – кипя праведным возмущением, воскликнула она. – Словно я маленькая девочка, а не взрослая опытная заклинательница! Да еще Шири – мерзавец – ведь мог же подтвердить отцу, что я вполне способна за себя постоять. Но нет, этот паршивец предпочел его поддержать!

Клинок успокаивающе погладила Иленку по руке и нахмурилась. Что-то было не так в этом прикосновении. Ей показалось, будто она коснулась не живого тела, а холодной стали.

– Иленка, я тоже волнуюсь, – хрипловато произнесла она. – Я поклялась защищать твоего отца, а сейчас не могу этого сделать, потому что он оставил меня здесь…

– Ты как хочешь, Шай, а я иду за ними! – воскликнула заклинательница.

– Погоди. Дай мою одежду…

Через несколько минут клинок облачилась в свои привычные цвета: сталь и серебро на черном.

– Я пойду с тобой.

– Куда? Ты же на ногах едва стоишь! – возмутилась девушка, пытаясь усадить Шайритту на кровать.

– Ноги мне ни к чему, – усмехнулась клинок. – Когда я меч, то не чувствую боли.

Мгновение, и на одеяле, поблескивая лезвием, лежал меч Хельги Криэ. Иленка подхватила его и, сунув в ножны, закрепила на спине перевязь.

Но спокойно покинуть дом ей не дали. Стоило заклинательнице выскользнуть в коридор, как она едва не налетела на всклокоченного Эдана. Юноша, пошатываясь, брел, держась за стеночку. Расхристанный, босой, встрепанный, с темными кругами под глазами, он являл жалкое зрелище. Не знай Иленка, что перед нею живой человек, решила бы, что заложный покойник ненароком заблудился и забрел в дом, каким-то образом миновав все охранные чары. Явление Эдана в темном

коридоре стало столь неожиданным, что она едва не огрела его боевым амулетом.

– Зачем ты встал? – прошипела девушка, наступая на явно обрадованного ее появлением юношу.

– А чего вы меня бросили все? – жалобным шепотом возмутился он. Громче Эдан говорить просто не мог: изодранное кашлем горло оказалось в состоянии производить только шепчущее сипение. – Очнулся – ни Арьяты, ни тебя, ни пришибленного этого…

– Мы тебе кто, няньки? – огрызнулась Иленка.

– А ты куда? – вдруг спросил он, разглядев меч у нее за спиной.

– На кудыкины горы! – Заклинательницу охватила злость. И быть бы Эдану если не битым, то изрядно потрепанным, но тут на лестнице появилась Арьята. Менестрель удивленно уставилась на Иленку, тормошащую Эдана за воротник мятой рубашки.

– Э? – только и смогла выдавить Смерть.

– Арьята, уложи этого немощного в постель, – прошипела заклинательница, – еще не хватало, чтобы он посреди коридора дуба дал! На ногах не стоит!

– А ты куда?

– Да в город собралась, – буркнул юноша, сдавая заклинательницу с потрохами. – Я слышал, как она ругалась с мэтром Криэ и этим твоим…

– Его зовут Шири… – рассеянно одернула паренька Арьята.

Воспользовавшись их минутной заминкой, Иленка проскользнула на лестницу, выскочила на веранду и активировала телепортационный амулет. Менестрель тихонько застонала, проводя ладонью по лицу. Эдан встревоженно тронул ее за плечо. В глазах читался невысказанный вопрос.

– Шири меня убьет! – вздохнула Арьята. – Он просил присмотреть за Иленкой, чтобы эта егоза никуда не вляпалась в его отсутствие.

Смерть поспешила вниз по лестнице, явно намереваясь догнать неугомонную заклинательницу до того, как та натворит каких-нибудь глупостей.

– Эй, стой, я с тобой! – Эдан, пошатываясь, кинулся за ней и едва не сверзился со ступенек.

– Куда?! – шикнула на него девчонка. – С ума сошел?! У тебя температура, тебе лежать надо!

Юноша отрицательно затряс головой, всеми силами стараясь показать, что один он в этом доме не останется. А если останется, то за последующую сохранность своего рассудка не поручится. Арьята тяжело вздохнула. Вот она, ее непоследовательность, о

чем уже который век твердит верный Поводырь. Корень всех зол и основа неприятностей…

– Ладно, обуйся только… – просто сказала она.

# Глава 6

Демонолог, жуя сорванную по дороге травинку, склонился над пожелтевшим листом плана, расстеленным на широкой каменной плите. Катящееся к закату солнце роняло предвечернее тепло на храмовое пустырище. Остатки руин уже не выглядели так зловеще, как вчера вечером после снятия печати, но оставалось в них что-то опасное, вызывавшее желание убраться подальше. Хельги накинул на свои защитные экраны парочку дополнительных слоев, стремясь избавиться от дурного ощущения расплескавшейся в воздухе злобы. Печати с источника оказались сорваны во время шторма реальностей, и теперь он обильно выплескивал наружу никем не подавляемую силу.

Оборотню тоже было не по себе. Чувствительный в силу своей звериной сущности, Даниэль то и дело нервно вздрагивал и едва сдерживал рвущееся из горла недовольное ворчание. И лишь Поводырь отрешенно сидел на обломке стены, заканчивая переплетать косу. Закрепив кончик ремешком, он принялся натягивать снятые во время плетения перчатки. Задумчиво посмотрел на правую ладонь. Сжал пальцы в кулак, подгоняя митенку по руке. Проверил, легко ли выходит клинок из ножен, и спрыгнул на землю.

Маг, что-то прикидывая в уме, сделал несколько пометок на плане.

– Алтарь и крипта? – негромко спросил Шири, вглядываясь в значки, сделанные демонологом.

– Вы сведущи в храмовой архитектуре? – саркастически осведомился Криэ.

– Не больше вашего, мэтр, – в тон ему откликнулся Поводырь. – Но если вы хотите определить источник, то это не крипта и не алтарь.

«…И кто из нас читает мысли?» – невольно подумалось магу. Хельги мрачно уставился на непрошеного советчика, а одноглазый, ничуть не смущаясь, продолжил:

– Люди часто строили храмы в виде основного ритуального атрибута, – он забрал у демонолога карандаш и провел на плане две линии, нарисовав крест. – Этот не исключение.

– И где же, по-вашему, скрыт источник негативной энергии? – голос Криэ по-прежнему источал сарказм. Сам он уже отчаялся определить местонахождение проклятой энергетической аномалии. Испускаемые эманации были настолько сильными и равномерными, что даже его чутья не хватало для их правильной дислокации. И он ткнул наугад, ссылаясь на свои познания в

местной архитектуре подобных зданий.

– Здесь, – спокойно откликнулся Поводырь, указывая карандашом в пересечение лучей креста. – Равноудаленная точка, мэтр.

Маг присмотрелся и едва не взвыл от досады: действительно! Дурак, идиот, кретин! Проворонить классическую закономерность перекрестка!.. Демонолог поднялся на ноги и свернул план, намекая, что обсуждение закончено.

– Что же, в таком случае – прошу! – Хельги широким жестом указал на узкие каменные ступени, уводившие под пустырь.

Даниэль, подхватив фонарь и моток веревки, первым полез в пролом. Криэ двинулся следом, предоставив Шири роль замыкающего со всеми ее сомнительными прелестями.

Дождавшись, пока макушка Поводыря окончательно скроется под сводами подземелья, Иленка выскользнула из-за обломков, крадучись, приблизилась к темному провалу и заглянула вниз, будто опасаясь, что из темноты подземелья с воплем «БУ!» и сатанинским хохотом выскочит треклятый Поводырь Смерти. Сердце предательски уползло в пятки и там поекивало, оповещая свою хозяйку, о том, как ему страшно. Заклинательница прислушалась: шаги уходящих эхом отдавались под древними сводами, свет фонаря все тускнел. Она решилась спуститься вниз, только когда он исчез из поля зрения окончательно. Клинок в заплечных ножнах нервно дернулся.

– Мне тоже это не нравится, Шай, – пробормотала девушка. – Но ничего не попишешь, они туда пошли…

Не минуло и получаса после того, как Иленка на свой страх и риск отправилась вслед за отцом, когда к пролому, перебегая от одной кучи камней к другой, подкрались две сгорбленные фигуры. Тихо перешептываясь и воровато оглядываясь на расположившихся по периметру чистильщиков, они на четвереньках вползли в дыру. Послышался шорох, невнятная возня, стон, взвизг и звуки падения. Ступеньки кончились неожиданно быстро, а внизу царила полная темнота, хоть глаз выколи. Лучей закатного солнца, еще проникавших в пролом, оказалось явно недостаточно для того, чтобы развеять тьму. Тихо чертыхаясь и постанывая, Эдан с Арьятой кое-как поднялись и, держась за стену, поковыляли вглубь подземного коридора. Стены были склизкие, поросшие жиденьким мхом. Несколько минут спустя незадачливые исследователи подхрамных лабиринтов наткнулись на развилку и притормозили.

– И куда дальше? – растерянно вопросила в пустоту менестрель.

– Предлагаю назад, – сдавлено откликнулся ее спутник, едва

сдерживаясь, чтобы не огласить подземелье хриплым кашлем.

Арьята задумалась. С одной стороны, если Иленка попадет в неприятности, Поводырь ее по головке не погладит. С другой, если заклинательница благополучно догнала Шири и ей ничего не грозит, то за неурочную прогулку в подземелья схлопочут уже они с Эданом. Куда ни кинь, всюду клин. Менестрель тряхнула головой, пытаясь устаканить разбредшиеся мысли.

– Ладно, – вздохнула она. – Давай назад. В конце концов, мы честно пытались ее остановить…

Придя к такому самооправдательному выводу, они повернули к выходу. Но не успели пройти и нескольких метров, как из темноты возникло несколько красноглазых массивных фигур. Арьята с коротким вскриком, шарахнулась назад и налетела на Эдана. Юноша покачнулся, но на ногах устоял. Стремительным жестом он отшвырнул испуганно поскуливавшую менестрельку себе за спину, очень жалея, что в его руках сейчас нет ничего, способного хоть немного сойти за оружие…

* * *

Сырые своды подземелья всем своим немалым весом нависали над головой заклинательницы, крадущейся на ощупь вдоль стены. Под рукой было скользко и мерзко, под ногами что-то время от времени похрустывало. Споткнувшись о какой-то выступ, девушка шлепнулась на четвереньки, и мерзко стало уже под обеими ладонями. Брезгливо морщась, Иленка с горем пополам поднялась, поспешила вытереть руки о штаны и отогнала соблазнительную мысль о заклинании ночного видения. Ее присутствия отец не почует, а вот магию – запросто. Она постояла секунду-две, склонив голову набок и будто бы прислушиваясь. Шай нетерпеливо дернулась в ножнах. Заклинательница успокаивающе коснулась оголовья меча и двинулась на слабый отголосок чужих мыслей, еще не успевший затихнуть под каменными сводами. Будь Хельги и Шири одни, плохи оказались бы дела неугомонной Ильки, но отправившийся вместе с ними капитан чистильщиков значительно облегчил ей задачу. Попав в подземелье, оборотень думал весьма громко и исключительно нецензурно. Вереница невероятно виртуозных заковыристых мысленных конструкций, просто таки осязаемым шлейфом стелилась за Даниэлем, позволяя заклинательнице идти словно по нитке.

Внезапно стена под рукой кончилась, и девушка едва не упала во второй раз. Озадаченная таким неожиданным поворотом

событий, Иленка поводила руками перед собой. Впереди была пустота, по бокам тоже, а вдобавок след от мыслей оборотня стремительно таял. Пробормотав себе под нос что-то из свежепочерпнутых ругательств, заклинательница решилась активировать ночное зрение. Вокруг резко посветлело. Она стояла посреди небольшого зала с низким потолком, подпираемым толстыми каменными колонами. В противоположной стене призывно темнели три арки. Девушка нервно потерла подбородок. Пока она предавалась раздумьям, потерялся выручавший ее мыслеслед. Досадливо закусив губу, Иленка продефилировала вдоль арок, пытаясь определить, куда податься. Отчаявшись выбрать, она почти решилась отправиться наугад, как вдруг из-под средней арки донеслись звуки шагов. Заклинательница поспешила отскочить на средину зала. Шаги приближались, отдаваясь гулким эхом в темноте коридора. Спрятавшись за колонну, она выжидала. Звук раздавался все ближе, а нервы натягивались все туже. Вот, вот, сейчас… Нервы Иленки не выдержали, и девушка с диким визгом выскочила из-за колонны, запустив в предполагаемого недруга силовым импульсом. Раздался глухой стук падения и красочное описание того, что сделает пострадавший с некоей не в меру ретивой заклинательницей…

– Шири? – настороженно осведомилась вышеупомянутая заклинательница, вглядываясь в темноту. Заклятие ночного зрения распалось, и она вновь ничего не видела.

– Дура, – сдавлено долетело из мрака подземелья, – ты же меня чуть не убила!

– Так не убила же, – преувеличенно бодро отозвалась Иленка, не решаясь приближаться к разъяренному Поводырю.

– Лучше бы наоборот. Чтобы в кои-то веки не я с тобой морочился, а ты со мной! – мстительно буркнул Шири. – Я ее знаю, я ее знаю… Она не пойдет… – перекривлял он Хельги. – Ни шайтана вы не знаете! Ох…

– Папа, как всегда, не в меру наивен, – фыркнула девушка, догадавшись, о ком идет речь.

– Вот и я так подумал. – Поводырь подошел к ней. – Идем, выведу тебя на свежий воздух, – он бесцеремонно схватил ее за руку и потащил к выходу. Но, не успев сделать и пяти шагов, Шири почувствовал, как грудь прошила острая пульсирующая боль. Выпустив запястье Иленки, он привалился плечом к стене и медленно осел на колени.

– Шири!

– Не… трогай… меня… – с трудом выдохнул он, зная, что с впечатлительной заклинательницы станется полезть к нему с

помощью. Сердце прекратило дергаться, боль потихоньку проходила. Отдышавшись, Поводырь поднялся на ноги.

– Все нормально? – участливо спросила Иленка, не решаясь коснуться его плеча.

– Нет, – хрипло буркнул одноглазый, – но это тебя не касается. Идем, отведу к остальным. Пусть твой отец сам решает, без какого пряника тебя оставить и каким кнутом воспитывать.

Девушке ничего не оставалось, как последовать за Шири в один из коридоров. Пять минут путешествия в кромешной тьме завершились выходом в слабо освещенную фонарем комнату. Хельги как раз заканчивал чертить на полу разлапистую пентаграмму, призванную исполнить роль колодезной крышки.

– А я уже собирался осчастливить мэтра известием, что вы потерялись, – с наигранным сожалением произнес Даниэль, замечая Шири.

Поводырь скривил губы в некоем подобии ухмылки, дернул плечом, показывая, что шутка не удалась, и пропустил Иленку в комнату. Криэ оторвался от пентаграммы и недоуменно воззрился на дочь.

– Иля? Какого…

– Она шла за нами, – устало пояснил верный спутник Арьяты.

– Я вас не спрашиваю, – рыкнул на него демонолог. – Иленка свет Хельговна из семьи Криэ, потрудитесь объяснить, что вы здесь делаете?!

Девушка потупилась. Мысль отправиться следом за отцом уже не казалась ей такой удачной.

– Где ты… – Хельги запнулся, разглядев меч у дочери за плечами. – Где вы обе должны сейчас находиться?

– Дома, – уныло откликнулась Иленка. – Но, пап, мы ведь хотели помочь… – попыталась оправдаться она.

Хельги яростно засопел и принялся расстегивать перевязь с палашом.

– Ой, прямо здесь пороть будешь? – Илька решила, что терять ей уже нечего, и перешла в наступление.

– Меч верни, – пропустив ее сарказм мимо ушей, потребовал Криэ, указав на Шайритту.

Иленка поспешила расстегнуть пряжку, передавая клинок отцу, и забрала у него ненужный палаш. Конечно, с Шай за плечами она чувствовала себя увереннее, палаш был для нее тяжеловат, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Поводырь, не совсем понимая весь смысл столь поспешного обмена оружием, рассеянно глядел в полумрак за плечами демонолога. Чего-то тут не так… Вот тени уплотнились, шевельнулись и приняли вполне человекоподобные очертания. Тонкая призрачно-

корявая рука потянулась к голове Криэ…

«Шайтан!» – пронеслось в голове у Поводыря, едва он сообразил, что магом сейчас подзакусит какая-то паршивая темная сущность.

Шагнуть на Грань стало делом доли секунды. Испуганно вскрикнула Иленка, тоже заметившая жуткую тень. Предупреждающе зазвенела Шай. Хельги рванул клинок из ножен, но не успел – Шири оказался проворней. Демонолог отлетел в сторону, свистнула коса, и сумрачная тень в компании нескольких товарок распалась черным пеплом. Криэ судорожно сжимал рукоять меча, впившись глазами в высокую, затянутую в черное фигуру с косой. Между пальцами демонолога проскочили искры боевого заклятия. Заклинательница, которой подобный облик Шири был не внове, кинулась между ними, закрывая Поводыря. Шайритта уже человеком повисла на плече Хельги. Она, как отец и дочь Криэ, прекрасно видела эту ипостась Шири. И лишь Даниэль недоуменно взирал на то место, где несколько секунд назад стоял одноглазый ехидина. Оборотень чуял, что Поводырь где-то здесь, но понять, куда тот делся, не мог.

– Папа, не надо! – вскрикнула Иленка, загораживая Поводыря.

– Мессир, вам против него не выстоять… – простонала Шайритта, с болью глядя на заклинательницу. О боги, девочка даже не понимает того, насколько сильно хочет защитить этого одноглазого бродягу. Клинок в ужасе переводила взгляд с Шири на девушку. Поводырь, решив, что хорошего помаленьку, вновь обрел свой нормальный облик.

– Вот же свалились вы на мою голову, – пробормотал он, – и спасай вас после всего… Успокойтесь, мэтр, я человек…

Хельги спохватился, что до сих пор перекатывает в пальцах льдисто мерцающий шар, и поспешил распылить его, наполнив затхлый воздух подземелья морозной свежестью. Демонолог пристально взглянул на Поводыря. Да, перед ним действительно человек. А вот кем это, с позволения сказать существо являлось минуту назад, оставалось только гадать… Решив отложить выяснение оного факта до лучших времен, Криэ покончил с печатью, довольно наблюдая, как импровизированная крышка запечатывает источник. В комнатушке тут же стало легче дышать. Нет, воздух по-прежнему оставался затхлым и тяжелым, просто его больше не напитывала дрянная энергия.

Демонолог резко обернулся к Шири, заинтересованно рассматривавшему Шайритту. Клинок так и осталась человеком. То единственное превращение не прошло для нее даром. И только сейчас она осознала, насколько прав был Хельги, запрещая ей

менять облик до полного выздоровления. Шай держалась из последних сил, стараясь устоять на ногах и не привалиться к спасительной стене. Тревожные мысли роились в ее голове. Впервые сегодня она стала человеком спонтанно, совершенно не контролируя себя. Раньше для этого Хельги требовалось ее звать. А сейчас Шайритту просто вышвырнуло из облика, когда она поняла, с кем собирается сцепиться маг. Единственным желанием ее тогда было во что бы то ни стало удержать демонолога от драки. А Иленка… Господи, за что девочке все это? Изменения, происходящие с заклинательницей, откровенно испугали Шайритту. Слишком хорошо она знала симптомы этой неизлечимой болезни, которая звалась любовью. А любовь, замешенная на долге, и вовсе смертельна…

– Пожалуй, стоит поблагодарить вас за то, что спасли мне жизнь, – натянуто произнес Хельги, обращаясь к Поводырю. – Не рассчитывал нарваться здесь на душеблудов.

Шири лишь неопределенно пожал плечами. Ему было все равно, поблагодарят его или нет. Поводыря до сих пор колотило, ведь все могло закончиться куда плачевней. Чего уж там греха таить, он изрядно струхнул, когда понял, что маг его видит и намерен атаковать. Если бы не Иленка, демонолог в запале размазал бы непрошеного спасителя по камням, приняв за одержимого. На душе стало муторно. Наверное, ему полагалось что-нибудь ответить, но слова, как назло, не шли с языка. Поводырь уже собирался брякнуть хоть что-нибудь, но тут ему неожиданно помогла Шайритта. Клинок, не в силах больше выдерживать тянущую боль в раненом боку и накатывавшую волнами слабость, привалилась к плечу Хельги и, затухающим голосом прошептав: «Мессир, простите…» – потеряла сознание. Демонолог едва успел подхватить сползавшую по нему женщину.

– Давайте-ка убираться отсюда, – встревоженно разглядывая бледное лицо Шайритты, приказал он.

Путь наверх занял не более десяти минут. Хельги, обеспокоенный состоянием своей компаньонки, задал такой темп, что остальным оставалось только быстрее шевелить ногами, стараясь не отстать.

На дворе уже стемнело. Звезды, пока еще неяркие, начинали проглядывать в потемневшем небе. У пролома их поджидали люди из отряда Даниэля, помогая выбраться наверх. Рядом, на обломке стены, под бдительны присмотром Збышка, нахохлившись, словно два замерзших воробья, сидели Эдан с Арьятой. «Демоны», с которыми они столкнулись в подземелье, оказались Анджеем и Збышком, а красные глаза оных не чем иным, как приборами ночного видения. Белобрысый чистильщик

краем глаза заметил у пролома какое-то шевеление и уговорил Збышка проверить. Как выяснилось, его бдительность оказалась почти оправданной.

Эдан, ссутулившись, привалился плечом к Арьяте. Паренек после стычки в подземелье обзавелся стальными наручниками и щеголял лиловым синяком на полскулы.

Даниэль изумленно смотрел то на своего заместителя, то на менестрельку, то на скованные руки ее товарища по несчастью.

– А эти двое что здесь делают? – удивленно спросил он.

– Не могу знать, ваше высокоблагородие, – прогудел Збышко, – не говорят-с. Юноша сопротивление оказал, пришлось связать.

– Он меня защищал, – подала голос Арьята, вступаясь за Эдана.

Шири окинул взглядом сначала свою верную подругу, затем рыжего приблуду, и расхохотался. Кажется, безрассудное благородство в их отряде оказалось заразным, раз уж даже этот ни на что не годный сопляк начал проявлять характер. Похоже, что под всей нано-сной грязью в его душе скрывается воистину железный стержень. Если это так, то из парня еще может выйти что-то путное.

– Развяжите его, – отсмеявшись, выдавил он. – Daeni, похоже, мне пора на пенсию… Тут такая замена подоспела…

Арьята скорчила ему страшную рожу и погрозила кулаком. Освобожденный Эдан растирал онемевшие запястья и с обидой глядел на Поводыря. Этот одноглазый мерзавец и так его ни во что не ставит, но хоть бы прилюдно этого не показывал.

– Это мои… кхм, гости, – пояснил Хельги в пустоту. – Арьята, скажите, что вы здесь делали?

– Ну, – девочка потупилась. – Мы Иленку искали. Она сбежала, а нам стало страшно оставаться в доме одним, вот… э… – неубедительно попыталась оправдаться она.

Хельги подарил дочери еще один мрачный укоряющий взгляд. Девушка потупилась и поспешила отступить за спину Шири. В воздухе запахло скандалом. Но положение опять спасла Шай. Клинок дернулась на руках у демонолога и тихонько застонала. Заклинательница, заметив тревогу в глазах отца, поспешила активировать телепор-тационный амулет…

Тьма рождает мысли. Добрые ли, злые ли, но одинаково тревожные, заставляющие нервно вздрагивать и сжиматься без того истерзанное сердце. Ночь, щедро сдобренная бессонницей, заставляет нас в бессилии сжимать кулаки и метаться в плену тяжелых дум и дурных предчувствий. И нет нам покоя ни в ясном свете ярких августовских звезд, ни в тихом шелесте листвы, ни в

крыльях Морфея, укрывших весь мир… Казалось, бессонница прочно обосновалась в стенах дома семьи Криэ и не намеревалась покидать его в эту ночь…

Оставив комнату в недрах гостеприимного особнячка в полное распоряжение Эдана, Шири сидел на перилах веранды, опоясывавшей дом, и неспешно расчесывал свои длинные серебристые волосы, втайне надеясь, что на свежем воздухе тревожные мысли отступят и его сморит сон. Но не тут-то было: сон никак не желал появляться в единственном глазу Поводыря, заставляя его предаваться невеселым думам. Вместо того чтобы успокоить, сад принес лишь новую тревогу. Отложив на секунду гребень, Поводырь хмуро рассматривал ладонь правой руки. Единственная глубокая линия, пересекавшая ее много лет, больше не являлась одинокой. С каждым днем все четче прорезалась рядом еще одна, столетия назад стертая узким клинком Смерти… Линия сердца! Шири оттянул расшнурованный ворот и с опаской скосил глаз на левую сторону груди, где еще несколько дней назад оплавленным шрамом лежала печать Последней Воли. Уродливый ожог разгладился, едва Иленка встретилась с отцом, что не могло не радовать Поводыря. Так почему же его терзает чувство, будто вся эта кутерьма еще очень далека от завершения?..

До одноглазого долетел чуть слышный напев, похоже, что daeni тоже маялась бессонницей, но гораздо более продуктивно, чем он. И над садом плыл мелодичный перебор:

Снег заметает следы,
В мире, который спит,
А на пороге моем
Полночная гостья стоит.
Я ждал ее много лет,
Я думал, она – мираж,
Забытая тайна, мечта,
Что числилась средь пропаж.
Огонь отражает жизнь,
В задорных ее глазах,
И тает снежинок лед
На тонких и белых руках.
Неспешный ведет разговор,
Колеблется пламя свечи…
Струна отзвенела в тенях,
Гитара пока что молчит.
Но после закончится ночь,
И в сумрак рассветных теней

Она, несомненно, уйдет,
А я уйду вместе с ней…

Поводырь сжал кулаки и едва не раскрошил костяной гребень. Да, Daeni являлась истинным менестрелем, тонко чувствуя окружавших ее людей. И иногда Шири хотелось ее убить за это. Да вот толку-то? Смерть, как известно, не убьешь, себя не обманешь, а сердцу не прикажешь. Даже если это сердце уже несколько веков как заперто на замок и вроде бы не способно любить…

Чуть слышно скрипнула входная дверь, и Поводырь ощутил на себе неприятный пристальный взгляд.

– Чего тебе нужно? – спросил он, не оборачиваясь. Этот визит не стал для него неожиданностью.

Шайритта вышла из тени и устало опустилась в плетеное кресло-качалку. Чтобы проскользнуть незамеченной мимо бдительного демонолога, которого, как назло, одолела бессонница, ей пришлось приложить немало усилий.

– А что нужно тебе, Поводырь? – вопросом на вопрос отозвалась она.

– Откуда такая осведомленность? – скривил губы в саркастической ухмылке Шири. – Не припомню, что-бы я на каждом углу кричал, кто я такой.

– Разве это имеет значение? – Женщина легонько качнулась в кресле.

– Да мне ровным счетом все равно, – пожал плечами одноглазый. – Но для тебя это ведь наверняка что-то значит, клинок?

Она болезненно поморщилась.

– Я ведь не всегда была такой, – ответила Шай. – Когда-то, много столетий тому назад, я жила в человеческом обличии и даже подумать не могла, что все обернется так. Я сама себя погубила. Слишком сильно любя своего мужа, я считала своим долгом защитить его, спасти любой ценой. Времена тогда были неспокойные, город погибал в осаде. Во время очередного штурма враг прорвался за ворота. Нас, безоружных, загнали в угол, и у меня не осталось выбора…

– И ты превратилась в клинок, – закончил за нее Шири. – Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Ты зашел слишком далеко, Поводырь. Увы, мужчины слепы…

– Не понимаю, о чем ты… – одноглазый отложил гребень и принялся неспешно плести косу.

– Иленка превращается в клинок.

Шири едва не сверзился с перил и упустил прядь из пальцев. Все пришлось начинать заново. Он негромко ругнулся.

– Она превращается в клинок из-за тебя, идиот! – прошипела Шайритта, резко поднимаясь и вплотную подходя к Поводырю. – Останови это, пока не поздно. Сейчас процесс еще обратим…

Мужчина закончил заплетать волосы и закрепил хвостик ремешком. Внешне Шири оставался спокойным, но внутри у него все оборвалось, сменившись бездной, источающей тревожный холод.

– И как ты предлагаешь мне это сделать? – натянуто спросил он. – Я понятия не имею, с чего вдруг эту оторву потянуло превращаться в железку!

– Глупец! Ты не только слеп, но и глух! – раздраженно воскликнула Шайритта. – Только твоя защита сможет ее спасти – это единственный шанс.

– Здравствуйте вам через окно, – возмутился Поводырь. – Последнее время я только то и делаю, что постоянно вытаскиваю ее из неприятностей. Так что же мне теперь, всю жизнь при ней нянькой сидеть?!

– Я все сказала, Поводырь. В твоих интересах принять мое предостережение к сведению. Если с Иленкой что-нибудь случится, то клянусь, я лично позабочусь о том, чтобы ты очутился в аду!

– И тем самым ты сознательно подставишь под удар Хельги? – саркастически ухмыльнулся Шири. – Ни за какие коврижки не поверю, будто ты рискнешь жизнью столь дорогого твоему сердцу мессира…

Шайритта вздрогнула, словно от удара. Неужели все так явно? Она ведь стремилась ни единым жестом не выдать…

– …а против меня ему не выстоять, и ты это прекрасно знаешь, – закончил Поводырь.

– Не будь таким самоуверенным, – хрипло огрызнулась клинок, исчезая в доме.

Шири зло сплюнул через перила и спрыгнул в сад, прикидывая, сильно ли обидятся на него хухи, если он сейчас пойдет и побьется головой об их дерево?

Время перевалило за полночь, когда в дверь Арьятиной комнаты осторожно поскреблись. Менестрель отложила гитару, в обнимку с которой просидела уже больше часа, тщетно пытаясь напеть себе колыбельную. Из-под пальцев выходило что угодно, вплоть до похабных кабацких песен, но только не убаюкивающий напев, призванный умиротворить и успокоить. Девочка распахнула створку и недоуменно уставилась на Эдана.

– Ты чего не спишь?

– Да не спится почему-то, – уныло откликнулся тот, – неуютно как-то…

– Страшно, холодно и одиноко? – полунасмешливо спросила Арьята, коснувшись его лба. Жара, кажется, не было, и это уже хорошо.

Юноша кивнул, не обратив внимания на иронию в голосе менестрельки.

– Ну идем, посижу с тобой, – вздохнула она, подхватывая гитару, в надежде, что, может, хотя бы сейчас на нее снизойдет колыбельное вдохновение.

Окно в комнате Эдана оказалось распахнуто, беспрепятственно впуская ночной прохладный воздух. Шири куда-то пропал. И Арьята здраво решила, что спрашивать у Эдана, куда именно делся Поводырь, не стоит – вряд ли тот счел нужным ставить юношу в известность о своих планах.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая едва слышным мелодичным звоном и шелестом листвы за окном. Смерть сидела на подоконнике, задумчиво пощипывая струну, и пытаясь извлечь лишь одной ей ведомый звук. Эдан расслабленно вытянулся на кровати, вглядываясь в сгустившуюся под потолком темноту.

– Ты еще не придумал достойный повод для нашего сотрудничества? – вальяжно осведомилась Арьята, решив, что раз уж их одолела бессонница, то нужно извлечь из оной хоть какую-то пользу, помимо медитации на потолок.

Паренек вздрогнул от неожиданности. Признаваться, что он напрочь забыл о сем прискорбном факте, было стыдно. Он принялся лихорадочно ловить разбредшиеся по голове мысли в надежде ухватить за хвост что-нибудь стоящее.

– Эдан, – продолжила девчонка, так и не дождавшись хоть какого-нибудь ответа, – с каждым днем времени остается все меньше. Мне бы не хотелось, чтобы жизнь твоя прервалась сейчас или, хуже того, чтобы ты пополнил немногочисленную братию моих Поводырей. Поверь, ничего хорошего в этой службе нет. Каждый, кто решил остаться со мной, несет свой крест, ибо они сами по доброй воле выбрали себе наказание. И если бы нашелся человек, согласный выкупить тебя, пожертвовав любым исконным правом[24], я бы с радостью согласилась.

– Я не вещь, чтобы меня продавали! – вскрикнул Эдан. – Да, я не великий храбрец, а иногда попросту тряпка! Но я живой человек! Вы стали первыми, кто отнесся ко мне как к человеку, Арьята. Да, пусть Иленка все время ворчит и насмешничает, а Шири откровенно считает меня трусом и размазней, но это лучше, чем было до знакомства с вами… И лучше я умру, чем

вернусь к прошлой жизни!

Смерть задумчиво смотрела на юношу: эк его прорвало-то… Вот и думай после этого, а такой ли он заурядный смертный, как показалось сначала? Или это окружение на него так позитивно влияет?

– Успокойся, – откликнулась она. – Я говорила о выкупе, а не о продаже. Я не могу отпустить тебя просто так. Заключая договор, ты добровольно отказался от всех исконных прав. И получить их назад можно только единственным способом – если найдется смельчак, который обменяет одно из своих прав на тебя. Правда, на моей памяти на подобное решились лишь однажды, и хлопот впоследствии мне это доставило преизрядно… Поэтому тебе подобный вариант решения проблемы не грозит, а жаль…

На несколько минут в комнате воцарилось молчание. Арьята вновь сосредоточилась на гитаре, попеременно извлекая из оной какие-то минорно-мажорные звуки. Ей не давал покоя ответ, услышанный от Сына Зари.

*…Зачем богам неудачники? – Чтобы доказать, что они боги…*

Что вечный пленник хотел этим сказать? Зачем богам что-то доказывать? Струны под пальцами болезненно тренькнули.

«Не доказывать – создавать! – осенило Арьяту. – А Стихии не могут ничего создать, пока что-то не будет разрушено. Причем не просто разрушено, а *разрушено*. Полностью, глобально, с судьбоносными последствиями! Действие вызывает противодействие. Чудеса всегда ярче смотрятся на фоне катастрофы. Созидающей энергии с каждым годом опять становится все меньше, а значит… Гадес, сволочь циферблатная, так вот зачем тебе понадобился мальчишка! Хочешь загрести жар чужими руками? Маленькое контролируемое светопреставление, а? Чтобы и волки сыты, и овцы целы? Похвально…»

Тонкие пальцы менестрельки нервно забегали по струнам…

«Да только так не бывает. Мир, словно феникс, рождается, разгорается, умирает, осыпаясь хлопьями золы, и вновь восстает из пепла. Не только и не столько боги его возрождают… Но тебе этого не понять, Часовщик. Тебе, не умеющему прощать, запертому в клетке собственной гордыни и надуманного долга, этого не понять».

Арьята тихонько вздохнула. Для достижения благородной цели существуют разные пути, да только некоторые из них настолько мерзкие, что любое благородство меркнет от этого.

Эдан, вполуха прислушиваясь к мелодичным гитарным переборам, погрузился в свои невеселые мысли, отнюдь не способствовавшие борьбе с бессонницей. Пометавшись в дурных сплетениях унылых дум, юноша не выдержал, решив – хватит,

надо бы на что-нибудь переключиться.

– Арьята, – запинаясь, окликнул он. Девчонка вскинулась, выныривая из размышлений. – Можно личный вопрос?

– Валяй, – рассеянно откликнулась менестрель.

– Шири, эхм, он твой… мм… возлюбленный? – выдавил юноша, заливаясь краской смущения.

Арьята тихо рассмеялась.

– Откуда ты взял такую глупость? – все еще хихикая, осведомилась она.

– Ну, он называет тебя daeni и все время пытается защитить… – окончательно стушевался Эдан.

– Ты вроде неплохо знаешь Старшую речь, а городишь такую чушь! «Daeni» слишком неоднозначное обращение, и в устах Шири оно значит не больше, чем «младшая сестра». А что до заботы обо мне… Он сам выбрал себе наказание… Но в одном мой верный Поводырь точно прав – я ребенок, непосредственный, наив-ный ребенок. Иногда шаловливый, иногда жестокий, как и все дети. Такова я есть и такой останусь до скончания времен.

Эдан отметил, что девчонка говорит об этом без какого-либо сожаления.

– …а Шири, – продолжила Арьята, – взрослый сформировавшийся мужчина. Рыцарь без страха и упрека, которого если и можно упрекнуть, так только за излишнее благородство на грани дурости… – насмешливо закончила она.

– Арьята, сыграй что-нибудь, – вдруг попросил юноша.

Смерть, подивившись скорости, с какой он перескакивает с темы на тему, иронично поинтересовалась:

– Зачем? Тебе же все равно нечем платить.

– А ты играешь только для тех, кто платит?

– Я менестрель, – пожала плечами девчонка, – где ты видел менестреля, поющего задаром?

– А в долг? В долг это ведь не задаром?

– Не задаром, – покладисто согласилась Арьята, понимая, что от пения ей уже не отвертеться. Она поудобнее перехватила инструмент, выискивая в памяти песню, подходящую нынешней обстановке. Прижала аккорд, перебрала пальцами по струнам, будто утверждаясь в правильности выбора, и запела:

Нам в последнюю ночь
Не останется места для страха,
Только нервы струной
Загудят на холодном ветру.
Мы сегодня сыграем ва-банк,
Ну, а там – можно даже на плаху,

На сожженных мостах
Серый пепел остынет к утру.
Мы доверим друг другу
Все то, что еще не сказали,
Выбор сделан, а значит —
Всем пора перейти Рубикон,
Мы дрались исступленно —
Ни шрамов, ни ран не считали,
Только время пришло —
Нужно сердце поставить на кон.
Нам в последнюю ночь
Не пристало ошибок бояться,
Сколько жизней подряд
Танцевали на битом стекле?
Это время течет, как песок,
Ускользнувший сквозь пальцы,
Жизнь, надежду, любовь —
Оставляя в холодной золе.
Мы сегодня сыграем на все,
Не заботясь успешным раскладом,
Выбор сделан, друзья, —
Нынче ставки в игре высоки.
Мы рискнем в эту ночь —
Доживем – значит, будет награда,
И решаются судьбы
Мановеньем незримой руки…

Едва отзвучали последние строчки, как из темноты сада, просто перед окном, словно призрак, возник Шири. Бесцельно прошатавшись по саду больше часа, он уже готов был лезть на стену от сложившейся ситуации. Иленка оказалась в опасности по его вине! Нужно срочно что-то делать. Покружив по заросшим тропинкам, Поводырь пришел к выводу: чем скорее они покинут дом Криэ, тем лучше для всех. Едва он уйдет, опасность для Иленки исчезнет, и все образуется само по себе…

От неожиданности Арьята едва не выронила инструмент. Поводырь оперся на подоконник, подтянулся и очутился в комнате.

– Поднимай нашего неженку, и убираемся отсюда, – хрипловато скомандовал он.

– Я все слышу, – обиженно буркнул Эдан, садясь на кровати.

– За тобой гонится разъяренный муж совращенной горожанки? – иронично заломив бровь, поинтересовалась Арьята.

Шири неопределенно дернул плечом, стремясь показать, что сарказм неуместен.

– Тогда в чем дело? Шири, сейчас четвертый час ночи! – прошипела менестрель, спрыгивая с подоконника и надвигаясь на своего верного Поводыря. – Мы не можем вот так, с бухты-барахты, сорваться и уйти, даже не попрощавшись с хозяевами. Это по меньшей мере невежливо.

– Оставишь записку на кухне, – прервал он ее, – а заодно захватишь что-нибудь пожевать.

– Да что случилось-то? С чего ты нервный такой? – не выдержала Арьята. – Из-за Иленки? – Девчонка заглянула ему в глаза. С Шири явно творилось что-то неладное.

– Да, то есть, нет! Daeni…

– Только не говори, будто мэтр Криэ застукал тебя в ее спальне! – в притворном ужасе закатила глаза Смерть.

– Daeni! – взвыл Поводырь, борясь с желанием запустить в менестрельку чем-то тяжелым. – Не до шуток сейчас! Быстро собирайтесь!

– Ладно, ладно, – примирительно замахала руками Арьята. – Не кипятись только.

# Глава 7

Иленка в полусне ворочалась на кровати… Невнятные обрывки полудремных видений еще висели где-то на задворках ее сознания. Перевернувшись на спину, девушка нашарила на тумбочке будильник и сонно воззрилась на фосфоресцирующий циферблат. Время близилось к четырем утра. В комнате было душно. Иленка мрачно покосилась на окно: так и есть, закрыто. Пробормотав что-то нелестное в адрес своей забывчивой особы, она нехотя поднялась и направилась к окну. Котенок, дремавший на кресле, вскинулся и недоуменно уставился на хозяйку сонными глазенками. Заклинательница усмехнулась. По возвращении ей пришлось выслушать немало упреков от домового, на чьем попечении осталась неугомонная Фроська. Сама же киса делала невинные глаза, мол, я не я и лошадь не моя. Да терлась о хозяйские ноги, ревниво пофыркивая на домового.

Иленка повернула ручку и распахнула створки, впуская в комнату поток свежего воздуха. На небе занимался восход, а по долине в довольно быстром темпе удалялись от особняка Криэ три подозрительно знакомые фигуры…

– Нет, ну не свинство ли, а? – воскликнула она, отскакивая от окна и заполошно мечась по комнате. – А меня, значит, решили тут оставить?! – Девушка принялась поспешно одеваться, здраво решив, что имеет полное право поучаствовать в расхлебывании заварившейся каши.

Подхватив сумку и перевязь с мечом, Иленка птицей слетела по ступеням в кухню. На столе лежала написанная корявым почерком записка.

«Наверняка, Арьята писала…» – подумала девушка, распахивая холодильник, в котором кто-то уже успел отовариться до нее.

На секунду застыв посреди кухни, она решила, что неплохо будет добавить к Арьятиной записке пару строк от себя, дабы отец не волновался.

– Иля? – вдруг удивленно донеслось от дверей. – Куда это ты собралась?..

…Досточтимый мастер-демонолог Хельги Криэ в эту ночь тоже остро маялся бессонницей. Он то принимался мерить шагами библиотеку, то застывал у окна и всматривался в непроглядную темноту сада. Смурные думы и неясные предчувствия одолевали его, не давая уснуть. Мысли метались между Иленкой и Шайриттой, и, касаясь первой, заставляли

сердце сжиматься от дурных предчувствий, а второй – лететь и биться сильнее, как в дни былой юности. Криэ еще раз пересек библиотеку, отчаявшись прийти хоть к какому-нибудь знаменателю. На кухне хлопнула дверца холодильника… Демонолог вздрогнул. Кого там носит в такое время? Хельги поспешил в кухню и едва не столкнулся с дочерью, явно намеревавшейся куда-то улизнуть.

– Иля? Куда ты собралась?

– Прости, пап. – Девушка вьюном проскользнула мимо него, походя чмокнув в щеку. – Спешу! Вернусь не скоро, не волнуйся! – прокричала она, вылетая на крыльцо и устремляясь вдогонку за Арьятой.

– Стой! Стой, оглашенная! – только и успел крикнуть ей вслед Хельги. Иленка уже со всех ног неслась вниз по склону.

– Ну все, кончилось мое терпение! – прорычал демонолог, хватая куртку и кидаясь вслед за дочерью. – Догоню, выпорю как сидорову козу!

– Мессир, стойте! – неизвестно откуда вынырнувшая Шайритта повисла на плече Криэ, пытаясь удержать. – Не волнуйтесь, о ней позаботятся…

– И ты, Брут?! – негодующе воскликнул демонолог. – Что за сговор в моем доме? Ну-ка признавайся!

Клинок отрицательно покачала головой.

– Шайритта… – угрожающе надвинулся на нее Хельги, пытаясь схватить за руку. Но стоило ему коснуться запястья, как Шай превратилась в меч. Он едва успел подхватить оружие, чтобы то не шлепнулось на пол.

– И опять ты уходишь от ответа, – укоризненно произнес он.

Лезвие тихонько зазвенело, что демонолог расшифровал для себя как: «Меньше будете знать, лучше станете спать, мессир…»

– Ладно, – удрученно пробормотал Хельги, – в конце концов Илька взрослая девочка и в случае чего сможет за себя постоять. По крайней мере, один защитник у нее там найдется, что бы я о нем ни думал… Защитничек… тьфу!

– Ты хоть с Иленкой попрощался? – укоризненно спросила Арьята у Поводыря, когда они уже довольно далеко отошли от особняка.

– Много чести, – буркнул Шири, после разговора с Шайриттой чувствуя себя не в своей тарелке.

– Кстати, у тебя еще есть возможность исправить эту досадную оплошность, – ехидно заметил Эдан, оборачиваясь.

– А ты вообще молчи! – огрызнулся Поводырь Смерти. – Чего?

– А вон она нас догоняет, – продолжая ухмыляться, произнес

парень.

– Что-о-о? – Шири резко обернулся.

К ним и правда со всех ног спешила Иленка, приветственно помахивая рукой и радуясь, что ее заметили.

– Марш домой! – возмущенно обрушился на неё Поводырь, едва заклинательница до них добежала.

– А… ты… мне… не… указ… Уфф! – выдохнула она, пытаясь выровнять сбившееся дыхание.

– Твой отец меня убьет! – попытался он аргументированно воззвать к ее здравому смыслу. Увы, в отличие от своей хозяйки тот еще спал.

– Не… убьет… он добрый, – отмахнулась Иленка. – Так, ногами чуток попинает… – мстительно продолжила она, – по печени, по почкам, чисто в воспитательных целях, и успокоится… уфф. К тому же, я его предупредила… хех… А квалифицированный магический специалист еще никому не мешал. И вообще, должен же находиться среди вас хоть один здравомыслящий человек!

– Здравомыслящий человек сейчас бы мирно спал дома, – пробормотала Арьята.

Ответить Иленка не успела. В сумке на боку началось какое-то невнятное шевеление, сменившееся жалобным мявом. Заклинательница поспешила откинуть клапан, и наружу тут же высунулась всклокоченная черно-белая мордочка. Громадные зеленые глаза так и норовили разъехаться в разные стороны.

– Вот наказание! – в сердцах воскликнула девушка, за шкирку вытаскивая котенка из сумки. – Я же тебя дома оставляла! – Кошка скорбно обвисла у нее в руке, явно вознамерившись подавить на жалость.

Шири, еще миг назад являвший собой уныние в чистом виде, злорадно заухмылялся.

– Какая ведьма шла, такую кошку и нашла, – мстительно протянул он. – Киса вся в хозяйку.

Иленка раздраженно засопела, прикидывая, чем бы таким убийственным засветить в наглую рожу Поводыря. Но тут Фроська, которой надоело болтаться между небом и землей, извернулась и от души скребанула лапой по хозяйскому запястью.

– …! – взвизгнула заклинательница, разжимая пальцы. Котенок шлепнулся на землю, на секунду скрывшись в высокой траве, а затем проворно вскарабкался по одежде на хозяйское плечо, всем своим видом показывая: мол, хоть режьте меня, хоть ешьте, но хозяйку я не брошу! Иленке ничего не оставалось, как смириться со свершившимся фактом. Шири, впрочем, тоже.

– Кстати, куда мы теперь? – запоздало поинтересовалась

заклинательница.

– В Харьковый-град, – Арьята подтянула лямки на чехле, – а оттуда в Гиренку. Надо же наконец-то прекратить эту дурную беготню по лесам и весям!

* * *

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что беспокойство – это великая двигательная сила? Например, присоединив к обеспокоенному, а тем паче терзаемому тревожными думами человеку зажим от генератора, можно без труда поддерживать в активном состоянии портативную электростанцию, преобразовывая энергию движения по замкнутому пространству в электричество. А сколько бы природных ресурсов сэкономили… Эх, жаль, нет гения, который бы претворил идею в жизнь…

В данный момент мастер-демонолог Хельги Криэ вполне бы мог обеспечить электричеством свой особняк, наматывая круги по библиотеке и время от времени пересекая оную по диагонали. Отброшенная книга шелестела на подоконнике страдальчески раскрытым нутром. Горячий воздух лениво колыхал пожелтевшие страницы. Время перевалило за полдень. Солнце, еще недалеко отползшее с зенита, от души расплескивало в воздухе сухой жар. Почтенный мэтр пересек комнату в тысяча триста пятнадцатый раз и, устало плюхнувшись в кресло, попробовал занять себя чтением. Первая страница прошла на ура, со второй было чуть сложнее, третья преодолелась так-сяк, четвертую он взял измором, а на пятой сдался и прибегнул к тактическому отступлению, отложив книгу в сторону. Мысли, получившие почти пятистраничную передышку, набросились на демонолога с новыми силами, настырными комарами зудя в мозгу. Подкравшаяся тревога, выскочив из-за угла с воплем «БУ!», не дала сосредоточиться. Мысли заскакали разлаженным хороводом.

Может, нужно было все-таки догнать Ильку? И если не вернуть домой (логика подсказывала Хельги, что провернуть подобный трюк невозможно), то хотя бы составить этим сумасшедшим компанию. Однако маг каким-то невесть-десятым чувством понимал, что наверняка оказался бы там лишним…

Из тревожных метаний его вывел приветственный окрик. Обернувшись, демонолог столкнулся с просунутой в окно конской мордой, и лишь потом заметил во все клыки скалящегося Даниэля.

– Я зашел попрощаться, мэтр, – улыбаясь, сообщил оборотень.

– Что же, будете проходить мимо, проходите мимо, –

попытался пошутить Криэ. Он не ожидал увидеть капитана чистильщиков, думая, будто те отбыли еще утром.

– Пришлось задержаться, дожидаясь градоправителя, – словно отвечая на невысказанный вопрос, сказал Даниэль. – Хотелось, знаете ли, получить свои деньги.

– И как? – не без интереса осведомился Хельги, зная: его светлость Кьель-ши всегда норовит получить побольше, но заплатить поменьше, а то и вовсе не заплатить.

– Успешно. Я даже не успел покрошить на дрова стол в его кабинете. Только-только графин разбил, вазой в стену зашвырнул, а со мной уже рассчитались, еще и сверхурочных отвесили, – довольно заухмылялся оборотень.

Демонолог насмешливо фыркнул. По его мнению, Даниэлю было достаточно только широко улыбнуться, чтобы Кьель-ши отдал деньги и поспешил забыть чистильщика, словно ночной кошмар.

– …Да, спасибо, что помогли с лошадьми, мэтр, – капитан чистильщиков потрепал гнедого по холке.

– На здоровье, – отмахнулся Хельги. – Доберетесь до Харькового-града, обратитесь в «Крылья ветра и Ко». Это сильфийская контора по перевозкам. Скажете, что от меня, – они доставят вас домой без проволочек. Но я бы вам не советовал срываться в такую жару, – добавил он. – К ночи вы все равно до города не доберетесь.

– Не хотим терять еще сутки, – беспечно отмахнулся оборотень. – Если все так, как вы говорите, то завтра к полудню мы очутимся в Харьковом-граде, а к вечеру – в Будапеште. Ну, бывайте, мэтр! – Даниэль покрепче ухватил поводья.

Хельги прощально махнул ему рукой.

Оборотень, ведя коня под уздцы, исчез в зарослях сада. Демонолог услышал, как скрипнула и захлопнулась калитка…

* * *

Оказывается, раздражение обладает ничуть не меньшей двигательной силой, чем пресловутое беспокойство, подстегивая нас не хуже шпор и хлыста вместе взятых. Шири, выведенный из себя дурацкой выходкой Иленки (вот кто ее просил сбегать из дому?! Как будто Поводырю без этого головной боли недостаточно!), задал такой темп, что остальным пришлось задействовать свои нижние конечности по максимуму, дабы не отставать…

Через несколько часов убийственного марша они вошли в

какое-то поселение, оказавшееся не то маленьким городком, не то разросшимся поселком. Никаких опознавательных знаков, которые помогли бы заплутавшим путникам сориентироваться, на окраине не присутствовало. То ли ушлые жители растащили оные на дрова и металлолом, то ли в силу своей нерадивости просто забыли их установить. Невысокие, в один-два этажа здания с вычурными, но изрядно битыми жизнью барельефами окружали непомерно большую для городка площадь. Как выяснилось, ярмарочную и в данный момент используемую по назначению. Пестрая суматоха указывала на то, что торговое действо находилось в разгаре. Народ живенько толкался между прилавками. Купцы, как водится, торговались, заламывали непомерные цены и пытались всучить втридорога что поплоше, приберегая более ценный товар до последующих торгов. Карманные воришки шустро сновали в толпе, избавляя посетителей от тяжелых кошельков не хуже торговцев. Из животных рядов слышалось то ржание, то мычание, то отборный мат. На высоком помосте разыгрывали какую-то сценку заезжие фигляры.

Ярмарочный гам обрушился на путников с силой горного водопада, заставив потерянно застыть посреди прохода. Дебелая бабища, протискиваясь меж рядов с двумя полными кошелками, едва не размазала их по прилавкам, разметав по проходу.

– Посторонись! Не зевай! – басовито голосила она, шествуя словно тяжелый таран к замковым воротам.

Арьятина гитара болезненно тренькнула, соприкоснувшись с прилавком. Иленка потирала ушибленный копчик. Фроська, едва не ухнувшая с ее плеча, нервно посапывая, вскарабкалась обратно. Эдан тщетно пытался разглядеть через плечо, какой ущерб нанесен его рубашке: юношу впечатало в лоток с зеленью. А Поводырь, кривясь, ощупывал локоть, расцарапанный о шершавую деревянную опору.

– Обширная женщина… – кисло протянул он, наблюдая, как таран-баба крикливо торгуется с тщедушным купчишкой в конце ряда. – Слона на скаку остановит, затопчет и дальше пойдет…

Эдан, отчаявшись что-либо разглядеть на спине, стащил рубашку и теперь тщетно пытался оттереть зеленые разводы на ткани.

– Это что, и есть Харьковый-град? – недоуменно спросил он, понимая, что рубашку уже не спасти.

– Не думаю, – откликнулась Арьята, убедившись, что ее драгоценному инструменту никаких повреждений не нанесено. – Не три, только хуже сделаешь, – остановила она юношу. – Давайте лучше уберемся с прохода, пока нас еще кто-нибудь не…

подвинул.

Однако выбраться с ярмарки оказалось куда сложнее, чем они предполагали. Народ бестолково кружил меж рядов, создавая изрядное столпотворение. Толкаясь и переругиваясь из-за оттоптанных ног, они наконец-то вырулили на тихую улочку, которая пустовала исключительно потому, что была тупиковой, а весь обитавший на ней люд сейчас толкался на ярмарке.

– Я слышал, в Харьковом-граде самая большая площадь в Старой Европе, – сообщил Эдан, одергивая сбившуюся одежду.

– И ты решил, будто этот уставленный палатками клочок земли она и есть? – насмешливо осведомилась Иленка.

– Тогда где же мы?

Заклинательница, недолго думая, цапнула за рукав первого вывалившегося из ярмарочного столпотворения прохожего и обратилась к нему с тем же вопросом.

– Бяреха, – буркнул тот и вновь исчез в площадном круговороте.

– Бяреха, – задумчиво повторила Иленка. – Говорила же я вам, что мы слишком взяли к югу! Иначе вышли бы к реке, а не сюда.

Шири угрюмо насупился. Ну да, проворонил, поддался эмоциям, а daeni и рада стараться… Дорогу всегда выбирала Смерть, но если бы он бдительно не следил за направлением, они бы редко добирались до места назначения.

В трех соснах заблудились, кошмар! Правда, несносная заклинательница всю дорогу ныла, что они отклонились от маршрута, но Шири был несколько зол на нее и поэтому пропустил замечания мимо ушей. И вот, пожалуйста, вместо того чтобы выйти к реке, а вдоль нее через день к Харькову-граду, они оказались в какой-то зачуханной Бярехе, от которой еще неизвестно сколько топать.

– Да ладно тебе, – заметив его мрачнеющую физиономию, откликнулась Иленка. И, похлопав Шири по плечу, добавила: – Вообще-то мы еще и выиграли, что полями пошли. Раньше все так ездили, пока нечисть не расплодилась и новую дорогу вдоль реки не проложили. Если не задерживаться, то к ночи до Харькового-града доберемся, А хотите, можем прямо отсюда на Гиренку повернуть… Эй?!

Бледный как мел Поводырь, привалившись к ближайшей стене, судорожно скреб пальцами по груди, тщетно стремясь унять боль и выпрямиться. Арьята с Эданом заботливо поддержали его под локти.

– Эй… – Иленка испугано таращилась на все еще бледного, но уже твердо стоящего на ногах Шири. – Чего это с ним? –

обратилась заклинательница к менестрельке.

– Не знаю, – как-то неуверенно откликнулась девушка, – может, аллергия?

– На меня, что ли? – саркастически заломила бровь Иленка. – В подвалах с ним то же самое случилось, когда он меня за руку схватил…

– А может, ты энергетический вампир? – предположил Эдан, кривя губы в ироничной усмешке. – Выпиваешь одним прикосновением…

Иленка попыталась отвесить ему подзатыльник, но юноша успел увернуться.

– А может, вы прекратите нести чушь и мы дальше пойдем? – мрачно предложил оклемавшийся Поводырь. Настроение у него испортилось окончательно. – Хотя нет. – Он что-то быстро прокрутил в голове и усмехнулся своим мыслям. – Лучше мы сначала зайдем в оружейную лавку. – Пронзительный взгляд единственного глаза цепко задержался на Эдане.

– Зачем? – не понял юноша, которому вдруг стало неуютно под этим испытующим взором. Ничего хорошего, по мнению Эдана, ему это не предвещало, а вот порцию гадостей очень даже.

– Затем, чтобы купить тебе меч, – отрезал Поводырь.

– Зачем? – еще больше удивился паренек. Нет, мечом он владел вполне сносно. Старший брат из какой-то прихоти, в пику отцу, научил его обращаться с оружием. Но на кой он ему сдался сейчас?! И с чего это на одноглазого вреднюгу напала такая блажь?

– За шкафом! – начал раздражаться Шири. – Зайдешь за шкаф и начнешь мечом стучать по нему, доводя тараканов до сердечного приступа!

– Зачем? – глаза Эдана делались все больше, а уверенность в нормальности Поводыря резко уменьшалась.

– Чтобы глупых вопросов не задавал! – в сердцах напустился на него одноглазый, заставив отскочить на шаг назад.

– Знаете чего, ребята. – Арьята ненавязчиво вклинилась между ними. – Вы идите, развлекайтесь, а мы вас во-он в том трактирчике подождем. – Девочка указала на недвусмысленную вывеску над улицей.

Еще немного попререкавшись, Шири согласился оставить их одних дожидаться его возвращения и потащил Эдана за собой. Юноша пару раз умоляюще оборачивался, но Арьята лишь игриво помахала ему ручкой, здраво решив: пусть мальчики развлекаются, не стоит им мешать…

Трактир, облюбованный неугомонной менестрелькой на этот раз, носил гордое название «Полная чаша», но, вопреки ему,

сейчас пустовал. Хозяин дремал за стойкой, делая вид, будто погружен в чтение изрядно обтрепавшейся по краям газеты. Солнышко, игриво заглядывавшее в низкие запыленные окна, рассыпало золотистый свет по темным мореным доскам столов и роняло ясные блики на изрядно затоптанный пол. Тем самым оно ненавязчиво намекало трактирщику, что неплохо его если не выскоблить, то хотя бы помыть. На опорах и широких балках под потолком висели пучки клечального зелья и купальские венки. И то и другое уже давно высохло, но все еще источало пряный травяной дух. Иленка хмыкнула. В Белгродно человеческое население в Клечальную неделю тоже увешивало дома пучками цветущей липы, мяты и любистка, наивно полагая, будто те защитят дом от злых духов. Дома она частенько посмеивалась над Нюшей, когда домовичок принимался развешивать по стенам благоухающую зелень. Охранные чары на особняке Криэ стояли такие, что даже высшему демону пришлось бы изрядно пообломать рога, пытаясь прорваться внутрь. Единственной пользой от подобных пылесборников был только приятный запах. Вот и сейчас заклинательница только скептически посмеивалась над суеверным хозяином, радуясь лишь тому, что внутри трактира пахнет сухоцветом, а не разит помоями или, хуже того, гнилой капустой.

Подойдя к стойке и окликнув трактирщика, девушки узнали, что в услугах менестреля заведение не нуждается; и яблочного сока здесь нет, но есть забродивший компот, который вполне может сойти за ягодное вино, и если уважаемые пожелают…

Уважаемые отрицательно замотали головами, понимая, что после такой бормотухи единственным местом, куда они дойдут, вернее, добегут, станет домик неизвестного архитектора за трактиром, ну или придорожные кустики – это как повезет. В итоге взяли кружку светлого пива на двоих. Уселись за дальний столик, отпили по глоточку и, поморщившись, отставили на край стола: пиво было теплое и вдобавок какое-то маслянистое, словно в него щедро плеснули подсолнечного масла. Иленка поспешила прополоскать рот водой из фляги. Фроська, унюхав, чем пахнет из покинутой кружки, чуть не вбурилась туда целиком. Заклинательница едва успела выдернуть ее за хвост. Киса плотоядно мяукала и терлась мордочкой о кружку. Пришлось сходить к трактирщику за блюдцем и налить маленькой нахалке пива. Котенок с энтузиазмом принялся лакать оное, довольно пофыркивая.

– Эх, ни шиша мы с тобой в пиве не понимаем… – протянула Арьята, – наблюдая, как бодро Фроська расправляется с содержимым блюдца. – Зря только полтора гривенка выкинули…

– Чего зря? – удивилась Иленка. – Вон как хлюпает, только брызги летят.

– Ты только не подливай, сопьется же! – предупредительно бросила Смерть.

Фроська тем временем отвалилась от блюдца, уселась на хвост и, обведя трактир посоловелыми глазенками, задрала лапу и принялась вылизываться. Заклинательница, озорно усмехнувшись, протянула руку, чтобы опрокинуть захмелевшую кису на спину, но не тут-то было. Котенок мигом вскочил на четыре лапы и угрожающе зашипел.

– Эй, Фрося, что за новости?! – ошеломленно уставилась на нее Иленка и вдруг заметила, что кошка шипит не на нее. Фроська смотрела куда-то между ней и Арьятой. Девушка медленно обернулась. В деревянной опоре за столом с хрустом проступили резкие нечеловеческие черты лица. Полетела щепа.

– Выпусти… – промозглым ветром прокатилось по трактиру.

Иленка поспешила убраться подальше от говорящей опоры. Арьята, икнув от неожиданности, тоже ретировалась прочь от данного феномена.

– Ч-что эт-то? – заикаясь, выдавила менестрелька. Заклинательница внимательно поглядела на спутницу. Не разыгрывает ли она ее? Нет, не разыгрывает.

– Это демон… – вздохнула она. – Высший демон.

По тону, каким оная истина была озвучена, Арьята поняла – жить им теперь осталось недолго и исключительно несчастливо, а скончаться предстоит так и вовсе в жутких конвульсиях. Иленка тем временем продолжила:

– Какой-то ушлый чародеишка умудрился засунуть высшего в этот брус и там запечатал. Ну, может, не в брус, а в дерево, из которого его сделали, но дела это не меняет. Вот что за люди тут живут, почему не додумались послать за заклинателем?!

– И давно он его запечатал? – в голову Смерти закралась догадка, что вместо того, чтобы немедленно драпать из злополучного трактира, они сейчас примутся изгонять демона, или – еще вероятнее – демон примется изгонять их…

– Давно. – Дочь мэтра Криэ все больше мрачнела. – А на днях он, наверное, почил в бозе, и запирающие чары теперь слабеют с каждым часом. Но выпустить демона я не могу, – поспешила добавить она. – От большой признательности он меня на месте пришибет; и не выпустить не могу – вырвется сам, разнесет здесь все к свиньям собачьим. И хорошо бы, если бы это «все» только трактиром и ограничилось.

Несколько секунд девушки изучающе пялились на злополучную опору, пока Арьята не решилась озвучить свои

мысли:

– А если выпустить его и накрыть печатью, как муху колпаком? Перебесился бы первое время, а потом поговорили бы да и разошлись миром.

Иленка отрицательно покачала головой.

– У меня сил не хватит. Одна запирающая печать такого уровня прорву энергии сожрет, а их как минимум три нужно раскинуть. И вообще, соваться к высшим без кучи накопителей или временно увеличенного собственного резерва равносильно самоубийству.

С накопителями у Иленки оказалось туго. И теперь заклинательница озабоченно терла подбородок, перебирая в уме все известные ей способы одномоментного увеличения энергетического потенциала, но отметая один за другим как невозможные и трудоемкие. В очередной раз окинув взглядом трактир, она задержалась на шкафу за стойкой. Внимание девушки привлекла приземистая квадратная бутылка из черного стекла. Если ей не изменяла память, именно в таких продавали самодельную полынную настойку. Лучше бы, конечно, настоящий абсент, но за неимением оного сойдет и полынный самогон местного разлива. Лишь бы полыни туда не пожалели. Придя к решению, Иленка не замедлила озвучить его изнывающей Смертушке. В ответ Арьята честно предупредила ее, что ловить по стенам чертей и объясняться потом с Шири заклинательнице предстоит самой. Та лишь отмахнулась и уверенно двинулась к стойке…

Трактирщик, выслушав рассказ о сидящем в деревянной опоре демоне, расхохотался ей в лицо и посоветовал меньше пить, а дураков, которые на халяву нальют магичке абсента, пойти поискать где-нибудь в другом месте. Но тут демон вновь решил попробовать явить себя миру. Щепа от бруса полетела еще обильней, чем в первый раз. Фроська, шарахнувшись по столу, едва не сверзилась на пол, но была подхвачена Арьятой. Иленка не успела и глазом моргнуть, как перед ней уже стояла квадратная бутылка «Изумрудной Ведьмы» в окружении нескольких стопок…

Опрокинув в себя вторую рюмку горячего горького пойла, заклинательница скривилась: ну и дрянь. И как такое пьют-то вообще? По телу прошла волна дрожи. Голова стала легкой-легкой. Пальцы покалывало от переизбытка энергии. Иленка каким-то вихляюще-крадущимся шагом вышла на середину трактира. Перед нею плыли три гудящие от напряжения ловчие печати, готовые в любой момент активироваться.

– Арьята, – чуть заплетающимся языком проговорила она. –

Отойди оттуда, я его сейчас выпускать начну, ык…

Смерть поспешила ретироваться за стойку. А трактирщик так и вовсе присел за ней, прикрыв голову подносом. Иленка целенаправленно долбанула по брусу чем-то извращенно заклинательским, стены заведения задрожали. Сидевший в опоре демон наверняка трижды проклял тот момент, когда решил вырваться на волю. Дерево раскололось, пол обильно усеяла обгорелая щепа. Дымная серо-голубоватая субстанция с воем кинулась к заклинательнице, чтобы тут же забиться в клетке из печатей. Что это было и как оно выглядело, разглядеть никому не удалось. Тварь металась смазанной кляксой, скребя когтями по полу и зло подвывая, когда натыкалась на стенки магической клетки.

Заклинательница вяло приплелась обратно к стойке. Арьята все еще таращилась на печати и заключенное в них существо. Непонятно, как Иленке вообще удалось упаковать ЭТО в «клетку». Силы у демона было значительно больше.

– Мне определенно нужно выпить, – пробормотала менестрелька, рассеянно наливая из черной квадратной бутыли…

Время – штука относительная. То его оказывается вагон и маленькая тележка, то оно вдруг исчезает, и мы начинаем тщетно разыскивать в сутках двадцать пятый час, которого там отродясь не водилось. А уж сколько в нашей жизни всяческих мест, аномальных и не очень, где время будто исчезает вовсе, а мы по возвращении в реальность обнаруживаем, что минуло его уже невесть сколько. О, таких временных дыр вокруг нас великое множество! Книжные магазины, маленькие приятные кафешки, затерявшиеся в подвалах и на чердаках старинных домов в узких улочках, лавчонки, полные всякой антикварно-подарочной дребедени, или, на худой конец, оружейные лавки – тут уж каждому свое.

Всю прелесть подобной временной дыры Эдан уже в полной мере ощутил на себе. Ему показалось, будто они пробыли в вотчине оружейника не более пятнадцати минут. И каковым же стало его удивление, когда выяснилось, что они проваландались между стойками с железом чуть более полутора часов. Перевязь с наспинными ножнами непривычно оттягивала плечи паренька. После долгих пререканий с оружейником и Эданом, после многочисленных проб и примерок Шири остановил свой выбор на прямом, средней ширины клинке с клиновидным острием. Несмотря на то что меч лежал в руке Эдана словно влитой, юноша покупкой остался недоволен. Неизвестно, какие преимущества смотрел в нем Поводырь, но более нелепого

клинка Эдан в своей жизни не встречал: для одноручного у того была слишком длинная рукоять, а клинок до полуторника недотягивал. Возникало ощущение, будто задумывался оружейником всё-таки бастард, но не хватило стали и доделывали меч по принципу «что получится». Простая, не предполагающая никаких излишеств рукоять переходила в диковинно изогнутую гарду, покрытую вытравленным узором, напоминавшим змеиную чешую. Вдобавок меч обладал совершенно невозможным, каким-то плавающим балансом: вроде держишь в руке – все прекрасно, но стоило начать проводить связку, как центр тяжести тут же съезжал или в гарду, или в острие. Но, как ни странно, именно с этим дурацким клинком Эдан чувствовал себя лучше всего, однако не преминул поворчать.

– Зачем нам эта несуразица? – недоумевал он. – Взяли бы тот альвский одноручник, который хозяин предлагал. Он и меньше, и легче…

– И мягче, – саркастически добавил Шири. – Там сталь ни к черту. После первого же сильного удара согнется в кочергу. Такой только для красоты и годится.

Обсуждая достоинства и недостатки своего нового приобретения, они незаметно вышли на необходимую улочку. Народу на ней так и не прибавилось. Правда, оставалось предположение, что прохожие все как один завернули в трактир насладиться дивным пением одной рыжей менестрельки, ибо из распахнутых дверей «Полной чаши» долетала живенькая мелодия, которой вторили два не слишком трезвых девичьих голоса.

До краев стакан мой полон,
Крякнуть, выпить и забыть.
Это кто там утверждает,
Что чертей не перепить?
Эти нехристи упились,
Под столом в пятак храпят.
Не гонять им за добавкой
Расторопных чертенят…
А чертовка подливает,
Ах, зараза, хороша!
Спеть ей, что ли, серенаду?
Так и просится душа.
Может, дама чуть рогата
И хвостата, ясен цвет,
Но под выпивку, известно,
Некрасивых девок – нет.

Шири уверенно направился ко входу в трактир. Эдан поспешил за ним. Людей, за исключением унылого трактирщика и двух девиц, разудало голосящих про чертячью пьянку, внутри не наблюдалось. Зато имелась угрюмая демонесса, нервно мерившая два метра свободного пространства между печатями и страдальчески зажимавшая когтистыми ладонями перепончатые уши, когда вокалистки брали уж совсем пронзительные ноты. Фроська, опупело привалившись к кружке, время от времени руладно взмяукивала, вторя голосистым девчонкам.

– Ша-айта-ан, – изумленно протянул Шири, приближаясь к облюбованному спутницами столику. – Картина маслом: «Херувим упился»… Ни на минуту нельзя одних оставить! Они друг на друга плохо влияют. Даже кошку умудрились споить!

– Нэ-нэ-нэ, – отрицательно замахала руками более трезвая Арьята, первой заметив появление мужской половины их маленького отряда. Куда менее трезвая Иленка попыталась дотянуться до кружки и утихомирить распоясавшуюся кису, но тут же начала неконтролируемо заваливаться на бок.

– Да они же обе пьяные в стельку! – ошеломленно воскликнул Эдан, едва успев подпереть клонящуюся в его сторону заклинательницу.

– Не-е… – вновь попыталась отрицать очевидное Смерть. – Это она – пьяная, – менестрель указала на Иленку. – А я – выпивши… ык…

Шири только удрученно покачал головой. Становилось ясно, что ни в какой Харьковый-град они сегодня не попадут. Поводырь подозвал трактирщика. Тот, боязливо косясь на вышагивавшую в «клетке» демонессу, бочком просеменил к столу.

– Две комнаты до завтрашнего утра найдется? – спросил Шири.

Хозяин покладисто кивнул.

«Вот и славно, – подумал про себя Поводырь Смерти, – теперь бы этих красавиц до кроватей как-нибудь дотащить»…

# Глава 8

Беспокойно промаявшись еще несколько часов после ухода Даниэля, почтенный мастер-демонолог решил нанести визит вежливости главе Белгродно, его пурпурноволосой светлости досточтимому Кьель-ши. Окинув взглядом кабинет градоправителя, Хельги пришел к выводу, что последствия беспорядка, учиненного оборотнем, то ли успели качественно ликвидировать, то ли оного не было вообще, а Даниэль просто решил блеснуть своим специфическим чувством юмора. Но так или иначе, а кабинет его светлости только разве стерильностью не сверкал. Сильф, как всегда, выглядел предельно надутым и чопорно важным. Криэ страдальчески поморщился: такое выражение градоправительской физиономии не сулило ничего хорошего. Стоило магу переступить порог кабинета, как на него тут же обрушился поток недовольства, видимо, тщательно культивируемого в последние дни господином Кьель-ши, дабы при случае излить его полной чашей на чью-нибудь некстати подвернувшуюся голову. Наверное, именно поэтому Мираниэль так старательно прятался от своего непосредственного начальства, ссылаясь то на нездоровье, то на туманные личные причины. Да, от идеи строить на злосчастном пустыре градоправитель отказался, но зато повесил на демонолога всех остальных собак, отыгрываясь за собственную глупость. На середине нудно-обвинительного монолога Хельги не выдержал и, развернувшись, вышел прочь, демонстративно хлопнув дверью. Внутри что-то с грохотом обвалилось… Демонолог очень надеялся, что люстра, и причем прямо на голову вредному сильфу…

Попетляв по белгродненским улочкам, Хельги понемногу успокоился, а спустя несколько минут и вовсе начал злорадно улыбаться, припоминая дневной разговор с Даниэлем. Похоже, оборотень не особо погрешил против истины, рассказывая о небольшом погроме в кабинете градоправителя и добавленных сверхурочных, иначе с чего бы Кьель-ши так на него взъелся? В отношении денег градоправитель всегда вел себя хуже гномьего банкира. Криэ даже немного сожалел, что хороший самоконтроль не позволил ему повторить тот милый бардачок и потребовать с Кьель-ши молока за вредность. Не то чтобы оно было так уж нужно демонологу, но от удовольствия посмотреть на перепуганную физиономию сильфа он бы не отказался.

День постепенно катился к закату. Вот город остался за спиной, а впереди медленно, но верно воздвигался холм,

увенчанный разросшимся запущенным садом. В глубине сада маячил старый дом, его дом. Демонолог шел, сунув руки в карманы, насвистывал себе под нос какой-то простенький мотивчик и совсем по-мальчи-шечьи пинал подвернувшийся под ноги камешек. Тревога, терзавшая его на протяжении всего дня, отступила, затаившись где-то в глубине. Возможно, он зря так переживает. Наверное, сказывается напряжение последних дней. Может, действительно все не так пло…

Заслышав дробный стук копыт за спиной, Хельги инстинктивно обернулся. Его нагонял конный отряд. Навскидку, около десяти всадников, а может, чуть меньше. Криэ особо не присматривался. Демонологу стало не по себе. Он тоскливо взглянул в сторону холма, до которого оставалось еще несколько минут хода. Пошарив в карманах, маг с прискорбием обнаружил, что телепортационного амулета при нем не значится. Рука непроизвольно скользнула к левому плечу, над которым обычно возвышалась рукоять верной Шай. Пальцы схватили пустоту. Хельги выругался сквозь зубы. Ну, кто же знал, что обычная прогулка в город закончится такой неприятной встречей? А то, что встреча грядет исключительно неприятная, демонолог почуял сразу, едва заметил всадников на дороге.

Стук копыт приближался. Маг отошел на обочину, пропуская отряд и все еще теша себя надеждой, что тот проедет мимо. Но чаяния мага пропали втуне: поравнявшись с Криэ, всадники сбавили ход и пустили коней шагом, приноравливаясь к движению Хельги. Демонолог и не думал останавливаться, все так же неспешно продолжая свой путь и лихорадочно соображая, что за пакость на него свалилась и как из оной выбраться с наименьшим ущербом для здоровья.

– Эй, ты! – резко окликнул его предводитель, кряжистый черноволосый мужчина. Его усталое осунувшееся пропыленное лицо отнюдь не располагало к задушевным беседам, а глубоко посаженные темные глаза, мерцавшие затаившимся безумием, так и вовсе делали отталкивающим.

– Вы мне? – изобразил удивление маг, продолжая идти.

– Тебе, леший бы побрал тебя и все твою родню! Остановись!

– Почему-то не припоминаю того дня, когда мы пили с вами на брудершафт, – насмешливо откликнулся Хельги, не сбавляя темпа.

Барон Тарница, а это был именно он, побелел от ярости. Как?! Этот никчемный чародеишка еще смеет ерничать?! Наведя справки в городе, он выяснил, что беглецов видели в компании местного демонолога… А человек, с которым барон сейчас пытался вести недружелюбную беседу, идеально подходил под

услышанное описание. Но, похоже, добиться от мага информации будет довольно проблематично. От неминуемого затаптывания конем Хельги спас всадник на черном жеребце, ехавший по правую руку от барона. Несмотря на изрядную духоту, он оказался с ног до головы закутан в плотный плащ. Сильно надвинутый капюшон полностью скрывал лицо.

– Мы ищем четверых беглецов, – спокойно произнес он, оттирая разъяренного барона в сторону. – Юношу, двух девушек и мужчину. Одна из девушек менестрель, а у мужчины недостает глаза. В городе сказали, что они остановились в доме на холме, у мэтра Криэ.

– Не знаю, о чем вы, – пожал плечами маг, методично перерывая мысли окружавших его людей.

«Ой-ей-ей… – мрачно подумал он, наскоро прошерстив сознание барона Тарницы. – Во что же ты вляпалась, Иля?»

– Бросьте, мэтр, – вкрадчиво откликнулся Гадес. А в том, что перед ним находится именно Хельги Криэ, он не сомневался. – Вы ведь не станете отрицать своей причастности к перемещениям оных персонажей…

– Только если речь идет о случайных попутчиках моей дочери, – пожал плечами демонолог. – Одна из них действительно менестрель. Они любезно помогли Иленке добраться домой, когда она оказалась в затруднительной ситуации.

– О них, о них, – утвердительно кивнул Часовщик.

– В таком случае ничем не могу помочь, – чуть раздраженно отозвался Хельги, понимая, что его ненавязчиво окружают. – Они изволили откланяться, едва Илька очутилась дома.

– Куда они ушли, отвечай?! – рявкнул Тарница, вновь выступая вперед. Узловатые пальцы барона сжались на рукоятке плети. Хельги будто невзначай поправил воротник куртки, зажав в пальцах неплотно пришитую серебристую бляшку, указывавшую на род его занятий. Чтобы сорвать ее и зашвырнуть прямо в середину отряда, ему хватит доли секунды. Заклинание туда помещено самое простенькое, но пока они проморгаются после ослепительной вспышки, он вполне успеет ретироваться на безопасное расстояние…

– А здесь одна дорога, – задумчиво протянул Гадес, не дожидаясь ответа Криэ. – Кажется, я догадываюсь, куда стремятся наши беглецы… Мы вполне сможем перехватить их в Харьковом-граде. Давно они ушли?

– Позавчера, – безразлично пожал плечами демонолог. Ведь если бы не его приглашение, Арьята сотоварищи действительно бы ушли еще позавчера.

– Тогда какого мы топчемся?! – взревел Тарница, давая шпоры коню. Плеть со свистом рассекла воздух… Рванувший с места конь чуть не сбил демонолога с ног. Хельги едва успел отскочить в сторону. А отряд уже растворялся в ранних августовских сумерках и клубах пыли, поднятых конскими копытами.

Криэ выбрался на дорогу, посылая проклятия вслед барону и его людям. Лицо заливала кровь из широкой ссадины, рассекшей лоб и переносицу. Маг был более чем уверен, что удар, якобы предназначавшийся коню, просвистел мимо цели не случайно. Он поспешил к дому. Уже возле калитки он столкнулся с обеспокоенной Шайриттой.

– Мессир, я почувствовала опасность… О нет, у вас кровь!

– Шай, не начинай, ладно? – взмолился Хельги, проходя мимо нее.

– Что случилось? – Клинок тенью следовала за ним.

– Пока ничего, но если не вмешаться, все может кончиться весьма плачевно. Не знаю, во что Иленка умудрилась вляпаться на сей раз…

– Нельзя этого допустить… – только и прошептала Шайритта, прижимая руки к груди. – Мессир, я еду с вами!..

– Стой! Не смей…

Хельги едва успел подхватить меч, чтобы тот не упал на землю.

Полчаса спустя по дороге на Харьковый-град, нахлестывая коня, летел в ночь одинокий всадник…

* * *

Ночь, как и пророчил Хельги Криэ, застала отряд Даниэля посреди дороги. Капитан чистильщиков, здраво решив, что соваться в темень на незнакомой местности себе дороже, уверенно направил коня к обочине, присматривая место для ночлега. Полчаса спустя он наконец-то нашел подходящую стоянку – широкую ровную площадку, лежащую между отрогов мелового кряжа, надежно скрывали разросшиеся кусты верболоза. Ошкуренное бревно на земле указывало, что не они первые решили воспользоваться этим местом для отдыха. Оборотень зябко повел плечами и спешился, беря коня под уздцы. Какие-то неясные отголоски тревоги заставили Даниэля на секунду запнуться. Он подозрительно повел носом – ничего, самые обычные запахи. Чуть различимо ощущается присутствие какого-то крупного зверя. Выяснять, какого именно, капитан

чистильщиков не стал. Хватит и того факта, что это точно не нежить. Тревожные импульсы вполне могли исходить от невидимого обитателя кряжа, возможно, где-то поблизости гнездо с детенышами…

– Особо не раскладывайтесь, – предупредил товарищей Даниэль, – дальше тронемся, как только начнет светать.

Спустя час наскоро разбитый лагерь чистильщиков погрузился в сон. Возле негромко потрескивавшего огня остались трое. Даниэль подбросил веток в костер и прислушался, едва заметно поведя ухом в сторону дороги.

– Чего не так, кэп? – басовито осведомился Збышко, заметив, как напрягся оборотень.

– Всадники, около десятка, несутся, как на пожар. Да ты их и сам сейчас услышишь. Мы не так далеко от дороги, – капитан задумчиво чертил веткой на песке какие-то загогулины, продолжая прислушиваться.

– Надеюсь, хоть не по наши души? – проворчал Анджей, сидевший прямо на земле.

– Не, – покачал головой оборотень. – Мимо едут.

– Ну и пусть себе едут, – буркнул Збышко, – с хле-бом-солью выходить да к костру их приглашать не собираюсь. – Заместителя Даниэля не слишком радовала перспектива ночевать под открытым небом в незнакомом месте.

Возле огня установилась относительная тишина. Шелестели чуть слышно кусты верболоза да потрескивали ветки, облизываемые горячими язычками пламени. Луна медленно выползала на темный небосклон, важно водворяясь среди мелких суетливых звезд. Даниэль прикидывал, а не совершить ли ему небольшую разведку местности, сменив ипостась. Поселившаяся в душе тревога не давала ему покоя.

– Шел бы ты спать, кэп, – отечески хлопнул оборотня по плечу Збышко. – Мы с Анджеем покараулим, а потом разбудим кого-нибудь из ребят.

– А может, наоборот: вы с Анджеем – спать, а я покараулю? – несмотря на почти десять лет знакомства, он по-прежнему не любил перекидываться при товарищах.

Ответить никто не успел – Даниэль сделал знак молчать, к чему-то прислушиваясь.

– Э? – встревожился Анджей.

– С кем-то наши торопыги дорогу не поделили, – продолжая прислушиваться, задумчиво ответил оборотень. Похоже, зверь, которого проигнорировал он, натолкнулся на других нарушителей спокойствия. И те отнюдь не разделяли его собственнических притязаний на данную территорию.

Анджей отковырнул ногой кусок мела и принялся что-то вытачивать из податливого известняка, используя жетон в качестве резца. Серебряная пластинка слабо мерцала в тусклом свете прогоравшего костра. Даниэль подбросил в огонь ветку и неодобрительно покачал головой, рассматривая жетон самозваного скульптора. Несмотря на проведенную в Белгродно подзарядку, амулеты едва-едва тянули. Того и гляди совсем отключатся. Он вытащил из-под футболки свою пластинку и задумчиво повертел в пальцах. В отличие от остальных членов отряда его жетон был не серебряным, а железным. Серебра оборотень не боялся и вполне спокойно мог пользоваться предметами, содержащими этот металл, но постоянно носить кусок оного на теле – нет уж, увольте от такого сомнительного удовольствия…

Даниэль вздрогнул, по спине табуном пробежали мурашки. Находись он сейчас в зверином обличье, шерсть бы на загривке дыбом встала. Верхняя губа непроизвольно вздернулась, обнажая длинные белые клыки.

– Будите остальных, – приказал он. – Собираемся и быстро уходим отсюда.

Дрема, окутавшая лагерь чистильщиков, разлетелась осколками. Люди вскакивали, встряхиваясь от остатков сна, поспешно сворачивали одеяла и доставали оружие. Лошади беспокойно всхрапывали и трясли головами, стремясь вырвать поводья из рук Збышка. Капитан отряда выругался сквозь зубы, пытаясь подавить рвущееся из глотки рычание. Похоже, амулетам пришел конец в самый неподходящий момент и отряд угодил в ловушку.

То тут, то там от ночной тьмы отделялись плотные тени, полукругом тесня чистильщиков к известняковой стене, но не смели переступить границу освещенного круга.

– Это еще что за нечисть? – пробормотал Анджей, словно завороженный следя за призрачными гостями. Размытые красные точки глаз, оскаленные перекошенные рты, корявые псевдоруки ночных пришельцев напомнили молодому чистильщику обложку какого-то сборника подростковых ужастиков.

Даниэль подбросил в костер оставшийся хворост. Вчера в подземелье ему уже довелось столкнуться с подобной тварью. И если бы не молниеносная реакция Ширi, неизвестно, чем бы все закончилось. Мэтр Криэ даже говорил, как называется оная дрянь, но капитан не потрудился запомнить. Да и какое сейчас это имело значение? Пламя благодарно слопало последнюю подачку и, продержавшись еще с минуту, вновь начало опадать. Тени осмелели, сантиметр за сантиметром отвоевывая пространство у

света. Оборотень пожалел, что с ними сейчас нет мага. Чистильщики специализировались только на той нежити, которая имела плоть. Охотой же на всяческих шальных духов в Нейтральной зоне занимались специальные отряды при инквизиции. До рассвета оставалось еще прилично времени, а костер уже почти прогорел. Оборотень тяжело вздохнул: ему ничего не остается, как вести отряд на прорыв, рискуя потерять людей в заведомо неравной схватке. Но это, по крайней мере, лучше, чем стать чьим-то добровольным ужином, даже не попытавшись спастись…

Внезапно темный воздух взрезала ярко блеснувшая сеть. Ослепленные чистильщики инстинктивно кинулись на землю. Тени рванулись вперед, но было поздно: колдовская сеть держала крепко, сжигая призрачные сущности дотла. Сверкание магического капкана померкло, оставив после себя лишь легкий налет пепла и противный сладковатый запах.

– Все живы? – вопросительно раздалось из темноты, и секунду спустя к лагерю чистильщиков, ведя коня под уздцы, вышел Хельги Криэ.

– Ох, мэтр… – только и смог выдавить из себя Даниэль, поднимаясь на ноги.

– И вам добрый вечер, – криво усмехнулся маг, наблюдая, как чистильщики поднимаются с земли и отряхиваются от меловой пыли. – Кажется, без жертв не обошлось, – посерьезнел демонолог, замечая, как Збышко тщетно пытается привести в сознание бледного до синевы Анджея. Криэ присел возле них на корточки и, отстранив пожилого чистильщика, принялся осматривать парня.

– Мэтр? – Даниэль пристроился рядом с ним, встревоженно глядя на пострадавшего товарища.

– Ничего страшного, – отмахнулся Хельги. – Его просто вскользь зацепило моим заклинанием. Видно, одна из тварей слишком близко к нему подобралась. Зато теперь мы имеем стопроцентную гарантию, что в вашего друга ничего не вселилось. Через несколько часов очнется, правда, еще пару дней будет чувствовать себя как побитая собака, но это не смертельно. Если у вас дома есть знакомый целитель, тем лучше… – Криэ поднялся на ноги. – Даниэль, и угораздило же вас расположиться на ночлег в охотничьих угодьях душеблудов!.. Раньше, еще до Войны Двух Миров, в таких вот кряжах любили селиться всяческие святые отшельники. Впрочем, их святость всегда вызывала у меня обоснованные сомнения. Но это так, к слову… Здесь они жили, здесь же и умирали, а при специфической местной энергетике, да без должного похоронного обряда, не

переведенные через Грань души очень быстро превращались в душеблудов, то бишь в жадную до дармового тела нежить, – укоризненно закончил маг.

– Кто же знал… – уныло откликнулся оборотень. – Я их совершенно не чувствовал, пока вплотную не подобрались… Кстати, как вы нас нашли, мэтр?

– Не ставил себе за цель, – отмахнулся он. – Заметил энергетический всплеск, свернул с дороги посмотреть, кто безобразничает…

– Очень вовремя свернули. Вы спасли жизнь моему отряду! – благодарно воскликнул Даниэль. – Если вдруг вам понадобится помощь, всегда можете на нас рассчитывать.

– Угу, – рассеянно кивнул Хельги. – Забирайте лошадей, и давайте поищем вам другое место для ночлега, а то, не ровен час, еще кто пожалует…

Несколько минут спустя отряд чистильщиков во главе с Хельги выбрался на дорогу к Харьковому-граду. В импровизированном гамаке, сооруженном из закрепленного меж двух коней одеяла, покачивался так и не пришедший в себя Анджей.

После некоторого раздумья Криэ предложил Даниэлю ехать дальше, не останавливаясь на ночлег. Благо оборотень прекрасно видел в темноте, а присутствие демонолога значительно прибавило чистильщикам уверенности в благополучном исходе их ночного путешествия. Однако с каждой минутой капитан отряда все беспокойней ерзал в седле, то и дело встревоженно поводя носом. Разлившийся в воздухе запах крови заставил его насторожиться. Лошадь, тоже почуявшая неладное, все замедляла шаг и, в конце концов, вовсе отказалась двигаться дальше, испуганно всхрапывая и мотая головой. Пришлось Даниэлю спешиться и пройти несколько метров вперед по дороге, чтобы выяснить причину столь внезапного лошадиного упрямства.

– …Ма-ать моя волчица, – ошеломленно донеслось из темноты. – Собака… с крыльями… Идите-ка сюда, мэтр!

Хельги спрыгнул на землю и, сотворив световой пульсар, приблизился к оборотню, изумленно рассматривавшему лежащую на земле изрубленную тушу, в очертаниях которой еще угадывалось не то собачье, не то волчье тело. Особенно поражали грязно-серые крылья, изломанной раскорякой застывшие в луже темной крови.

– Мэтр, скажите, что у меня не глюки, пожалуйста, – умоляюще попросил Даниэль, все еще отказываясь верить в реальность существования подобного зверя. Даже при всей своей профессиональной осведомленности в подобных вопросах, с

такой тварью он никогда не сталкивался.

– В таком случае, у нас один глюк на двоих, – усмехнулся Криэ, присаживаясь на корточки возле туши и подзывая пульсар поближе. – Успокойтесь, это всего лишь симаргл – крылатый пес. Эндемики[25], живут только в этой части Территории Древних. По вашу сторону Карпат вообще не встречаются. Гнездятся в меловых кряжах. Это самка, убита недавно…

– Так вот с кем они не поделили дорогу… – пробормотал себе под нос оборотень, вертя головой и к чему-то прислушиваясь. К немалому удивлению Хельги, Даниэль вдруг развернулся и уверенно полез в заросли верболоза и лопухов, впритык подходивших к изъеденной ветрами меловой стене. Минуту спустя перемазанный в известке оборотень вывалился обратно на дорогу. Он бесцеремонно удерживал за шкирку пушистый попискивающий комочек, при ближайшем рассмотрении оказавшийся щенком. На спинке малыша торчали из шерсти два куцых, покрытых серым пухом крылышка.

Пока Даниэль возился в зарослях, к демонологу, на свет пульсара, подтянулся остальной отряд. Оборотень поставил щенка на седло, и тот принялся отряхиваться, время от времени чихая. Короткие толстые лапки разъехались, и звереныш плюхнулся на живот. Криэ заинтересованно рассматривал находку чистильщика.

– Надо же, – удивленно протянул капитан, поддерживая малыша рукой, – и не боится[26].

– Что вы намерены с ним делать? – озадаченно спросил Хельги, рискнув потрепать щенка за ушами.

– Заберу с собой, – вздохнул Даниэль. – Не бросать же здесь. Маманя-то его скончалась… – Оборотень пересадил щенка за пазуху и взобрался в седло. – К тому же старшая дочь хотела собаку. Но в силу моего, кхм, происхождения осуществить ее желание было проблематично. А этот совершенно меня не боится. Чем не вариант?

– Только учтите, – откровенно предупредил его демонолог, – со временем это чудо вымахает размером с теленка и обзаведется крыльями до четырех метров в размахе.

– Если это единственный недостаток – я согласен, – усмехнулся оборотень, баюкая тихо попискивающего щенка.

Когда утро застает вас в состоянии похмельного ненастья – это неприятно, но не смертельно. Рюмка лекарства – и вы уже вполне себя осознаете. Когда утро застает вас в похмельном состоянии, и вы понимаете, что находитесь в незнакомом месте – это тоже не самое страшное. Наверняка рядом с вами найдется

тот, кто просветит вас в вашем неведении. Но когда похмельное утро застает вас в компании человека, перед которым вы всегда стремились казаться лучше, чем есть на самом деле, – это крах всему.

Шири стоял, опершись о подоконник, и наблюдал, как Иленка медленно приходит в себя. Перед этим он несколько минут следил, как вполне ожившая после вчерашней порции пива Фроська то игриво скачет по хозяйке, то принимается вылизывать ей шершавым язычком лицо, стремясь вернуть заклинательницу в сей грешный мир. Спустя полчаса киса совершенно умаялась, но результата так и не добилась. Плюнув на такую неблагодарность, зверюшка, покачиваясь на все еще неверных лапках, перебежала по комнате и взобралась на плечо к Поводырю. Шири только иронично хмыкнул, когда Фроська пощекотала ему усами щеку.

Прошло еще не меньше получаса, прежде чем Иленка начала проявлять более-менее активные признаки жизни. Девушка то начинала просыпаться, что-то бормоча и постанывая, то вновь затихала. В конце концов заклинательница с тяжелым вздохом повалилась на спину и с трудом разлепила глаза. Мир вокруг нее явно сошел с ума, ибо то норовил расплыться в одну цветастую кляксу с преобладанием желтого, то начинал медленно вращаться в разные стороны.

– Что, – участливо, но с некой долей насмешки осведомился Шири, – очень плохо?

– Ужасно-о, – глухо простонала Иленка, пытаясь вспомнить, кому принадлежит этот мягкий спокойный голос, но тщетно. Память объявила выходной: повесила на свои закрома амбарный замок, табличку «Закрыто» и укатила на моря. Пришлось заклинательнице собрать все имевшиеся в наличии силы и, преодолевая чудовищную кроватную гравитацию, приподнять голову над подушкой. Скосив глаза под невообразимым углом, ей удалось разглядеть обладателя приятного голоса. Высокая, затянутая в черное фигура так и норовила расплыться в туман, а вот лицо оной просматривалось слишком хорошо…

– Выйди немедленно! – попыталась целомудренно заорать Иленка, но получился какой-то сиплый всхлип. – Девушка в таком виде, а он стоит и пялится!

– По сравнению с тем, в каком виде мне доводилось зреть девушек за свою долгую жизнь, ты дашь им сто очков вперед, – осклабился Поводырь, – …в лучшую сторону, – добавил он.

Иленка, проворчав что-то маловразумительное, вновь растеклась по кровати.

– А по какому поводу вчера был праздник? – продолжил допытываться Шири.

Заклинательница наморщила лоб и принялась настырно ломиться в наглухо закрытые двери закромов памяти. Не выдержав столь мощного напора, те на палец приоткрылись, давая хозяйке возможность насладиться воспоминаниями вчерашнего победоносного сражения с демоном. Озаренная светом столь необходимых знаний, Иленка даже нашла в себе силы сесть, цепляясь за стену.

– Так по какому поводу праздник? – терпеливо повторил Шири.

– Победа благородства над здравым смыслом, – проворчала заклинательница, чувствуя, как по желудку прокатывается нечто похожее на комок колючей проволоки.

– О да! Достойный повод надраться в бубен, – саркастически хмыкнул Поводырь, отлипая от подоконника и приближаясь к кровати.

Иленка, размышлявшая над тем, что больше никогда спиртного в рот не возьмет, даже если от этого будет зависеть чья-то жизнь, зло глянула на Шири. Поводырь кривил губы в кислой усмешке. Вот ведь негодяй! Ей тут плохо и жить не хочется, а он стоит и ухмыляется!

– Слушай, – вспылила она, – какое тебе дело – в бубен, не в бубен, да хоть в барабан! Как хочу, так и надираюсь! Я взрослая самостоятельная де… – она внезапно замолкла, позеленев еще больше, чем была до этого.

– Что, тазик? – участливо осведомился Поводырь.

Заклинательница судорожно кивнула…

А тем временем в соседней комнате наблюдалась чуть более радостная картина. Ласковое утреннее солнышко роняло пока еще нежаркие лучи сквозь мутноватое стекло, вызолотив светло-рыжую макушку Эдана. Юноша сидел в старом плетеном кресле, терпеливо дожидаясь, когда Арьята придет в себя. Шири вчера оставил его здесь со строгим наказом дожидаться пробуждения менестрельки. На подоконнике в неком подобии кувшина красовались полевые цветы. Букет был изрядно растрепан и напоминал веник, зато заметно оживлял унылую внутренность трактирной комнаты.

Эдан задумчиво следил за игрой солнечных зайчиков на деревянном полу, перебирая в памяти события последней недели. За эти несколько дней он почувствовал себя живым больше, чем за все предыдущие шестнадцать лет. Злость и страх перед окружающими, въевшиеся в него за эти годы, вдруг разлетелись на осколки. Мир вспыхнул яркими красками, перестав тянуться серой чередой однообразных дней. Оказалось, в нем до сих пор существуют дружба, благородство, честь и… любовь. Юноша

осторожно покосился на Арьяту: тоненькая, хрупкая, глянешь в первый раз и не поймешь, то ли перед тобой еще ребенок, то ли уже взрослая женщина. А правда, как всегда, где-то посредине. Поймав себя на том, что он беззастенчиво рассматривает менестрельку, Эдан поспешно отвел глаза. Подобное смущение на пустом месте было для него внове. Юноша растерянно прикусил губу.

Арьята спала на кровати, свернувшись клубочком. Вот солнце панибратски подсветило ее рыжую челку, игриво мазнуло лучиком по сомкнутым векам… Девчонка осторожно пошевелилась и открыла глаза. Замерла на секунду, прислушиваясь к себе, и с удивлением констатировала: она чувствует себя вполне сносно. Вчерашняя незапланированная попойка с Иленкой в который раз напомнила ей, что ничто человеческое Смерти не чуждо, и действие алкоголя на организм в том числе. Однако трезвела она быстрее и, в отличие от простых смертных, не испытывала в полной мере всех прелестей похмельного синдрома. Девчонка вытянулась на кровати в полный рост и перевернулась на живот.

– Доброе утро, – вежливо поприветствовал ее Эдан, заметив вынырнувшую над спинкой всклокоченную голову менестрельки.

– Утро добрым не бывает, – буркнула Арьята, сонно оглядывая комнату и щурясь на солнечный свет. – О, цветочки… Не знала, что теперь эта услуга входит в оформление трактирных комнат…

Эдан смущенно отвел глаза.

– …или это ты постарался?

– Ну, э-э, да… Решил, пусть в твоем похмельном утре присутствует нечто приятное… – Юноша застенчиво потупился.

– Ох, – менестрелька подгребла под себя подушку, чувствуя, как незапланированно краснеет. – Давненько уже меня никто так не смущал…

Парень пробормотал в ответ что-то невнятное и склонил голову, скрывая волосами пылающие щеки.

Арьята не спеша села на кровати и пятерней расправила всклокоченные волосы, жалея об отсутствии гребня. Тот, насколько она помнила, остался у Шири.

– С тобой точно все в порядке? – настороженно осведомился Эдан, вставая с кресла и подходя к ней.

– Да-да, не беспокойся, – отмахнулась Смерть, чувствуя, что слегка переоценила свое самочувствие. Стоило ей сесть, как по телу расползлась предательская слабость.

– Точно не будет, как у этой?.. – паренек неопределенно махнул рукой на стену, подразумевая Иленку.

– Не… ык, а что с ней? – заинтересованно осведомилась менестрелька.

– Не знаю, но оттуда доносятся такие душераздирающие звуки… – многозначительно протянул Эдан. – Я даже представлять боюсь, что с ней делает наш одноглазый друг.

– В любом случае не то, о чем ты подумал, – фыркнула Арьята, прислушиваясь к звуковому сопровождению за стеной. – Так Шири там?

– Ага, и весь вечер там провел, и всю ночь…

– Не ябедничай, – поморщилась Смерть. Судя по доносившимся из соседней комнаты странным звукам, заклинательнице было совсем паршиво. Конечно, она же вчера изрядно хлебнула: две стопки перед боем, для подзарядки, и полторы после – испуг запить. Тогда как Смерть ограничилась одной, но и той хватило, чтобы привести ее в полуневменяемое состояние.

Решив, что пришла в себя достаточно, Арьята осторожно встала на ноги. Пол тут же взбрыкнул, а комната сделала крутой вираж, и менестрелька чуть не уткнулась носом в грудь Эдану. Тот едва успел ее поддержать. Девчонка тряпичной куклой обвисла на руках товарища, тщетно пытаясь подпереть ватными ногами непослушное тело.

– Эхм… – Эдан усадил ее на кровать.

Смерть изрядно порадовалась тому, что он не стал подхватывать ее на руки. Еще чего не хватало! Странно, но для внешне субтильного юноши это, кажется, не проблема.

– Предупреждать же надо! – выдохнул он, чувствуя, как горят щеки.

– Каким образом, скажи на милость? – язвительно, но вяло поинтересовалась Арьята, все никак не решаясь отпустить его руку. – Кричать: «Внимание, обморок!»?

Посидев несколько секунд, девчонка совершила очередную попытку встать, используя Эдана в качестве опоры. Получилось значительно успешней, чем в прошлый раз. Юноша бросил взгляд на стоящую у стены гитару. Менестрель благосклонно кивнула, разрешая ему взять инструмент.

– Пошли, наведаемся к нашей страдалице…

Но стоило им выйти из комнаты, как они нос к носу столкнулись с Поводырем Смерти. Шири держал на руках бледную до синевы Иленку. Видно было, что подобные манипуляции ему дорогого стоят. Зрачки расширены чуть ли не во всю радужку, под глазами залегли темные круги. Едва заметно кивнув Арьяте, он поспешил спуститься вниз и ссадить заклинательницу на лавку. Пока менестрелька сотоварищи

подошла к столику, ее верный спутник уже успел отдышаться и справиться с раздиравшей грудь болью.

– Э, господа, – заметивший их трактирщик бодро подскочил к столу. – Мне бы эту чуду убрать куда-нить, а то посетители носа в заведение не кажут – боятся. Убытки терплю, кто возмещать станет?

– Какую чуду? – настороженно осведомился Шири, пропустив мимо ушей вымогательский намек трактирщика.

– Да эту… – и хозяин неопределенно махнул рукой в зал.

Вся компания с интересом взглянула в заданном направлении. Посреди трактира, в мерцающем треугольнике из колдовских печатей, уныло прохаживался высший демон, а точнее, демонесса. Тварь выглядела вполне гуманоидно. Серая кожа местами темнела ожогами – видно, демонесса пыталась прорваться сквозь печати. Перепончатые ушные раковины топорщились вдоль головы раскрытыми веерами. Льдисто мерцающие глаза без намека на зрачки равнодушно взирали на собравшихся за столом. Заметив Иленку, она заметно оживилась и в надежде приблизилась к печатям.

За столом воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая только жужжанием одинокой мухи под потолком. Заклинательница киселем растеклась по лавке, привалившись спиной к стене и полуприкрыв глаза. После того как Поводырь чуть ли не силой влил в нее несколько глотков терпкого вишневого сока, Иленка слегка ожила и перестала напоминать рабочий материал некроманта. Теперь она время от времени собиралась с силами, подтягивалась на лавке, чтобы совсем уж не сползти под стол, и бросала апатичные взгляды на дело рук своих. Ну, бог с ним – с похмельем, зато теперь можно смело утверждать, что метод увеличения энергетического потенциала посредством употребления эликсиров народного приготовления работает на все сто…

– Ну как, придумала что-нибудь? – в очередной раз спросила Арьята, беспокойно поерзав на лавке.

– Не-е, – вяло откликнулась девушка, желая сейчас только одного – лечь и умереть.

– М-да-а, хорошо ты вчера… поэкспериментировала… – саркастически протянул Эдан, заинтересованно рассматривая демонессу.

– Молчи, несчастный… – попробовала грозно возразить Иленка, но вышло пискляво и неубедительно. – У меня сейчас сил не хватит ее обратно в Нижний мир запихнуть…

– Люди… – внезапно прошелестела запертая в магической клетке демонесса, поняв, что дела ее плохи. – Ссснимите печати,

я сссама уйду… Сссснними печати, заклинательнисса… Отпусссти Сиссу…

– Ну да, и ты тут же ее убьешь, – саркастически фыркнул Шири, ни на грош не веривший в альтруизм твари.

– Не убью, клянусссь Бесссдной. Я сссама виновата, ссслучайноссст…

– Ладно, не шипи, и так голова болит… – буркнула заклинательница, принимаясь снимать печати. Это оказалось не так-то просто. Мерцающие плетения опадали и тут же вырастали обратно. После пятой неудачной попытки Иленка отчаялась.

– Что за чертовщина! Не могу снять собственные печати! – озадаченно простонала она.

Демонесса заметно приуныла.

Эдан задумчиво разглядывал скуксившуюся тварь. Та, устав стоять, уселась на истерзанный когтями пол и обхватила колени руками. Уши, раскрытыми веерами торчавшие вдоль головы, печально опали.

– Я где-то читал, будто любую печать можно разрубить обычным мечом, – неуверенно произнес он.

– Ага, – насмешливо скривился Шири, – в рыцарском романе.

– Да нет, – откликнулась Иленка, – можно вообще-то… чисто теоретически…

– Вот пусть он сам и пробует… теоретически, – с нажимом произнес Поводырь.

Решив не тратить времени на пустопорожние пререкания, Эдан, ничтоже сумняшеся, поднялся, решительно шагнул к запертой в печатях демонессе, обнажил клинок и наотмашь рубанул по колдовской стене… Сверкнуло, полыхнуло, со стен посыпалась штукатурка. Юношу отшвырнуло обратно к столу и болезненно приложило поясницей о лавку. Клинок у него в руке дымился.

– Идиот… – прошипел ему в ухо Поводырь, схватив за шиворот и хорошенько встряхнув. В этот раз паренек был готов с ним согласиться.

Когда пыль немного разошлась, стало видно, что несговорчивые печати рассеялись. Демонесса неспешно приблизилась к сидящему на полу юноше.

– Сспасссибо, – прошелестела она, проводя когтистым пальцем по его щеке. Юноша непроизвольно дернулся. – Я – Сисса. Ты мне нравишшшссся, – продолжая разглядывать Эдана, шелестела демонесса, – нравишшшссся… – с этими словами она сиреневым дымом всосалась в клинок, который он до сих пор сжимал в руке.

– Э? – только и смог выдавить Эдан.

– Ты чем-то ей приглянулся, – ободряюще похлопала его по плечу Иленка, радуясь, что все так удачно разрешилось. – Счастливчик, помощь таких существ порой бывает неоценима… Хотя бы потому, что они делают это исключительно для того, дабы развеять собственную скуку…

# Глава 9

Харьковый-град можно спокойно причислять к той категории каменных мешков, которые, как ни озеленяй, все равно останутся каменными мешками. Однако оный город был не лишен той приятности, которая свойственна местам, где каждый дом является уникальным произведением искусства. Затянутые в брусчатку, словно в латы, центральные улицы и площадь изумительно подчеркивали своеобразную прелесть двух-четырехэтажных зданий. Один замысловатый барельеф переливался в другой, ангелы сменялись дамами полусвета, кариатидами и даже саламандрами. Фасады венчали гордые грифоны и ехидные виверны, а в закутках декоративных выступов прятались каменные совы и гоблины.

Созерцанием одного из них, искусно спрятанного архитектором от любопытных глаз на декоративном выступе торцовой стены, и занимался сейчас Гадес, стоя у окна постоялого двора, где остановились барон Тарница и его люди. Гоблин, скорчившись буквой «зю» и крепко обхватив каменными лапами уступ, вывалил из пасти треугольный язык, будто в насмешку над бесплодными действиями Часовщика. Предаваясь философскому созерцанию каменного уродца, Гадес терпеливо пережидал очередную гневную вспышку своего вынужденного компаньона. Барон был вне себя от ярости, впрочем, это его состояние уже стало для Гадеса привычным, и единственное, о чем он беспокоился, – это как бы Тарницу не хватил удар до завершения дела. Люди барона, успев прочесать весь город частым гребнем, вернулись ни с чем. Визит к местному ясновидящему тоже ничего не дал. Тот клялся и божился, что беглецы не входили в город.

– Барон, вы мне надоели, – с легкой нотой раздражения изрек Гадес, – смените пластинку либо умолкните и не мешайте мне наслаждаться созерцанием этого, безусловно, странного проявления человеческого сознания в архитектуре.

– Вы ведь, кажется, утверждали, будто знаете, куда они направляются! – подколодным змеем шипел барон, так конвульсивно сжимая пальцы, словно стремясь удушить кого-то невидимого.

– Но я ведь не говорил, что в Харьковый-град, – насмешливо скривил рот Гадес. – Если расчеты мои верны, а учитывая озабоченность норн происходящим, иначе и быть не может, то они направляются в Гиренку. Это небольшая деревенька близ Харькового-града. Там чистый воздух, дивная природа и…

мощный энергетический источник под боком. В оном месте находится и один из немногих человеческих храмов, уцелевших на Территории Древних во время Войны Двух Миров. Говорят, что когда Древние узнали, сколько войн он пережил, то не стали его рушить исключительно из уважения. Завтра сила источника достигнет пика… А посему предлагаю вам собрать своих людей и немедля отправиться в Гиренку. Если наши беглецы уже там, то до завтра они никуда не денутся. А если они еще в пути, то мы имеем все шансы прибыть раньше и подготовить встречу.

Тарница отвернулся к окну и задумчиво потер небритый подбородок:

«Предложение Гадеса кажется довольно дельным, с этим не поспоришь, как всегда… Ого, а это кто?» – барон прервал свои размышления, подался вперед и, буквально прикипев к стеклу, жадным взглядом впился в идущих по улице людей. Мимо постоялого двора в компании странновато одетых всадников проезжал Хельги Криэ. Йожеф слишком хорошо запомнил демонолога, чтобы ошибиться. А вон та широкая ссадина на лбу особенно памятна – значит, он все-таки достал чародея. Барон удовлетворенно потер руки. В его голове мгновенно возник план. Подозвав двоих парней, господин барон жестом указал им на следовавшую по улице компанию:

– Видите того типа в черной куртке с клинком за плечами? Проследите за ним и доставьте сюда. Не калечить – пока.

– Друг мой Йожеф, зачем он вам? – удивленно заломил бровь Гадес. – Я бы не советовал дразнить мэтра Криэ. Он может весьма чувствительно дать сдачи.

– Зато у нас появится шанс поторговаться, – зловеще усмехнулся барон.

Часовщик неодобрительно покачал головой. Нет, идея сама по себе в общем-то неплоха, но шантажировать Смерть посредством ее друзей чревато весьма прискорбными последствиями в целом, и для Йожефа Тарницы в частности. А в том, что мастер-демонолог попал в немногочисленную категорию друзей рыжей менестрельки, Гадес не сомневался…

* * *

Отряд чистильщиков вместе с Хельги Криэ вошел в город, когда время уже близилось к полудню. Демонолог любезно согласился провести Даниэля и его людей до Ираклиевого спуска, откуда шла прямая дорога до воздушной пристани сильфийских парусников. Сейчас отряд неспешно ехал по улице Рымарей[27].

Воздух полнился запахом свежевыделанной кожи, подковы звонко брякали о булыжную мостовую. Капитан чистильщиков время от времени брезгливо подергивал крыльями носа. Запах, плывший по улице, изрядно его раздражал. Узнав краткую предысторию причины, по которой Хельги на ночь глядя сорвался в дорогу, Даниэль скептически покачал головой. По его мнению, отыскать в Харьковом-граде Иленку и ее товарищей – это то же самое, что искать иголку в стоге сена, – дохлый номер.

– …хотя иголку я бы, наверное, нашел, – задумчиво добавил оборотень.

– Не беспокойтесь, капитан, – отмахнулся Хельги. – Я сейчас наведаюсь в местный колдовской приказ. Там наверняка знают, кто входил и выходил из города за последние сутки. Есть у них такая, гм, хитрая разработка. А дальше просто дело техники. Единственное, о чем попрошу: позаботьтесь о моей лошади. Не имею никакого желания таскаться по городу верхом. Насколько я помню, при «Крыльях ветра» имеется постоялый двор. Оставите там.

Отряд выехал на залитый солнцем Ираклиев спуск. Демонолог придержал коня и, спешившись, передал поводья Даниэлю. На том и распрощались. Чистильщики двинулись вниз, к пестревшему разноцветными тентами рынку, а Хельги продолжил свой путь по верху. Пересек площадь, свернул на параллельную улицу и фактически сразу ощутил, как засвербело между лопаток – обычная его реакция на чей-то пристальный взгляд в спину. Намеренно запнувшись на повороте, он осторожно обернулся. Так и есть: за ним, не особо скрываясь, шли двое. Прохожих на улице толпилось достаточно, чтобы вести более виртуозную слежку, но, кажется, соглядатаи преследовали несколько иную цель. Расстояние между не слишком тайным эскортом и демонологом быстро сокращалось.

Криэ выругался сквозь зубы – только этого ему сейчас не хватало. Можно, конечно, нырнуть в ближайшую подворотню и, дождавшись преследователей, выяснить, какого лешего им понадобилось от бедного демонолога. Но интуиция подсказывала Хельги, что именно на это те двое и рассчитывают. От попытки прочесть мысли на расстоянии пришлось отказаться: слишком много народу. Пока он вычленит необходимый мыслепоток, его три раза успеют догнать. Нужно действовать неожиданно… Приняв решение, маг притормозил и, стремительно перейдя улицу, скрылся под аркой, нырнув во внутренний дворик. В глубине двора расположился старый двухэтажный домишко. А грубоватая вывеска над дверями сообщала, что здесь можно приобрести амулеты, талисманы и обереги, а также заготовки для

оных. Демонолог приблизился к амулетной лавке, неопределенно хмыкнул, разглядев приколоченный над дверью коровий череп, но внутрь заходить не стал. Лавка занимала первый этаж старого двухэтажного дома. Наверняка в лавке есть черный ход, выходящий на соседнюю улицу. И что помешает преследователям подумать точно так же? Отринув простое решение, Хельги вспрыгнул на перила, подтянулся и оказался сначала на балконе, а затем и на крыше. Перевалился через конек и быстро скатился по пожарной лестнице в соседний двор, надеясь оторваться от хвоста в узких дворовых закоулках.

Каково же было его удивление, когда он заметил, что преследователи не только не потеряли его, но и продолжают сокращать дистанцию. Поплутав еще немного, демонолог заскочил в проходную парадную и выбежал на не так давно покинутую улицу. Справа от него призывно шелестел листвой небольшой скверик, манил журчащей прохладой фонтан. Хельги поспешил туда. День сегодня был выходной, и народу в сквере гуляло довольно много. Однако маг понимал, что его вполне могут настигнуть раньше, чем он успеет затеряться среди толпы, состоявшей в основном из мамаш с детишками, болтливых старушенций, кучками оккупировавших лавочки, и влюбленных парочек. Юркая наглая белка рыжим огоньком проскользнула мимо него и устремилась вверх по стволу векового дуба, у которого остановился демонолог. Криэ невольно проводил ее взглядом. Первые ветки начинались метрах в пяти над землей, но он и не собирался туда лезть. Взгляд Хельги прикипел к светлому шару омелы, вольготно разросшемуся на старом древесном великане. Решение пришло мгновенно. Он шагнул за дерево, краем глаза заметив приставучий хвост, и плавно потянул меч из ножен.

– Шай, – тихо позвал демонолог.

– Да, мессир, – перед ним стояла Шайритта. Он невольно залюбовался ею. Вот уж точно – боевая подруга. С такой хоть в огонь, хоть в воду… Хельги подался вперед, привлекая ее к себе…

Незадачливые преследователи потерянно заозирались Они были уверены, что только миг назад видели обтянутую черной курткой спину с клинком в наплечных ножнах, и тут демонолог будто сквозь землю провалился. Переглянувшись между собой, парни двинулись по центральной аллее, поглядывая по сторонам. Но, не заметив ничего интересного, кроме мамашек с карапузами, да нескольких влюбленных парочек, одна из которых упоенно целовалась, стоя под свисавшей с дуба омелой, посланцы барона Тарницы свернули к палатке с прохладительными напитками.

Хельги и не надеялся, что его самовольный почин получит

такую горячую поддержку со стороны невольной соучастницы. Более того, она, кажется, сожалела, что все так быстро закончилось.

– М-мессир, – ошеломленно выдохнула Шайритта, стоило им отстраниться друг от друга. – Вы… вы меня поцеловали…

– Ну… э-э… да, – чуть смутился Криэ. – Можешь дать мне по морде, или как там положено, когда мужчина целует даму без ее на то дозволения…

Уголки губ Шайритты непроизвольно дернулись вниз. Хельги показалось, будто она сейчас расплачется. Он тут же понял, что сморозил глупость. Внутренний голос поносил демонолога на чем свет стоит.

– Шай, я… – попытался исправить ситуацию маг.

Женщина вывернулась из его рук, и через секунду перед ним вновь был меч.

– Круглый идиот, – закончил чародей, с грустью глядя на верную боевую подругу.

Демонолог тяжело вздохнул, окинул взглядом сквер, убедился, что преследователей поблизости нет, и двинулся к выходу. И так прорву времени потерял из-за этой глупой беготни. Надо было все-таки пойти ва-банк, а не строить из себя героя авантюрного романа, скача по крышам и носясь по подворотням. Взрослый, солидный, уважаемый всеми мастер-демонолог, а ведет себя как мальчишка! На этой гневной мысли затылок Криэ вдруг расколола острая боль, а окружающий мир дрогнул и встал на дыбы…

Один из преследователей поспешил поддержать оседавшего демонолога. Цопнул мага за шиворот и брезгливо воззрился на окровавленные пальцы.

– Господин же сказал – не калечить! – прорычал он, отвешивая подошедшему товарищу подзатыльник.

– Да кто его калечил? – огрызнулся второй, сворачивая пращу. – Так, слегка по головке погладил. Кто же знал, что он такой тонкокожий?!

– Да ты ему едва череп не раскроил! – шипел товарищ.

– Так не раскроил же! И вообще, давай топать отсюда, неча народ привлекать!

Даниэль задумчиво пересек комнату ожидания в гостином дворе при «Крыльях ветра и Ко» и уселся на один из откидных стульев, вытянув ноги. Вот уж воистину, если хочешь очутиться в нужном месте, беги в другую сторону… Сегодня он в полной мере познал правдивость этого утверждения. Капитан чистильщиков рассчитывал, что они окажутся в родном Будапеште самое

позднее к ночи, но, как говорится, не судьба… Из четырех принадлежащих компании парусников два ушли на рассвете, один чинился после полета сквозь грозу, а один отчалит не раньше завтрашнего вечера… Ибо команду в честь предыдущего удачного рейса отпустили отдыхать, и срочно выковыривать своих подручных из местных сомнительных заведений ради каких-то там людей капитан не собирался. У пары проходящих мимо парусников оказались свои маршруты, весьма далекие от Будапешта. Так что от идеи сесть на какое-нибудь корыто, летящее транзитом, тоже пришлось отказаться. Придется ждать до завтрашнего вечера. К тому же капитан соглашался подбросить Даниэля и его людей точно до места.

Поэтому оборотню ничего не оставалось, как согласиться. И еще потешить себя надеждой, что по возвращении домой жена не превратит его в пружинный матрац, как обещала. А что, такое вполне может статься! Ей, чародейке черт знает в каком поколении, такой финт ушами сделать – что гному стакан самогону хлопнуть. Расколдует потом, конечно, но понервничать заставит изрядно. Да пусть бы и в матрац. Сейчас бы домой вернуться, а там хоть потоп. Ну, может, дети, соскучившись по блудному отцу, в обиду не дадут. Даниэль невольно улыбнулся, вспомнив дочерей. «Колдовской питомник», как он в шутку называл свою семью и не уставал подшучивать, что только у судьбы могло хватить чувства юмора окружить потомственного оборотня сразу тремя, и тоже потомственными, чародейками.

Посидев с минуту, капитан чистильщиков поднялся и направился в конюшню. Так и есть, лошадь мэтра Криэ все еще на месте. Долгое отсутствие демонолога уже начинало беспокоить Даниэля. Заметив проходившего мимо Збышка, оборотень окликнул его.

– Пойду прогуляюсь, – сообщил он к вящему неудовольствию заместителя, – ты за старшего.

– Кэп, а…

– Я скоро вернусь, не вздумай отправить кого-нибудь на поиски. В отличие от меня, остальным здесь заблудиться – раз плюнуть. Шмотки подержи, – добавил он, скрываясь в дальнем закутке конюшни и несколько секунд спустя появляясь оттуда уже в звериной ипостаси. Збышко подобрал неряшливо брошенную одежду и неодобрительно покачал головой…

* * *

– Не кажется ли вам, друг мой, что вы несколько перегибаете

палку? – иронично осведомились над головой у Хельги. Демонолог едва пришел в себя, но заявлять миру о себе, а тем паче о своем недовольстве оным, не спешил. В затылке поселилась тянущая боль, виски ломило, как после ментальной атаки. Руки и ноги затекли почти до полной нечувствительности. Маг чуть шевельнул кистями, и те тут же наполнились противным покалыванием. Похоже, что он связан, а точнее, прикручен к стулу, или на чем он там сидит? Судя по обрывкам мыслей, смрадным душком расползшихся вокруг, демонолог тут не один, где бы это «тут» ни было. Да и обращались сейчас, как оказалось, вовсе не к нему.

– Какая вам, к черту, разница, Гадес? – раздраженно буркнул в ответ барон, недовольно посматривая на пленника, который все никак не решался прийти в себя.

– А что скажет ваш сын, когда узнает, какой ценой ему возвращена жизнь и здоровье? – продолжил насмешничать тот, кого назвали Гадесом.

Хельги разобрал, как возле него в ярости заскрежетали зубами.

– Он об этом не узнает, – глухо выдохнул Тарница, – никогда!

Демонолог внутренне подобрался и, сконцентрировавшись, что оказалось не так-то просто после удара по голове, коснулся сознания барона.

«…Ну и помойка!.. – подумал Криэ, методично перерывая мысли своего пленителя. – Похоже, что не все так ладно в датском королевстве…»

Из разрозненных обрывков, плававших в грязном месиве злости, ненависти, ярости и страха, демонологу все же удалось собрать нехитрую мозаику происходящего. Без лишних подробностей, но вполне ясную. Кажется, старший сын господина барона не совсем разделяет политику своего батюшки, и более того, будет категорически не согласен с тем, чтобы ему помогали посредством чужих жизней вообще и младшего брата в частности.

«Так вот кто этот рыжий паренек, путешествующий вместе с менестрелем и ее одноглазым товарищем, – младший сын господина Тарницы… Выходит, из-за него и заварился весь сыр-бор. Мальчишка сбежал из дому, а батенька кинулся в погоню с явным намерением хорошенько проучить не только неслуха, но и его случайных попутчиков», – разобрался Хельги. Вынырнув из мыслей барона, демонологу немедленно захотелось сунуть голову под кран с холодной водой, дабы смыть дрянное ощущение, оставшееся после ковыряния в чужих мозгах. Но, к счастью, полученная столь малоприятным образом информация натолкнула Криэ на некоторые интересные мысли, а ради этого

можно и потерпеть…

– Мэтр, полно вам притворяться, – в этот раз Гадес обратился уже к магу, прервав тем самым его размышления. – Сидение с закрытыми глазами не принесет пользы ни нам, ни вам.

– Подите к черту, – как можно ровнее попытался сказать Криэ. Вышло хрипловато, но вполне буднично. Глаза ему все же пришлось открыть, хотя бы ради того, чтобы понять, куда он попал. Кажется, комната какого-то постоялого двора – уж больно все казенно и затаскано…

– Зачем же сразу ругаться? Неужели вам нужны лишние проблемы? – склонился над ним Гадес, и Хельги наконец-то смог рассмотреть лицо странного спутника барона. Волевые резкие черты, но вместе с тем какие-то текучие, незапоминающиеся. Можно дать триста, а можно и тридцать лет. Определить возраст по глазам оказалось совершенно невозможно: они у Гадеса тоже менялись, становясь то ясно-синими, юношескими, то льдисто-голубыми, более характерными для взрослого мужчины, то водянисто-бесцветными, словно у старика. У мага появилось стойкое ощущение, будто этот, хм-м, человек вообще существует вне времени, а как бы где-то сбоку – наблюдатель.

– Не тресни ваши люди меня по голове, не возникло бы никаких проблем, – проворчал чародей, прикрывая глаза и тем самым избавляясь от соблазна пошарить под черепушкой невероятного существа, стоявшего напротив. Чутье телепата подсказывало ему, что этого делать не следует – собственные мозги останутся в целости и сохранности. Часовщик лишь неопределенно хмыкнул и отстранился. Криэ заинтересованно обвел взглядом помещение. Кроме Гадеса и барона Тарницы, там присутствовали еще четверо и, кажется, двое стояли снаружи у двери. Демонолог беспокойно заерзал на стуле, стремясь ослабить путы. Отобранные у него амулеты горкой лежали на столе. Скверно, но не настолько, чтобы начинать паниковать. Наручи из драконьей кожи с него не сняли, связыванию они не мешали, и, видно, их не посчитали сколько-нибудь опасными. Хельги мысленно усмехнулся, похвалив себя за то, что во вчерашней тревожной спешке вспомнил о них и прихватил с собой. Криэ продолжил осторожно растягивать опутавшие запястья веревки. Активировать содержимое наручей со связанными руками было небезопасно: он рисковал остаться не только без кистей, но и без иных частей тела.

«Эх, хорошо, когда у тебя есть граната, паршиво только, что сам на ней сидишь…» – невольно припомнил он поговорку своего покойного отца Вилдара Криэ, продолжая рассматривать комнату. Разговор с окружающими не складывался, но маг и не рвался его

поддерживать. Для чего он понадобился барону, Криэ уже и так выяснил, покопавшись у него в мозгах, так почему бы не использовать образовавшееся свободное время себе во благо? Например, внимательно рассмотреть дислокацию вражеских сил. Барона и его странного спутника Хельги в расчет не брал: они стояли подле него, и этого пока достаточно. Что же до остальных – двое у дверей снаружи и двое внутри, еще один возле окна и один у стола. Разглядев, что именно последний держит в руках, демонолог с рычанием подался вперед. Подручный господина барона с любопытством вертел в руках меч Криэ.

Веревки натянулись, впиваясь в плечи мага. Ярость захлестнула демонолога. Как этот подонок вообще посмел к ней прикоснуться?! Ну, пусть только попробует вынуть клинок из ножен!

– Спокойно! – раздраженно бросил Тарница, опуская тяжелую ладонь на плечо Хельги.

– И вправду, мэтр, чего вы так теребитесь? – поддержал барона Гадес. – Поверьте, мы не испытаем ни малейшего удовольствия, если придется снова вас оглушить.

Криэ смерил Часовщика яростным взглядом, но промолчал. После непредусмотренного рывка веревки на плечах изрядно ослабли. Главное – избавиться от них, а дальше… маг еще раз окинул взглядом комнату. «Дать по мозгам» – как на магическом жаргоне называли ментальную атаку – он сможет троим, если очень постарается, то четверым. Но последнее – только если *очень* постарается. А ведь потом нужно будет остаться на ногах, забрать Шай и активировать одно из заклятий перехода, вшитое в наручи.

Осталось определиться с выбором жертв. Точно не барон и не Гадес. Последний, кстати, вообще не человек. А на барона уйдет слишком много сил. Остаются рядовые помощники, и в первую очередь тот, кто лапает его женщину!

– Ну ладно, – произнес Гадес, – вы тут заканчивайте, а я подожду в общем зале. – С этими словами он покинул комнату, значительно прибавив магу уверенности в благоприятном исходе задуманной выходки.

Хельги позволил себе чуть пошевелить плечами – веревки медленно, но верно сползали, а между запястьями образовался достаточный зазор, чтобы незаметно выпутать руку. В этот момент тип, доселе просто рассматривавший оружие мага, вынул клинок из ножен. Для мага это стало последней каплей…

– Положи на место! – взвился доведенный до белого каления Криэ. Правая кисть наконец-то выскользнула из веревочной петли.

– Чего? – не понял детина, державший в руках оружие

демонолога.

И в тот же миг перед ним вместо меча возникла высокая черноволосая женщина.

– Наглец! – прошипела клинок, от всей души впечатав кулак в солнечное сплетение незадачливому сподвижнику Тарницы.

Маг наконец-то избавился от веревок и нанес ментальный удар, чего уж там мелочиться, по четверым. Оставшихся сил хватило ровным счетом на то, чтобы рвануться вперед, сгрести Шайритту в охапку и активировать заклятие перехода. Дальше все расплылось в дурном сером мареве, сменившемся темнотой…

Как долго он пробыл без сознания, Хельги не знал. Впрочем, кровь, хлынувшая носом после ментальной атаки, еще не успела подсохнуть, значит, недолго. Куда же это они переместились? Заклятие он выбрал не слишком сильное, а учитывая растяжку на двух человек, их не должно выкинуть за пределы Харькового-града. Вокруг царила темнота, местами разрываемая красноватыми отсветами, проникавшими сквозь узкие щели в потолке. Он лежал на земляном полу, голова, наливавшаяся пульсирующей болью, покоилась на чьих-то коленях. Будто сквозь вату доносились надрывные всхлипы.

– Шай? – слова с трудом протискивались по пересохшему горлу.

В ответ раздался утвердительный всхлип. Криэ потянул носом, убеждаясь, что запах дыма ему не мерещится. Кажется, они в каком-то подвале, а здание над ними успешно горит. Господи, да что же сегодня за день такой! Из огня да в полымя, причем в прямом смысле! Вот ведь угораздило телепортироваться!

Всхлипы над головой участились, грозя перейти в неконтролируемые рыдания.

– Шай, ты чего? – маг нашел в себе силы перевернуться на бок и сесть, опираясь на руки.

В ответ раздалось особенно горестное всхлипывание.

– А ну, прекрати немедленно! Выберемся, тогда рыдай хоть до упаду… – попытался он успокоить боевую подругу, но всхлипы лишь стали громче.

– Шай… Ну чего ты? Шай… – Хельги привлек ее к себе. Шайритта уткнулась ему в грудь и разревелась окончательно.

Дым все прибывал, становилось трудно дышать. Демонолог попытался вновь активировать заклинание перехода – без толку. Определение «словно выжатый лимон» как нельзя лучше охарактеризовало его теперешнее состояние. Ментальная атака потребовала слишком много сил, а экстренный переход сожрал оставшиеся, и теперь они оказались в ловушке.

Отсветы пожара, проникавшие через дощатый потолочный люк, указали путь к лестнице. Маг, пошатываясь, поднялся и кинулся к ней. Но сдвинуть крышку не удалось: ее то ли заклинило, то ли привалило сверху чем-то тяжелым. Демонолог выругался сквозь зубы. Вот уж попали так попали! Дым все прибывал, видно, пожар дошел до пика. Подвал начал наполняться удушающим жаром. Над головой опасно потрескивало. Еще немного – и пол вполне может обрушиться им на головы, погребя под собой. Хельги тщетно пытался вышибить крышку. Вдруг на очередном толчке люк резко пошел вверх, и Криэ едва не сверзился с лестницы. В открывшемся проеме возник всклокоченный силуэт с горящими янтарем глазами.

– Мэтр?! Вовремя же я вас нашел… – произнесло видение удивительно знакомым голосом капитана чистильщиков.

– Даниэль?! – все еще отказываясь верить своим ушам, изумленно выдохнул Хельги. – Помогите выбраться, а то я тут сам не справлюсь!

Выбравшись из горящего строения наружу, демонолог окинул взглядом улицу: ну да, район воздушной пристани. Здесь соседний дом будет гореть – никто не почешется, чего уж говорить о заброшенном, стоящем на отшибе сарае, куда он так неудачно переместился. Как его оборотень нашел? Чудеса, да и только! Даниэль зябко повел плечами и болезненно поморщился – плечи и грудь краснели ожогами, не сильными, но неприятно пощипывающими. И тут только Криэ заметил, что оборотень стоит перед ним в чем мать родила.

– Кхм… – чуть растерянно кашлянул он.

– О, миль пардон, – насмешливо блеснул клыками Даниэль. – Забылся и сверкаю при даме своими прелестями, как звезда на небосклоне… – он поспешно опустился на четвереньки. Полминуты спустя перед магом отряхивался большой черный волк. Шайритта, не сообразившая вовремя отвернуться и пронаблюдавшая несимпатичное зрелище трансформации от начала до конца, со стоном обвисла на руках Криэ.

– По-моему, она в обмороке, мэтр, – резонно заметил Даниэль. – Идемте, здесь недалеко до постоялого двора.

На пороге «Крыльев ветра и Ко» они столкнулись со Збышком. Чистильщик, встревоженный долгим отсутствием капитана, уже намеревался отрядить пару человек на его поиски. Даниэль недовольно проворчал, что дисциплины в отряде никакой, пора брать распоясавшихся в ежовые рукавицы. Збышко лишь насмешливо фыркнул в ответ, наблюдая, как большой черный волк исчезает в комнате вслед за демонологом. Перекинувшись обратно, Даниэль сгреб валявшуюся на кровати

одежду и дремавшего щенка. Малыш сонно вякнул, когда оборотень посадил его на кресло. Хельги уложил доселе пребывающую в беспамятстве Шайритту на освободившийся лежак.

– Как вы меня нашли? – осведомился он.

– Вспомнил, что вы собирались в колдовской приказ, – усмехнулся капитан чистильщиков, зашнуровывая обувь. – Взять ваш след посреди города, когда по нему уже изрядно потоптались другие, – та еще задачка даже для меня, поэтому я просто спросил дорогу у первого встречного. Кажется, тот несчастный навсегда зарекся пить на голодный желудок, но я не счел нужным перекидываться посреди улицы только ради его душевного здоровья. Согласитесь, голый мужик, разгуливающий средь бела дня по городу, – это все-таки перебор.

– В том сарае вас это не остановило, – иронично хмыкнул маг, водружая влажный компресс на лоб своей компаньонки.

– К сожалению, лапы не предназначены для открывания подвальных люков, – сверкнул клыками оборотень. – А так я бы с удовольствием не перекидывался до постоялого двора… Итак, я наведался в колдовской приказ. Хорошие ребята – и психика крепкая, и чувство юмора в наличии. Но каково же было мое удивление, когда выяснилось, что вы к ним не дошли. Уже возвращаясь на постоялый двор, я немного заплутал и вышел двумя кварталами ниже, аккурат возле той пылающей халупы. Вы так активно ломились наружу, что не услышать мог только глухой… Вот, собственно, и все. Впрочем, я не преминул выяснить то, что касалось вашей дочери и ее товарищей, – добавил он. – Оказывается, они вообще не входили в город…

– Знаю, – вздохнул Криэ. – Благодаря дивному гостеприимству барона Тарницы я обрел весьма ценную информацию… Насколько я успел выяснить, Иленка и ее новоявленные друзья направляются в Гиренку. Это деревенька близ Харькового-града. Для того чтобы туда попасть, совсем не обязательно идти через город. Можно воспользоваться старой дорогой через Бяреху. Скорей всего, они так и сделали. Скверно, что Тарница знает об этом. – Хельги поднялся на ноги и подошел к окну. – Боюсь, что по прибытии в Гиренку Ильку и ее товарищей будет ждать ловушка… Ах, черт! Жаль, нельзя присутствовать в двух местах одновременно! – он с досадой треснул кулаком по подоконнику. – Единственный, кто сможет прекратить эту опасную погоню и поставит господина барона на место, – его старший сын, но он далеко. Пока я телепортируюсь в Далеград, пока поговорю с ним – это займет слишком много времени… Я должен найти Иленку и ее друзей раньше, чем это сделает

Тарница. Со мной у них появится хоть какой-то шанс выбраться из ловушки…

Даниэль отодвинул ластившегося к нему щенка и встал с кресла.

– Кажется, я смогу вам помочь, мэтр, – откликнулся он. – Можете спокойно отправляться в Далеград. Я найду эту гоп-компанию и предупрежу их. Единственное, что от вас потребуется, телепортировать меня как можно ближе к Гиренке. Сделаете?

– И как вы собираетесь их искать? – скептически заломил бровь Криэ. Идея Даниэля, пусть и очень рискованная, выглядела отнюдь не лишенной смысла. Головная боль, столь успешно подавляемая выплеснувшимся в кровь адреналином, медленно, но верно пробивалась сквозь его заслон. Виски у демонолога уже начинали ощутимо ныть. О том, что эта тупая пульсация через пару часов превратится в мигрень, он старался не думать.

– У меня имеются, э-э, свои маленькие секреты, – увильнул от ответа оборотень. – Я их найду, не переживайте.

«Конечно, найдет…» – капитан чистильщиков мысленно усмехнулся, вспоминая Арьяту. Уж кого-кого, а эту незаурядную особу он сможет почуять как никто другой.

Хельги мучительно раздумывал над предложением оборотня. Оставалась еще одна проблема – Шай до сих пор была без сознания.

– За вашу компаньонку можете не беспокоиться, – усмехнулся Даниэль. – Попрошу Збышка за ней присмотреть. Он у нас в отряде старпом, дежурный медик и любящая мамочка в одном флаконе.

Криэ смерил Даниэля пытливым взглядом и принялся расстегивать пряжки наруча.

– Вот, возьмите. Эта штука поможет мне сориентироваться при обратном переходе.

– Отлично, мэтр, – оборотень подхватил перевязь с мечами. – Отправляемся.

* * *

Барон Тарница был в ярости. Лишиться такого козыря в рукаве! Проклятый чародей! Но, как говорится, не зевай, Тришка, на то и ярмарка. Гадес философски осматривал учиненный магом погром. Барон рвал и метал, по третьему разу перетряхивая свой арсенал грязных ругательств. Из четырех его людей, пострадавших от ментальной атаки, в себя пока пришли лишь

двое, и те маялись страшной головной болью. Тарница глухо выругался. За время погони его отряд лишился половины бойцов. Двоих раненых пришлось оставить в Ништяве, одного вчера на дороге порвала эта ублюдочная крылатая псина прежде, чем ее успели изрубить мечами. И вот сегодня еще двое выбыли из строя. Правда, тлела слабая надежда, что до отъезда они придут в себя. Но сейчас господина Йожефа больше волновало не количество человек в отряде, а то, что Криэ оказался телепатом. После учиненного им ментального погрома сомнений в этом уже не возникало, как и в том, что паршивый маг успел прошерстить мозги всех окружающих и выведать необходимую информацию.

– Прискорбно. – Часовщик задумчиво потер подбородок. – А я ведь вас предупреждал, друг мой. Хотя дело могло и выгореть… Увы, Фортуна к вам почему-то не благоволит. Чем вы так умудрились ее разозлить, ума не приложу. Но сия дама отчего-то являет вам в последнее время исключительно свою упитанную заднюю часть. – Он сокрушенно вздохнул. – Посему советую вам седлать коней и отправляться в Гиренку немедля. Мы потеряли слишком много времени из-за возни с Криэ. – Часовщик поплотнее запахнулся в плащ.

Тарница мрачно пересек комнату и хмуро уставился на Гадеса. Господину барону очень хотелось высказать Часовщику все, что он о нем думает, причем думает исключительно трехэтажно и заковыристо. Однако интуиция подсказывала господину Йожефу, что делать этого не стоит.

– Этот проклятый чародей опережает нас! Наверняка он уже успел сообщить беглецам о наших планах! – буркнул Тарница.

– Не говорите глупостей, Йожеф, – поморщился Гадес. – После того, что наш одаренный друг тут учинил, сейчас он способен только лежать пластом и страдать мигренью, а то и вовсе пребывать в глубоком беспамятстве. Хотя полной гарантии, будто так оно и есть, я, конечно, не дам, но это отнюдь не должно сбивать наши планы. А посему советую вам поторопиться, чтобы мы не упустили Эдана еще раз, но теперь уже по вашей вине…

Барон, поймав на себе пронзительный взгляд Гадеса, непроизвольно поежился. Такой взгляд не предвещал ничего хорошего. И Тарница поспешил объявить общий сбор…

# Глава 10

В опустившихся на землю августовских сумерках следы, оставляемые в мягкой дорожной пыли четырьмя путниками, сплетались в странный узор-цепочку, вдруг расчетверившуюся в разных отпечатках. Выбравшись из Бярехи, Арьята приняла решение идти в Гиренку, не заходя в Харьковый-град. Из-за того, что они слишком отклонились к югу, город теперь был им не по пути. Пройти сквозь него означало сделать крюк, а времени оставалось в обрез.

– Долго еще? – вяло осведомилась Иленка, едва переставляя ноги. За ней уже давно тянулись не отдельные отпечатки, а две кривоватых борозды.

– Да нет, – бодро откликнулась Арьята. – Сейчас перевалим через холм и увидим огни.

– Если бы кто-то не упился вчера до мракобесьего визга, мы бы уже давно были на месте, – ворчливо заметил Шири.

– А если бы кое-кто не трясся надо мной, словно наседка над выводком, и воспринимал ситуацию проще… – попробовала возразить Иленка.

– Ну, знаешь ли!

Дорога свернула в заросли кленка и бузины. Листва тихонько шелестела, приглушая все остальные звуки. Менестрелька, шедшая впереди, вскрикнула, нелепо взмахнула руками и стала оседать в пыль.

– Арьята! – Эдан кинулся к девчонке, успев подхватить ее и тем самым уберечь от падения. Заклинательница и Поводырь поспешили ему на помощь.

– Шайтан… – выдохнул Шири, рассмотрев, что случилось. Из груди Арьяты торчал арбалетный болт.

Избавив менестрельку от инструмента, Эдан осторожно уложил ее на землю. Иленка опустилась на колени, поддерживая голову и плечи Арьяты. Заросли нервно заколыхались, и на дорогу вывалились четверо мрачных, заросших щетиной быдловатых субъектов. Один из них перезаряжал арбалет, остальные трое сжимали в руках разной паршивости мечи. Шири рванул клинок из ножен, выступая вперед, Эдан тенью встал рядом. Меч в руке юноши чуть подрагивал.

– Так, и что за пташку мы подстрелили? – неприятно протянул один из романтиков большой дороги.

Поводырь ощутил, как накатывает раздражение: столько времени успешно бегать от людей Тарницы и в шаге от цели нарваться на обычных разбойников. Вот закон подлости во всей

своей красе нелепых проявлений! Шири спешно оценивал ситуацию, прикидывая, куда бы лучше ударить, но его опередил Эдан. Разглядев типа с арбалетом, юноша с воплем бросился на него… Удар наискось снизу застал арбалетчика врасплох. Растерянно охнув, разбойник бескостной грудой рухнул в пыль. Арбалет с болезненным треньканьем отлетел в сторону.

«Шайтан…» – только и подумал Поводырь, кидаясь на выручку Эдану. Наскочив на арбалетчика, юноша напрочь забыл о его приятелях и едва не нарвался на клинок одного из них. Спас вовремя подоспевший Шири, резким толчком отшвырнув слишком ретивого разбойника в сторону. Следующий противник успел вскользь задеть Поводыря по предплечью, прежде чем тот выбил клинок у него из рук. Неожиданно дерущихся расшвыряло в стороны упругой воздушной волной. Из меча Эдана рванулся сноп света, и посреди дороги, окутанная мертвенным сиянием, появилась демонесса. Не ожидавшие такого поворота разбойники с воплями кинулись прочь, стремительно затерявшись в придорожных зарослях. Жительница Нижнего мира хрипло расхохоталась им вслед.

– Ссславная шшшутка, – посмеиваясь, зашелестела Сисса. – Ты мне нравишшшьссся, – и, потрепав Эдана по щеке, сиреневым дымком всосалась обратно в клинок. Сталь мгновенно впитала в себя темные сгустки крови. Крови?! Юноша удивленно воззрился сначала на меч, затем на распростертого на земле разбойника. Пыль вокруг тела успела напитаться влагой и потемнеть. Эдан пошатнулся и рухнул на четвереньки, содрогаясь от скрутивших его спазмов.

Шири присел рядом на корточки.

– Выпрямись, – приказал он, кладя руку ему на плечо. – Глубоко вдохни и выдохни. Должно отпустить.

Первый вдох дался тяжело, дальше пошло легче.

– Я… его… убил… – сипло выдавил паренек на очередном выдохе.

– Туда ему и дорога, – зло сплюнул Поводырь, – поднимайся! – Он рывком поставил Эдана на ноги. Кровь, струившаяся по предплечью Шири, растекалась по ладони, и на рубашке юноши остался темно-красный след пятерни. Рука у Поводыря начала наливаться колющим холодом и предательски неметь. Это ему совершенно не понравилось.

– Шири… – негромко окликнула его Иленка.

Тот приблизился к ней, и так зная, что увидит. Арьята, вытянувшись, лежала на земле. Голова менестрельки покоилась на коленях заклинательницы. В груди Смерти, подрагивая в такт тяжелому прерывистому дыханию, торчал куцый арбалетный

болт, но она находилась в сознании. Что же, от смертельной случайности никто не застрахован, даже Смерть. Правда, она единственная, кто после такой случайности останется в мире живых…

– Арьята… – Эдан неуклюже плюхнулся в пыль возле нее.

– Спокойно, – девчонка болезненно поморщилась. – Я в порядке, кх-кх… – на посеревших губах выступила кровь.

– Daeni, как же так? – укоризненно произнес Шири, склоняясь над своей ведомой. – Ты же мне обещала больше так не делать…

– Только без истерик, ладно? – прохрипела она.

– Ладно, но за остальных не ручаюсь.

Арьята вновь закашлялась, кровь тонкой струйкой потекла по подбородку. Эдан побледнел еще больше, до побеления пальцев сжав кулаки.

– Шири, она умирает, – тихонько произнесла Иленка. Ситуация выглядела до жути абсурдной, но ничего более подходящего заклинательница сказать не смогла.

– Ой, только не нужно очевидных слов, – едва слышно прохрипела менестрелька, даже в таком состоянии умудрившись подпустить в голос изрядную долю ехидства. – Ши, стрелу выдерни… царапается, зараза… дышать больно…

Поводырь молча кивнул и потянулся к болту.

– С ума сошел! – Иленка попыталась перехватить его руку. – Она же кровью изойдет!..

– Не мешай, а… – он сердито взглянул на девушку, чуть поморщившись. Боль от ее прикосновения была секундной, но от этого не менее неприятной. Вдобавок Шири ощутил, что обычно теплые ладошки Иленки сейчас холоднее стали.

…*Она превращается в клинок…* – эхом отозвались в голове слова Шайритты. – *Из-за тебя…*

Поводырь потряс головой, избавляясь от кратковременного наваждения.

«Будем решать проблемы по мере их поступления. Сначала нужно помочь daeni», – он ухватил болт у самого тела и резко выдернул. Арьята со всхлипом выгнулась и обмякла. Глаза менестрельки медленно закрылись.

– Она умерла? – глупо спросил Эдан, недоверчиво глядя на неподвижную Арьяту. Темная подсыхающая полоска пересекала остренький подбородок девушки. Иленка вытащила платок и аккуратно стерла кровь с личика менестрельки.

– Умерла, – буркнул Шири, поднимаясь на ноги и отшвыривая окровавленный болт на обочину. – Рана небольшая, чистая. Часа через три-четыре очухается.

– Чего?! – юноша и заклинательница вытаращились на

Поводыря, словно на умалишенного.

– А что ей станется? Отлежится, рану зарастит и встанет, – криво усмехнулся он. – Почему вы на меня так уставились? Смерть она или кто?! – взорвался он и добавил уже спокойнее: – На моей памяти ее четыре раза убивали, и ничего – полежит пару часиков, отдохнет и оживет. Все нормально.

Сейчас его куда больше интересовал валявшийся на земле меч. Судя по ощущениям, исходившим от глубокого пореза на предплечье, это был не совсем обычный клинок. И Шири очень хотел, чтобы его подозрения не оправдались. Поводырь поднял меч и пристально осмотрел оружие, принюхиваясь к стали. Вряд ли лезвие отравлено… Здесь другое. Раненая рука налилась холодом от кончиков пальцев до локтя и отказывалась слушаться. Еще минут десять, и дойдет до плеча. Пора убираться отсюда, пока он не свалился посреди дороги. Кто, спрашивается, его тогда потащит? Два бесчувственных тела для оставшихся на ногах задохликов – это перебор. Шири упер рукоять чужого меча в ствол близрастущего кленка и от души рубанул по чужому клинку своим. Подобранный меч раскололся надвое. Сверкнуло, дохнуло холодом, кора и несколько веток покрылись приличным слоем льда, на траве осела изморозь. Искристое нечто с подвыванием растворилось в теплых августовских сумерках, наполнив их морозной свежестью.

– Это еще что за тварь? – нервно осведомилась Иленка, которую буквально корежило от пережитого.

– Ледяной элементаль, – буркнул Шири, вкладывая меч в ножны. – Некоторые шибко умные оружейники вселяют подобных тварей в клинки для… повышения убойности… – Поводырь поморщился от пронизавшей руку холодной иглы. Онемение быстро расползалось вверх по плечу. – Эдан, сможешь понести daeni? Иленка, возьми гитару. Убираемся отсюда. Если мне не изменяет память, тут недалеко должно быть приличное место для ночлега. – Поводырь сошел с дороги и начал спускаться с холма.

Иленка, обогнав нагруженного Эдана (на поверку юноша оказался двужильным – без особого напряга тащил на себе менестрельку), пристроилась рядом с Поводырем. Она заметила, что шаг светловолосого становится все более неуверенным. Несколько раз он спотыкался, но пока оставался на ногах и упорно продолжал путь. Раненная рука повисла плетью. Кровь прекратила течь, но, кажется, лучше от этого не стало.

– Шири, рану нужно обработать, – озабоченно напомнила она, вглядываясь в побледневшее лицо товарища.

– Зачем? Все, что надо, уже в меня попало, – невесело усмехнулся тот. – Знаешь, что происходит, когда в оружие

вселяют элементаля?

К несчастью, Иленка знала. Элементаль, сидящий в клинке, действовал не хуже яда. Если рядом не оказывалось целителя, то даже после малейшей царапины таким оружием человек оставался в живых не больше пары часов, а после умирал от переохлаждения, или сгорал в горячке, или захлебывался от неизвестно как попавшей в легкие воды. Все зависело только от того, какого именно элементаля подсадили в клинок.

– Не бойся… – Шири взъерошил ей волосы здоровой рукой. – Еще пару часов продержусь. Меня уже цепляли таким оружием, и, как видишь, до сих пор жив. Все же я не совсем обычный человек. Но скоро нам придется остановиться. Я уже чувствую, как меня начинает колотить. Возможно, на некоторое время впаду в беспамятство…

– И это называется «не бойся»! – испуганно пискнула Иленка.

– Ничего, к утру оклемаюсь, – поспешил успокоить ее Поводырь. – Рука, правда, еще дня два не будет слушаться… Но это ничего.

Послышался тихий плеск воды при свете восходящей луны, превратившейся в жидкое серебро. Шелестел под легкими порывами ветра тростник. Они вышли к берегу небольшого тихого озерца, притаившегося в окружении старых дубов.

– Все, стопорись… – хрипло скомандовал Поводырь, опускаясь на землю возле одного из деревьев. – Приехали… – он оперся спиной о шершавый ствол. Рука уже онемела до ключицы, и холод начинал расползаться по телу. Его ощутимо познабливало.

Эдан возился с Арьятой, стремясь устроить ее поудобнее, а заклинательница полезла в сумку за аптечкой. Спрятавшаяся там Фроська не преминула цапнуть хозяйку за палец, решив, что Иленка вздумала с ней поиграть. Девушка легонько щелкнула ее по уху, чтобы не мешалась. Кошка обиженно фыркнула.

– Костер не разжигать, – предупредил Шири. – Неизвестно, на кого вы можете наткнуться в поисках хвороста. А от меня сейчас толку, как от козла молока. Поэтому не разбредайтесь.

Юноша смерил Поводыря отчаянным взглядом.

– Не надо на меня так смотреть, мальчик, – фыркнул он.

– Он не может понять, почему ты не переживаешь за Арьяту, – устало произнесла Иленка, – и злится, в том числе на себя… – заклинательница, успевшая привыкнуть к тому, что Эдан думает «в полный голос», воспринимала это как фоновый шум, лишь изредка прислушиваясь и вылавливая конкретные обрывки.

– Я не злюсь! – вспылил паренек. – Я… и вообще, как ты смеешь меня «читать»?! – Эдан так и не смирился с тем, что кто-

то имеет возможность безнаказанно подслушивать его мысли.

Девушка неопределенно пожала плечами: объяснять в очередной раз, что для нее слышать чужие мысли так же естественно, как дышать, она не стала.

– Я не переживаю, – снизошел до ответа Шири, – потому как сие есть занятие неблагодарное и полностью бесполезное. А нервные клетки, да будет тебе известно, не восстанавливаются. Daeni уже и так изрядно мне их попортила. А молока за вредность, я от нее ни разу не дождался. – Поводырь зажал между коленями флягу, отвинтил крышку здоровой рукой, и, сделав несколько глубоких глотков, продолжил: – Когда подобное произошло впервые – у меня случилась истерика; во второй раз я выругал ее и сказал, чтобы больше так не делала. В третий – пообещал отшлепать, если подобное повторится, и отшлепал бы, кабы в четвертый раз сам не лежал при смерти. Поэтому начинать переживать с пятого раза – не вижу смысла. Попробуй пульс, он наверняка уже прослушивается, – он вновь приложился к фляге.

– А сам не можешь? – окрысился Эдан. Его покоробило такое отношение Поводыря к случившемуся с Арьятой.

– Я сейчас даже пошевелиться не могу, уж простите, светлость вы наша, – беззлобно огрызнулся тот.

– Это из-за царапины на руке-то? – саркастически хмыкнул юноша, наблюдая, как Шири возится с флягой, будто вслепую тыкая крышкой по резьбе.

– Тихо вы! – шикнула на них Иленка. – Мало ли кто тут в потемках шатается! – она забрала у Поводыря баклажку, избавив его от мучений с крышкой.

Девушка наконец-то выудила из сумки флакон с перекисью, бинт и подсела к Поводырю Смерти. Тот неуклюже отстранился и едва не завалился на бок. Ему отнюдь не улыбалось к общему паршивому состоянию получить еще и приступ неконтролируемой сердечной боли. Иленка удивленно воззрилась на него.

– Дай сюда руку, – потребовала она. Шири отрицательно покачал головой. – Слушай, я же не операцию на мозге тебе собираюсь делать! – заклинательница решительно цапнула пострадавшую конечность Поводыря, и принялась смывать засохшую кровь. Перекись противно шипела и пенилась.

Шири сжал зубы, стараясь не заорать от пульсирующей боли. Сердце рваными толчками колотилось о ребра.

«…Рассказать ей все, – мелькнула в сознании Поводыря спасительная мысль. – Дурак! – тут же запротестовала другая. – Она же еще больше начнет переживать!»

Он должен спасти Иленку, а не загонять ее в могилу. Поэтому

пришлось терпеть. Благо пытка длилась недолго.

– Может, все-таки нужно разложить огонь, – задумчиво сказал Эдан, устраивая Арьяту у себя на коленях и баюкая, словно маленького ребенка.

– Да, действительно… – поддержала юношу заклинательница, наблюдая, как Шири бьет крупная дрожь. – Может, тогда тебе стало бы легче.

– Не беспокойся, daeni, – чуть заплетающимся языком откликнулся Поводырь, чувствуя, как мир расплывается в невнятную кляксу. – Хуже, чем есть, уже не станет, а лучше не будет… Само пройдет к утру… – Голова склонилась на грудь, и он отключился.

Эдан с Иленкой переглянулись.

– Он назвал тебя «daeni», – многозначительно протянул паренек.

– И что? – фыркнула заклинательница. – Он сейчас не в себе, вот и морозит всякую чушь, – закончила она, с горечью понимая – ей куда радостней было бы услышать это обращение взаправду.

– Спи лучше, – добавила Иленка, – я покараулю, а то мало ли чего…

Сначала заклинательница действительно добросовестно таращилась в ночную тьму, наполненную шелестами, шорохами, плеском воды и сумбурными мыслями Эдана. А потом погрузилась в собственные думы, менее путаные, но не менее тревожные, чем у юноши. Что-то неуловимо изменилось в ней за последние недели. Взгляд скользнул по лицу Поводыря. Завтра все закончится, и каждый уйдет своей дорогой, повинуясь долгу. Иленка вздохнула. Окажись это «daeni» сказано чуть раньше – тогда оставалась бы какая-то надежда, а сейчас… Заклинательница тряхнула волосами. О чем она думает?

Фроська, видно, почувствовав, что с хозяйкой творится неладное, выбралась из сумки, куда спряталась во время нападения разбойников, и забралась девушке на колени. Иленка машинально потрепала ее за ушами. Кошка свернулась в клубочек и довольно мурлыкнула, приглашая заклинательницу продолжить. Девушка улыбнулась и приняла приглашение. Тонкие пальцы заклинательницы зарылись в пушистую шерстку, почесывая и нежа забавную зверюшку. Фроська жмурилась и урчала от удовольствия. Слушая это тихое ненавязчивое урчание, Иленка не заметила, как провалилась в сон…

* * *

Хельги спешил. Время неумолимо утекало сквозь пальцы, превращаясь в мертвый серый пепел. Каждая упущенная минута могла стоить жизни, но не ему, а Иленке. Телепорт выбросил мага в сотне метров от главных городских ворот Далеграда – обычная погрешность для подобных переходов. При отбытии из Харькового-града пришлось задержаться, пополняя опустошенный магический резерв. А уже под стенами пункта назначения Криэ пришлось долго колотить по тяжелым створкам, пока его услышали сонные недовольные стражники. И столько же пререкаться с ними, пока мага не согласились впустить. Ругань продолжилась уже внутри городских стен. Еще несколько драгоценных минут демонолог потратил на то, чтобы выяснить, где находится дом барона Тарницы, и полностью увериться в том, что в городскую стражу набирают людей, страдающих топографическим кретинизмом. Их устные разъяснения были путаными и противоречивыми, а мысли стражников оказались настолько мутными и кашеобразными, что телепату не сразу удалось выудить из них местонахождение нужного дома.

К счастью, особняк стоял в центре города, но времени маг все равно потерял прилично, добравшись до места, когда уже полностью рассвело. Перебраться через ограду ничего не стоило, а лежавший посреди дорожки здоровенный кобель настолько обленился, что поднял голову лишь тогда, когда Хельги перешагнул через него и направился к дому. Видно, представители воровской гильдии весьма редко жаловали визитами господина барона, и собака на хозяйских харчах совершенно растеряла сторожевые навыки.

Через минуту маг уже барабанил колотушкой в дубовые двери. Маленькое окошко на уровне лица распахнулось, и в нем появилась заспанная физиономия мажордома.

– Милостыню не подаем… – буркнул он, – иди себе, бродяга.

– Мне нужно видеть господина Кристофа, – отрезал Хельги, готовый в случае необходимости вышибить дверь заклинанием.

– Кого? Ты себя хоть в зеркало-то видел, убоище?! – едва не поперхнулся мажордом. Возмущенный взвизг слуги заставил Криэ поморщиться – головная боль отвоевала еще кусочек его сознания.

В зеркало демонолог перед отбытием не смотрелся, но запоздало вспомнил – он так и не отер лицо после подвального приключения, и поэтому сейчас догадался, что вид у него должен быть аховый.

– Мне нужно его видеть, – продолжал напирать он. – У меня срочное сообщение от господина барона, – пошел на хитрость Криэ.

– Ты это… Врри, да не завирайся, – хмуро проворчал собеседник. – Иди-ка прочь, пока я стражу не позвал.

Хельги отступил на шаг и, резко вскинув руку, шибанул по двери магическим тараном, снеся ее вместе с несговорчивым слугой.

– Мне. Нужен. Кристоф. Тарница, – чеканя слова, произнес он, входя в дом. Между пальцами проскальзывали молнии – абсолютно бесполезное, но весьма эффектное визуальное заклятие.

Мажордом, кряхтя, поднялся и, словно завороженный, таращился на сверкающие пальцы демонолога. Выбитая с частью косяка дверь сиротливо лежала на полу.

– Что здесь происходит? – донесся с лестницы тихий мужской голос.

По ступенькам, опираясь на трость, спускался молодой человек, облаченный в темный халат. Учиненный демонологом шум поднял его с постели.

– Кристоф Тарница? – сухо осведомился Хельги, погасив сверкание в пальцах.

– Да. Но с кем имею честь?..

– Хельги Криэ, заклинатель и демонолог в статусе мастера, – не меняя тона, коротко представился он. – Мне нужно с вами поговорить.

– Беседа столь срочная, что вы вломились в наш дом посредством чародейских разрушений? – голос молодого человека наполнился сталью.

– Вы правы, – без тени иронии откликнулся Хельги. – Разговор не терпит отлагательств. Я и так потерял уйму времени, добираясь сюда. Но мне кажется, холл не лучшее место для подобных бесед.

Кристоф несколько секунд пристально вглядывался в окровавленное, запыленное и непомерно усталое лицо странного пришельца.

– Идемте, – наконец согласился он, – почему-то мне кажется, что вас стоит выслушать.

Маг последовал за ним наверх, тяжело опираясь на перила. Усталость и перенапряжение последних суток начали сказываться на его состоянии.

– А вы не в пример любезнее вашего батюшки, – отметил демонолог, проходя в комнату вслед за Кристофом.

– О чем вы хотели со мной поговорить? – пропустив реплику Хельги мимо ушей, спросил тот.

– Вы знаете, где находится ваш отец? – демонолог машинально потер пульсирующие виски.

– Отправился на поиски моего брата, насколько мне известно. Я был болен и лежал в горячке, а когда очнулся, отец уже уехал, – ответил парень. – У Эдана всегда случались недоразумения с отцом. Хотя я никогда не понимал, отчего они так не ладят… – Старший сын барона продолжал пытливо рассматривать странного визитера.

– А того, что господин барон продал Эдана, дабы спасти вашу жизнь, я полагаю, вы тоже не знаете? – с напором спросил Хельги.

Исказившееся лицо Кристофа утвердило Криэ в мысли, что парень пребывает в абсолютном неведении по этому поводу, и он продолжил:

– Ваш отец продал Эдана некоему субъекту по имени Гадес в обмен на обещание, что он вытащит вас со смертного одра. Но случилось одно незапланированное событие, и ваш брат сбежал до завершения сделки. А вы, как я вижу, прекрасно справились с болезнью самостоятельно.

– Чего? – юноша побледнел. – Как вы смеете возводить на моего отца подобную напраслину!..

– Успокойтесь, молодой человек, – резко осадил его Хельги. – Не думаю, будто мысль вызвать меня на дуэль так уж хороша. Хотя бы потому, что я значительно опытнее вас.

Кристоф ошеломленно уставился на демонолога, стремясь понять, откуда тот знает, о чем он думал секунду назад.

– Я телепат, – криво усмехнулся Криэ. – И с вашим почтенным батюшкой, к несчастью, столкнулся настолько близко, что смог получить информацию прямо из его прогнивших мозгов! – голос демонолога звенел. Ему становилось противно при одном воспоминании о мыслях барона. Он машинально коснулся запекшейся ссадины на лбу. – Господин барон одержим идеей вернуть Эдана и довести сделку до конца, – продолжил маг, взяв себя в руки. – Но хуже всего то, что он поклялся убить всех, кто помогает вашему брату. Среди этих людей оказались я и моя дочь. Остановить барона можете только вы, Кристоф. Ибо, поверьте, если с Иленкой что-то случится, я не пожалею ни сил, ни нервов, но превращу жизнь вашей семьи в ад!

– В этом нет необходимости… – Кристоф пристально взглянул на сердитого гостя. Окровавленное лицо демонолога стало откровенно страшным. Карие глаза в скудном освещении казались черными. В том, что маг способен выполнить свою угрозу в полной мере, старший сын Йожефа Тарницы не сомневался. – Я не позволю, чтобы за мою жизнь платили другие. Я помогу вам…

– В таком случае поспешим. У нас мало времени.

– Да-да, – парень начал спешно одеваться. – Минуту, не

более…

Хельги активировал телепорт…

Ночь – лучшее время для нечисти: и ощущения обостряются, и лишних посторонних глаз нету, и под ногами никто не путается. Но все равно перекидываться посреди дороги оборотень не рискнул, забрался в густые лопухи не обочине. Отбыть из Харькового-града немедленно, как того хотел демонолог, не получилось. Даниэлю пришлось потратить драгоценное время на воспитательную беседу со своим замом, популярно объясняя тому, почему командир отправляется невесть куда один и что единственное требование к Збышко – это присмотреть за боевой подругой мэтра Криэ. Капитан чистильщиков искренне надеялся на благоразумие своего старшего помощника, совершенно не желая втягивать отряд в новую переделку.

– К отлету вернусь, – в завершение беседы буркнул изрядно выведенный из себя Даниэль.

– А ежели…

– Вот тогда и начнешь нервничать, но не ранее того. Приказ понят? Выполняй, – рыкнул он на недовольно сопящего Збышка.

Очутившись на окраине Гиренки, оборотень здраво решил, что в звериной ипостаси ему в поисках повезет значительно больше, нежели в человеческой. Поэтому лопухи, буйно растущие на обочине, оказались весьма кстати. Широкие бархатистые листья нервно заколыхались, и на дорогу, отряхиваясь и тщетно пытаясь выдрать зубами прицепившиеся к холке репьи, выбрался здоровенный поджарый волк. Перевязь с клинками на его спине и притороченная к ней одежда смотрелись на звере диковато, но бросать свое добро, а тем паче оружие в незнакомых лопухах Даниэль не пожелал. Это же потом сюда еще возвращаться придется, да опять в репейник лезть… И потом, вдруг вещи вообще не дождутся своего законного хозяина? Не-ет, уж лучше побыть грузовым волком, чем остаться без клинков и без штанов. Хотя отсутствие последних не слишком бы его огорчило. Можно вполне оставаться в животной ипостаси, да и от гуляния нагишом он особых неудобств не испытывал. Случалась в жизни Даниэля пара щекотливых ситуаций, когда на нем из одежды только перевязь с мечами и оставалась, и ничего, не помер, чего нельзя сказать о противниках…

Оборотень переступил лапами, оставив глубокие отпечатки в пыли, и прислушался сначала к выцветающей ночи, потом к себе. Едва ощутимый червячок беспокойства вяло шевельнулся в душе. Налетевший порыв ветра донес чуть уловимый приторно-солоноватый запах. Волк принюхался уже целенаправленно, дабы увериться, что нос его не обманул. Нет, все правильно. Так

паршиво и тошнотворно может пахнуть только смешавшаяся с пылью кровь. Определившись со сторонами света, он неспешно потрусил вперед по дороге. Луна уже исчезла с небосклона, звезды с каждой минутой все больше тускнели, а уплотнившаяся перед рассветом тьма была ему только на руку, вернее – на лапу…

Шири пришел в себя перед рассветом. Небо на востоке уже начинало светлеть. Карабкающееся наверх солнце обрядило горизонт в серую размытую дымку, стирая ночь, как художник смывает влажной кистью лишнюю краску. Поводырь чувствовал себя разбитым, будто перебрал накануне бурячихи. Голова до сих пор звенела дурным звоном, но хоть колотить перестало. Раненая рука почти не слушалась, зато вполне ощущалась, и холода в ней как не бывало. Он чуть приоткрыл глаза и инстинктивно дернулся в сторону. Иленка спала, вплотную привалившись к нему. Сердце, до момента обнаружения заклинательницы спокойно дремавшее в груди, нервно задергалось. Шири закусил губу, чтобы не заорать от внезапно накатившей боли, и поспешно растормошил девушку.

– Чего тебе надобно, старче? – сонно поинтересовалась она, не совсем понимая, где находится.

– Мои костлявые плечи не лучшая подушка, – с трудом выдавил Поводырь. – Двигайся!

– Что? А… э… – заклинательница проснулась окончательно и шарахнулась в сторону, заливаясь краской.

– Я имел в виду – двигайся ко мне. – Боль потихоньку стихала и Шири не смог удержаться от насмешки. – Какая бы дивная картина получилась: невинная дева, спящая на груди раненого рыцаря…

– Голодная вампирша, вгрызшаяся рыцарю в глотку, была бы натуралистичнее, – ехидно фыркнула Иленка. – Та-акой сон досмотреть не да-а-ал… – подавилась зевком девушка. – Да и рыцарь из тебя, как… как… – подобрать сравнение она не успела.

– О небо, и в посмертии от вас покоя нет! – раздался хрипловатый со сна голос Арьяты. – Неужели нельзя выяснять отношения чуть потише? Ши, где твоя практичность? Закрыл бы ей рот поцелуем, и все спали бы дальше. А теперь придется просыпаться, напрягаться и шевелить мозгами… У-у-у, злюки… Только о себе и думаете! Никто не заботится о бедной маленькой Смертушке… Хм? – Тут менестрелька обнаружила, *кто* стесняет ее движения, и принялась тормошить Эдана, решив исправить вопиющую несправедливость того, что все проснулись, а юноша до сих пор сладко спит.

– Эдан, Эдан! Да проснись же ты, наконец, и перестань

тискать меня, словно плюшевого медведя! – Смерть теребила его за упавшую на лицо длинную рыжую прядь.

– А? Где? – спросонья не понял паренек, но, увидев бодро треплющую его менестрельку, заметно оживился. – Арьята! Как ты? Все в порядке? Ничего не болит?

Та, смущенная столь заботливым тоном, поспешила отстраниться от юноши.

– Все нормально, не беспокойся. – Смерть осеклась на полуфразе, к чему-то прислушиваясь.

Фроська, мирно почивавшая на коленях заклинательницы, вдруг резко вскинулась, скатилась на траву и зашипела, вздыбив шерсть. Из седеющей темноты выплыла плотная зверообразная клякса, янтарем сверкнули волчьи глаза. Арьята пискнула и швырнула в нее первым, что попалось под руку. Во мгле скрежетнуло. Клякса сделала еще несколько шагов и остановилась, выплюнув пойманную зубами флягу на траву…

– Что за дурные манеры? – недовольно осведомился здоровенный черный волк хрипловатым, но вполне узнаваемым голосом Даниэля. – Вот уж никогда бы не подумал, будто досточтимая госпожа Смерть додумается швыряться в меня бутылками, словно пьянчуга в порождение белой горячки!

– Тьфу! – выругался Шири, нервно посмеиваясь и узнавая в нежданном госте оборотня, помогавшего Криэ. – Будь ты неладен, волкодлак!

Оборотень неопределенно хмыкнул и сгорбился, готовясь перекинуться обратно. Благо еще не слишком рассвело, подробностей превращения не видно. Несколько секунд спустя он поднялся с колен и с хрустом потянулся.

– Даниэль, ты бы хоть за дерево отошел, здесь все-таки девушка, – с легкой укоризной заметила Арьята, имея в виду заклинательницу. Та лишь презрительно фыркнула.

– Зачем? – удивился он, распутывая узел с одеждой. – За погляд денег не беру. С меня не убудет, а человеку приятно, – насмешливо закончил оборотень, натягивая штаны.

– Как вы нас нашли? – спросила Иленка.

– До Гиренки меня любезно подбросил мэтр Криэ, а здесь вас бы только ленивый не нашел. Вы бы хоть труп с дороги в кусты сволокли. Я себе чуть челюсть не вывихнул, пока эту тушу в заросли оттаскивал, – сварливо откликнулся Даниэль, принимаясь шнуровать обувь. Судя по количеству дырочек, крючков и высоте голенища, это грозило затянуться надолго.

– Нам тогда на это времени не хватило, – буркнул Шири, с легким удивлением наблюдая, с какой скоростью капитан чистильщиков, практически не глядя, затягивает шнурки.

– А при чем тут отец? – недоуменно воззрилась на чистильщика заклинательница. – И что вы здесь вообще делаете?

Оборотень вкратце пересказал им все то, что услышал перед отбытием из уст демонолога.

– Поэтому не советовал бы я вам тут задерживаться, – закончил он, завязывая последний узелок и принимаясь за второй ботинок.

– У нас нет выбора, – пожала плечами Арьята. – Хотя Иленку ты можешь забрать прямо сейчас…

– Вот еще! – фыркнула заклинательница. – Я вас не брошу!

«Вот ведь любопытная Варвара! – в сердцах подумала менестрелька. – Все-то ей надо, неугомонной!»

– Ладно. – Смерть поднялась на ноги. – Отправляемся, возможно, нам повезет и мы вновь окажемся на шаг впереди врагов.

Рассвет потихоньку превращался в раннее утро. Небо уже очистилось от ярких пятен зари, лазурным куполом раскинувшись над землей. Шелестели разбуженные ветром ивы, рассекая носом камышовую стену, скользила по воде рыбацкая лодка. Где-то в отдалении надрывались местные петухи. Вода с шумом обрушивалась в круглую дыру стока. Здесь пруд, перегороженный дамбой-дорогой, превращался в речку, запущенную и заросшую. Чтобы добраться до нее от места ночлега, путешественникам потребовалось около часа. Щебенка, залитая смолой, не оправдала обещанной прочности, и дорога, спасовав перед временем, светила ямами, подчас весьма глубокими.

На краю особо широкой, заполненной грязной водой ямы сидела огромная жаба и тоскливо смотрела на бредущие мимо ноги. Фроська, гордо восседавшая на плече заклинательницы, брезгливо зашипела на нее с высоты своего положения. Жаба оскорбленно скрылась в луже. Серо-черная щербатая лента, обрамленная густыми зарослями кленка, ив, лопухов, валерианы и еще какого-то растения, напоминавшего изрядно переросший львиный зев, огибала пруд и начинала взбираться в гору. Минуя притулившиеся друг к другу домишки, заплетенные вьюнком и диким виноградом, дорога змеей выползала наверх, оставляя по правую сторону крутой склон, сбегавший к воде, а по левую остатки храмового забора, сложенного из кирпича, некогда красного, а теперь ржаво-коричневого, побуревшего от времени и дождей.

Храм, венчавший склон, оказался невелик. Беленые стены да два купола, покрытые жестью. Чуть поодаль виднелся старинный каменный крест. Дорога упиралась в узкую гранитную лестницу.

Иного пути наверх к храму не было. Скульд сидела на ступенях, отрешенно глядя перед собой. Норна ждала тут со вчерашнего вечера и уже начинала подумывать, что Смерть изменила планы и она зря теряет время, рассиживая на истертых временем каменных плитах. Но вынырнувшая из-за поворота компания заставила Судьбоносную изменить свое мнение. Они неслись, словно на пожар, время от времени затравленно оглядываясь. Скульд поднялась на ноги…

Первым погоню заметил Даниэль, когда они только-только выбрались на дамбу. До храма оставалось десять минут хорошего ходу, да еще в гору. И скоро стало ясно, что всадникам удастся догнать беглецов, несмотря на изрядную фору последних…

Оборотень чуть приотстал. Остановился посреди дороги, развернулся, запрокинул голову и протяжно взвыл. Лошади преследователей, заслышав волка, заметались, сбившись в кучу. Арбалетные болты, выпущенные в нарушителя спокойствия, частью не долетели, частью прошли мимо. Даниэль довольно оскалился, рявкнул для острастки еще раз и кинулся догонять спутников. Благодаря его отчаянной выходке они получили еще немного времени, чтобы успеть добежать до каменной лестницы, но не больше.

– Где вы шлялись?! – вместо приветствия напустилась на них норна, стоило маленькому отряду достичь ступеней. – Я со вчерашнего вечера тут комаров кормлю!

– То-то я гадал, отчего они нас ночью не сожрали. Ты же их всех уморила своей кровушкой… – тяжело дыша, огрызнулся Шири, проверяя, легко ли выходит клинок из ножен. – Daeni, забирай Эдана и марш наверх! Мы задержим их насколько возможно. Пора заканчивать эту комедию!

Заклинательница, сдернув несколько амулетов, оценивающе прищурилась, выбирая себе позицию.

– Эй, тебя тоже касается! – крикнул Поводырь, заметив приготовления Иленки.

Скульд уже достигла лужайки возле храма. И едва Арьята с Эданом преодолели лестницу, воткнула меч в землю и принялась бормотать невнятный речитатив, странно протягивая гласные. Из земли, обвивая клинок, поползла толстая серая нить, испещренная узелками, – прошлое. Юноша завороженно наблюдал за действиями норны.

Даниэль обнажил парные кривые клинки и пару раз крутанул ими в воздухе, разминая руки. Лестница узкая – двое вполне смогут ее удерживать некоторое время, если бы не арбалеты…

Из-за поворота выскочили преследователи. Лошадей им пришлось бросить. Испуганные животные не желали идти дальше

и только мешали. Свистнули, рассекая воздух, арбалетные болты. В следующий миг стрелков швырнуло на землю, а оружие разлетелось в щепки.

– Ух ты! – Иленка изумленно потрясла зудящими пальцами. Такого эффекта от простенькой воздушной волны она не ожидала.

– С ума сошла? Здесь нельзя колдовать! – вскрикнула Смерть, выскакивая обратно на лестницу.

– Ты еще здесь? – напустился на девушку Шири. – Марш наверх, я сказал!

Арьята, не дожидаясь очередной выходки заклинательницы, схватила ее за руку и потащила вверх по лестнице.

Норна, покончив с нитью прошлого, вскинула руку вверх и вновь завела бубнящий речитатив, перебирая пальцами в воздухе. Секунда, и она схватила тонкую мерцающую нить, а потом с усилием потянула ее на себя… Будущее так и норовило выскользнуть из пальцев, врезаясь в кожу. По виску Скульд скользнула капля пота, но Судьбоносная упорно продолжала тянуть вниз.

Преследователи достигли лестницы и столкнулись с Даниэлем и Шири. Зазвенела сталь, высекая искры. Проход был узкий, обойти ступени не представлялось возможным. Нападающие друг другу мешали, давая оборотню и Поводырю возможность худо-бедно держать оборону.

Иленка напряженно следила за боем, стоя у края. Черт, да их же сейчас сомнут! И люди барона прорвутся сюда, наверх! Нужно что-то сделать! Девушка сбросила сумку на землю и потянулась к мечу. Фроська, высунувшись из-под клапана, недовольно мяукнула.

– Эдан, оттащи ее от края! – вскрикнула Арьята, почуяв неладное. Смерть стояла слишком далеко от заклинательницы. Юноша, резко обернувшись, попытался схватить магичку за руку, но опоздал на сотую долю секунды. Иленка спрыгнула вниз, в самую гущу дерущихся. Пальцы Эдана скользнули по ее куртке, и он, не удержав равновесие, тоже очутился внизу. Ошарашенные такой выходкой противника, люди барона замешкались, дав возможность заклинательнице и пареньку сориентироваться в пространстве и встать спина к спине.

– Шайтан! – выругался Шири, понимая, что этих двоих сейчас просто искрошат в капусту. – Лестница за тобой! – крикнул он Даниэлю и принялся пробиваться к окруженным.

– Назад! – приказал Поводырь, оказавшись возле Иленки и отшвыривая в сторону наседавшего на нее здоровяка. – К ступеням!

Удар, еще удар, оборона, шаг назад… Шири оступился, по телу прокатилась волна дрожи. Вчерашнее близкое знакомство с ледяным элементалем еще давало о себе знать. Будь Поводырь в порядке, он бы никогда так не ошибся, отбивая чужой клинок. Противнику хватило секундного замешательства, чтобы выбить у него меч и полоснуть по открывшемуся корпусу. Шири растянулся на земле, в черт знает какой раз проклиная любителей заговаривать клинки против нечисти. Жгучая боль затопила сознание. Здоровяк занес меч для решающего удара…

– Не-ет! – Иленка рванулась вперед.

На какую-то долю секунды Поводырю показалось, будто он видит не девушку, а узкий изящный клинок.

*…только ты можешь это остановить…*

«Ну уж нет, мечом она не станет!» – яростно подумал он.

Шири рванулся в сторону, уходя из-под удара и сбивая с ног Иленку. Они покатились по земле.

– С ума сошла?! – прорычал он, вырывая у нее из руки меч. – Кто так парирует?! Неуч!

А наверху Скульд наконец-то удалось приблизить концы нитей настолько, чтобы попытаться связать их воедино. Пот градом катил по лицу норны, ладони саднило. Но едва нити соединились, полыхнуло красным. Эдан, ослепленный вспышкой, не успел парировать удар и налетел на клинок противника. Меч вывернулся из непослушных пальцев. Из оружия с шипением вырвалась демонесса, заставив нападавших шарахнуться в разные стороны…

Норну, до последнего стремившуюся закрепить концы, швырнуло на землю. Нить прошлого хлопьями пепла опала на траву, а будущее вспыхнувшим факелом растворилось в воздухе…

Арьята кинулась к истекающему кровью Эдану.

– Нет… Ну почему, почему… У нас же почти получилось! – менестрелька чуть не плакала, глядя, как вместе с кровью из глубокой раны в груди юноши утекает и жизнь.

Почти беззвучно раскрывшийся телепорт выплюнул на ступени Хельги Криэ в сопровождении молодого человека, в котором барон с удивлением узнал своего старшего сына. Демонесса, разглядев мага, поспешила убраться обратно в меч.

– О господи, ну и побоище… – пробормотал Криэ, выискивая взглядом Иленку и Даниэля.

– Кристоф? – изумленно вскрикнул барон, убедившись, что парень ему не мерещится.

Арьята склонилась над распластанным на земле Эданом. Это ведь была не его судьба. А сама она никогда не хотела, чтобы все закончилось так!

– Арьята… – с трудом выдавил он. – Я должен тебе за ту… песню…

Менестрелька закусила губу, пытаясь не взвыть от досады. Она уже догадывалась, что сейчас произойдет. Когда же он это придумал?.. Похоже, юноша действительно оказался ларцом с сюрпризом. И хорошо бы только с одним…

– Я… я хочу стать твоим Поводырем… daeni… В уплату долга… за песню… Так можно?

– Да. – Арьята сморгнула, по щеке покатилась соленая капелька. В ее руке появился узкий трехгранный стилет: черное лезвие и черная рукоять делали его похожим на шип какого-то диковинного растения. – Я принимаю твою волю и даю тебе единое право – право уйти. – И Смерть единым махом вогнала клинок в сердце умирающего… Оно бестолково дернулось и остановилось. Торчащая из груди Эдана рукоять истаяла в воздухе. Рана от меча мгновенно затянулась, оставив после себя лишь рваную дыру на окровавленной рубашке.

– …где Эдан? – долетел до Арьяты незнакомый мужской голос.

– Здесь, – крикнула она, поднимаясь на ноги и привлекая внимание остальных. – Он спит. Но больше не принадлежит этому миру. Он сделал свой выбор, и теперь он мой Поводырь – Поводырь Смерти.

Окружающие ошеломленно смотрели на встрепанную рыжую девчонку, неподвижно застывшую возле лежащего на земле юноши. Арьята окинула собравшихся пристальным взглядом. Глаза Смерти потемнели.

– Ты! – она повернулась к Гадесу, голос ее звенел металлом. – Ты перегнул палку, Часовщик! Я знаю теперь, зачем богам неудачники. Ты получишь свое… – В голове Арьяты мгновенно возник план.

Гадесу стало не по себе. Слепая Гостья была в ярости, и только небу известно, какую беду она сейчас сотворит. А в том, что рыжая менестрелька намеревается щелкнуть его по носу, Часовщик не сомневался. Главное, чтобы после этого щелчка не лишиться головы…

– Ты! – Арьята обратила свой взгляд на Йожефа Тарницу. Барон сжался и попробовал отвести глаза – безуспешно. – Получишь то, что заслужил! Никто не вправе распоряжаться чужой жизнью. Пусть серое одиночество поглотит тебя! – резкий взмах рукой, и барон начал стремительно погружаться в землю. Никто и глазом не успел моргнуть, как дерн сомкнулся у него над головой. Кристоф ошеломленно смотрел на то место, где еще несколько секунд назад стоял его отец.

Стоило барону исчезнуть под землей, как Арьята устало ссутулилась, опустив голову.

– Возвращайтесь домой, – глухо произнесла она, обращаясь к Кристофу. – Ваш отец получил то, чего заслуживал.

Смерть подняла голову, окинув усталым взглядом окружавших ее людей. Норна, пошатываясь, спустилась по ступеням, болезненно морщась от зуда в обожженных ладонях. Люди барона потерянно сбились в кучу, не зная, чего еще им ждать. Иленка стояла рядом с отцом, покаянно склонив голову. Но Криэ, кажется, решил отложить воспитательную головомойку до более подходящего часа. Даниэль поддерживал едва стоящего на ногах Шири. Оба в грязи, в крови. И если оборотень по большей части в чужой, то безрукавку Поводыря заливала собственная. Опираясь на плечо чистильщика, он сделал несколько шагов в сторону Иленки.

– Дай руку, – потребовал Шири. Заклинательница недоуменно воззрилась на него, но ладонь протянула.

– Теплая… – пробормотал он, сжимая ее пальцы своими, – шайтан меня побери, теплая…

Острая боль прошила его грудь, и Поводырь осел на землю, увлекая за собой Даниэля…

# Эпилог

Тяжелые серые тучи, весь предыдущий день висевшие над Будапештом, к утру следующего не выдержали и дали течь, укутав город пеленой мелкого моросящего дождичка. Сырость, поднимавшаяся от Дуная, расползалась по близлежащим улочкам, делая пребывание на них вовсе несносным. Даниэль подставил лицо под мелкие частые капельки и блаженно зажмурился.

«…А у Древних сейчас, наверное, уже жарит вовсю…» – подумал он, усмехаясь. Дождь искристыми капельками оседал на черных волосах, рюкзаке, рукоятях мечей и потрепанной кожаной куртке. За пазухой беспокойно шевельнулся теплый комочек. Щенок высунул нос наружу, недовольно вякнул и скатился обратно.

– Что, приятель, не нравится местная погодка? – проворчал Даниэль. – Ничего, привыкнешь…

Оборотень поднялся на крыльцо. Помялся перед дверью, провел рукой по волосам, но позвонить так и не решился, спустился в палисадник и заглянул в окно.

Светловолосая молодая женщина, сидя в кресле, что-то рассказывала двум девочкам четырех и шести лет. Перед ней возникал то иллюзорный замок, то парусник, то дракон в обнимку с рыцарем… Малышки заливисто хохотали. Даниэль вздохнул, вернулся к входной двери и нажал на ручку. Надо же, не заперто… Он проскользнул внутрь, стараясь не шуметь, но стоило ему появиться в комнате, как девочки с радостными воплями кинулись к нему.

– Привет! – улыбнулся Даниэль, подхватывая дочерей на руки.

Иллюзии разлетелись цветными брызгами, повинуясь мановению пальца, а их создательница медленно встала с кресла и мрачно посмотрела на оборотня. Тот столкнулся с ней взглядом и виновато опустил глаза: все ясно, пощады не жди.

– Детей поставь на место, – сухо произнесла она. – Девочки, выйдите, мне нужно поговорить с… этим…

Старшенькая завздыхала, но, взяв младшую за руку, все же вышла в соседнюю комнату. Ника ди Таэ мгновенно накинула полог неслышимости, тем самым пресекая все попытки получить информацию из замочной скважины. Оборотень покаянно склонил голову, ожидая громов и молний в исполнении дражайшей супруги и зная, что оные у потомственной чародейки могут быть не только фигуральными. За пазухой некстати

завозился щенок.

– Даниэль! – патетично начала чародейка, обращаясь к мужу. – Ты несносный, безответственный, не уделяющий внимания семье… Что у тебя там возится в куртке?!

– А? – оборотень, уже настроившийся на покаянный лад, слегка опешил от такой резкой смены темы. – Ах, это… – Он расплылся в улыбке и запустил руку за пазуху. – Это Феня.

Даниэль вытащил за шкирку попискивающего щенка и опустил его на пол. Короткие толстые лапки разъехались, и звереныш шлепнулся на пузико. Куцые, покрытые серым пухом крылышки забавно встали торчком.

Секунду Ника завороженно разглядывала малыша, а затем плюхнулась возле него на колени, дабы при ближайшем рассмотрении убедиться, что ей не мерещится.

– Это… это… – она едва не задохнулась от восторженного удивления. – Это же симаргл! – В отличие от мужа для нее существование крылатых псов не было новостью, но увидеть одного из них в собственном доме, за тысячи километров от места обитания…

– Ну да, – Даниэль присел рядом на корточки, наблюдая, как щенок с любопытством обнюхивает руку жены. Стоило Нике склониться чуть ниже, как зверек приподнялся на лапах и добродушно лизнул ее в нос. Чародейка смущенно отстранилась.

– Подлизываешься, да? – Она подергала оборотня за выбившуюся из-под ремешка прядь волос.

– Подлизывается, – не стал отрицать он, имея в виду щенка. – Может, мне тебя тоже в нос лизнуть, а ты за это не будешь превращать меня в матрац?

– Ты… ты… А, – Ника безнадежно махнула рукой. – И злиться на тебя невозможно, паршивец! – она сняла полог неслышимости и крикнула: – Девочки, идите сюда! Смотрите, кого папа привез!..

* * *

Сад тонул в теплом мареве, готовясь к отдыху после жаркого дня. Несмотря на то что на летнем троне уже прочно воцарился август, жара и не думала спадать. И только опадавшие на траву редкие желтые листочки напоминали о не за горами спрятавшейся осени. Но пока над садом раскинул свой полог прозрачный августовский вечер. Возились под корнями старого дерева хухи, выгребая из нор слежавшийся мох и траву, а фейная мелочь умудрилась запрячь полевку и с восторженным писком каталась по саду, заставляя обалдевшую мышь гарцевать не хуже

чистокровного арабского скакуна.

С момента возвращения в Белгродно минуло два дня. Изрядно потрепанная компания вновь очутилась в доме Криэ. Причем Хельги изрядно удивился, когда Арьята очень деликатно попросила его о разрешении остаться на пару дней, пока ее спутники не придут в себя. По мнению демонолога, Слепая Гостья имела все основания этого *потребовать*. К тому же он и сам собирался ей предложить. Иленке пока счастливо удалось избежать заслуженной головомойки, значительно сильнее мага сейчас тревожила Шайритта. Клинок пришла в себя уже здесь, в Белгродно, но Хельги так и не удалось с нею поговорить. Она всеми силами старалась его избегать, а если и сталкивалась, то стремилась тут же исчезнуть, бормоча на ходу: «Простите, мессир…»

В конце концов, на исходе второго дня Хельги удалось застать ее одну на веранде. Шайритта сидела в плетеном кресле, нервно теребя спускавшуюся по опоре виноградную плеть. На миг Криэ пожалел, что не может прочесть ее мысли. И никогда не мог, ни в те моменты, когда она была мечом, ни в те, когда становилась человеком.

– И долго ты намереваешься играть в молчанку? – полушутливо поинтересовался маг.

– Как вам будет угодно, мессир… – бесцветно откликнулась она, невидяще глядя перед собой и не решаясь обернуться в сторону Хельги.

– Шай, что произошло? Ходишь как в воду опущенная, шарахаешься от меня, словно от чумного. Не хочешь объяснить, какая муха тебя укусила? – пошел ва-банк демонолог.

На веранде повисло молчание. Женщина оборвала виноградный побег и теперь терзала его в пальцах, будто стремясь разобрать на отдельные волокна.

– Мессир, я… – Шайритта запнулась, не решаясь продолжить. Но, как говорится, сказал «А» – так скажи уже и «Б», и она продолжила: – Я больше не могу становиться клинком…

Известие оказалось настолько неожиданным, хоть и желанным, а поэтому до Криэ не сразу дошел смысл сказанного.

– Что? – опешил Хельги, едва сдерживаясь, чтобы не кинуться целовать эту ненормальную.

– Я не могу стать мечом… Тогда, в подвале, и позже… пыталась, ничего не вышло… Я больше не смогу вас защищать, и я… я бесполезна… – она отвернулась, пытаясь скрыть слезы.

– Не говори глупостей. – Криэ присел напротив. Кажется, он понял, чем было вызвано это странное отчуждение последних двух дней: Шайритта боялась. – К тому же ты не находишь, что в

последнее время мы несколько поменялись ролями? Как по мне, так очень даже удачно. Все стало на свои места. – Маг коснулся ее руки.

– Я так не могу… Хельги, я больше так не могу, – всхлипнула она. – С того момента, когда я впервые пробудилась, больше всего я желала вновь стать человеком. И вот – я человек, и мне страшно от этого. Я не знаю, что делать, Хельги, мессир…

– Вот только давай без всяких там мессиров, господ и прочих милордов, хорошо? А по поводу остального… Знаешь, теперь ты мне нужна гораздо больше, чем меч. Нужна, как моя жена!

– Я… Я подумаю… Хорошо? – Шайритта вскочила на ноги и поспешно скрылась в доме.

– О господи, когда же это закончится? – жалобно пробормотал Хельги, глядя ей вслед. – Раньше она сбегала от ответа в клинок, а сейчас просто сбежала…

* * *

Шири возлежал на кровати, закинув руки за голову и рассматривая потолок. По белоснежной побелочной глади уверенно маршировал паук-сенокосец. Длинные тонкие лапки живо перебирали по потолку, неся своего хозяина к укромному уголку, и вскоре паук скрылся из виду. Вместо него на фоне потолка появилась вихрастая рыжая голова Арьяты. Правда, ей для этого всего лишь пришлось забраться в комнату через окно и выглянуть из-за спинки кровати, нависнув над верным Поводырем. Шири лениво перевел взгляд на нее.

– Как ты себя чувствуешь, старый волк? – осведомилась Арьята, шутливо дернув его за оплетенную тесемкой челку.

– Нормально. – Голос Поводыря звучал чуть рассеянно, а мысли так и вовсе были далеки от собственного самочувствия. Он даже не попытался отобрать свои волосы у подруги. – Лишь рана все ноет и ноет, но здесь и целитель бессилен…

Менестрелька усмехнулась, узнав строку из своей песни. Шири молчал, вернувшись к созерцанию потолка.

– Эдан наконец-то очнулся, – сообщила она.

– И как ему в новом качестве? – Поводырь медленно сел и заинтересованно взглянул на свою ведомую.

– Не ехидничай, – потрепала его по волосам Смерть, – а то ты не знаешь, что разницы в восприятии никакой. Я это вообще к чему… Если ты в норме, то завтра на рассвете мы возвращаемся в Круговерть. Нас ждут великие дела! – она уселась на кровать рядом с ним и тут же принялась расплетать косу Поводыря.

Густые волосы шелком потекли между тонкими пальцами. Он машинально сунул ей в руки гребень.

– Daeni, а ты уверена, что правильно поступила? – озабоченно спросил Шири. Вчера Смерть посвятила верного Поводыря в свои героические планы. Правда, мужчина справедливо полагал, будто, не затронь он тему нынешнего местопребывания Йожефа Тарницы, рыжая так ничего бы и не сказала.

– Ты о Сыне Зари? – Она отложила гребень и принялась плести косу заново. – Не до скончания же дней ему в той дыре прозябать, тем более что до скончания не так уж много осталось, – пожала плечами Арьята. – Богам необходима хорошая встряска, а то совсем обленились, дурь всякая в голову лезет. Поэтому пусть порезвится напоследок, совместит приятное с полезным. А заодно и напомнит некоторым личностям кое о чем…

– Ну, если так, то ладно, – проворчал одноглазый, по-прежнему не одобряя идею Арьяты.

– Да полно тебе, – беззаботно фыркнула Смерть, закрепляя его волосы ремешком и взбираясь на подоконник. – Не проспи завтра, – донеслось уже из сада.

– Угу, – хмыкнул себе под нос Поводырь, снова вытянувшись на кровати и вернувшись к разглядыванию потолка и своим мыслям, из которых его так бесцеремонно выдернула подруга. Сколько их уже было, подобных переделок, куда его втравливала неугомонная Арьята? За время их долгого и, чего уж греха таить, плодотворного сотрудничества количество оных исчислялось сотнями. Смешных, грустных, а иногда и откровенно странных событий. Но ни одно из них не оставляло после себя таких глубоких следов, как эта последняя история. Смех и слезы… Смех сквозь слезы. И как никогда неодолимое желание остаться в живых. Нет, не так. Остаться живым, не на Грани… И жить не потому что должен, а потому что хочешь.

Иленка заходила несколько раз, но заклинательница будто бы нарочно подгадывала такие моменты, когда в комнате сидела Арьята. А сегодня уже поздно о чем-либо с ней говорить… Шири поднялся и подошел к окну. Над садом раскинула свои бархатные крылья усеянная звездами августовская ночь. Мерцающие искры то и дело слетали с ее покрова, рассекая небо серебряными росчерками. Наверное, у звезд тоже есть право уйти… До слуха долетел едва слышный звон струн, а может, ему только показалось, что он различил негромкий красивый напев. До боли знакомый голос наполнял эту ночь:

Сто дорог разошлись

От тропинки одной.
Может, прямо, а может,
Шальной стороной.
Может, вкривь, или вкось —
Да ногам все равно.
Вышивает судьба
Приключений рядно.
А куда приведут,
Путь закончится где?
Вдруг да вспыхнет искрой
В придорожной траве?
Терпкой сталью клинка,
Нам пронзающей плоть?
Или старостью, той,
Что нельзя побороть?
Сто дорог, выбирай —
Все открыты пути.
Нам ведь свыше дано
Наше право уйти!

– Эх, daeni, и вновь ты права… – грустно пробормотал он. – Кажется, за столько лет я наконец-то тебя услышал…

Поводырь раздумывал над тем, что надо бы хоть зайти попрощаться, авось заклинательница еще не спит.

Но свет в комнате Иленки не горел. Шири осторожно заглянул в приоткрытую дверь. Девушка спала, разметавшись на постели, тонкая простынь, заменявшая одеяло, сбилась и наполовину сползла на пол. Заглядывавшая в распахнутое окно луна высеребрила ее темные волосы. Видно, почувствовав на себе чужой взгляд, Иленка свернулась в клубочек, но не проснулась. Простынь окончательно сползла на пол. Фроська, чутко дремавшая у нее в ногах, вскинулась, спрыгнула на пол и подбежала к двери, высунув любопытную мордочку в коридор. Шири присел на корточки и потрепал кошку за ушами.

– Приглядывай за ней, пока меня не будет, хорошо? – тихонько попросил он.

Кошка утвердительно заурчала.

– Не беспокойся, пригляжу, – неожиданно раздалось над головой у Поводыря. Тот вздрогнул от неожиданности и поднял глаза. Возле него стояла Шайритта.

– Вообще-то я говорил это кошке. – Он поднялся на ноги. – Очень занятное животное, не находишь?

Шай проигнорировала вопрос и сделала ему знак следовать

за собой, посчитав разговор под чужими дверями неуместным.

– Чего тебе на этот раз? – насмешливо спросил Поводырь Смерти, когда они оказались в гостиной. – Хочешь поблагодарить меня или убить?

– Благодарить тебя не за что, – сухо ответила клинок, – как и убивать. Пока.

Это «пока» Шири не очень понравилось. Таким многообещающим тоном оно было произнесено. Верный спутник Арьяты внутренне подобрался, нутром почуяв очередную гадость.

– Правда, я не ожидала от тебя и этого, – продолжила Шайритта. – Ты уберег Иленку от полного превращения в меч, но не обратил его. Приостановил. И нет никакой гарантии, что оно не возобновится. Хотя ты и не мог сделать больше. Но это не твоя вина, Поводырь.

– Хоть что-то радует, – проворчал он. – И как мне теперь поступить?

– Твое сердце молчит, а я ответов на подобные вопросы не знаю. – С этими словами она скрылась в сумерках гостиной.

Поводырь задумчиво смотрел ей вслед. Молчит, как же! В последнее время оно весьма активно пытается докричаться до своего хозяина сквозь поставленную Смертью заглушку. Так, может, пора наконец-то к нему прислушаться?

Рассвет застал Смерть и ее верных Поводырей в пути. Арьята решила дойти до раздорожья и уже там поймать крылья ветра, чтобы добраться до Круговерти. Ветер дорог лучше ловить там и тогда, когда этих самых дорог перед тобою побольше…

Посреди перекрестка не имелось ни дорожного камня, ни указателя, лишь влажная от росы пыль, никем пока не потревоженная. Шири чуть приотстал, исподволь разглядывая Эдана. Юноша неуловимо повзрослел за последние дни, разительно отличаясь от того перепуганного мальчишки, с которым Поводырь впервые столкнулся в Далеграде. Будет кому присмотреть за daeni. Потому что на этом перекрестке их дороги после стольких лет общих странствий разойдутся. До поры, конечно…

– Эй, Ши, не спи, замерзнешь! – окликнула его Арьята.

Он встряхнулся, избавляясь от сковавшего тело оцепенения. Столкнулся взглядом со Смертью.

– Я ухожу, daeni.

– А я все думала, когда же ты решишься наконец, – в глазах менестрельки плясали лукавые смешинки. Эдан, стоявший чуть в стороне, с легким удивлением наблюдал за происходящим.

– Ну как же, – усмехнулся Шири, – замену себе я подыскал, теперь и в отставку можно с чистой совестью. Правда, мне будет

не хватать твоих песен, daeni.

– Не думаю, что это такая уж большая потеря. – Она приблизилась к Поводырю и коснулась его груди. Под тонкими пальцами соткалась из воздуха узкая черная рукоять. Шири поморщился: сейчас клинок в сердце сделался вполне ощутимым. – Шириган Йонсу, верный Поводырь Смерти, я отпускаю тебя. Живи достойно, люби искренне, выбирай не колеблясь! – Арьята резким движением выдернула стилет у него из груди. Черный шипообразный клинок истаял в воздухе. Освобожденное сердце несколько раз бестолково дернулось и размеренно застучало. Ледяная искра, столько лет сидевшая в нем, исчезла. Шири еще несколько секунд хватал ртом воздух, осознавая, что с ним произошло.

– Ну как? – пытливо взглянула на него Смерть.

– Изумительно… – выдохнул он, когда перед глазами перестали плясать синие молнии.

– Вот и отлично. Свидимся еще…

– Всенепременно, – усмехнулся Шири.

Налетевший порыв ветра растрепал рыжие волосы менестрельки. Пора. Арьята сжала руку Эдана и вместе с ним взмыла в воздух.

– Эй, парень, – заорал им вслед бывший Поводырь Смерти. – Присматривай за этой оторвой! И не давай садиться себе на шею!..

– Хорошо! – со смехом донеслось откуда-то из поднебесья.

Шири стоял посреди перекрестка, задумчиво рассматривая дороги, разбегавшиеся в разные стороны. Ветер трепал оплетенную красными тесемками длинную челку. Когда слишком долго дорогу за тебя выбирают другие, а ты лишь ведешь по ним, сложно немедля перестроиться на новый расклад.

– Выбирай не колеблясь, значит, – пробормотал он. – Ну, да поможет мне его величество случай… – зажмурился и несколько раз обернулся вокруг себя.

Шири открыл глаза, заинтересованно взглянул на убегавшую вдаль дорогу, улыбнулся и шагнул вперед…

* * *

Серый песок вперемешку с пеплом засыпал землю повсюду, насколько хватало взгляда. Призрачные дюны, то тут, то там прорезаемые темными шпилями скал, сливались в бесконечное песчаное море. Йожеф Тарница затравленно озирался вокруг, еще не до конца осознав, что же с ним случилось. На верхушке

ближайшей скалы кто-то стоял, и барон, проваливаясь в песок по щиколотку, устремился туда.

– Эй!..

Фигура, застывшая на уступе, обернулась. Темные крылья приподнялись. Барон столкнулся взглядом со странным обитателем серой пустыни. Его черные матовые глаза приковали Тарницу к месту.

– Кто ты? – едва смог выдавить он, не в силах отвернуться.

– Я пленник, – скрипуче донеслось со скалы. – Вечный пленник вечной пустоты. Вечно один и вечно бегу…

– Пленник? Значит, как и я… – В сердце барона шевельнулась слабая надежда.

– Как и ты? – Сын Зари встрепенулся. – Ты заключен сюда?..

– Д-да… – По спине Йожефа пробежал противный холодок.

Крылья Сына Зари взметнулись вверх, и он зашелся хриплым клокочущим смехом.

– Свободен! – прокричал он. – Наконец-то свободен!.. – И продолжая хохотать, словно безумец, рванулся ввысь, вспарывая крыльями серое небо. Еще миг, и Сын Зари пропал из виду, оставляя взамен себя нового пленника вечности…

**notes**

# Примечания

# 1

Здесь и далее стихи автора.

## 2

Норны – в германо-скандинавской мифологии три женщины, волшебницы – наделенные чудесным даром определять судьбу мира, людей и даже богов. Хранительницы мирового равновесия.

# 3

*Daeni* – обращение к особе женского пола на Старшей речи. Многофункциональное по значению. В зависимости от того, кто и с какой интонацией произносит, может означать и «госпожа», и «любимая», и «сестра». В данном случае наиболее близкий перевод – «сестренка» или «малышка» *(Прим. авт.)*.

# 4

Абсолютный телепат – человек, для которого мысли окружающих как еще одна речь. Он слышит мысли помимо собственного желания. Обычно такие люди вынуждены экранироваться от окружающих, а не наоборот *(из личных наблюдений мастера-заклинателя Иленки Криэ).*

# 5

Подразумевается, конечно же, господин Вилдар Криэ, персонаж из соавторской трилогии Татьяны Устименко и Ольги Вольски «На страже двух миров».

# 6

Дикая Охота – согласно скандинавской легенде, бог Один со своей свитой носится по земле, собирая души людей. Если кто-либо встретится с ними, то попадет в другую страну, а если заговорит, то погибнет. В Британии бытует версия о том, что охоту возглавляет король или королева эльфов, они могут похищать встретившихся детей и молодых людей, которые становятся слугами эльфов.

## 7

Амбасада – дипломатическое представительство.

# 8

В этой части Территории древних среди молодежи обеих полов принято носить плетеные браслеты. Браслеты с красным узором на черном фоне носят девушки, а с черным на красном, соответственно, парни *(Прим. авт.)*.

# 9

Поспешай медленно *(лат.)*.

Кухоль – разновидность кружки *(Прим авт.)*.

# 11

Демоны делятся на три основных класса: низшие, которые могут существовать вне своего мира лишь в чужом теле; средние – вне своего мира обретают физическое тело единожды и уже не могут вернуться к первичному состоянию; высшие – могут обретать физическое тело вне своего мира и возвращаться обратно в исходное состояние *(Из учебника по демонологии из личной библиотеки Хельги Криэ)*.

# 12

Три наглые дамы, сидящие у источника, – три норны: Урд, Верданди и Скульд, по преданию, жили у источника, дарующего мудрость *(Прим авт.)*.

# 13

Цвынтарь *(укр.)* – кладбище *(Прим. авт.)*.

# 14

Скульд – Будущее (Грядущее), младшая из трех норн.

# 15

По преданию, кошки охраняли вход в царство мертвых, а также могли спокойно проходить из мира живых в мир мертвых.

# 16

Фамилиар – волшебный дух, служивший ведьмам, колдунам и другим практикующим магию. Фамилиары служили и помогали им по хозяйству и в различных бытовых делах, но также при случае могли помочь околдовать кого-нибудь. Дух считался разумным (на уровне обычного человека), имел собственное имя и чаще всего принимал форму животного.

# 17

Нявки – духи умерших дурной смертью девушек. Путникам являются обычно в прозрачных одеждах или же совсем без оных, с распущенными волосами. Считается, что под волосами у них нет спины, но путники предпочитают не обращать на такие мелочи внимания, ибо того, что у нявок есть, им вполне достаточно *(Из личных наблюдений Арьяты)*.

# 18

Потерчата – дети, умершие при рождении, причем не всегда естественной смертью, и в посмертии ставшие нечистью. Не опасные, только уж больно шкодные духи. И шалости их иногда выходят путникам боком *(Из личных наблюдений Арьяты)*.

# 19

Разумная нежить не выносит сквернословия. Поэтому чем витиеватей вы будете костерить оную при встрече, тем больше вероятность остаться в живых. Но лучше при этом иметь еще какой-нибудь более весомый аргумент (заговоренный меч, например) *(Из путевых заметок мастера-заклинателя Иленки Криэ)*.

# 20

Иногда нечистоплотные зодчие вмуровывали в фундамент младенцев или невинных девушек, считая, что это убережет строение от ошибок криворуких строителей. Здание все равно рано и поздно разрушалось (не без помощи замурованных), а обиженные невинные души очень быстро превращались в злобную нежить – сторожей (класс псевдодемоны) *(Из путевых заметок мастера-заклинателя Иленки Криэ)*.

# 21

Хухи – маленькие древесные духи, похожие на обычных домовых, только помельче. Живут колониями в старых дуплистых деревьях. Если удается договориться, еще и духи-защитники сада (главное, чтобы сад был позапущеней) *(Из личных наблюдений мастера-демонолога Хельги Криэ)*.

# 22

Злыдни – маленькие заморенные существа. Очень быстро обживаются в доме, когда там нет домового. Забирают у хозяев здоровье, достаток, удачу (впрочем, со всем этим неплохо справляются и нечистые на руку родственнички), и вытурить наглецов вон чрезвычайно сложно, если, конечно вы не маг *(Из путевых заметок мастера-заклинателя Иленки Криэ)*.

# 23

События описаны в романе «Все или ничего».

# 24

Исконные права – права, данные каждому человеку при рождении. Всего их три: право на жизнь, право выбора и право на любовь.

# 25

Эндемики – редкие виды живых существ, ограниченные в своем распространении небольшой географической или климатической территорией.

# 26

Все собаки панически боятся оборотней. Симарглы – исключение. Они все-таки не совсем собаки *(Из личных наблюдений мастера-демонолога Хельги Криэ).*

## 27

Рымари, или же лымари, – ремесленники, занимающиеся выделкой кож и шорным делом *(Прим. авт.)*.